

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии НАН Беларуси

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
методологический капитал философии
и контуры трансдисциплинарного
синтеза знания**

Материалы
Третьей международной научной конференции
(15–16 ноября 2018 г., г. Минск)

В трех томах
Том II

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2018

УДК 1(082)
ББК 87я43
И73

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии НАН Беларуси
(протокол № 11 от 11.10.2018 г.)

Редакционная коллегия:

А. А. Лазаревич (председатель), А. Н. Спасков (зам. председателя),
Т. И. Адуло, В. А. Белокрылова, А. В. Воскобович, Т. В. Зайковская,
Н. Е. Захарова, Н. С. Ильюшенко, А. О. Карасевич (секретарь),
А. В. Колесников, А. Л. Куиш, Д. В. Куницкий, В. А. Максимович,
С. А. Мякчило, Н. А. Никонovich, Т. Е. Новицкая, О. А. Павловская,
И. Е. Прись, С. И. Санько, О. Л. Сташкевич

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси *Л. Ф. Евменов*,
доктор юридических наук, профессор *С. В. Решетников*

И73 **Интеллектуальная** культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания : материалы Третьей международной научной конференции, 15–16 ноября 2018 г., г. Минск. В 3 т. Т. II / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2018. – 362 с.
ISBN 978-985-581-249-5.

Сборник в трех томах содержит тексты докладов и выступлений, включенных в программу работы Международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси – III: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания» (Республика Беларусь, г. Минск, 15–16 ноября 2018 года). Материалы трехтомного сборника раскрывают проблематику философско-методологического обеспечения современных трансдисциплинарных научно-исследовательских и социоинженерных программ, роль философского знания в регуляции глобальной социодинамики. Сборник предназначен для ученых, преподавателей, специалистов органов государственной власти и управления, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех интересующихся проблемами современной философии и гуманитарных наук.

УДК 1(082)
ББК 87я43

ISBN 978-985-581-249-5 (т. 2)
ISBN 978-985-581-247-1

© ГНУ «Институт философии
НАН Беларуси», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3
От редакционной коллегии.....	9
Раздел 3 Трансдисциплинарный потенциал социально-гуманитарных дисциплин в инновационном социуме.....	11
<i>У. Л. Аляксандраў. Логіка містычнага досведу</i>	<i>11</i>
<i>Е. А. Алексеева. Работа философии в "жизненном мире"</i>	<i>14</i>
<i>Л. Г. Антипенко. Белорусская мова как свидетельство о цивилизационном единстве двух народов (философско-исторический очерк)</i>	<i>17</i>
<i>М. Бадилян, С. П. Чумак. Методологические основы эколого-экономической оценки устойчивого развития</i>	<i>21</i>
<i>С. Дж. Базарова, Ж. Х. Манглиева, Ф. Х. Байчаев. Пути повышения научно-теоретического уровня обучения</i>	<i>22</i>
<i>С. Дж. Базарова, Ф. Р. Таджитдинова. Применение технологии профессионально-ориентированного обучения как фактор развития интеграции образования и производства</i>	<i>24</i>
<i>Н. А. Балаклеец. Субъект власти как предмет современных философских и трансдисциплинарных исследований</i>	<i>25</i>
<i>В. В. Балановский. Аналитическая психология К. Г. Юнга и русская философская и психологическая мысль на рубеже XIX и XX веков</i>	<i>28</i>
<i>М. А. Балбуцкая. Инновации в развитии сельской семьи в Беларуси</i>	<i>31</i>
<i>Е. В. Беляева. Моральная составляющая исторической рефлексии в цифровом обществе.....</i>	<i>34</i>
<i>І. М. Бабкоў. Філасофскія ідэі Бохвіца ў кантэксте інтэлектуальнай культуры позняга Рамантызму</i>	<i>37</i>
<i>Л. М. Богатова. Периферийность философского знания: социокультурный контекст проблемы</i>	<i>38</i>
<i>А. В. Болкунов, А. И. Янчий. Сравнительный анализ ценностей у молодых людей с атеистическим и христианским мировоззрением</i>	<i>42</i>
<i>Е. В. Бочарова. Роль социально-гуманитарного знания в становлении профессионально компетентной личности.....</i>	<i>45</i>
<i>Е. Е. Бурова. Социогуманитарная дисциплинарность в ситуации когнитивного диссонанса</i>	<i>48</i>
<i>В. Н. Ватиль. Социальная политика как тренд сопряжения европейской и евразийской интеграции: опыт междисциплинарного дискурса.....</i>	<i>51</i>
<i>В. А. Волков. Репрезентация модели языковой игры в современном масс-медиальном тексте</i>	<i>55</i>

<i>Katarzyna Wojan. Sytuacja socjolingwistyczna współczesnej Finlandii</i>	57
<i>Л. М. Газнюк. Культурные маркеры социально-гуманитарного знания</i>	60
<i>Л. Д. Глазырина. Роль философских идей в подготовке специалистов в области дошкольного образования</i>	63
<i>В. С. Голубев. "Спираль глупости" как причина деградации системы образования</i>	66
<i>Ю. В. Деделко. Трансдисциплинарная методология в исследованиях социального капитала</i>	69
<i>О. А. Денисенко. Мировоззренческая безопасность человека в высокотехнологичном обществе</i>	72
<i>В. Ю. Дунаев, В. Д. Курганская. Принципы синергетики в моделировании процессов социальной идентификации</i>	74
<i>К. Р. Еськевич. Проблематика оснований формирования национально-государственной идентичности в современном социально-гуманитарном дискурсе</i>	77
<i>З. Р. Жукоцкая. Гуманизм как практическая философия</i>	80
<i>М. Р. Зазулина, А. П. Чемчиева. Демократический процесс в ситуации двойного преодоления: опыт трансформирующихся обществ</i>	83
<i>А. Г. Злотников. Потенциал демографии как системной отрасли научного знания</i>	85
<i>В. К. Игнатов. Наследие М. О. Кояловича в контексте современного диалога Востока и Запада Европы</i>	89
<i>Л. Л. Ильюшина. Мировоззренческая составляющая современной белорусской детской литературы: мотив путешествия героя сквозь призму философско-культурологического подхода</i>	92
<i>Zbigniew Kaźmierczyk. Komparatystyka etnogenetyczna w literaturoznawstwie</i>	95
<i>В. Н. Калмыков. Интегративный подход к пониманию природы человека</i>	98
<i>В. И. Каравкин. Востребованный потенциал философии</i>	101
<i>В. А. Карпиевич. Проблемы формирования культуры безопасности жизнедеятельности</i>	103
<i>И. М. Клецкова. Роль философии в современных исследованиях культуры</i>	106
<i>N. A. Kozlovets. The humanization of global development as a condition for human survival</i>	108
<i>Г. И. Колесникова. Гармоничный человек: стратегии воспитания и факторы формирования</i>	111
<i>И. Н. Колядко. Философские основания трансдисциплинарной парадигмы понимания человека</i>	114
<i>С. У. Калядка. Філасофія творчасці і экзістэнцыя аўтара</i>	117

<i>Е. В. Корень.</i> Философско-исторические искания как черта менталитета русской интеллигенции.....	120
<i>А. Г. Косиченко.</i> Мировоззренческая и духовная безопасность человека в высокотехнологичном обществе: сущность проблемы	124
<i>Н. Н. Красовская.</i> Ценность человека в современной системе социальной защиты	128
<i>Е. Э. Кривоносова.</i> Современная цивилизация и мысленный образ будущего.....	131
<i>П. П. Крусь, С. Т. Кавецкий.</i> О роли философских исследований мировоззренческих и ценностных ориентаций современной молодежи	134
<i>В. Б. Крячко.</i> Антиконтцепт "абсурд": онтология абсурда	137
<i>А. В. Кудинова.</i> Социокультурный капитал в формировании инновационных ценностей в современном обществе	140
<i>Л. Е. Кульбицкая.</i> Самоорганизация и организация в обществе.....	142
<i>Д. В. Куницкий.</i> Духовно-ценностная стратегия демографического развития в жизни восточнославянских народов.....	145
<i>Г. К. Курмангалиева, С. Е. Нурмуратов.</i> Проблематизация тюркской философии в историко-философских исследованиях Казахстана	148
<i>Л. З. Левит.</i> Эгология вместо психологии: контуры науки будущего.....	151
<i>А. И. Левко.</i> Интеллектуальная культура как фактор интеграции и цивилизационного развития общества.....	154
<i>Л. В. Левишун.</i> К вопросу о месте художественной литературы в структуре современных гуманитарных знаний	156
<i>Л. Е. Лёзина.</i> К вопросу о пении как о потенциале интонирования.....	159
<i>А. И. Лойко.</i> Трансдисциплинарная методология как медиатор в диалоге субъектов инновационной деятельности	161
<i>Т. А. Лопатик.</i> Философия субъективности как методологическая основа технологии тьюторского сопровождения	164
<i>Е. А. Ляшенко.</i> Становление гармоничного человека как идеал гуманитарного и научно-технического прогресса	167
<i>А. Т. Малиновский.</i> Вода: первоначало сущего и литературная универсалия (к проблеме актуализации философских категорий в художественном тексте).....	170
<i>А. С. Малмыгин.</i> Теоретико-методологический потенциал трансдисциплинарного подхода в исследовании социального события.....	172
<i>Г. И. Малыхина, В. И. Миськевич.</i> Философия как интегральная форма интеллектуальной культуры	174
<i>В. С. Мартьянов.</i> Доверие как фактор развития современного общества....	177
<i>Т. В. Мещерякова.</i> Феномен биоэтики: трансдисциплинарность или синтез?	181

<i>Н. И. Миницкий, А. В. Солодилова.</i> Репрезентация исторического познания в контексте трансдисциплинарности и диалога когнитивных практик.....	184
<i>В. Д. Михайлов.</i> Интеллектуальная культура ВКЛ: специфические особенности и аксиологические установки	187
<i>П. Ю. Молчанов.</i> Альтернативные проекты общественных преобразований в XXI веке	190
<i>И. И. Морозова.</i> Ценностный мир современной семьи.....	193
<i>М. Р. Москаленко, И. В. Юдин.</i> К вопросу об особенностях социально-политического прогнозирования.....	196
<i>М. В. Мочкодан.</i> Динамика религиозного сознания и ее отражение в символической системе молодежных субкультур	199
<i>Н. И. Мушинский.</i> Трансдисциплинарность понятия "справедливость" эвдемонистической этики Аристотеля.....	202
<i>А. М. Мясоедов.</i> Эталонная модель профессиональной культуры медицинских работников.....	205
<i>Д. И. Наумов.</i> Коммеморативные практики как фактор конституирования групповой идентичности.....	208
<i>Ю. В. Нестерович.</i> Особенности трансдисциплинарного потенциала документально-информационных и социально-информационных наук	211
<i>Н. А. Никонович.</i> Культура как объект онто-философского анализа	214
<i>Ю. В. Никулина.</i> Социотехническое проектирование в управлении	217
<i>В. Т. Новиков, О. В. Новикова.</i> Феномен транзитивности социального знания и его технологические проекции.....	220
<i>В. А. Одиноченко.</i> Трансдисциплинарный подход в религиоведении.....	223
<i>Р. И. Олексенко.</i> Формирование ценностей креативного ресурса и капитала предпринимателей в условиях рискогенного общества: неоаксиологический анализ.....	226
<i>А. И. Осипов.</i> Роль философии в преодолении духовно-нравственного кризиса общества потребления	229
<i>О. С. Павлова.</i> Трансдисциплинарный эко-этический подход в регулировании информационных потоков медиасферы	232
<i>А. В. Парфеня.</i> Что такое квалиа: проблемы, споры и аргументы	235
<i>Д. В. Полежаев.</i> Полидисциплинарный характер ментального подхода: философско-методологические аспекты.....	238
<i>Д. А. Пулатова.</i> Основные аспекты концепции нравственного совершенствования личности в творчестве мыслителей Центральной Азии	241
<i>Ю. И. Решетко.</i> Директивы Лейбница: опыт преодоления дилетантизма в науке.....	244

<i>З. Г. Рудёнок.</i> Экономическая культура личности как актуальный ресурс культурной перспективы современного образовательного пространства	247
<i>И. К. Русанду.</i> Инновации и устойчивое развитие: проблема концептуальной сопоставимости	250
<i>И. В. Сабирзянова.</i> Архетипы как маркеры идентичности в полиэтническом	252
<i>Kanstanstin Savitski.</i> Security: the socio-political approach.....	255
<i>Я. П. Сакоўскі.</i> Аналіз творчага шляху М. К. Судзілоўскага-Руселя.....	258
<i>В. А. Салеев.</i> Философия – медиатор понимания мира	261
<i>В. В. Самсонов.</i> Социологическая экспертиза институциональных эффектов современного этапа реформы местного самоуправления в сельской России	264
<i>А. Я. Сарна.</i> Пешком по городу. Философия и риторика прогулки	267
<i>Н. Г. Севостьянова.</i> Цельное знание в русской философии Серебряного века.....	270
<i>И. Н. Сидоренко.</i> Насилие как предмет философской рефлексии.....	273
<i>В. А. Сидоров.</i> Аксиология социальных практик (ценностный анализ медиа).....	276
<i>Л. С. Сироткина.</i> Трансдисциплинарный подход в исследовании феномена логической культуры	279
<i>А. П. Соловей.</i> Феминистский дискурс в исследовании науки Э. Ф. Келлер.....	282
<i>В. В. Старостенко.</i> Религия и идеология белорусского государства.....	285
<i>В. О. Сташис.</i> Диалог науки и общества как философская проблема.....	288
<i>В. К. Степанюк.</i> Социально-гуманитарное измерение конвергентных технологий.....	291
<i>А. И. Столетов, Р. Х. Лукманова.</i> Философия и наука: проблема отношений родителя и выросшего ребенка	294
<i>Д. В. Столяров.</i> Гендерные стереотипы и их роль в определенных сферах социальной деятельности	297
<i>И. В. Сумченко.</i> Феномен антиутопии в контексте конструирования современной социальной реальности	300
<i>А. С. Тимощук.</i> Трансдисциплинарная парадигма понимания человека и общества	302
<i>Г. Ж. Туленова, М. Л. Курбанова.</i> Внешнеполитические инициативы Узбекистана по решению проблем обеспечения глобальной и региональной безопасности	305
<i>Э. А. Усовская.</i> Масса как предмет критики Жана Бодрийяра	308
<i>В. Н. Уоский.</i> Цифровая экономика и манипулирование цифровым человеком.....	310

<i>В. Т. Фаритов.</i> Воля к власти и вечное возвращение в поэзии (философия и литературоведение в перспективе трансдисциплинарности)	313
<i>В. Б. Ханжи, Ю. В. Шевченко.</i> Внешние детерминанты антропного времени и истории: этический контекст	315
<i>И. А. Червинская.</i> Методологические основы интегральной оценки целесообразности освоения импортозамещающей продукции	318
<i>В. И. Чуешов.</i> Диалектика междисциплинарного истолкования оснований белорусской национально-государственной идентичности	321
<i>Л. А. Шашкова.</i> Science Art: перспективы трансдисциплинарной стратегии современных практик науки и искусства	324
<i>В. Г. Шендрик.</i> Качество жизни как фактор формирования социального статуса личности	327
<i>Н. А. Шермухамедова.</i> Гуманитарное образование как фактор формирования философского мышления	331
<i>Agnieszka Sztajer.</i> Krynki – the town of Sakrat Yanovich – today and yesterday	333
<i>Н. С. Щёкин.</i> Цивилизационная динамика христианства: перспективы диалога церкви и государства	335
<i>А. В. Щукин.</i> К вопросу о формировании правовой системы Беларуси в условиях цивилизационного выбора	338
<i>Н. А. Эшонкулова.</i> Влияние социальных отношений на феномен счастья ...	341
<i>Ф. З. Юсупова.</i> Научная проблема развития интеллектуального потенциала и инновационной активности молодежи	343
<i>С. Л. Яблочников, И. О. Яблочникова.</i> Влияние информационно-коммуникативных технологий на качество образования	345
<i>Ю. Ю. Янковский.</i> Этнобиология как междисциплинарная область знания	347
Авторы сборника	351

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Международная научная конференция «Интеллектуальная культура Беларуси – III: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания» продолжает традицию ежегодных научно-практических форумов в стенах Института философии Национальной академии наук Беларуси, приуроченных ко Всемирному дню философии ЮНЕСКО. В течение последних лет эти мероприятия носят общее название «Интеллектуальная культура Беларуси». Его символика связана с пониманием интеллектуальной культуры как интегрального показателя научно-образовательного развития государства и всей цивилизации, а также с поиском ответа на вопрос, что специфицирует нацию, ее мировоззрение и культуру, свойственную ей стилистику научного, педагогического и художественного мышления в противоречивом глобальном мире. Интеллектуальная культура Беларуси – выразитель духовного наследия и инновационного потенциала белорусского общества. Одновременно она воплощает в себе культурно маркированное отражение мирового философского процесса, его взаимосвязи с достижениями науки в Республике Беларусь, на постсоветском пространстве, в евразийском социокультурном регионе.

Форумы под общим названием «Интеллектуальная культура Беларуси» – не просто мероприятия, посвященные белорусской философии. Прежде всего, это встречи философов разных стран на белорусской земле, дискуссии о месте философии и научно-гуманитарного знания в социальном проектировании и прогнозировании динамики транзитивного социума, об их роли в процессе системной социокультурной модернизации.

Проблематика конференции 2018 года связана с раскрытием методологического капитала философского знания как основания комплексных проектов и программ в научно-инновационной сфере. Тренды научно-технического прогресса определяют сегодня траекторию развития всех сфер общественной практики. В этих условиях перед философией, которая является одновременно и эвристической базой научного мышления, и средоточием гуманитарной экспертизы, оценки и прогнозирования технологических преобразований, встают принципиально новые задачи. И прямо – путем формирующего воздействия на сферу образования, воспитания, массовых коммуникаций, и опосредованно – через методологическое обеспечение научно-технических проектов, – философия конструирует новый облик культуры, обозначает и задает параметры качества жизни в обществе, основанном на знаниях.

Важнейшей чертой современного научно-философского процесса является трансдисциплинарность. Это обозначение нового принципа синтеза дисциплин – не только в предметно-тематической плоскости, что характерно для междисциплинарных проектов, но и в плоскости социально-практической. Речь об объединении эвристического потенциала различных исследовательских и научно-творческих программ, подходов, стратегий

мышления в деле разработки социально востребованных инноваций, их внедрения, оценки их положительных и побочных эффектов.

С учетом сказанного был сформирован круг задач, поставленных перед организаторами и участниками конференции. Их можно выразить следующими тезисами:

- наметить и конкретизировать направления и принципы инноватизации экономики, образования, науки и культуры;

- обсудить, каким путем аккумулировать возможности и усилия академического, вузовского и отраслевого сектора науки, государства и гражданских инициатив для решения этой задачи в трансдисциплинарном ключе;

- показать роль философской рациональности как медиатора в диалоге субъектов инновационных преобразований, оценить сложности и препятствия, возникающие на этом пути;

- раскрыть спектр наиболее актуальных теоретических, методологических, ценностных проблем современной философии и, в частности, социально-гуманитарного знания, широко представленных сегодня в междисциплинарном диалоге, а также определяющих потенциал сотрудничества научного сообщества в рамках трансдисциплинарных проектов.

Для решения этих задач был спроектирован особый формат конференции – предметный диалог представителей философской науки и образования, работников органов государственной власти, ответственных за реализацию инновационной политики, специалистов наукоемких предприятий и организаций. Темами этого диалога являются философия, логика и методология трансдисциплинарных стратегий в научном познании и инновационной деятельности, многообразии трансдисциплинарных подходов в естествознании и инженерно-технической деятельности; инновационный потенциал философии в инновационном (цифровом) социуме; возможности трансдисциплинарного подхода в структурно-содержательном совершенствовании системы образования, воспитания, идеологической работы.

Полагаем, что материалы дискуссии станут весомым вкладом в развитие государственной научной политики и общественно-государственного партнерства в области реализации трансдисциплинарных проектов, окажут поддержку деятельности всех субъектов инновационного пространства, направленной на рост общественного благосостояния, улучшение качества жизни, прогресс интеллектуальной культуры общества и реализацию ключевых индикаторов гуманитарного развития в обществе, основанном на знаниях.

Раздел 3 ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ИННОВАЦИОННОМ СОЦИУМЕ

ЛОГІКА МІСТЫЧНАГА ДОСВЕДУ

У. Л. Аляксандраў

Трансфармацыя стандартаў рацыянальнасці ў постнекласічнай філасофіі і навуцы дазволіла пераасэнсаваць тыя формы ведаў, якія раней альбо цалкам ігнараваліся, альбо разглядаліся перадузятая. Тое адносіцца і да ведаў, якія часцей за ўсё – хаця і не выключна – называюцца містычнымі. Цікавасць да містыкі абумоўлена шэрагам фактараў: пашырэннем паняцця «досвед»; самаідэнтыфікацыяй некаторых мысляроў як містыкаў; навуковым і філасофскім асэнсаваннем архаічных культур; даследаваннем псіхалогіяй і псіхіятрыяй «незвычайных» станаў свядомасці і інш.

Аналіз паняцця «містыка» ўскладняецца шматзначнасцю яго ўжывання (у тым ліку злоўжывання), але абавязкова трэба размяжоўваць містыцызм як светапогляд (сукупнасць адпаведных ідэй, прынцыпаў, вераванняў) і містыку як досвед (станы свядомасці з пэўнымі характарыстыкамі). Містычны светапогляд можна звышцісла выразіць у 4 тэзісах: 1) анталогічным, 2) гнасеалагічным, 3) антрапалагічным, 4) сацыякультурным.

Галоўны анталогічны тэзіс: *сусвет ёсць жывое шматузроўневае адзінства (цэласнасць)*. Такое адзінства можа разглядацца як стварэнне ці эманация Абсалюта, ці атаясамлівацца з ім, альбо зусім не крапаць пытання найвышэйшай істоты – усё тое можна лічыць другасным адносна тэзіса. У яго прэдыкаце важныя ўсе тры атрыбуты, якія нельга звесці адзін да аднаго. Скажам, мысляр, які прызнае адзінства сусвету і яго складаны, шматузроўневы характар (а такіх большасць), але адмаўляе яго суцэльна жывую прыроду, не можа быць аднесены да носьбітаў містычнага светапогляду. Кожная часціца быцця і любая іх сукупнасць («мананды» у тэрміналогіі Г. Лейбніца, М. Лоскага, Д. Андрэева) – арганічная ці неарганічная, матэрыяльная ці духоўная, зямная ці нябесная – жывая.

Галоўны гнасеалагічны тэзіс: *чалавек здольны спасцігнуць (успрыняць, уявіць, адчуць, успомніць, ацаніць, перажыць) сусвет як жывое шматузроўневае адзінства*. Як пісаў у сваім знакамітым трактаце Л. Вітгенштэйн, «адчуванне свету як арганічнага цэлага ёсць містычнае» [1, с. 216]. Пры гэтым прыхільнікі тэзіса могуць моцна разыходзіцца ў адказах на пытанні: хто, як, калі, якімі спосабамі, у якой ступені і з якімі наступствамі здольны перажываць такі стан.

Антрапалагічны і сацыякультурны тэзісы: чалавек ёсць і частка, і від сусвету (у тым ліку чалавецтва як сукупнасці індвідаў і супольнасцяў) як

жывога шматузроўневага адзінства. Такое ўсведамленне дазваляе, з аднаго боку, бачыць годнае (больш таго – выключнае, унікальнае) месца чалавека ў космасе, з другога – пазбягаць рэлігійнага, філасофскага, навуковага антрапацэнтрызму («вянец стварэння», «адзіная разумная істота» і да т. п.), з трэцяга – унікаць крайнасцяў пантэістычных дактрын з іх бязрэштавым распушчэннем не толькі чалавека, але і любой канечнай істоты ва ўсёпапулярным Абсалюце. З гэтых тэзісаў вынікае ўнікальнасць не толькі чалавека, але і іншых частак і рэчаў сусвету. У кожнай часціцы быцця і іх ансамбляў свае мэты і задачы, сваё непаўторнае пакліканне і месца ў свеце, свой шлях і спосабы яго адолення. Каб тое не толькі ўсвядоміць, але і адчуць, чалавек павінен зліцца, атаясаміцца як з мага большай часткай сусвету, то бо перажыць сам містычны досвед.

У адмысловай літаратуры маецца шмат яго апісанняў і класіфікацый, што дазваляе вылучыць агульныя характарыстыкі містычнага досведу.

1) Імгненны, а не расцягнуты ў часе ахоп аб'ектаў у пэўным адзінстве. Імгненнасць не трэба разумець літаральна. Само перажыванне можа доўжыцца секунды, хвіліны, гадзіны, нават дні, але маштаб спасцігнутага яўна не змяшчаецца ў часавыя межы звычайных пазнавальных актаў. Містык Якаб Бёме ўгадваў перажытае ў 25 гадоў азарэнне: «За чвэрць гадзіны я ўбачыў і зразумеў больш, чым магло б мне даць шматгадовае перабыванне ва ўніверсітэце, бо я ўбачыў і спасціг існаванне ўсіх рэчаў» [2, с. 327].

2) Перажываемыя аб'екты могуць мець самую розную прыроду, маштабы, складанасць, могуць не мець сувязяў у звычайным свеце – і тым не менш могуць схоплівацца ў некаторым неспасцігальным для розуму, але несумненным адзінстве, цэласнасці, упарадкаванасці.

3) Перажыты досвед успрымаецца як самае істотнае, важнае і глыбокае ў жыцці. Ніякая крытыка і кпіны не здольныя абвергнуць суб'екта ў насамрэчнасці досведу.

4) Пры гэтым суб'екты ў большасці выпадкаў, спасылаючыся на невыказваемасць, неперадаваемасць досведу, не могуць зрабіць яго даступным для праверкі і спраўджвання. Аднак у апафатычным шэрагу ёсць рэдкія – і тым больш значныя – выключэнні. У еўрапейскай містычнай літаратуры (выражанай у мастацкай, рэлігійнай ці філасофскай форме) спробы падзяліцца перажытым звязаныя з імёнамі Дантэ, М. Экхарта, Я. Бёме, Э. Сведэнборга, Ул. Салаўёва, Д. Андрэева і інш.

5) Адною з самых дзіўных, недарэчных з пункту гледжання філасофіі і навукі з'яўляецца наступная асаблівасць: суб'ект з той ці іншай ступеняй глыбіні атаясамлівае сябе з аб'ектамі. Адбываецца не проста пазнанне звонку, калі аб'ект анталагічна застаецца па-за суб'ектам, а наадварот, некаторае зліццё, зрошчванне, сімбіёз, які часцей за ўсё ў апісанні абазначаецца словам «тоеснасць»: я і аб'ект – адно, мы – адно цэлае. Містык Данііл Андрэеў так угадваў перажытае ў юнацтве на беразе ракі: «Урачыста і бясшумна ў плынь, што струменела праз мяне, улілося ўсё, што было на зямлі, і ўсё, што магло быць на небе. У шчасці, ледзь выносным для чалавечага сэрца, я адчуваў гэтак, нібы стройныя сферы, павольна

абарочваючыся,плылі ва ўсясветным карагодзе, але скрозь мяне; і ўсё, што я мог памысліць ці ўявіць, ахоплівалася радасным адзінствам...сапраўды ўсё было ўва мне той ноччу, і я быў ва ўсім» [3, с. 43].

У звычайным акце пазнання аб'ект гнасеалагічна знаходзіцца ў суб'екце, але анталагічна застаецца звонку, а суб'ект анталагічна – у сусвеце, а гнасеалагічна – па-за яго межамі. З чым жа звязаны супрацьлеглы псіхалагічны стан містыка, пры якім аб'ект нібыта пранікае ўнутр суб'екта, становіцца яго часткай, а суб'ект нібыта выходзіць з сябе, становячыся часткай аб'екта ці адзіным з ім цэлым? Перш за ўсё навідавоку псіхалагічная аберацыя і адначасова лагічная памылка: блытаніна звязкі «ёсць» як тоеснасці А і В са звязкай «ёсць» як уключанасці А у В, то бок адносінаў роўнааб'ёмнасці і адносінаў падпарадкавання (родавідавых). Паралельна адбываецца блытаніна родавідавых адносінаў і адносінаў часткі і цэлага (чалавека як віда быцця і як часткі сусвету). Гэта прыводзіць да суджэння: «я ёсць нешта». У выніку містычнага перажывання і яго перадачы чалавек выступае адначасова і як суб'ект пазнання, і як суб'ект ва ўласным суджэнні аб прэдыкаце (змесце) акта пазнання. Гэта блытаніна і спараджае столькі непаразуменняў, якія так моцна бянтэжаць і абураюць носьбітаў іншых формаў пазнання: ад багасловаў да вучоных, ад філосафаў да псіхіятраў. Але нагадаем, што паводле ключавых тэзісаў містычнага светапогляду сусвет ёсць жывое шматслойнае адзінства, і чалавек здольны яго ў гэтай якасці ў той ці іншай ступені спасцігнуць. Усе аб'екты сусвету на невыразнай глыбіні суць суб'екты-істоты, якія, дзякуючы ўсеагульнай суб'ектнасці, могуць стаць на месца адзін аднаго, гэта і значыць – гнасеалагічна атаясаміцца. Нездарма самая кароткая і глыбокая па невычарпальнасці сэнсаў фраза Упанішад выражае менавіта гэтае перажыванне: tat twam asi (ты ёсць тое). Гэта і значыць, што чалавек здольны, застаючыся фізічна нікчэмнай часткай быцця, псіхалагічна і гнасеалагічна адчуваць сваю з ім роднасць, аднасць, нават тоеснасць. Але сам факт тоеснасці цвярджае ўсё ж некаторае Я – менавіта маё Я як суб'екта перажывання і выказвання.

Такім чынам, суджэнні (а яшчэ больш – перажыванні), у якіх суб'ект выказвання і акта пазнання становіцца адначасова суб'ектам як лагічным элементам самога суджэння (то бок суджэнні кшталту «я ёсць нешта»), кардынальна адрозніваюцца ад іншых атрыбутыўных суджэнняў. Адрозніваюцца не фармальна-лагічна, а псіхалагічна і экзістэнцыяльна. «Я», будучы ў акце суджэння пагружаным як від у які-небудзь род, губляе адразу дзве мяжы: і віда, і рода, і сябе, і аб'ектаў, з якімі яно сябе суадносіць. З такога пункту гледжання «Я» зліваецца і з аб'ектамі, і з самасвядомасцю як цэнтрам успрымання. Гнасеалагічна знаходзячыся ў плоскасці абодвух колаў, але рэальна перабываючы толькі ў адным з іх (унутраным), «Я» перастае адрозніваць унутранае і знешняе, «Я» і «не-Я», у той жа час утрымліваючы акт успрымання.

Аднак нельга на гэтай падставе супрацьпастаўляць містычны досвед усім іншым. Розніца паміж імі хутчэй колькасная, чым якасная. Формулы Упанішад («я – увесь гэты свет» [4, с. 130], «я ёсць усё гэта» [4, с. 174], «я

ёсць ты» [4, с. 197], «атман ёсць Брахман» [4, с. 246]) могуць быць выяўленыя – у рознай ступені – у любых псіхалагічных станах чалавека. У першую чаргу – у сацыяльна-ролевых перажываннях ідэнтычнасці. Рацыянальны суб’ект суадносіць сябе толькі з прыкметамі, выражанымі ў прэдыкаце сужэння (мінчанін, беларус, бацька, інжынер і г. д.), а не з элементамі аб’ёмаў паняццяў. Суб’екты ж містычнага досведу і людзі з псіхопаталогіямі (што не адно і тое ж) схільныя да такога атаясамлівання.

Усведамляючы, што ў сужэнні «я ёсць нешта (нехта)» заўсёды будзе небяспека родавідовага распушчэння суб’екта ў аб’екце (прэдыкаце), мы можам з большым разуменнем паставіцца да псіхалагічных аберацый і лагічных памылак тых, хто перажыў містычны досвед. Памылкі і скажэнні не будуць аўтаматычна азначаць яго поўную нікчэмнасць, адсутнасць каштоўнасці для іншых людзей. Кожная форма пазнання мае свае перадумовы, мэты, сродкі, межы, вынікі, наступствы. Дыялог гэтых формаў можа грунтавацца на прынцыпе: нішто не прымаць аўтаматычна, але і нічога загадзя не адкідаць. Рэфлексіўная прырода філасофіі як нішто іншае дае метадалагічна плённую глебу для такога дыялогу.

Літаратура і крыніцы

1. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М.: Канон+, 2011.
2. Джемс, В. Многообразие религиозного опыта / В. Джемс. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992.
3. Андреев, Д. Л. Роза мира. Метафилософия истории / Д. Л. Андреев. – М.: Прометей, 1991.
4. Древнеиндийская философия. Начальный период. – М.: Мысль, 1972.

РАБОТА ФИЛОСОФИИ В «ЖИЗНЕННОМ МИРЕ»

Е. А. Алексеева

Когда структуралисты и постструктуралисты говорят о научности своей методологии, они, в первую очередь настаивают на элиминации из социогуманитарной картины мира сознания и человека. Такая позиция может быть охарактеризована известной поговоркой: «ищут не там, где потеряли, а там, где светлее». Конечно, редуцируя сознание и человека, а, соответственно, свободу и творчество, мы получаем гораздо более простую и легко описываемую картину происходящего. Но мы теряем не только *полноту картины* социально-исторической реальности, ее целостность, ее, так сказать, холистический смысл, но мы неизбежно теряем и саму специфику объекта социогуманитарного знания. Возможность сближения методологий естественнонаучного и социогуманитарного познания лежит, на наш взгляд, не в ликвидации *специфики объекта* социогуманитарного знания, а в выявлении и дальнейшем развитии тех процедур, которые лежат в основе конституирования и объективизации знания вообще, и которые, следует

специально отметить, в их первоначальном виде разрабатывались в рамках философии, причем даже до появления философии как профессионального занятия. В рамках «реальной философии», присутствующей в так называемой «повседневности» и оказывающей влияние на ее формирование. В первую очередь мы имеем в виду процедуру идеализации, создания идеальных объектов (которая обычно приписывается только науке).

В частности, в качестве идеализированного объекта можно рассматривать «Я» как один из полюсов онтологии личности. Здесь, на наш взгляд, необходимо обратиться к серьезной модификации введенного Э. Гуссерлем понятия «жизненного мира». Именно в экспликации структур «жизненного мира» как предпосылки и фундамента научного знания Гуссерль видел возможность нового философского обоснования наук и, что важно, их «гуманизации», возрождения их глубинной связи с миром повседневности. Если попробовать переинтерпретировать само понятие «жизненного мира» с целью модификации методологии социально-гуманитарного познания, то можно увидеть не только многослойность его структуры, но и ее (условно назовем, ценностную) иерархичность. Отвлекаясь от тех предочевидностей жизненного мира (его пространственно-временного априори), которые Гуссерль считал предпосылками геометрии, и обращаясь к совершенно иному типу опыта повседневности, который, на наш взгляд, является необходимой предпосылкой социогуманитарного знания, мы предлагаем выделить особую сферу опыта в «жизненном мире». Это – философия (если хотите – предфилософия, но, лучше, – «реальная философия») как особая структура опыта в «жизненном мире». Структура, генерирующая рациональность (в самом широком смысле слова) и человека в повседневности. Реальная философия, создающая человека как сверхбиологическое и сверхсоциальное существо. Такое расширение понятия философии, вывод ее за пределы исключительно профессионального и специального занятия, погружение ее в глубинные сознательные основы человеческого существования можно найти, в частности, у В. Дильтея. «Философия заложена в структуре человека; каждый человек, какую бы позицию он ни занимал, стремится приблизиться к ней, и всякое человеческое действие имеет тенденцию достигнуть философской сознательности» [1, с. 69–70].

Именно в недрах «реальной философии» – философии «жизненного мира», мира «повседневности» возникает *практическая идеализация «Я», личности*. «Идеализацию» здесь, конечно, надо понимать не в смысле «нереалистичного», скажем прямо, ошибочного представления о совершенстве реальных людей. «Идеализация» в этом случае – в прямом смысле дотеоретическое и донаучное создание того, что много позже методология науки назовет «идеальным объектом». До возникновения математических и других научных идеализаций в «философствующей повседневности» возникает представление о человеке как способном трансцендировать любую наличность. Более того, не просто «представление» о человеке, но выделение самого образа человека в качестве особого

ненатурального существа, сама сущность которого состоит в способности к осуществлению требований самотрансцендирования. Это становится понятным, если мы обратим внимание на то, что реальное историческое становление человека немислимо без таких универсальных форм культуры, как религия, мораль, право, искусство. Какие общие требования выдвигают эти формы социальности к человеку? Что за представление о человеке лежит в их основе? Именно в этих формах реально осуществляется философская операция «идеализации Я», человек выделяется как идеальный объект. И религия, и мораль, и право (в каком-то отношении и искусство – об этом нужно говорить специально) в определенном смысле являются формами долженствования, предъявляемыми к человеку. В реальной жизни осуществляется философская операция запределывания, выделяющая два пункта, полюса идеализации. С одной стороны, выделяется человек как субъект долженствования – не эмпирический человек с его особенностями и всевозможными алиби, а как бы «нулевая точка», *точка чистой потенциальности*, безусловно (в принципе) способная осуществлять требования этих форм. Условно сравним это с математической точкой, не имеющей никаких измеримых характеристик. А с другой стороны, возникает идеализированный образ человека как *предел* религиозного, морального, правового становления («святой», «мудрец», образец справедливости и т. п.). Поясним это примерами. Как пишет Клайв С. Льюис: «Нравственность – тоже прыжок через пропасть от всего того, что может быть дано в опыте... Нравственные системы различны (хотя и не так сильно, как думают обычно), но все они, до единой, предписывают правила поведения, которых сторонники их не выполняют» [2, с. 381]. Хочется заметить, что это реальное «невыполнение» предписываемых правил, вовсе не означает (как иногда интерпретируют) несостоятельность нравственных требований. Как мы знаем, идеальные объекты науки нереализуемы в реальном мире, но необходимы для его понимания. Но, оказывается, есть и «практические» (здесь используем это слово в смысле близком к кантовскому) идеальные объекты (возникшие, как уже упоминалось, задолго до возникновения каких-либо наук), тоже нереализуемые в их «чистоте», но необходимые для жизненной ориентации и становления самого феномена «человек». Это необходимое для становления человека сосуществование «идеальных образов» (вспомним, платоновские эйдосы) и их реальной нереализуемости (на то они и идеальные объекты) прекрасно понимал Кант. С одной стороны, он совершенно реалистично – и даже скептически – относится к людям как эмпирическим существам (как там, у Пушкина: «кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей...»). Но, с другой стороны, у него же мы видим безграничное уважение к человеческому достоинству, к умозрительной «идее человечества», безусловное требование не допускать отношения к человеку только как к средству и восхищение наличием «морального закона» в нас. «Полное же соответствие воли с моральным законом есть *святость* – совершенство, недоступное ни одному разумному существу в чувственно воспринимаемом мире ни в какой момент

его существования. А так как оно тем не менее требуется как практически необходимое, то оно может иметь место только в *прогрессе*, идущем в *бесконечность* к этому полному соответствию, и согласно принципам чистого практического разума необходимо признавать такое практическое движение вперед как реальный объект нашей воли» [3, с. 519].

Обратим внимание и на то, что – если присмотреться внимательно – в этих различных (дотеоретических) формах долженствования, именно с их операциями двойной идеализации по отношению к человеку, совершается еще один шаг реального, жизненного философствования: постепенно вырабатывается понятие *равенства людей*. Если требования долженствования становятся *абсолютными* («не убий», «не лжесвидетельствуй», «поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе» и т. д.), то тем самым *универсализируются, уравниваются их субъекты*.

Таким образом, мы видим, что одной из задач методологии социогуманитарного познания оказывается экспликация особого «опыта», на который это познание опирается (опыта, совершенно отличного от опыта естественных наук), и выявление философских предпосылок социально-исторического существования в его смысловой целостности.

Литература и источники

1. Дильтей, В. Сущность философии / В. Дильтей. – М.: «Интрада», 2001.
2. Льюис, К. С. Странствие / К. С. Льюис // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А. А. Гусейнова. – М.: Республика, 1992. – С. 375–438.
3. Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1994.

БЕЛОРУССКАЯ МОВА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ЕДИНСТВЕ ДВУХ НАРОДОВ (ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Л. Г. Антипенко

I

Белорусская мова и русский язык находятся в постоянном взаимодействии между собой, обогащая друг друга. Но в нем – своя специфика. Белорусская мова, отличающаяся большей консервативностью, нежели современный русский язык, сохранила в себе больше элементов, присущих языку Древней Руси. Речь идет о Руси *изначальной*, уходящей вглубь исторических времен вплоть до момента Троянской войны и гибели Св. Трои (*Таруисы*). Одним из таких элементов является *дигамма*, сохранившаяся в белорусском языке в виде буквы *ў*. В ней нам видится символ пропавшей в прошлом, а затем найденной письменной грамоты, изобретенной нашими предками, для которых было очевидно, что термин *русь* и термин *речь* являются однокоренными словами, имеют общее

происхождение. Подробнее об этом символе разговор впереди, а для начала – несколько слов о методике представленных здесь исследований как трансдисциплинарных изысканий.

Несомненно наличие общности между филологией и философией. В эту общность включается лингвистика, затрагивающая вопрос об этимологии слов. Но особенно важную роль, в контексте нашего исследования, играет археолингвистика, поскольку она открывает путь в предысторию и историю того или иного народа. В академическом проекте, разработанном Ю. С. Степановым и оформленном в виде «Словаря русской культуры», автор отмечает, что древнерусская и вообще древнеславянская культура запечатлена не столько в археологических памятниках (не в «костях»), сколько в *самом значении слов*, представляющих собой развитие индоевропейского культурного наследия. «Исконный словарный состав – вот первое оригинальное достояние русской культуры» [1, с. 6].

На этот путь при освоении истории русского народа вступил и О. Н. Трубачев, который сделал ряд выдающихся открытий, касающихся отдаленнейших истоков зарождения Руси [2]. Он обратил внимание на следующее высказывание известного польского филолога А. Брюкнера: «Кто верно истолкует название Руси, тот получит ключ к разъяснению ее первоначальной истории» [3, с. 69] (см. также [4, с. 3]). О. Н. Трубачев, к сожалению, не дал окончательного ответа на данный вопрос, но показал, что его нельзя разрешить без исследования культуры языка.

II

Две функции выполняет язык в жизни каждого народа. Одна из них – функция общения людей в процессе материально-хозяйственной деятельности. Вторая – духовная, возводимая на уровень песнопения (гимна), приобщающая народ (язык) к высшим духовным началам, к Божеству. Во втором случае народная речь характеризуется всем тем, что входит в понятие просодии. Первые строки поэмы Гомера «Илиада» дают на сей счет наглядное представление:

Гнев, богиня, *воспой* Ахиллеса, Пелеева сына,

Грозный, который ахеенам тысячи бедствий соделал...

Поэма написана гекзаметром. Здесь нет возможности вдаваться во все элементы ее просодической структуры. Выделим лишь один из них, связанный с белорусским языком. Так, если мы раскроем «Учебник по древнегреческому языку» С. И. Соболевского, то на его страницах найдем следующие замечания, касающиеся одной особенности гомеровского диалекта в поэмах «Илиада» и «Одиссея». Заключается она в том, что в словах обеих поэм сквозит пропуск, на месте которого должен был бы стоять звук с соответствующим знаком в ряду других согласных в поэтическом строе языка. В древнейшем греческом алфавите такой знак, по виду близкий к F, был. Назывался он, согласно своему начертанию «дигаммой»: *διγαμμια*, «двойная гамма», как бы одна гамма поставлена на другую. Выговаривалась дигамма как русское «в» или английское w. «Этот знак, пишет Соболевский,

– впоследствии остался в употреблении у дорийцев и беотийцев; из алфавитов других племен он исчез, потому что исчез из их диалекта звук, выражавшийся им... В дошедших до нас рукописях гомеровских поэм уже нет дигаммы; но в первоначальном тексте Илиады и Одиссеи звуки, выражаемые буквами Φ и $\sigma\Phi$, должны были находиться; это надо заключить из того, что они оставили по себе след в грамматических или метрических особенностях» [5, с. 356]. И автор показывает на примере ряда гомеровских выражений те лакуны, где должна была стоять дигамма, выпавшая из текста. К сожалению, он ничего не сообщает о генезисе этой буквы и соответствующего ей звука.

Большинство справочных пособий удовлетворительного ответа на данный вопрос тоже не дает. Так, например, характеристика дигаммы в Википедии в общих чертах сводится к следующему. Дигамма [вав] является шестой буквой архаического греческого алфавита. Как ипсилон (Υ , υ), происходит от финикийской буквы Υ – «вав». Означала она звук [w], который к VIII в. до н. э. выпал из греческого произношения и перестал отражаться на письме, почему соответствующая ему буква и не входит в классический 24-буквенный древнегреческий алфавит.

После этого опять встает вопрос: откуда же она взялась? Это мы поймем, если процитируем хотя бы небольшой отрывок из поэмы Якуба Коласа «Новая зямля»:

Настаў дзянёк, даўно чаканы,
Пакаты ўзгор'я і курганы
Узделі чырвані кароны,
І стрэхі сонцам пазлачоны;
Туманаў лёгкія паромы
Над рэчкай віснуць нерухома,
А ў люстры водаў гэтай рэчкі
Як закаханая дзяўчына,
Глядзіцца пышная вярбіна.

Как видно, буква у *краткое* позволяет в стихотворной записи поэтической речи передать ее мелодику, ритм, такт, размер, что не всегда выдерживается при чередовании гласных и согласных в словах. Древние греки (эллины) создали свой письменный язык на основании письменной грамоты пеласгов [6]. И это неудивительно, так как, по свидетельству Гекатея Милетского и Геродота, пеласги научили греков искусству масштабного строительства, «возвели стену вокруг акрополя» (Геродот, VI, 137). И, как видно, письменная грамота пеласгов отражается в белорусском языке.

III

Среди арийских племен, известных под общим именем *пеласгов*: трояне, фригийцы (брегийцы), фракийцы, пофлагоны (поблагоны) и др., – мы специально выделяем арийское племя хеттов, обладавших своим собственным и государством. Чешский востоковед Б. Грозный (1879–1952)

расшифровал их клинописный язык и доказал, что он относится к языкам индоевропейского типа. Опираясь на открытия Б. Грозного, английский историк О. Р. Герни (1911–2001) подробно растолковал, как надо работать (в порядке чтения) с этим *слоговым* письмом [7]. В результате удалось расшифровать и осмыслить одну запись хеттского царя Тудхалия IV, касающуюся Трои и Таруисы. Имеется в виду содержание царской Хроники второй трети XIII в. до н. э. В ней содержится список 22 стран, поднявшихся на войну против хеттов и побежденных ими (В географическом аспекте список подается как перечень городов и стран, расположенных в направлении с юга на север). Троя упоминается в нем как Taru(u)isa (вариант: Tarwisa). А данному топониму в списке предшествует термин Vilusija (Вилуса). В *Вилусе* историки однозначно распознают Илион («Илиос»). С *Таруисой* вопрос обстоит сложнее. В трактовке этого термина до сих пор отмечается разногласие.

Дигаммная символика нашего древнейшего языка с ее белорусским вариантом – буквой ў – должна положить конец указанной разногласии. В данном свете Taru(u)isa предстает как Tary(ўi)sa. При транскрипции этого термина на греческий язык дифтонг (ўi) был утрачен. А вот приставка tar– (ее сильная форма te–) высвечивается как хеттское слово *сказать*. Поскольку по правилам слогового хеттского языка в его выражениях не могут стоять подряд две буквы *p*, в клинописи оставлено одно *p*. Поэтому концовку записи в царской хронике Тудхалия IV следует читать так: *Вилуса (иначе) сказать (сиречь). Руиса (Руса, Русь)*.

Литература и источники

1. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: изд. 2-е / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001.
2. Трубачев, О. Н. К истории Руси. Народ и язык / О. Н. Трубачев. – М.: «Алгоритм», 2013.
3. Трубачев, О. Н. Заветное слово / О. Н. Трубачев. – М.: ИИПК «ИХТИОС», 2007.
4. Геллер, М. История Российской империи. В 3 т. Т. 1 / М. Геллер. – М.: «МИК», 1997.
5. Соболевский, С. И. Древнегреческий язык. Учебник для высших учебных заведений. – СПб.: «Алетейя», 2004.
6. Чертков, А. Д. О языке пелазговъ, населивших Италию и сравнение его съ древлеславянскимъ / А. Д. Чертков. – М.: Университет. типография, 1855.
7. Герни, О. Р. Хетты / О. Р. Герни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/fooo/sooo/zooooo14/sto24.shtml>. – Дата доступа: 01.09.2018.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

М. Бадилян, С. П. Чумак

Традиционный приоритет хозяйственно-экономических показателей в процедуре оценки устойчивого развития, отражающий условия, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность человека, в концептуальном плане является ущербным, поскольку устанавливает определенные ограничения на интерпретацию принципов оценки устойчивого развития. Такой подход изначально отягощен необходимостью приведения большого количества разнопорядковых величин, характеризующих различные аспекты состояния природного компонента, к интегральному показателю.

Перенос акцента оценки на обстоятельства взаимодействия между человеком и объектом, в роли которого выступает среда обитания как совокупность внешних условий существования, приводит к представлению об устойчивом развитии как определенной функциональной характеристике хозяйственных потребностей.

При оценке устойчивого развития следует использовать комплексный критерий, включающий эколого-экономический показатель. Приоритетность этих показателей лежит также в основе оценочной характеристики различных как собственно биосферных, так и социоприродных образований, к которым принято относить искусственные аква – и агроценозы.

То обстоятельство, что под основным критерием устойчивого развития подразумевается возможность нормальной жизнедеятельности как отдельного индивида, так и целостного социального организма, позволяет реализовать в анализе рассматриваемой проблемы двуединую задачу.

Во-первых, отказаться от пресловутого принципа безотносительности к человеку и формам его социального проявления, что позволяет оценивать различные экологические катастрофы, кризисные состояния в сфере социоприродного взаимодействия в жесткой конкретной зависимости от реального или потенциального ущерба здоровью человека.

Во-вторых, подход позволяет значительно ограничить количество факторов, подлежащих концептуальной интерпретации, и, следовательно, упрощает задачу формализации проблемного материала. Второе обстоятельство имеет принципиальное значение при рассмотрении процесса деградации качеств, выделении в нем следующих стадий: экологического кризиса, экологической катастрофы и т. д. Возможность формализовать, а затем и классифицировать различные аспекты динамики социоприродного взаимодействия позволяет осуществлять соответствующие градации.

Включение в социальную практику элементов исследования биосферы предполагает их предварительную обработку для достижения большего соответствия своему социальному назначению, поэтому совершенствование природной среды связано с воздействием человека на ее материально-

структурные основания, а это в свою очередь отражается на функциональных качествах данной среды. В этом случае наблюдается такая взаимозависимость качеств: социальное качество оказывается главным, приоритетным, а природные качества становятся производными.

Эколого-экономический подход к оценке устойчивого развития должен быть дополнен качественной оценкой свойств отдельных природных объектов и отражать как социально-экономическую значимость используемых и предназначенных для эксплуатации хозяйственно ценных ресурсов природы, так и их статус в биосферном комплексе.

Такой подход может выступить методологической основой комплексной оценки устойчивого развития, эффективной в условиях, когда окружающая природная среда выступает ограниченным источником хозяйственных ресурсов и проблема социоприродной оптимизации не может быть сведена к оптимизации качества природных объектов только путем улучшения их хозяйственных характеристик.

Оптимизация использования природной среды в контексте ее многофакторности и перехода от однонаправленного сырьевого использования к комплексному, поливекторному использованию способна принести значительные экономические и экологические дивиденды, а рационализация социального природопользования с оптимизацией антропогенного воздействия на природную среду содержит значительные резервы для улучшения устойчивого развития и, соответственно, условий жизнедеятельности.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ОБУЧЕНИЯ

С. Дж. Базарова, Ж. Х. Манглиева, Ф. Х. Байчаев

Степень интеллекта человечества в век могущества и счастья превращается в реальную действительность. Причина возникновения такого внимания – человек остается высшей ценностью и основным капиталом современного общества, он способен искать и находить новые знания, изменить эти знания и принять нестандартные решения. Развитие же современной науки и техники необыкновенно быстрыми темпами требует регулярного совершенствования методов и технологии производства, используемого оборудования.

Все это не могло не привести к резкому повышению требований, которые предъявляются к современному специалисту. Эти требования находят свое выражение в повышении научно-теоретического уровня обучения. Задачи и содержание подготовки высококвалифицированных кадров не остаются постоянными, они изменяются под влиянием требований производства.

Успешное осуществление реформ в сфере образования требует поиска

путей совершенствования учебного процесса в высших технических учебных заведениях, соответствия мировым стандартам содержания, форм и методов обучения. Одним из таких путей является создание филиалов профилирующих кафедр на производственных предприятиях [1, с. 148].

Внедрение достижений науки и техники приводит к насыщению производства более совершенными техническими средствами и способами осуществления технологических процессов, что вызывает значительные изменения в содержании образования. Содержание обучения должно соответствовать современному уровню производства в конкретной отрасли. Особое значение имеет отражение в программах современных достижений науки и техники.

При достижении указанной цели решаются следующие основные задачи:

- повышение трудоустройства выпускников технических ВУЗов по специальности;
- сокращение срока адаптации выпускников на производственном предприятии;
- формирование изначальных навыков планирования и проведения организации научных исследований;
- овладение навыками проведения научных опытов, анализа полученных результатов;
- проведение лабораторных исследований основных технологических процессов производства.

Результаты исследований показывают, что быстро ориентироваться в производстве могут только те выпускники вузов, которые получили в процессе обучения достаточно широкую и глубокую фундаментальную подготовку, а также навыки самостоятельной исследовательской работы [2, с. 42].

Решение поставленных задач обеспечивает не только высокое качество подготовки специалистов, но и позволяет укрепить и расширить связь науки и производства.

Литература и источники

1. Базарова, С. Дж. Интеграция науки и производства / С. Дж. Базарова, О. Халецкая // Материалы Международной дистанционной конференции «Горное, нефтяное и геозоологическое образование в 21 веке». – М., 2004. – С. 147–151.
2. Базарова, С. Дж. Самостоятельная работа студентов – как основа дуальной системы обучения / С. Дж. Базарова, Ф. З. Юсупова // Технологии и методики в образовании. – Воронеж, 2011. – № 1. – С. 41–43.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА

С. Дж. Базарова, Ф. Р. Таджитдинова

Современная наука и техника развиваются необыкновенно быстрыми темпами. Регулярно совершенствуются методы и технологии производства, используемое оборудование и, что особенно важно, качественно изменяются требования к инженерно-техническим специальностям. Все это не могло не привести к резкому повышению требований, которые предъявляются к современному специалисту. Эти требования находят свое выражение в повышении научно-теоретического уровня обучения. Задачи и содержание подготовки высококвалифицированных кадров не остаются постоянными, они изменяются с возрастанием требований науки и производства. Внедрение достижений науки и техники приводит к насыщению производства более совершенными техническими средствами и способами осуществления технологических процессов, что вызывает значительные изменения в содержании образования. Содержание обучения должно соответствовать современному уровню производства в конкретной отрасли.

Будущий специалист должен достаточно хорошо ориентироваться в общетехнических и специальных дисциплинах, которые могут найти практическое применение, т. е. он должен интересоваться сферой практического применения идей и охотно решать такие проблемы, важность которых определяется именно практическим применением.

Применение в учебном процессе технологии профессионально-ориентированного обучения представляет две стороны – теоретическую и практическую – единого цикла специальной подготовки квалифицированного специалиста. Это требует тесных контактов между образованием и производством, четкого согласования учебного материала – его содержания, глубины изучения, взаимосвязи и взаимообусловленности, а также координации методов и средств обучения.

По результатам научных исследований:

- разработано обоснование применения технологии профессионально-ориентированного обучения исходя из требований и потребностей заказчиков-предприятий;

- теоретически обоснованы принципы проектирования и конструирования технологий профессионально-ориентированного обучения в высших технических учебных заведениях [1, с. 26];

- разработаны требования к профессионально-ориентированным лабораторным работам для высших технических учебных заведений. Доказаны эффективные формы организации лабораторных практикумов с учетом происходящих производственно-технических изменений, предъявляющие новые требования к подготовке кадров;

- осуществлен анализ обоснования перспективы развития интеграции

образования и производства путем повышения эффективности профессионально-ориентированной технологии обучения в высшем техническом образовании;

– доказана эффективность применения технологии профессионально-ориентированного обучения как фактора развития интеграции образования и производства. Проведенные занятия в опытно-экспериментальных группах на основе технологии профессионально-ориентированного обучения показали высокую успеваемость студентов;

– определен высокий показатель эффективности организации обучения специальным предметам с применением деловых игр на основе технологии профессионально-ориентированного обучения.

Использование полученных результатов позволяет повысить роль профессионально-ориентированного обучения в высшем техническом вузе:

а) при регулярном совершенствовании и обновлении технологий производства, используемого оборудования и, что особенно важно, качественном изменении требований к инженерно-техническому специалистам становится совершенно очевидно, что быстро ориентироваться и успешно работать в производстве могут только те выпускники вузов, которые получили в процессе обучения достаточно широкую и глубокую подготовку, а также навыки самостоятельной исследовательской работы при профессионально-ориентированном обучении;

б) применение технологии профессионально-ориентированного обучения играет важную роль в формировании профессиональной подготовки выпускников и выработке у них научного мировоззрения.

Литература и источники

1. Базарова, С. Дж. Проектирование профессионально-ориентированной технологии обучения / С. Дж. Базарова // Наука и образование Южного Казахстана. – Казахстан, 2007. – № 3. – С. 26–28.

СУБЪЕКТ ВЛАСТИ КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. А. Балаклеец

Социокультурные процессы, происходящие в современную эпоху, свидетельствуют о кризисе традиционных форм, механизмов и способов реализации власти. Появление и внедрение в повседневность информационно-коммуникационных технологий, в особенности интернета, привело к кардинальной трансформации всех сфер общественного бытия, включая политическую сферу. Современные сетевые формы социального взаимодействия ставят под сомнение правомерность осмысления философской категории власти в рамках традиционной оппозиции «власть – подвластные (подчиненные)». Политическая элита XXI века формируется в условиях существования множества самоорганизующихся политических сил,

обладающих определенной политической культурой, эффективными навыками взаимодействия в информационно-коммуникационном пространстве. Расшатываются некогда устойчивые границы власти. Власть сегодня воплощается в нелокальных, динамичных, транстерриториальных социальных феноменах, преодолевающих привязку к строго определенным топосам социального пространства. Названные условия ставят перед философией и социально-гуманитарными науками задачу комплексного трансдисциплинарного осмысления / переопределения онтологического статуса субъекта власти, его характеристик, поиска новых форм властеосуществления, новых способов взаимодействия власти и общества. Немаловажно отметить, что задача осмысления онтологического статуса субъекта власти может быть решена исключительно с учетом широкого теоретико-концептуального контекста. Имманентная логика развития современной философии и социально-гуманитарных наук в целом привела к необходимости переосмысления традиционной категории субъекта. Субъект, в соответствии с тенденциями неклассической философской мысли, уже не мыслится в качестве раз и навсегда определенного основания властного отношения. Вскрывается конструктивный, динамичный характер субъекта власти, имеющего неэссенциалистскую природу. Современные теоретики власти оперируют такими понятиями, как «субъектные позиции» (Э. Лакло, Ш. Муфф), актер, габитус (П. Бурдьё), «множество» (П. Вирно, М. Хардт, А. Негри), «*homo sacer*» (Дж. Агамбен) и др. Вместе с тем, делать вывод о «смерти субъекта» применительно к политической философии, на наш взгляд, преждевременно. Особую актуальность приобретают поиск и разработка новых концептуальных средств для выражения политической субъектности в современную эпоху, которые позволили бы преодолеть методологическую узость традиционной субъектно-объектной модели власти и осуществить анализ способов трансформации власти в информационно-технологическом обществе.

В существующих современных подходах к осмыслению субъекта власти можно выделить следующие основные тенденции, демонстрирующие отказ от ориентации на единственную парадигму философии и поиск новых полипарадигмальных, трансдисциплинарных стратегий исследования.

1) Тенденция деэссенциализации предполагает преодоление метафизической парадигмы в понимании философской категории субъекта власти. К основным тенденциям современной неклассической философии можно отнести критику эссенциалистских моделей власти в целом и разработку иных концепций власти, в которых происходит отказ от поиска ее неизменной самотождественной сущности или природы. Значимые шаги в направлении раскрытия конструктивного характера субъекта были сделаны в концепции общественно-исторической практики К. Маркса, в работах Ф. Ницше, в психоанализе З. Фрейда, а также в работах М. Бахтина, Р. Барта, Ж. Делеза и М. Фуко. Преодоление эссенциализма происходит путем переосмысления отношения власти как двустороннего, амбивалентного и обратимого, не детерминированного высшей метафизической сущностью.

Субъект растворяется в дискурсивных формациях (М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муфф), в практиках текста (Р. Барт, Ж. Деррида), в бессознательном (З. Фрейд, Ж. Лакан), в структурах языка (Т. ван Дейк), в общественных отношениях (К. Маркс, неомарксизм). Предельным выражением данной тенденции является постструктуралистский постулат смерти субъекта. Вместе с тем, отказ от эссенциализации субъекта власти связан с риском возникновения замещающих эссенциализмов, к примеру, дискурсивного эссенциализма, элементы которого обнаруживаются в теории дискурса Лакло и Муфф [1]. Субъект в данном случае лишается самостоятельного онтологического статуса и заменяется субъектными позициями как структурными компонентами различных дискурсов, находящихся в состоянии антагонизма и борьбы за гегемонию (утверждения господства единственного дискурса).

2) Тенденция вовлечения в орбиту теоретического анализа власти феномена политического тела, которое понимается как одна из важнейших характеристик бытия субъекта власти [2]. Наряду с концепциями, в которых обосновывается, что современная власть, в отличие от монархической власти прошлого, лишается телесного измерения и функционирует посредством анонимных бестелесных структур (М. Фуко, К. Лефор, Ю. Хабермас, М. Ямпольский) существуют исследования, нацеленные на обнаружение «политической анатомии» современного общества, анализ способов конструирования и репрезентации тела власти в социальном пространстве. Тенденция «отелесивания» (термин М. М. Бахтина) предполагает обращение от бестелесного идеального мыслящего субъекта к субъекту, бытие которого носит сугубо телесный характер (а не просто репрезентируется в теле). На наш взгляд, функционирование субъекта власти в виртуальном пространстве в качестве системы медиаобразов не отменяет необходимости исследования его телесной идентичности.

3) Тенденция дифференциации предполагает отказ от оперирования категорией единого картезианского или кантианского трансцендентального субъекта. Субъект, некогда мыслимый в качестве субстанциального единства, в ряде современных исследований дифференцируется по гендерному, социальному, национально-культурному, возрастному признакам (С. де Бовуар, Дж. Батлер, Р. Конелл, Г. Ч. Спивак и др.). Разрабатываются феминистические теории рабочего класса (Дж. Митчелл, Г. Рубин, Э. Маркхэм, Р. Кавендиш), теоретической реакцией на которые является осмысление проектов «высвобождения» или «перестройки» маскулинности (reconstruction of masculinity) в политике (К. Ханиш, С. Стахович). Дифференциация субъекта проводится и в соответствии со спецификой его деятельности в условиях конкретных политических режимов – демократии (Г. Кельзен, А. Баумгартнер, Р. Даль) или тоталитаризма (Х. Арндт, Р. Арон) [3].

Подводя итог рассмотрению обозначенных тенденций, отметим, что наиболее перспективный путь исследования субъекта власти в современных условиях, на наш взгляд, заключается в дальнейшей разработке

неэссенциалистских концепций, концептуально-теоретический аппарат которых позволяет описать политические процессы, происходящие в условиях глобальных социокультурных трансформаций. Власть, функционирующая в современном мире, уже не может быть рассмотрена с позиций бинарной оппозиции «господство – подчинение», она не может быть сведена к примитивным формам осуществления насилия или реализации односторонней политической воли. Субъект власти функционирует в многомерном, динамичном и самоорганизующемся социальном пространстве, которое представляет собой поле возможностей и рисков. Закономерными в этой связи представляются способы описания отношений власти в концептуальном горизонте возможности (Н. Луман), способности (Ф. Фейхе) и даже «соблазна» и «дарения» (Ж. Бодрийяр). Описание новых форм и аспектов политической субъектности в современной трансформирующейся реальности является перспективным направлением философских и трансдисциплинарных исследований.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта проведения научных исследований: «Субъект власти в современную эпоху: социально-онтологический, информационно-коммуникационный, прагматологический аспекты исследования», проект № 18-411-730007.

Литература и источники

1. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. – L.: Verso, 2001.
2. Манов, Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства / Ф. Манов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
3. Балаклеец, Н. А. Субъект и власть: эссенциализм и пути его преодоления в современной политической философии / Н. А. Балаклеец // Философия и культура. – 2016. – № 10. – С. 1419–1429.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ К. Г. ЮНГА И РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ

В. В. Балановский

I. Изучение национального интеллектуального наследия имеет непреходящее значение для развития науки в той или иной стране. К сожалению, зачастую это утверждение не находит живой отклик в сердцах исследователей, что нашло отражение в известном фразеологизме «нет пророка в своем отечестве». Однако современные вызовы в контексте глобализации требуют повышенного внимания к достижениям выдающихся соотечественников. Цель данного исследования – выявление того значительного вклада, который представители русской философской и психологической мысли внесли в формирование и развитие аналитической психологии К. Г. Юнга – яркой концепции, до сих пор обладающей мощным

эвристическим потенциалом для гуманитарного знания.

II. Наивысшей концентрации теоретические изыскания Юнга достигают в трудах, вышедших в 8-м томе собрания его сочинений. Представленные в этом томе статьи позволяют выявить философские основы аналитической психологии. Именно здесь впервые встречается явный пример рецепции Юнгом идей одного из русских мыслителей. Речь идет о статье «О психической энергии» [2, с. 14], где описываются подходы к определению природы либидо – ключевого для аналитической психологии понятия. Определяя сущность психической энергии, Юнг напрямую ссылается на Н. Я. Грота – основателя журнала «Вопросы философии и психологии».

Сформулированные Гротом принципы, которыми описываются трансформации психической энергии, Юнг принимает практически в полном объеме. Те положения, с которыми он не был согласен в начале своего самостоятельного пути, с течением времени фактически становятся частью его доктрины [1], хотя Юнг больше и не упоминал Грота в своих трудах.

III. Активное вовлечение Юнга в орбиту русской интеллектуальной культуры началось еще до того, как он обратился к трудам Грота. В качестве точки отсчета послужило поступление С. Н. Шпильрейн в клинику Бургхельцли. Ее лечащим врачом стал Юнг, который впервые опробовал на пациентке из Ростова-на-Дону, ставшей впоследствии его возлюбленной, ученицей и коллегой, методы, сформировавшие основу аналитической психологии. Взаимодействие это оказалось весьма результативным.

Под руководством Юнга Шпильрейн очень быстро освоила психоанализ. В 1905 г. она поступила на медицинский факультет Университета Цюриха, который успешно окончила в 1911 г. За это время ей удалось превзойти Юнга и Фрейда в изучении генезиса шизофрении, развив собственное учение о деструкции, ставшее одним из ключевых моментов в развитии психоанализа.

Так, под влиянием идей Шпильрейн Фрейд был вынужден дополнить принцип влечения к жизни принципом влечения к смерти, деструкции. Поворотным для него стал труд «Деструкция как причина становления» [12]. При этом Фрейд открыто признавал роль Шпильрейн в изменении его точки зрения [5, р. 66]. С Юнгом все было не так очевидно.

Фактически Юнг опирался на труды своей ученицы, признавал оригинальность и значимость ее идей. Однако узнаем мы об этом почти исключительно из личной переписки. В частности, в письме Фрейду от 12.06.1911 г. он отмечает важное значение наработок Шпильрейн для его собственного исследования, которое перевернет представления о природе бессознательных фантазий [9, р. 23]. Результаты этой работы, в частности, нашли отражение [9, р. 23] во второй части «Трансформаций и символов либидо» [10]. При этом в адресованном Шпильрейн письме от 08.08.1911 г. Юнг попытался представить дело так, будто бы она позаимствовала его идеи. Но впоследствии создатель аналитической психологии был вынужден признать первенство, самостоятельность и ценность идей своей ученицы. Чтобы никто не усомнился в оригинальности исследования Шпильрейн, в

письме от 18.03.1912 г. Юнг даже пообещал опубликовать ее «Деструкцию...» в «Ежегоднике психоаналитических и психопатологических исследований» перед своей работой – второй частью «Трансформаций и символов либидо» [13, р. 46]. Обещания, впрочем, он не сдержал и опубликовал свою статью перед трудом Шпильрейн [6]. Тем не менее, в письме от 25.03.1912 г., адресованном Шпильрейн, Юнг признается, что, скорее, это он позаимствовал ее идеи для своих работ [13, р. 46].

Несмотря на непростые взаимоотношения Юнга и Шпильрейн, нельзя согласиться с некоторыми исследователями, которые полагают, что создатель аналитической психологии публично совсем не отмечал вклад своей ученицы. Если мы возьмем собрание сочинений Юнга, то обнаружим, что в нем Шпильрейн упоминается не только в 1-м томе [7, р. 187], где он рассказывает о течении заболевания своей бывшей пациентки, или в 4-м томе, где он мимоходом дает ссылку на мифологические изыскания своей ученицы [8, р. 211], но, помимо этого, часто цитирует первую фундаментальную работу Шпильрейн во второй части 5-го тома «Символы трансформации» [11, р. 139–141, 153, 237, 281, 288, 290, 301–302, 353, 376, 409, 412, 437] и в других трудах.

IV. Во время Первой мировой войны Юнг познакомился с еще одним пациентом – Э. К. Метнером, который оказался своеобразным «катализатором» формирования аналитической психологии и стал первым популяризатором данного учения. Он оказывал своему врачу, ставшему другом, как моральную, так и материальную поддержку, организовывал одни из первых переводов его работ на русский язык. Правда, последнее он делал не всегда успешно, о чем пишет Юнгу Шпильрейн в своем письме от 04.12.1917 г [4, р. 56], отмечая низкое качество переводов.

Метнер так сдружился со своим аналитиком, что они вместе проводили каникулы [3, с. 156]. По признанию Юнга, один из его ярких трудов, которые предшествовали окончательному формированию аналитической психологии, а именно доклад 1919 г. «Психологические основания веры в духов», он готовил в постоянных думах о Метнере, так как содержание этого труда родилось из их бесед в Шато д'О [3, с. 156], где швейцарский психиатр служил комендантом лагеря для британских военнопленных.

Что касается идейного влияния, то, в частности, Метнер не дал Юнгу увлечься антропософией Р. Штейнера и мотивировал его в большей степени фундировать свои идеи на трансцендентализме Канта [3, с. 156], что в итоге позволило аналитической психологии развиваться в большей степени в научном русле, а не в качестве мистической провиденциальной доктрины.

V. В 1920-е гг. Юнг знакомится с еще одним русским интеллектуалом, философом Б. П. Вышеславцевым, который стал адептом аналитической психологии, творчески переработавшим идеи создателя данной концепции. Вместе с тем, он не только выступал реципиентом идей Юнга, но также оказал на него влияние. Доказательством тому являются как труды обоих авторов, так и переписка Вышеславцева и Юнга, хранящаяся в Бахметьевском архиве в Колумбийской университете.

Таким образом, мы можем отметить, что важную роль в формировании ряда ключевых концептов аналитической психологии в течение первых трех десятилетий XX в. прошли у Юнга под знаком русской интеллектуальной культуры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00217.

Литература и источники

1. Балановский, В. В. Н. Я. Грот и К. Г. Юнг: О вкладе русской философии в развитие аналитической психологии / В. В. Балановский // Вопросы философии. – 2016. – № 6. – С. 115–124.
2. Юнг, К. Г. О психической энергии / К. Г. Юнг; пер. с англ. К. М. Бутыриной // Структура и динамика психического. – М.: Когито-Центр, 2008. – С. 11–82.
3. Юнгрен, М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера / М. Юнгрен. – Санкт-Петербург, 2001.
4. Carotenuto, A. A secret symmetry: Sabina Spielrein between Jung and Freud / A. Carotenuto. – N. Y.: Pantheon Books, 1984.
5. Freud, S. Beyond the Pleasure Principle / S. Freud. – N. Y., London: W. W. Norton & Company, 1990.
6. Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. IV. Band. I Hälfte. 1912.
7. Jung, C. G. Collected Works. Vol. 1 / C. G. Jung; Eds. H. Read, M. Fordham, G. Adler, trans. R. F. C. Hull. – Princeton: Princeton University Press, 1975. – P. 159–187.
8. Jung C. G. Collected Works. Vol. 4 / C. G. Jung; Ed. and trans. G. Adler & R. F. C. Hull. – Princeton: Princeton University Press, 1985. – P. 83–228.
9. Jung C. G. Letters / C. G. Jung; ed. by Gerhard Adler and Aniela Jaffé, tras. R. F. C. Hull. Vol.1: 1906–1950. – Princeton, Princeton University Press, 2015.
10. Jung, C. G. Wandlungen und Symbole der Libido, II / C. G. Jung // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1912. IV. I Hälfte. – S. 161–464.
11. Jung, C. G. Collected Works. Vol. 5 / C. G. Jung; Eds. H. Read, M. Fordham, G. Adler, W. McGuire. – Princeton: Princeton University Press, 1976.
12. Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens / S. Spielrein // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1912. IV. I Hälfte. – S. 465–503.
13. The letters of C. G. Jung to Sabina Spielrein // Sabina Spielrein: Forgotten Pioneer of Psychoanalysis / Ed. C. Covington and B. Wharton. – N. Y.: Brunner-Routledge, 2003.

ИННОВАЦИИ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В БЕЛАРУСИ

М. А. Балбуцкая

Переход к качественно новому состоянию социальной системы обуславливает специфику развития семьи – ее структуры, функций, ролевых отношений и др. Изменения в гражданском праве также влекут за собой

определенные подвижки в институте традиций, регулирующих отношения в сфере семьи и брака.

В постсоветской белорусской сельской семье возникшие еще в советский период инновации обрели статусность, т. е. стали своего рода традицией. В данном случае имеются в виду: система дошкольного и школьного воспитания детей, брачный возраст (18 лет для обоих полов), абортивная практика, равные права мужчин и женщин, а также равные права детей, рожденных в юридическом браке и вне его. Однако в последние годы не только в городе, но и на селе наблюдается такая новая тенденция, когда приоритет отдается интересам и правам ребенка, а не взрослым и родителям, как это было раньше.

Новым явлением для постсоветской сельской семьи стало семейное предпринимательство, в котором отчасти нашла выражение уже устоявшаяся культурная норма профессиональной занятости советской женщины и совместной с мужем ее ответственности за формирование семейного бюджета.

Новые социально-экономические реалии и коммерциализация медицины в значительной степени активизировали мотивационную составляющую здоровьесозидательной практики: болеть нельзя – это дорого.

Новые тенденции в развитии белорусской семьи получили правовое обеспечение, а именно:

а) Конституция Республики Беларусь (1994 г., редакция 1996 г.) впервые вводит понятие отцовства: «Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» (ст. 32, ч. 1) [1, с. 10];

б) с 1994 года отменена уголовная ответственность за мужеложство [2], декриминализована гомосексуальность;

в) в 2012 году принят закон «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [3], который в правовое поле вводит вопросы, связанные распространением и применением вспомогательных репродуктивных технологий – суррогатного материнства, искусственной инсеминации и экстракорпорального оплодотворения.

Процессы урбанизации, индустриализации ведут, как известно, к нуклеаризации семьи. Нуклеарные семьи являются более мобильными, более приспособленными к изменяющимся условиям. Такие же процессы наблюдаются и в Беларуси. Типичная белорусская сельская семья сегодня – нуклеарная, с одним – двумя детьми. В ходе переписи населения Республики Беларусь в 2009 году выявлено, что общее число сельских семей – 677 364. Среди них преобладают супружеские пары с детьми – 233 827 (практически одна третья часть от общего числа), в частности, имеющие детей моложе 18 лет – 159 673, и среди таких пар одного ребенка имеет 78 581 семья (49,2%), двух – 61 128 (38,3%), троих – 14 902 (9,3%), четверых и более – 5 062 (3,2%) [4]. На селе становится нормой неполная семья. Их численность постоянно возрастает. В 2009 году насчитывалось 93 504 семей, состоящих из матери с детьми, что составляет 13,8% от общего числа сельских семей [40]. В 1999 году таких семей было 95 845 (11,0%), в 1989–89 297 (8,9%) [5].

В 1990-е годы в условиях активного реформирования белорусского общества в рыночном направлении степень участия государства в жизни семьи значительно снизилась, хотя, возможно, и в меньшей степени, чем в других постсоветских странах. Государство отошло от патернализма – сложившейся советской практики, когда оно само брало на себя обязательства и ответственность по социальной поддержке и отдельного человека, и семьи. Отчасти это было связано и с экономическим состоянием государства – отсутствием ресурсов для поддержки семьи на том уровне, как это было в советское время. Но были и другие причины: в условиях демократизации общественных процессов закономерно происходило ослабление институционального регулирования семейных отношений со стороны социальных общностей, например, со стороны сельской общины. Ее вмешательство в ход событий посредством общественного мнения стало носить менее принуждающий характер. Есть позитивные, но есть и негативные следствия этого.

Сельчане стали более независимыми от внешнего контроля, стали свободнее в выборе супруга, организации семейной жизни, развода, разрешении вопросов о детях, но вместе с тем они лишились внешней поддержки и помощи. В сложившейся ситуации крайне важно, на наш взгляд, чтобы другие институты, помимо государства, участвовали в поддержке семьи, чтобы часть нагрузки, социальной ответственности брал на себя частный сектор. В настоящее время в аграрном секторе экономики появилось много фермеров, частных компаний. Некоторые из них участвуют в защите и поддержке семьи. И все же частный капитал, частные компании уделяют недостаточно внимания социальной сфере. Неудивительно поэтому, что в обществе поднимаются вопросы повышения культуры предпринимательства.

В заключение отметим следующее. В Беларуси, в отличие от других постсоветских государств, более активно, более целенаправленно поддерживается село, его жители и семьи, что подтверждается принятыми специальными программами в этой сфере. Однако, финансовых возможностей государства, так же как и местных бюджетов, явно недостаточно для решения всех жизненно важных проблем села.

Литература и источники

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005.
2. Правовой статус гомосексуалов в Республике Беларусь // Gay Press [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gaypress.eu/2013/05/09/pravovoj-status-gomoseksualov-v-resp/>. – Дата доступа: 14.11.2015.
3. О вспомогательных репродуктивных технологиях: Закон Респ. Беларусь от 07.01.2012 г. № 341-3: с изм. и доп. на 1 янв. 2014 г. // Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon0/z175.htm>. – Дата доступа: 14.08.2018.

4. Число семей и их состав // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/vyhodnye-reglamentnye-tablitsy/harakteristika-domohozyaistv/>. – Дата доступа: 03.07.2018.

5. Семьи Республики Беларусь по типам // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999-goda/tablichnye-dannye/semi-respubliki-belarus-po-tipam/>. – Дата доступа: 13.07.2018.

МОРАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. Беляева

Современная история уже не мыслится исключительно как наука о прошлом, она имеет прогностические функции и становится также историей настоящего и будущего, рассматривая бытие человека в социальном времени. Поэтому цифровое общество, которое возникает на наших глазах, также может быть предметом не только философско-футурологического, но и исторического осмысления. Задача исторического исследования в этой ситуации – это рассмотрение цифровых феноменов как составной части исторической реальности, включение их в целостное непрерывное описание развития человеческих сообществ, понимание их исторического смысла и роли в формировании смысла истории. Разговор же о смысле неизбежно обращает историческое исследование к его аксиологическим и, в частности, моральным, предпосылкам. Даже если отвлечься от морализаторского истолкования истории как процесса реализации нравственного идеала, историческая рефлексия, так или иначе, характеризует события и процессы в терминах блага и зла, должного и преступного. Она выполняет важную прагматическую функцию – стремится сделать понимание прошлого предпосылкой дальнейших действий и, наоборот, переосмысливает прошлое в контексте насущных исторических задач. Такой новой задачей оказалось выяснение места и роли цифровых технологий в историческом процессе. Эти технологии стали еще одним фактором риска в и без того весьма нестабильном социуме, в результате чего и политикам, и инженерам, и ученым приходится принимать исторические решения в условиях неоднозначности их исторического смысла.

Цифровые технологии влияют и на сам исторический процесс (например, на ход политических выборов, которые все чаще проводятся в форме электронного голосования), и на историческую рефлексия. Об этом свидетельствует возникновение «цифровой истории» (Digital History), использующей системы «больших данных» (Big Data) и искусственного интеллекта [1]. Такая цифровизация, как предмета, так и методологии, ставит

перед историком моральные вопросы, ответы на которые должна дать этика.

Классическая этика трактовала мораль как совокупность норм и ценностей, ориентация на которые позволит человеку выстроить стратегию «правильной жизни». Выполнить нормы и не утратить ценности представлялось обязательной этической задачей. Однако, моральная составляющая исторической рефлексии в цифровом обществе не может сводиться к ценностному сознанию, так как традиционные моральные ценности ничего не говорят о «мире цифры», отрицают и осуждают его. Все наши ценности сформировались внутри нравственных культур, где нравственность ориентирована на людей, понимается как отношение по преимуществу между людьми. Между тем в жизнь человека вторгается информационно-компьютерная реальность, которая из виртуальной стремительно превращается в дополненную. При этом она стремительно эволюционирует от человеческой реальности, дополненной гаджетами, в компьютерную реальность, дополненную человеком.

Кроме того, наблюдаются все признаки неуправляемого хаотического развития ситуации. Внешне становление цифрового общества имеет вид регулируемого государствами, IT-компаниями и банками процесса, действительное же его развитие на данном этапе имеет спонтанно-хаотичный характер. Хотя цифровизация общества по замыслу направлена на повышение управляемости общества, фактически она разрушает человеческие общественные связи, заменяя их электронными контактами. В результате общество перестает состоять из людей, социальное пространство заполняется нечеловекомерными явлениями. Между тем, в отсутствие нравственных характеристик такое общество построено не будет, так как его развитие неизбежно приобретет катастрофический характер.

Рост цифровой составляющей жизни естественно воспринимается человеком как процесс дегуманизации и, соответственно, разрушения моральных оснований взаимодействия с миром. Особенно болезненно такие перемены воспринимают представители традиционного мировоззрения. Как пишет православный мыслитель В. П. Филимонов: «Цифровое общество – это глобальный проект, целью которого является построение нового рабовладельческого общества, управляемого посредством использования информационно-коммуникационных технологий» [2]. Между тем, поскольку общество является сложной системой, а цифровое общество предстает как сверхсложная система, ее целостность по определению нельзя организовать тоталитарно. Цифровой тоталитаризм противоречит сущности общества, а потому возможен только как временное явление, – делает вывод Р. Р. Мурзагулов о новом этапе цивилизационного развития [3].

Превращение цифрового общества в действительно функционирующую социальную систему предполагает наличие имманентных ей механизмов моральной регуляции. Поэтому одной из нравственных задач исторической рефлексии должна стать демонстрация преемственности цифрового общества по отношению к предшествующему развитию. В целом утверждение непрерывности истории и ее смысла

является моральной установкой исторической рефлексии. «Распад связи времен» и «конец времен» уничтожили бы и историческую науку, и ее предмет, а значит, подобные установки самопротиворечивы и не могут быть основанием исторического мышления. Моральная составляющая исторической рефлексии необходима, она способна помочь нам пережить футушок.

Хотя прямая экстраполяция предыдущих моделей развития на будущее не является корректной, она позволяет увидеть возможные варианты разрешения проблем. Современные люди уже как-то забыли, какой моральной травмой обернулось становление индустриального общества, которое коренным образом изменило и семейные нравственные отношения, и представления о нравственности разделения людей на «благородных» и «подлых». Между тем, как индивиды, так и сообщества постепенно ощутили технические инновации, как благо, научились ими пользоваться и создали те нравственные правила, которые позволили организовать человекомерный индустриальный мир и, более того, повысить стандарт гуманности в отношениях человека к человеку.

Как показывает предыдущий опыт человечества по приданию человекомерного характера продуктам техногенной цивилизации, нравственность обусловлена не сохранением традиционных представлений, не моралистическим стремлением поставить все новое под контроль моральных ценностей, которые сформировались до возникновения новых технологий, а путем выработки собственных моральных ценностей, адекватных новым способам жизни человека, новым возможностям и ситуациям взаимодействия. Аналогичным образом система нравственности цифрового общества может сложиться путем моральной самоорганизации того социального и духовного пространства, которое создали люди своей деятельностью. Этика цифрового общества может быть построена только как этика ответственности, когда индивидуальные и коллективные субъекты морали самостоятельно устанавливают нравственные связи, стремятся использовать любые цифровые технологии в целях добра, прилагают усилия оставаться субъектами собственной жизни. Для этики ответственности мораль не сводится к правильным ценностным ориентациям или исполнению нравственных норм. Главное значение имеет ответственная активность человека, создающего и восстанавливающего необходимые нравственные регуляторы для разрешения вновь возникающих коллизий.

Таким образом, историческая рефлексия в цифровом обществе предполагает деятельность ответственного историка, утверждающего непрерывность истории и наличие в ней смысла; а также формирование нравственной ответственности субъектов цифрового общества, развитие которых фиксирует историческая наука.

Работа выполнена при поддержке гранта БРФФИ-РГНФ Г18Р-003.

Літаратура і крыніцы

1. Володин, А. Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху / А. Ю. Володин // Электронный научно-образовательный журнал «История» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.academia.edu/20191534>. – Дата доступа: 19.09.2018.
2. Филимонов, В. П. Цифровое общество и конец истории / В. П. Филимонов // Междунар. XXVI Рождественские чтения, г. Москва, 26 января 2018 г.; Рос. ун-т дружбы народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odigitria.by /2018/02/01 /cifrovoe-obshestvo-i-konec-istorii>. – Дата доступа: 19.09.2018.
- 3 Мурзагулов, Р. Р. Цифровое общество середины XXI века как новый этап цивилизационного развития / Р. Р. Мурзагулов. – М.: РАНХиГС, 2018.

ФІЛАСОФСКІЯ ІДЭІ БОХВІЦА Ў КАНТЭКСЦЕ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗНЯГА РАМАНТЫЗМУ

І. М. Бабкоў

Калі спрабаваць знайсці тэрмін, які перадае цэльнасць інтэлектуальнай пазіцыі і тыпу мыслення Бохвіца, дык гэта – персаналізм. Тут адразу трэба ўдакладніць, што гаворыць аб Бохвіцу як персаналісце мы можам толькі ў аналітычнай рэтраспектыве. Сам ён не ўжывае гэты тэрмін і не звяртаецца да аўтараў, што звычайна разглядаюцца пяярэднікамі як філасофскага, так і рэлігійнага персаналізму (Ляйбніц, Шлеермахер). Тым не менш, менавіта персаналізм найлепшым чынам апісвае цэльнасць і нават стылістыку яго думкі.

У цэнтры Бохвіцавага мыслення знаходзіцца ідэя асобы. Змест гэтай ідэі адрозніваецца як ад традыцыйна-асветніцкага разумення, так і ад кансерватыўна-рэлігійнага. Гэтая асоба абуджаная, выведзеная з «натуральнай устаноўкі свядомасці». Бохвіц не проста накружае «асобу» пэўнымі абстрактна вызначанымі задачамі і характарыстыкамі. Ён гаворыць пра асабісты досвед. Гэты досвед з’яўляецца метафізічным. І ў той жа час духоўным. Усё, пра што ён піша, перажыта і прадумана асабіста, і менавіта гэты аспект забяспечвае асабліва інтымную, прыватную інтанацыю самым агульным, метафізічным ідэям.

Чалавек выходзіць за межы наяўнага быцця, непазбежна і неўнікнёна. І непазбежна мусіць туды вярнуцца, – ужо не як яго частка, не як чалавек эмпірычны, але як дух, які мае правы і абавязкі як ў дачыненні самога сябе, так і ў дачыненні знешняга, матэрыяльнага свету. І ў гэтым сэнсе рэлігійнае мысленне Бохвіца непазбежна аказваецца і антрапалогіяй, і этыкай, і маральнай філасофіяй, але не ў абстрактным сэнсе сканструяванай, лагічна выведзенай сістэмай.

Аднак у межах гэтай агульнай тэрыторыі мы можаць прасачыць пэўную эвалюцыю думкі, своеасаблівае інтэлектуальнае падарожжа: ад кнігі да кнігі, ад ідэі да ідэі, ад эмоцыі да эмоцыі. Ад першых дзвюх кніг, якія мы

можам назваць «унутраным колам» яго філасофіі, уласна рэлігійным і спырытуалістычным. Праз *мэты існавання чалавека*, дзе Бохвіц абазначае тэрыторыю ўласнага мыслення як філасофію і, зыходзячы з гэтага, удакладняе пазіцыі ўнутранага кола ў «Прынцыпах думак і пачуццяў». І, нарэшце, завяршэнне падарожжа ў «Думках пра выхаванне чалавека», якая па сутнасці ёсць спробай спырытуалістычнай антрапалогіі, даследаванняў глыбокіх і істотных сувязяў між чалавечай рэальнасцю (якая перадусім ёсць рэальнасць духа) і знешнім светам, які дадзены нам не толькі як абмежаванне і перашкода, не толькі як аб'ект валодання і карыстання, але і як іструмент узвышэння і дасканалення.

ПЕРИФЕРИЙНОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМЫ

Л. М. Богатова

Эпиграфом к обозначенной проблеме может стать философская сентенция, которую в различных вариантах высказывали многие известные мыслители, как прошлого, так и настоящего. Ее суть сводится к тому, что труднее всего доказывается и обосновывается общеизвестное. Действительно, о значимости философско-гуманитарной составляющей в образовательном процессе современной высшей школы написано и сказано немало. Данная проблема не была обойдена вниманием исследователей различных наук. К ней в разной степени обстоятельности обращаются представители философии, истории, социологии и ряда других областей знания [1]. Но, несмотря на активность теоретических исследований и многочисленные разработки прикладного, методического характера, актуальность проблемы, связанной с преподаванием философских дисциплин в рамках высшего образования, в современных условиях не только не снижается, а напротив лишь возрастает. В этой связи возникает настоятельная необходимость, что называется «в который раз», обратиться к данной проблеме и особо акцентировать внимание на то существенное обстоятельство, что непрерывно идущее сокращение циклов философских дисциплин, все более приобретает ярко выраженный негативный социокультурный контекст.

Принимая во внимание сложнейшие и противоречивые процессы, которые разворачиваются в пространствах современной культуры, можно категорично утверждать, что *гуманитаризация* учебно-образовательного процесса во всех звеньях высшей школы выступает необходимым и первостепенным по значимости условием совершенствования ни много ни мало российского общества в целом. Насыщение образовательного процесса дисциплинами философско-гуманитарного цикла – первостепенная и насущная потребность, без удовлетворения которой не представляется возможным вести речь о высшей школе как о дееспособном социальном

институте, включенным в процесс формирования личности в соответствии с современными общественными запросами и интересами, связанными с утверждением принципов, дающих возможность вести межкультурный и межконфессиональный диалог.

Духовное становление личности – это сложный и противоречивый процесс, на который оказывают влияния многие социокультурные факторы. Значительный вклад в этот процесс вузовского преподавания вносят общеобразовательные гуманитарные курсы – в первую очередь «Философия», «Культурология», «Основы религиоведения», «Мировая художественная культура» и др., которые способствуют формированию у личности определенных мировоззренческих представлений и дают совокупность знаний, необходимых для ориентации в реальном жизненном потоке. Знакомство с этими курсами имеет не только теоретико-познавательное значение, но и способствует духовному развитию личности, подталкивает ее к серьезным размышлениям.

В современной ситуации данное обстоятельство приобретает особое значение, поскольку многие проблемы современного российского общества проистекают из-за недостатка нравственной и правовой культуры, духовной ущербности. Содержание гуманитарных курсов, которое нацелено в первую очередь на обращение к наиболее злободневным дискуссионным проблемам, на рассмотрение вопросов, имеющих в современных условиях особую актуальность, позволяет студентам значительно восполнить мировоззренческий дефицит и значительно расширить свои представления по наиболее актуальным общемировоззренческим и духовно-нравственным проблемам.

Постепенно происходит осознание того непреложного факта, что без глубоких и обстоятельных философских знаний невозможно сформировать личность в качестве активного, социально зрелого субъекта толерантного, демократически ориентированного общества. Ни в коей мере не умоляя значимости естественнонаучных прикладных дисциплин в социальном становлении личности, хотелось бы отметить, что мировоззренческий потенциал микробиологии или коллоидной химии имеет явно другую направленность, чем этика, религиоведение, история, культурология, философия и т. д.

В этой связи большую тревогу и озабоченность вызывает не только сокращение учебных часов, отводимых на предметы философской направленности, низведение их до абсурдного минимума, но и неоправданное изъятие из учебно-образовательного процесса многих гуманитарных дисциплин, имеющих колоссальное воспитательное воздействие на процесс мировоззренческого формирования личности. Рассмотрим, к примеру, ситуацию, сложившуюся вокруг курса «Основы этики», который в настоящее время отсутствует почти без исключения во всех учебных планах вузовской подготовки.

Между тем стоит подчеркнуть, что вряд ли оправданно игнорировать роль этических знаний в процессе духовно-нравственного формирования

личности или подменять курс «Основы этики» преподаванием других гуманитарных дисциплин, которые по ряду существенных причин не в состоянии заместить и компенсировать дефицит знаний, вызванный отсутствием в практике учебно-образовательного процесса специального курса, нацеленного на знакомство студенческой аудитории с основами нравственной культуры. Следует обратить самое пристальное внимание на то обстоятельство, что курс «Основы этики» не только существенно пополняет объем знаний и значительно расширяет эрудицию и общую мировоззренческую культуру, но и располагает большими воспитательными возможностями, что в современной ситуации, созданной рядом существенных вызовов глобального характера, приобретает немаловажный социокультурный контекст. Представляется, что имеет смысл буквально по пунктам расписать чиновникам «от образования» каким когнитивно-аксиологическим потенциалом располагает курс «Основы этики» и насколько он важен и необходим в практике преподавания в высшей школе. Не имея возможности обстоятельно изложить затронутую проблему, обозначим лишь некоторые направления:

– *во-первых*, знакомство студенческой аудитории с этическими знаниями оказывает существенное влияние на становление нравственной зрелости, воздействует на развитие способностей выносить нравственную оценку своим поступкам, побуждает задуматься над своими взглядами и принципами, провести критический самоанализ и самооценку. Большую роль в формировании нравственной зрелости личности имеет знакомство с философско-этическим анализом содержания таких общечеловеческих ценностей, выработанных культурой в процессе исторической практики как добро и зло, совесть, долг, моральная ответственность, честь и достоинство, любовь и дружба и т. д.;

– *во-вторых*, на сегодняшний момент социокультурная ситуация в нашем обществе характеризуется возрождением религии, которая переживает своеобразный ренессанс и занимает достойное место в духовной жизни. В курсе «Основы этики» изучению исторических аспектов становления мировых религий, особенно христианству и исламу, раскрытию во всей сложности и противоречивости процесса генезиса религиозного сознания, знакомству с системой нравственных ценностей, которые утверждает та или иная религия отводится значительное место. Изучение нравственных традиций различных религий может способствовать формированию у студентов уважительного отношения к культуре и духовным традициям других народов, способствовать утверждению взаимопонимания и доверия;

– *в-третьих*, в условиях сложной демографической ситуации, а так же под воздействием бурно развернувшейся «сексуальной революции», большое значение приобретает формирование у молодежи ответственного отношения к браку и семье. Знакомство с исторической эволюцией семейно-брачных отношений, исследование дружбы, любви как высших духовных ценностей, анализ материнства как нравственного, культурно-исторического явления

может во многом способствовать преодолению примитивных и вульгаризированных представлений по проблеме сексуально-половых отношений и подвести личность к осознанию любви, брака и семьи как высших нравственных ценностей;

– в *четвертых*, курс «Основы этики» располагает большими возможностями для осуществления межпредметных связей. Обращение к философским, эстетическим, историческим, а так же правовым знаниям студентов, помогает сформировать нравственную позицию, основанную на приоритете общечеловеческих ценностей. Знакомство с нравственными традициями различных типов культур благоприятно отражается на формировании представлений об их уникальности и значимости, способствует формированию национального самосознания, воспитывает чувство высокой гражданственности и патриотизма, которые сопряжены с чувством любви и гордости к своей национальной культуре. Этические знания могут стать своеобразным противовесом против различного проявления национализма, религиозного экстремизма, терроризма, способствуют формированию уважительного отношения к культурно-историческому опыту других народов, научают ценить значимость прав и свобод другой личности.

Следует подчеркнуть, что приведенный перечень представляет лишь основные направления, по которым может быть наиболее эффективно реализован когнитивно-аксиологический потенциал курса «Основы этики». Невостребованные обширные мировоззренческие возможности лишней раз свидетельствуют о том, что оттеснение на периферийные позиции философских дисциплин, а так же сложившийся дефицит предметов гуманитарного цикла неблагоприятно отражается на качестве духовно-нравственного формирования личности. Не будет преувеличением утверждать, что дефицит философского знания негативно отражается на мировоззренческом и духовном становлении личности, порождает ущербность, духовную нищету, ведет к элементарному невежеству. События, происходящие в настоящее время в Украине, лишней раз подтверждают, что рано или поздно искажение и дефицит философского, гуманитарного образования неизбежно оборачиваются политической малограмотностью и идейной зашоренностью. Российское высшее образование должно наконец-то научиться извлекать уроки не только из своего очень трудного прошлого, но и из настоящего. Нельзя игнорировать самоочевидного – если российское общество желает уверенно войти в общеевропейское культурное пространство, на равных включится в диалог с другими культурными традициями, объективно актуализируется задача формирования личности, в идейном багаже которой самое достойное место занимают философские знания во всей их полноте и многообразии.

Литература и источники

1. Богатова, Л. М. Социокультурный контекст десекуляризации российского высшего образования / Л. М. Богатова // Религия и образование в светских

обществах: опыт, проблемы, перспективы: мат. межд. науч. конф., Республика Беларусь, г. Минск, 27–28 мая 2014 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 209–211.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С АТЕИСТИЧЕСКИМ И ХРИСТИАНСКИМ МИРОВОЗЗРЕНИЕМ

А. В. Болкунов, А. И. Янчий

Для современной истории развития белорусского общества характерны некоторые разногласия по поводу приемлемых типов поведения, формирования тех или иных ценностных ориентаций, установок, понимания нравственного поведения молодых людей. На наш взгляд, научно техническая революция, социальные и экономические изменения общества послужили причиной значительных искажений нравственных и духовных ценностей современного общества. Это, в свою очередь, повлияло и на отношения между людьми в целом. Так, на смену гуманистическим ценностям, пришла популярность гедонизма, жажды власти и богатства. Изменения, происходящие в обществе, оказывают влияние не только на отношения людей друг к другу, но, в первую очередь, влияют на самого человека. Изменяются установки человека, его нормы, жизненные цели, идеалы, принципы, ценности, религиозная культура, вера, мировоззрение в целом.

Рассматривая понятие веры, Р. М. Грановская выделяет такое его свойство, как стремление к нравственности, а также связывает понятие веры с внедрением в воспитание и образование религии как безусловной истины [1]. Ее теорию также поддержал и развил Б. С. Братусь, который в своих работах связал веру со смыслообразованием, как направлением на создание, принятие и поддержание целостного образа мира [2]. Таким образом, в отечественной психологии понятие веры тесно связано с формированием у человека духовности, мировоззрения и традиционных для Беларуси культурных ценностей.

В связи с этим особенно важным представляется изучение ценностей современного человека с христианским и атеистическим мировоззрением.

Для исследования ценностей респондентов, придерживающихся христианских традиций и атеистов, использовалась «Методика Шварца для изучения ценностей личности» в адаптации В. Н. Карандашева [3]. В качестве методов статистической обработки, нами был выбран U – критерий Манна-Уитни для оценки различий между двумя выборками и коэффициент ранговой корреляции Спирмена для оценки связи ценностей внутри каждой из групп.

В исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 21 до 48 лет, христианского вероисповедования (православные и католики) и атеисты.

Проведя анализ и обработку данных, полученных с помощью методов математической статистики, нами были обнаружены значимые отличия

ценностей на уровне нормативных идеалов. Так, для представителей христианства в качестве наиболее значимой ценности выступает «доброта», в то же время, для респондентов, придерживающихся атеистического мировоззрения, данная ценность не является значимой (обнаружены статистически значимые различия при $p=0,02$). Полученные нами данные могут свидетельствовать о том, что люди, придерживающиеся атеистических взглядов на мир, такую гуманистическую ценность как «доброта» не считают важной в контексте взаимодействия между людьми, проявление ее современным человеком в личных контактах может свидетельствовать о незначимости сохранения и улучшения благополучия для близких ему людей.

Анализ выявленных нами ценностей на уровне нормативных идеалов позволил нам обнаружить статистически значимые различия в понимании, терпимости, значимости благополучия для всех людей и природы (универсализм). Для представителей христианства ценность «универсализм» является наиболее значимой, чем для представителей, придерживающихся атеистического мировоззрения (различия значимы на 1% уровне значимости). Можно предположить, что в понимании католика и православного человека терпимость, понимание всех людей, сохранение природы, благополучие страны – жизненные ценности, идеалы, которые определяют модель взаимодействия христианина с миром.

Известно, что к основным потребностям человека относится потребность в безопасности. Обработка и анализ полученных данных показал, что для респондентов, придерживающихся христианского вероисповедания ценность «безопасность» в ранжированном ряду занимает третью позицию. Нами было установлено значимые различия этой ценности для наших респондентов, как христианского вероисповедания, так и атеистов (значимые различия обнаружены на 1% уровне значимости). Так, потребность в безопасности, стабильности общества, стабильности в отношениях и стабильности в отношении самого себя совпадают с ключевыми мировоззренческими устоями и философией любого позитивно мыслящего человека. Такие же идеи созвучны и христианскому учению. Можно предположить, что представители христианства, для которых ценность «безопасность» является наиболее значимой, отражают общие надежды и ожидания современного человека.

Как известно, отсутствие духовности вносит свои коррективы в общее развитие личности, отражается на установках, нормативах, ценностных ориентациях человека. Данные нашего исследования показывают, что для представителей атеистического мировоззрения такие ценности как гедонизм, власть и достижения имеют огромную значимость, в ранжированном ряду ценностей они занимают высокие ранги, по сравнению с респондентами с христианским мировоззрением.

Нами также был проведен анализ связи ценностей по шкале нормативных идеалов у представителей христианства. Анализ корреляционных связей позволил обнаружить три ядра и три связи в

структуре ценностей респондентов-христиан (Рисунок 1).

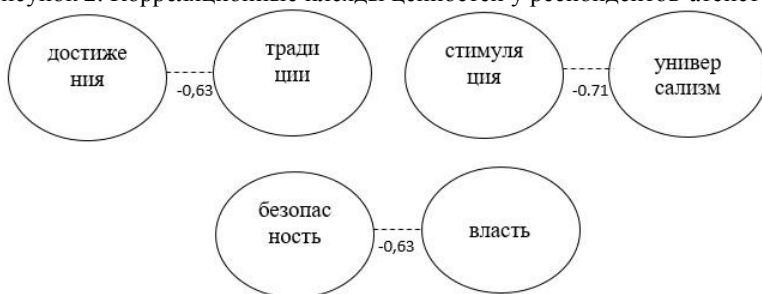
Рисунок 1. Корреляционные плеяды ценностей у респондентов-христиан

При этом единственная положительная связь, была обнаружена между ценностями «достижение» и «доброта», что отражает видение представителей христианства личного успеха как сохранение и повышение благополучия близких людей. При этом нами также была обнаружена сильная отрицательная связь между ценностями «безопасность» и «самостоятельность». Это позволило нам сделать вывод о конфликте безопасности и стабильности общества, с самостоятельностью мыслей и действий. Третье ядро, имеет также отрицательную связь между ценностями «власть» и «традиции». На наш взгляд, это показывает отношение респондентов-христиан к стремлению других доминировать над людьми, которое в их понимании идет в разрез с культурными и религиозными традициями и обычаями. Стоит заметить, что полученная структура отражает такие положения христианского учения, как смирение, гуманность и доброта к людям.

Нами также была рассмотрена и структура ценностей у респондентов с атеистическим мировоззрением. Она также имеет три связи и три ядра (Рисунок 2).

Рисунок 2. Корреляционные плеяды ценностей у респондентов-атеистов

В выявленной нами структуре нами обнаружена сильная отрицательная связь между ценностями «стимуляция» и «универсализм», что показывает конфликт ценности стремления к новизне и глубоким переживаниям с ценностями благополучия людей и природы. Второе ядро имеет также одну

отрицательную связь между ценностями «достижение» и «традиции». Это может быть свидетельством того, что социальные достижения вне группы не являются значимыми для респондентов-атеистов. Также нами была обнаружена отрицательная связь между ценностями «безопасность» и «власть». На наш взгляд, это может показывать наличие у респондентов с атеистическим мировоззрением установки на достижение социального статуса, престижа, социальной власти и богатства. При этом такого рода установки могут вступать в конфликт с имеющимися потребностями у респондентов-атеистов: потребностью в безопасности, потребностью в гармонических отношениях между людьми и гармонизации общества в целом. При этом стоит отметить, что у респондентов-атеистов ценности «власть» и «достижение», являются наиболее значимыми, что позволяет нам сделать предположение о наличии у них пренебрежения к таким гуманистическим ценностям как «традиции» и «универсализм». Можно предположить, что понимание, терпимость, благополучие для всех людей, отсутствие единых ценностей, уважение и принятие обычаев и идей, существующих в культуре, смирение, благочестие, умеренность не являются ценными для наших респондентов с атеистическим мировоззрением.

Таким образом, полученные нами данные позволяют сделать вывод о том, что у респондентов с христианским мировоззрением в большей степени наблюдается «просоциальный» тип ценностей, в то время как у респондентов с атеистическим мировоззрением наблюдается ценностная направленность на достижение социального статуса и престижа.

Литература и источники

1. Грановская, Р. М. Психология веры / Р. М. Грановская. – СПб.: Питер, 2010.
2. Братусь, Б. С. Вера как общепсихологический феномен сознания человека / Б. С. Братусь, Н. В. Инина // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 1. – С. 25–38.
3. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. – СПб.: Речь, 2004.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО КОМПЕТЕНТНОЙ ЛИЧНОСТИ

Е. В. Бочарова

Проблема развития профессионально компетентной личности в современном обществе становится трансдисциплинарной и рассматривается в нескольких аспектах:

- образовательном, а именно как поиск и применение наиболее эффективных педагогических технологий;
- управленческом, т. е. как формирование соответствующих компетенций, отражающих специфику работы, а также обеспечивающих

конкурентоспособность в соответствии с требованиями на рынке труда;

– социально-гуманитарном, когда учитывается не только возможность передачи знаний, умений и навыков в определенной сфере деятельности, но и развитие кругозора, трансдисциплинарного видения, формирование гуманистических ценностей;

– юридическом, как нормативно-правовое регулирование процесса профессионального развития и становления работников.

Компетентностный подход в настоящее время становится одним из ведущих в мировой образовательной практике. При его реализации важно осознавать, что основу профессионализма работников составляют знания в сочетании с практическими навыками. Особое внимание уделяется способности незамедлительного действия в сложных проблемных ситуациях.

Компетентностный подход постепенно распространяется в сферу управления в организациях. Наиболее известным определением термина «компетенция» является следующее: «Компетенция – способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области» [1]. А. В. Хуторской определяет компетенцию как знания, умения, опыт, теоретико-прикладная подготовленность к использованию знаний [2]. В «Толковом словаре русского языка» приводится следующая трактовка данного понятия «компетенция – это круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен» [3].

Сравнение и анализ различных определений термина «компетенция» позволил определить общее: умение определить основную проблему и искать пути разрешения; применение накопленных ранее знаний; умение анализировать сложившиеся производственные ситуации и принимать обоснованные решения. Следовательно, профессиональная компетенция определяемая как наличие взаимодополняемых качеств, а именно полученных знаний, дополнительных умений, профессиональных навыков, способов выполнения трудовой деятельности, характеристик личности, как психологических, так и мотивационных по отношению к определенному кругу производственных процессов, необходимых для эффективного выполнения поставленных трудовых задач [4, с. 133–140].

Для того чтобы специалисты могли демонстрировать высокую квалификацию, они должны освоить необходимые базовые и профессиональные компетенции. Владение общекультурными компетенциями помогает сотруднику выйти на качественно новый, высокий уровень межличностного общения в трудовом коллективе и за его пределами. Профессиональные компетенции обеспечивают высокую конкурентоспособность работников в соответствии с требованиями на рынке труда. Современный профессионал должен уметь творчески мыслить, самостоятельно принимать решения, а также совершенствовать свою квалификацию в рамках системы непрерывного образования.

В России в 2012 году Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. впервые законодательно закреплено понятие непрерывного образования [5].

Министерством образования и науки в 2015 г. разработана Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года, которая предусматривает предоставление возможности всем гражданам на получение образования в течение всей жизни. Согласно документу непрерывное образование взрослых осуществляется через:

– формальное образование в учреждениях, оказывающих образовательные услуги;

– обучение по месту работы (стажировка, наставничество, тренинг, инструктаж, обмен опытом, и т. д.);

– самообразование.

Важными шагами на пути формирования профессионально компетентного специалиста является гуманизация, гуманитаризация и социализация непрерывного образования. Этот процесс ориентирован на демократический стиль отношений, уважение личности, установление духовно-нравственных ценностей в коллективе. В условиях современных вызовов и угроз особенно остро стоит задача при подготовке высококомпетентных работников следовать гуманистическим ориентирам, которые основаны на гармоничном восприятии действительности. Роль системы непрерывного образования в процессе подготовки профессионально компетентного сотрудника заключается не только в узкоспециальной направленности, но и формировании высококультурной, нравственной, гуманной личности. Ключевую роль в этом играет социально-гуманитарное знание, в котором гармонично сочетаются общеобразовательные знания, специальные знания, а также духовные компоненты. Социально-гуманитарные науки формируют у человека способности глубокого видения профессиональных проблем. Только всесторонне мыслящий сотрудник, оценивающий свою работу не только с позиции профессиональной целесообразности, но и общечеловеческих ценностей, может стать профессионально компетентным специалистом.

Литература и источники

1. Азарова, Р. Н. Разработка паспорта компетенции: Методические рекомендации / Р. Н. Азарова, Н. М. Золотарева. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010.
2. Хуторской, А. В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>. – Дата доступа: 10.09.2018.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАО. Институт русского языка; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1993.
4. Бочарова, Е. В. Система компетенций работников агропромышленного комплекса / Е. В. Бочарова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 5/1. – С. 133–140.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174. – Дата доступа: 09.09.2018.

СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ ДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В СИТУАЦИИ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА

Е. Е. Бурова

В современном социогуманитарном знании формируются новые онтологии, происходят существенные изменения гносеологии и методологии, осуществляется ориентационный поиск объяснительных возможностей теорий, осуществляется дисперсия методов. Специфика сдвигов продиктована необходимостью новой идентификации в условиях социальных преобразований, которые сопровождаются сменой мировоззренческих парадигм, пересмотром методологических оснований, восприятием иных аксиологических установок, как в науке, так и в образовании.

Наука и образование – сложные системы деятельности и, построенные в основе своей на определенной нормативности и вместе с общими горизонтами знаний в них меняются нормативные критерии их организации и оценки. Включенность в учебное знание палитры достижений переднего края науки в условиях его существенной трансформации требует изменения критериальной рациональности.

Становление социогуманитарной дисциплинарности в казахстанской научной практике интенсифицировано с конца прошлого столетия и совпадает с институционализацией новых предметных областей и формированием соответствующих специальностей. Переинтерпретация классических (философия, социология, психология) и появление новых (политология, культурология, религиоведение) дисциплин, их дифференциация привели к переосмыслению парадигмального контекста (внутри – и междисциплинарного).

Социогуманитарная дисциплинарность подвергалась переходу от типологического способа мышления (как характерной черты классической рациональности) к популяционистскому объяснению (соответствующему неклассической и постнеклассической науке). И в науке, и в образовании в условиях их трансформации переопределяются критериальные параметры: основания, нормы, принципы соответствия, что вызывает необходимость разработки новых методологических средств с целью осуществления разностороннего анализа сущности и тенденций происходящих изменений.

Соизмеримость становится одним из ведущих аналитических подходов в условиях синергетической и необъектной организации мира.

При каких обстоятельствах возникает проблема соизмеримости?

Исторически соизмеримость всегда присутствует в процессе продуцирования нового знания, его интерпретационных характеристиках, в ситуациях альтернативного концептуального выбора. Гносеологически она может появиться в условиях допарадигмального или постпарадигмального этапов, когда в научном сообществе отсутствует общий согласительный консенсус относительно каких-либо теоретических параметров: языковых средств, процедур интерпретации, правил получения знания, процедур его

проверки, статуса господствующих теорий. Аксиологически соизмеримость имманентна состоянию реального мировоззренческого и методологического плюрализма. Эпистемологически соизмеримость воплощена в самой ткани научной рациональности, поскольку от нее зависит характер прогресса в науке и ее пульсирование как динамической системы, всегда открытой для достраивания и пересмотра прежних канонов.

Соизмеримость / несоизмеримость выступает проблемным контекстом всей неклассической научной рациональности на протяжении XX столетия, но становится актуальной в связи с кризисами методологического сознания в науке и социогуманитарной деятельности в целом в те периоды, когда устаревают объяснительные схемы и критерии мировоззрения и методологии. Соизмеримость как научная проблема, метод и методология заданы междисциплинарно и соответствуют новым критериям научности в условиях интегративной динамики неклассической науки.

Средством соизмеримости в социогуманитарной дисциплинарности является философско-методологическая рефлексия. Соизмеримость в социогуманитарной дисциплинарности – это аналитическая процедура, интегрирующая в себе феноменологию понимания и формально-математическую квантификационную мерность и представляющая общенаучный метод, при помощи которого выявляется критериальная и некритериальная рациональность – существенные особенности социогуманитарной нормативности.

Интегративный потенциал соизмеримости как методического средства позволяет осуществлять логическую реконструкцию исследуемого предмета в модели. Такие изоморфные модели предметно воспроизводятся в традиционном взаимодействии науки и образования.

Соизмеримость / несоизмеримость как эпистемологическая проблема может быть понята в качестве методологической основы новой парадигмы науки в целом, которая утверждалась на протяжении XX столетия, а с 90-х гг. явно обнаруживается в практике моделирования социогуманитарной дисциплинарности в казахстанской системе образования. Актуальность проблемы соизмеримости в социогуманитарной дисциплинарности продиктована практической потребностью осуществления экспертной оценки состояния современного учебного знания. Для экспертной оценки необходимы соответствующие аналитические процедуры, в рамках и посредством применения которых возможна теоретическая реконструкция когнитивных проблем.

Соизмеримость как методологический потенциал объяснения выступает адекватным средством понимания, анализа проблем и принятия практических решений, представляя собой самодостаточный алгоритм познания и деятельности. Модельной реконструкции могут быть подвергнуты: стиль мышления субъекта научного познания, парадигмальный характер дисциплины, логика обоснования, языковой контекст, способ формулирования выводов, методологическая культура профессионального мышления, мировоззренческий и аксиологический горизонты как вторые

планы стиля и методологии, которые опредмечены в любых устных и письменных текстах: начиная от монографических исследований и завершая тестами.

Многофункциональность соизмеримости в социогуманитарной экспертной практике демонстрирует такие ее предметные воплощения, как онтологическое, гносеологическое, методологическое, аксиологическое. Плюрализация в социогуманитаристике приводит к сосуществованию взаимодействия конкурирующих и альтернативных теорий и программ, потенциал которых требует изучения на основе соизмеримости. Социогуманитарная рефлексивность представляет собой уникальное воспроизведение стиля мышления, где второй план (аксиологические акценты, субъективизм оценок, личностное видение проблем) в существенной мере определяет выбор объекта, способ его интерпретации, формы представленности знаний в готовых результатах. Социогуманитарная рациональность и типична, и индивидуально неповторима; и рациональна, и иррациональна одновременно, что позволяет принимать ей бесконечные формы самовыражения в виде идей, подходов, доктрин, концепций, которые могут обладать систематичностью, а могут и не представлять стройной логики выводов. Доказательство в социогуманитаристике связано с развернутым обоснованием и аргументацией, где установление какого-либо соответствия (с аналогом, идеалом, критерием) обладает продуктивностью лишь в определенных значениях или локусах, то есть контекстах, за пределами которых соизмеримость утрачивает смысл.

В зависимости от формы рациональности определяется контекст. Предельным контекстом соизмеримости являются метанаучные средства, среди которых – трансдисциплинарные взаимодействия на уровне методологий. Философско-социологический синтез методологий как раз отвечает требованиям соизмеримости научного знания и представляет собой тип рефлексии второго (или даже третьего, если учесть фантомность социогуманитарных образов) порядка.

Что может быть соизмерено и подвергается соизмерению в процессе осуществления научного исследования, в ходе предъявления его результатов научному дисциплинарному сообществу, в процедуре их признания, в механизме включения в корпус научного и учебного знания? По степени общности можно выделить: уровень концептуализма; генерирующий стиль мышления; мировоззренческие горизонты обоснования в форме умозрительных принципов; приверженность конкретной методологии; характер парадигмальности рефлексии, ее тип; методическая корректность используемых обоснований и доказательств; характер интерпретационных усилий; строй языка и категориальность мышления в целом; аксиологическая акцентуация; степень инновационности; отношение к традиции.

Исследования соизмеримости связаны не только со сферой эпистемологии, но обретают трансдисциплинарный дискурс, детерминирующий формирование новых подходов, исследовательских областей в сравнительной эпистемологии; науковедении и истории науки;

философии, логике и методологии науки; философии и социологии образования; методологии образования; сравнительной социогуманитаристике, которые обретают в казахстанской науке когнитивную и социальную институционализацию.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ТРЕНД СОПРЯЖЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИСКУРСА

В. Н. Ватыль

Интеграция как исходное слово социогуманитарного анализа и проектирования представляет собой системно-структурное социально-экономическое, идейно-политическое и духовно-символическое явление. Начавшись как вынужденный эксперимент в Западной Европе после Второй мировой войны, с 50-х годов интеграция вышла далеко за пределы европейского континента. Современный опыт мирового интеграционного тренда требует соответствующего осмысления, которое уже невозможно без сравнения интеграционных процессов в разных частях мира. Свою лепту сегодня в этот опыт вносит интеграционная динамика Европейского союза (ЕС) и Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которая является объектом нашего рассмотрения. Предметом – станет выявление логики и параметров сопряжения интеграционных тенденций в указанных региональных объединениях, целью – характеристика модели социальной политики как тренда сопряжения европейской и евразийской интеграции (ЕАЭС). В этой модели фиксируется факт нового принципа синтеза социогуманитарных дисциплин – трансдисциплинарности. Синтеза не только в предметно-тематической плоскости, что характерно для данного подхода, но и в плоскости социально-практической.

Фундамент для сопряженности европейской и евразийской интеграции объективно есть. Для Евразийского экономического союза тесное сотрудничество с Евросоюзом чрезвычайно важно:

– ЕС – крупнейший торговый партнер России, Беларуси и Казахстана. Более 40% товарооборота Беларуси приходится на Европейский союз (Беларусь в свою очередь является вторым по значимости торговым партнером Евросоюза).

– ЕС мог бы сыграть ключевую роль в решении проблем модернизации стран Таможенного союза.

– Зарождающийся Евразийский экономический союз инициирует ряд соглашений о свободной торговле с менее значительными по размеру экономики и значимости партнерами, например Вьетнамом и Израилем. Сам по себе факт переговоров полезен: они помогут уточнить приоритеты, сформировать компетенции и отточить переговорную тактику. Вместе с тем, именно Евросоюз следует рассматривать в качестве основного

долгосрочного партнера.

– Проблема Украины может быть решена в рамках глубокой экономической кооперации ЕС и ЕАЭС, что повышает важность такого сотрудничества.

Для ЕС тесное экономическое сотрудничество с ЕАЭС также представляет принципиальную важность:

– ЕАЭС – третий по величине торговый партнер Евросоюза после США и Китая. Влияние российских ограничений на импорт продовольствия показало степень взаимозависимости в торговле и заинтересованности европейских производителей в нормальных коммерческих отношениях.

– Проблемы безопасности, включая общее соседство, могут быть решены только в сотрудничестве со странами ЕАЭС.

– Существует структурная зависимость от «евразийских» углеводородов.

– Режим свободной торговли даст возможность предприятиям Евросоюза не только укрепить конкурентоспособность на важном рынке, но и улучшить условия торговли на рынках, смежных с ЕАЭС. Сочетание конкурентных преимуществ двух союзов дает возможность максимально эффективно реализовать «двойную ренту» – технологическую (со стороны ЕС) и природную (со стороны ЕАЭС). В результате возможен значимый эффект роста конкурентоспособности на всех рынках прилегающих пространств от Лиссабона до Владивостока.

Модель социальной политики в ЕС изначально опиралась на идею приоритета европейской социальной интеграции. Полная занятость, социальный прогресс, забота и партнерство относятся к числу ее основных целей. Структура социальной модели Евросоюза (далее – ЕСМ) состоит из нескольких основных элементов. Обычно выплату страховых пособий на случай болезни, безработицы, в связи с несчастным случаем на производстве или по старости относят к «социальному страхованию» (social security). Соответствующие средства, как правило, накапливаются работником самостоятельно за период его трудовой деятельности. Термин «социальная помощь» (social assistance) подразумевает субсидии, на которые могут претендовать только остро нуждающиеся. Это минимальные средства, безвозмездно предоставляемые долговременным безработным, инвалидам и престарелым в случае, если они не заработали на социальное страхование или страховка слишком мала для поддержания приемлемого образа жизни. Жилищные и семейные пособия могут быть отнесены к тому же разряду, если объединить соответствующие меры термином «социальное обеспечение» (social provision).

Государства могут регулировать рынок труда и вводить правила, касающиеся продолжительности рабочей недели, обеспечения гигиены и безопасности на рабочем месте. Подобные формы вмешательства со стороны правительства называются «социальным регулированием» (social regulation). Меры по социальному страхованию, социальному обеспечению и социальному регулированию в совокупности составляют «социальную

защиту» (social protection), которая подразумевает гарантию государством и обществом социальных прав граждан [1, с. 342–343].

В современных условиях ЕСМ включает в себя как традиционные, так и новаторские подходы. Социальное обеспечение, сохранность зарплат, льгот и пособий, прежняя система организации труда уже не устраивает людей. Современный человек стремится реализовать свой социальный потенциал. А это, в свою очередь, придает особую значимость таким понятиям, как «качество жизни» и «социальное качество».

В соответствии с этим идет подготовка рабочей силы нового типа, отвечающей потребностям нового производства, что предполагает создание условий для гармонизации профессиональной и семейной жизни, расширения социальных и гражданских прав, доступ к культуре и знаниям. Другими словами – создание условий для всестороннего развития и реализации возможностей для каждого, независимо от принадлежности к той или иной социальной группе. Возможность жить и работать в благоприятной окружающей среде, реализовать в процессе трудовой деятельности творческий потенциал личности, чувствовать себя защищенным от экономических и политических потрясений – все это входит в понятие качества жизни.

Достижению новых уровней социальной политики в ЕС должно также способствовать расширение социального диалога и утверждение политики социального партнерства между структурами Евросоюза, бизнесом и гражданским обществом. Удачным примером официального партнерства в ЕС выступают представители наднациональных объединений: Союз европейских предпринимателей (UNICE), Европейская конфедерация профсоюзов (СЕЕР), Европейский центр работников госпредприятий (UEAPME). Значительную роль здесь играют руководящие структуры Евросоюза. Через Брюссель оказывается финансовая поддержка наиболее крупным неправительственным организациям, представляющим гражданское общество.

Официальные социальные партнеры имеют право присутствовать на заседаниях и встречах на высшем уровне, когда обсуждается интересующая их повестка дня. Социальный диалог ведется через коммунитарные институты и специализированные консультационные и экспертные комитеты. Причем во всех случаях соблюдается принцип «трипартизма», позволяющий обеспечивать равноценное представительство социальных партнеров. В соответствии с этим принципом работает, например, Экономический и социальный комитет – основная консультационная структура ЕС по социальной политике. Одна из последних инициатив – «Европейская опора социальных прав» – была обнародована Европейской комиссией 26 апреля 2017 года [2].

Инициатива «Опора» включает 20 ключевых принципов и прав для содействия оптимальному функционированию европейских рынков труда и систем социального обеспечения, поддержания баланса между трудовой и личной жизнью европейцев, предназначенных, прежде всего, для участников

еврозоны (могут быть применены ко всем странам ЕС) (Таблица 1). Нормы и правила, зафиксированные в «Опоре», отражают новые реалии в трудовой сфере и европейском обществе в целом (глобализация, цифровая революция, распространение новых типов занятости, демографические изменения) и структурированы по трем направлениям: равные возможности и доступ к рынку труда; справедливые условия труда; социальная защита и включенность [3].

Таблица 1. Принцип Европейской опоры социальных прав

Направления	Ключевые принципы
Равные возможности и доступ к рынку труда	1. Образование, обучение, в том числе в течение всей жизни
	2. Гендерное равенство
	3. Равные возможности
	4. Активная поддержка занятости
Справедливые условия труда	5. Безопасная, адаптированная занятость
	6. Справедливая заработная плата
	7. Информация об условиях занятости и защите в случае
	8. Социальный диалог и вовлечение работников
	9. Баланс работы и личной жизни
	10. Здоровая, безопасная рабочая среда и защита данных
Социальная защита и включенность	11. Уход за детьми и защита их от нищеты
	12. Социальная защита
	13. Пособия по безработице
	14. Минимальный доход
	15. Доходы и пенсия по старости
	16. Здравоохранение
	17. Включенность людей с ограниченными возможностями
	18. Долгосрочный уход
	19. Жилье и помощь для бездомных
	20. Доступ к основным услугам

Работа выполнена в рамках темы ГПНИ №А67–16 «Политическое регулирование современных интеграционных процессов: белорусский дискурс».

Литература и источники

1. Европейская интеграция / под ред. О. В. Буторина, Н. Ю. Кавешникова. – 2-е изд.изм.и доп. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2016.
2. SOCIAL: Commission presents points of reflection to relaunch social Europe. Bulletin Quotidien Europe (BQE). – № 11775.
3. Говорова, Н. Европейская опора социальных прав / Н. Говорова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnikieran.instituteofeurope.ru /images /25_говорова_Европейская_опора.pdf. – Дата доступа: 19.06.2018.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННОМ МАСС-МЕДИАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

В. А. Волков

Современное исследование масс-медиального текста возможно не только в свете лингвистической традиции, но и в культурно-философских аспектах. В качестве одного из методологических оснований исследования масс-медиального текста выделяют игровой подход, в частности феномен языковой игры, разработанный у Л. Витгенштейна. Поскольку пространством для активного развития и реализации языковых игр становятся тексты массовой коммуникации, среди которых в количественном аспекте доминируют тексты информационных жанров, здесь активно используются приемы языковой игры, которые задействуют различные сценарии для привлечения внимания и активизации важных элементов фона и фонда знаний реципиента. Это создает сильный эффект прайминга. Поэтому изучение новых коммуникативных стратегий невозможно вне дискурсивного контекста.

Языковая игра масс-медиального текста для его реципиента начинается в тот момент, когда задействуется смысловая напряженность и объемность текста коммуникации, что предполагает и задает многовекторное состояние там, где, казалось бы, есть «плоское» фактологическое содержание. Такой подход к языковой игре коррелирует с идеями Л. Витгенштейна [1, с. 48].

В модели языковой игры имплицитно присутствуют определенные детерминанты: правила, сценарии, символы, результаты. Чтобы понять, какое именно значение приобретает слово в каждый отдельный момент использования, индивид должен обладать соответствующими конвенциональными навыками, правилами, моделями социальной коммуникации и определенным объемом фоновых знаний. Реципиент не просто усваивает правила во время каждой отдельной игры, но и оперирует определенным (историко-культурным и лично-значимым) объемом знаний относительно предметов и явлений, используемых в игре, правилами поведения в аналогичных играх.

Дискурсивность современного масс-медиального текста обусловлена совмещением в себе языка этого текста в момент действия, контекста речи и социальных аспектов массовой коммуникации. Сценарность масс-медиального текста созвучна принципу семейного сходства, когда, усваивая правила одной языковой игры, человек получает представление о другие языковых играх. Это означает, что между языковыми играми существует определенная связь, и осваивая одну языковую игру, он получает знания о подобных языковых играх, усваивая определенные сценарии. Сценарии социальной коммуникации связаны между собой, имеют подобные модели, общие фоновые знания, знаки. Автор текста массовой коммуникации, сам текст и его реципиент должны сдерживать данные модели и, таким образом, осуществлять акт социальной коммуникации. При этом крайне важно то, что

языковая игра не возникает сама по себе.

Глобальный охват аудитории детерминирует массовость масс-медиального текста. СМИ, рассчитанные на широкую аудиторию (широкий круг игроков) должны быть эффективными и универсальными. Наиболее активно языковые игры масс-медиа развиваются в сети интернет, которая предлагает принципиально новые сценарии взаимодействия автора, текста и реципиента. Благодаря интернету создается уникальное медиапространство, которое объединяет печатные и аудиовизуальные СМИ и даже определенные формы частной коммуникации (блог, электронный дневник, социальные сети, видеоблоги, которые активно развиваются в рамках СМИ). Информационные интернет-издания практикуют размещение на своих веб-страницах блогов известных людей или создают новости, используя информацию из блогов («Twitter», «Facebook», «ВКонтакте», «Instagram»).

Конвенциональность в данном случае предусматривает, что участники языковой игры, имея достаточные коммуникативные навыки и исполняют определенные «ходы» в игре, которая реализуется через текст массовой коммуникации. Коммуниканты должны оперировать общим фоном и фондом знаний для наиболее эффективной коммуникации. В свою очередь нарушение правил приводит к выходу за пределы определенной языковой игры или ее изменению. Правила языковых игр усваиваются в процессе социализации личности и базируются на определенном социальном, повседневном, культурном, коммуникативном опыте. Следовательно, значение языковой игры неразрывно связано с контекстом ее использования – от индивидуальных внутренних общих социальных процессов, знание которых позволяет выбирать эффективные сценарии взаимодействия. Этот контекст и формирует правила функционирования той или иной языковой игры и актуализирует ее значение.

Принципиальной характеристикой языковой игры является ее погруженность в социальную практику и перформативность. Перформативность представляет тесную связь между речью и действиями, означает способность языковой игры влиять на действительность через высказывания и, обязательно, наоборот. Ризомность характеризует внутреннюю сложную систему связей между языковыми играми, их принципиальную множественность, а также дает ощущение правил языковой игры, ее общего движения и развития.

Таким образом, подход предлагаемый Л. Витгенштейном к трактовке языковой игры позволяет понять культурное значение текстов массовой коммуникации, проявить разные аспекты социализации личности, почувствовать определенные культурно-исторические процессы, которые происходят в обществе. Это чрезвычайно важно для анализа речевых игр в текстах новостей. Языковая игра, которая разворачивается в сетевых СМИ предлагает реципиенту (пользователю) стать активным субъектом данной игры. Читатель сетевых СМИ более самостоятелен в выборе информации, в отличие от традиционных СМИ. Требования к жанрам информационной группы предусматривают малый объем текста, особенно в сетевых СМИ с их

оперативностью. Короткий, насыщенный информацией текст становится понятным для широкого круга реципиентов благодаря языковым играм, которые активно обращаются к фоновым знаниям читателя. Именно поэтому идеи Л. Витгенштейна становятся методологическим основанием исследования современного масс-медиального текста.

Литература и источники

1. Витгенштейн, Л. Л. Логико-философский трактат / Л. Л. Витгенштейн. – М.: Литература, 1958.

SYTUACJA SOCJOLINGWISTYCZNA WSPÓŁCZESNEJ FINLANDII

Katarzyna Wojan

Finlandię charakteryzuje heterogeniczność struktury społecznej, wielopostaciowość życia społecznego, a w demografii – silnie zmieniający się współczynnik migracji. Finlandia sytuuje się na 64. miejscu w świecie pod względem wielkości terytorialnej i dopiero na 115. pozycji pod względem liczby ludności. Jest zamieszkiwana przez ponad 5 489 800 osób [5]. Według oficjalnych informacji fińskiego Głównego Urzędu Statystycznego na przestrzeni dwóch ostatnich dekad nastąpił przyrost ludności o 2 513 osób, co było spowodowane dużą falą imigrantów, nie zaś liczbą urodzeń. Udział elementu cudzoziemskiego w populacji tego kraju w latach 1990–2014 wzrósł z 0,8% do 5,9%. Znaczna część imigrantów wywodzi się z państw europejskich, jednak na początku nowego tysiąclecia przybrał na sile ruch migracji z kierunku azjatyckiego. W owym czasie liczba obcokrajowców wzrosła do 77 000 osób, z czego 54% stanowili Europejczycy, zaś jedną trzecią Azjaci. Szybko postępujące transformacje społeczno-kulturowe o wymiarze globalnym, zmiany w mentalności narodowej Finów, okcydentalizacja, inkulturacja europejska, amalgamacja cudzoziemców implikują przebudowę dotychczasowych form komunikacji, reorientację lingwistyczną oraz wysoki stopień demokratyzacji języka fińskiego i jego odmian. Rozwój języka fińskiego jest nieskrępowany i ma charakter oddolny, nie zaś odgórny, co oznacza, iż zmiany w nim zachodzące nie podlegają sterowaniom. Naturalnie kształtują się różne modele interakcji językowych mające różnorodne determinanty zachowań społecznych.

Wewnętrzna sytuacja etnosocjolingwistyczna Finlandii jest specyficzna pod wieloma względami. Wyznaczają ją następujące czynniki: 1) uwarunkowane historycznie funkcjonowanie na jej obszarze języków dominujących mniejszości narodowych: fińskiej odmiany szwedzkiego, etnolektów saamskich, etnolektu/ języka karelskiego, etnolektu romskiego kaale (fennoromani) itd.; 2) kontaminacja odmian dwóch głównych języków urzędowych – fińskiego i szwedzkiego, 3) funkcjonowanie regionalnych języków urzędowych (inaryjska odmiana języka saamskiego, saamski skolt, północnosaański, 4) użytkowanie licznych fińskich narzeczy (dialektów i gwar), w tym z pograniczy, 5) społeczna afirmacja gwar miejskich (helsińskiej *stadi* i in.), 6) dyglosja języka fińskiego, 7) wpływ języków

imigrantów na język fiński – kreowanie slangowych mieszanek językowych (fenomen). W Finlandii mamy do czynienia z klasycznym terytorialnym bilingwizmem, a na pewnych obszarach (Laponia, Karelia) – z trylingwizmem, a nawet – uwzględniając języki z saamskiego kontinuum etnolektalnego, karelskiego kontinuum czy też etnolekty społeczności fińskich Romów (Kaale) – z polilingwizmem.

W Finlandii językiem fińskim (*suomi*) jako ojczystym posługuje się prawie 4,9 mln osób (88,7%), a jako drugim ok. pół miliona osób. Kompetencja fińskiego u 20% tzw. Finoszwedów jest słaba bądź nawet zerowa (na zachodnim wybrzeżu Finlandii kontynentalnej i Wyspach Alandzkich). Trzy czwarte cudzoziemców zamieszkałych tam włada fińskim na średnim poziomie.

Współczesny język fiński charakteryzuje dyglosja. Finowie posiadają dwojaki sposób porozumiewania się – posługują się językiem potocznym mówionym (*puhekieli*) i ogólnonarodowym (*yleiskieli*), przy czym ten pierwszy, już będący standardem komunikacyjnym, eliminuje język literacki (*kirjakieli*). Fiński język potoczny znacznie różni się od znormatywizowanego ogólnonarodowego fińskiego, będącego językiem formalnej komunikacji. Częścią ogólnonarodowego standardu fińskiego jest jego odmiana pisana, tj. język literacki. Można stwierdzić swoistą tryglosję wewnętrzną, polegającą na użyciu trzech odmian języka: potocznej, ogólnonarodowej i dialektu regionalnego bądź gwary miejscowej. Odmiana potoczna fińszczyzny nie jest subsystemem homogenicznym. Mowa potoczna Finów rozwija się w sposób natywny i spontaniczny, wykazuje spore zróżnicowanie terytorialne, zdeterminowane wpływem danego dialektu, a nawet języków (np. na obszarze szwedzkojęzycznym); przypomina też język prowincjonalny. Na co dzień Finowie posługują się dialektem, gwarą, także miejską (np. helsińską, tzw. *stadi*), bądź odmianą mówioną języka fińskiego. Wyodrębnia się osiem głównych grup dialektalnych języka fińskiego: 1) dialekty południowo-zachodnie, 2) przejściowe południowo-zachodnie, 3) regionu Häme (tawastiackie), 4) południowoostrobotnickie, 5) środkowo – i północnoostrobotnickie, 6) północne, 7) sawońskie, 8) południowo-wschodnie. Coraz większą popularnością cieszy się uproszczona wersja języka fińskiego *selkokieli* skonstruowana w celu edukacji osób niepełnosprawnych intelektualnie, geriatrycznych oraz imigrantów.

Kwestie mniejszości narodowych bądź etnicznych w Finlandii są uporządkowane i nie wywołają agresji społecznych. «Tradycyjne», bytujące od stuleci mniejszości narodowe, czyli mniejszości etniczne oraz wspólnoty językowe i kulturowe, tworzą: szwedzkojęzyczni Finowie (fińscy Szwedzi, Saamowie, Romowie (skandynawscy Kaale), Żydzi, Tatarzy, Karelowie oraz tzw. starzy Rosjanie. Dwa narody – fińscy Szwedzi oraz Saamowie – mają status szczególny. Każda z mniejszości etnicznych posługuje się na ogół własnym językiem jako ojczystym; ich członkowie są zazwyczaj dwujęzyczni. W Finlandii istnieje obowiązek nauki języka szwedzkiego. Na Alandach szwedzki jest jedynym obowiązującym językiem urzędowym.

Sytuację językową Finlandii cechuje terytorialny bilingwizm, a niekiedy nawet trylingwizm. Bilingwizm łatwo wyjaśnić funkcjonowaniem szwedzkiego

jako urzędowego oraz jako języka ojczystego mniejszości narodowej fińskich Szwedów. Dwujęzyczność fińsko-szwedzka jest typowa dla Finlandii kontynentalnej. Fińska odmiana szwedzkiego składa się na specyficzny obraz socjolingwistyczny kraju; wygenerowała nowe dialekty i gwary o różnym stopniu interferencji językowej. Fiński szwedzki (*suomenruotsi*) to zespół zróżnicowanych terytorialnie i substancjalnie dialektów szwedzkich, wariantu literackiego i mowy potocznej, oparty na szwedzkiej normie językowej, z silnymi wpływami języka fińskiego, co jest widoczne w języku kolokwialnym oraz slangu społeczności miejskich na południu kraju. Szwedzki z kolei silnie oddziałuje na język fiński i jego gwary.

Finlandię zamieszkuje 6000–10 000 Saamów [6]. Są oni jedynym ludem autochtonicznym na terenie Unii Europejskiej. Pozycję Saamów jako narodu rdzennego Finlandii, ich autonomię, prawo do zachowania i rozwijania swojego języka ojczystego i kultury gwarantuje konstytucja z 11 czerwca 1999 r. Na północy kraju etnolekty saamskie posiadają status regionalnych języków urzędowych. Należą do nich: inaryjska odmiana języka saamskiego (*inari*), saamski skolt (*kolтта*), północnosaański (*pohjoissaame*); wszystkie wykształciły własny standard literacki. W związku z tym na obszarach północnych Finlandii wytwarza się swoisty trylingwizm terytorialny. Inaryjska odmiana języka saamskiego używana jest przez niespełna 300 mieszkańców okolic jeziora Inari. Jest to jedyny w świecie język funkcjonujący wyłącznie na terenie Finlandii. Posiada standard literacki, a jego rozwój cechuje bogactwo neologii (ok. 10 000). Prawie tyle samo jest użytkowników saamskiego skolt – ok. 320 osób; są to mieszkańcy okolic Inari oraz rosyjskiego rejonu Pieczengi. Do lat 70. XX w. istniał on jedynie w wersji mówionej. Większość Koltów jest dwujęzyczna. Największym językiem Saamów jest północnosaański, który egzystuje na obszarze Finlandii, Szwecji i Norwegii, mający łącznie 20 700 użytkowników. Jest on terytorialnie zróżnicowany, dysponuje trzema dialektami: rejonu Tornio, Finnmarku oraz wybrzeża. Piśmiennictwo w tym języku posiada trzechsetletnią tradycję. Nauczanie języków saamskich jako przedmiotu kierunkowego lub fakultatywnego w szkołach podstawowych w Finlandii prowadzone jest dopiero od połowy lat 70. XX w. Zgodnie z ustawą o szkolnictwie podstawowym z 1998 r. edukacja osób posługujących się etnolektami saamskimi odbywa się w ich językach ojczystych.

Mniejszość romska posługuje się własnym etnolektem [4]. Fińską odmianą romskiego dość dobrze włada co najmniej 60%, a dobrze blisko jedna trzecia społeczności romskiej. Aż 55,5% fińskich Romów używa w domu wyłącznie języka fińskiego, a w życiu publicznym zaledwie 40% wykorzystuje romski we wzajemnej komunikacji [2]. Są oni na ogół bi – i multilingwami (posługują się m.in. szwedzkim). Od 1989 r. w szkołach ma miejsce edukacja w tym języku, fiński romski został oficjalnie uznany za język mniejszości narodowej w Finlandii. Jest zagrożony obumarciem i podlega rewitalizacji. Fińscy Romowie posługują się dialektem *kaalo*, który składa się z dwóch większych dialektów: zachodniego i wschodniego. Liczne subgwary romskie są pod silnym wpływem dialektów fińskich. Paralelnie rozwija się etnolekt fennoromski (*fennoromani*) – język

esencjonalnie fiński ze sporym romskim zasobem leksykalnym.

Trzecią pod względem liczebności grupę etniczną tworzą Rosjanie; osoby dwujęzyczne nazywane są *Fennorossami*. Społeczność rosyjskojęzyczna posługuje się językiem rosyjskim. Wg statystyk z 2010 r. co czwarta osoba obcojęzyczna w Finlandii mówiła w języku rosyjskim jako ojczystym [3]. Na język Fennorossów oddziałuje wydatnie fiński.

W dzisiejszej Finlandii mówi się ponad 100 językami. Największe mniejszości językowe w 2012 r. stanowili: rosyjskojęzyczni (62 554), estońskojęzyczni (38 364), somalijskojęzyczni (14 769), angielskojęzyczni (14 666), arabskojęzyczni (12 042) [6]. Liczba osób mówiących w Finlandii jej językami ojczystymi: fińskim, szwedzkim lub saamskimi w 2015 r. zmniejszyła się niemal o 4000 osób [1]. Odnotowano natomiast ogromny wzrost liczby osób obcojęzycznych – aż o 19 000 [5].

Literatura i źródła

1. Äidinkielenään kotimaisia kieliä puhuvien määrä väheni toisena vuotena peräkkäin // Tilastokeskus [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.stat.fi/til/vaerak/2015/vaerak_2015_2016-04-01_tie_001_fi.html. – Date of access: 23.06.2016.
2. Granqvist, K. Sociological factors and constraints of use and status of Romani language in Finland. Sociolinguistics Workshop Tallinn. April 25, 2014 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.academia.edu/7015918/Sociological_factors_and_constraints_of_use_and_status_of_Romani_language_in_Finland. – Date of access: 12.09.2015.
3. Katsaus Suomen väestöön 2010: Lähes joka neljäs vieraskielinen puhuu äidinkielenään venäjää // Tilastokeskus [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.stat.fi/til/vaerak/2010/01/vaerak_2010_01_2011-09-30_kat_001_fi.html. – Date of access: 26.06.2016.
4. Länsimäki, M. Romanikieli on yksi Suomen vähemmistökielistä // Kielikello 1994, nr 4, c. 30–31.
5. Tilastokeskus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.tilastokeskus.fi/>. – Date of access: 23.06.2016.
6. Väestöryhmit // Terveysten ja hyvinvoinnin laitos [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thl.fi/fi/web/maahanmuuttajat-ja-monikulttuurisuus/vaestoryhmat>. – Date of access: 23.06.2016.

КУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Л. М. Газнюк

Культурные маркеры социально-гуманитарного знания являются ориентирами, которые включают антропологические, культурологические и искусствоведческие дисциплины, нацеленные на выявление проблематики сознания и самосознания, культивирующие рефлексивность и способствующие самосовершенствованию личности. В дальнейшем данная проблематика была

развита в информационном обществе, сформировав «виртуального человека» и «виртуальную реальность», которые породили феномен других культурных маркеров информационного общества, исследованных Э. Тоффлером. Масштабы и плюрализация реакций на модернность дают основания говорить о глобальной модерности, проявлениями которой выступают европеизация, американизация, японизация и т. п. Место и роль культурных маркеров информационно-коммуникационного потенциала социально-гуманитарного знания в условиях глобализации обусловлены активизацией общественных изменений вследствие глобальных процессов современности, с необходимостью побудивших к поиску новых мировоззренческих ориентиров личности и закладывающих фундамент сложной и важной для социально-гуманитарного дискурса темы.

Коммуникационное социально-гуманитарное пространство, включающее «код культуры» информационного общества, развивается на трех уровнях: 1) обновление культуры и ее базовых принципов, скрытых за вербальной, символической оболочкой; 2) обновление культуры, институтов и инновационное влияние на «код» культуры; 3) трансляция культуры – опредмеченный мир культуры как мир социализации индивида, отображающийся в дифференциальных матрицах культурных маркеров информационного общества. Культурные маркеры социально-гуманитарного знания, развивающиеся как формообразования (наука, техника, искусство, религия, философия, политика, экономика), позволяют выявить структуру, образ деятельности, целостность культуры и не могут сводиться только к достижениям культуры, предусматривая концептуальное решение воспроизведения целостности.

Культурные маркеры мировоззренческого потенциала социально-гуманитарного знания в условиях глобализации свидетельствуют о том, что образование приобретает новые общественные функции в условиях информационного общества. Для глобализации характерны процессы миграции людей и культур, что приводит к разрушению культурных образцов своей культуры, размытию традиционной идентичности народа, росту напряжения между этническими группами. Силой, способной преодолеть напряжение между этническими группами, способствовать взаимопониманию и преодолению вызванных культурными различиями противоречий, может стать социально-гуманитарное знание. Оно выступает механизмом обеспечения исторической преемственности, формирования, воспроизводства и исследования «социального и культурного генофонда», через который транслируются наиболее эффективные модусы образцов поведения, исторически производимые определенными сообществами.

Социально-гуманитарный дискурс и его культурологические маркеры содержат проявления тенденций как развития, так и разрушения одновременно, поскольку индивидуальность пребывает не изолированно, а в глобальном пространстве, что меняет привычки, образ жизни, сферу коммуникации и имеет болезненные последствия для некоторых социальных групп. Культурные маркеры информационно-коммуникационного

потенциала гуманитарного образования возникают как коренные преобразования в направлении информатизации и трансформации образования и, способствуя созданию качественно новой культуры глобализации и обеспечивая ее влияние на формирование единого информационного пространства, вместе со многими плюсами запускают не только положительные, но и отрицательные процессы. Глобализация способствует использованию унифицированных компьютерных программ и технологий обучения, объединяет страны, приводит к возникновению единого информационно-коммуникационного пространства. В этом смысле изменения современного мира и способы его описания и объяснения побуждают философов к поиску ответов на вопрос, как глобализация влияет на переосмысление положений, на которых базируется социально-гуманитарное знание.

Трансляция культурного опыта и переход к цифровой экономике является одной из ведущих тенденций современного мира, которая формирует новую модель культурных маркеров информационно-коммуникационной подачи социально-гуманитарного знания и характеризуется следующими особенностями: 1) в социокультурном пространстве развиваются новые типы трансляторов культуры (Интернет, СМИ, субкультуры); 2) социокультурное пространство расширяется за счет появления новых субъектов культурно-образовательной деятельности, конкурирующих с традиционными образовательными институтами; 3) возникает необходимость активного использования культурных маркеров и усиления их роли в формировании новых отношений взаимопонимания и открытости между людьми, а также на уровне социальных институтов, таких как семья, учреждения образования, гражданские организации. Такая интерпретация культурных маркеров гуманитарного образования способствует осознанию человечеством себя как глобального сообщества и принадлежности к единому, общему миру.

Культурные маркеры социально-гуманитарного знания представляют собой синергию науки и культуры, с одной стороны, а с другой, государства, образования и предпринимательства, что и формирует творческую личность на основе полифонии культурных ценностей Запада и Востока как фактора их диалога, диффузии их идентичностей. Глобализация способствовала не только объединению человечества, но и подавлению культурной уникальности ряда стран. В этом плане институты гражданского общества в современных условиях выполняют функцию сохранения национальной идентичности.

Интерес к процессам понимания культурных маркеров гуманитарной культуры современного информационного общества и глобализации связан не только с решением теоретико-гносеологических проблем, но и способностью социально-гуманитарного знания ответить на вызовы современности. Технологическая революция, в условиях которой живет человек, определяется развитием таких отраслей, как информационные и биотехнологии. Информационные технологии удовлетворяют потребность

человека в получении, хранении и обработке информации, а биотехнологии развиваются благодаря заботе о человеке и его здоровье, порождая симфонию человеческой культуры. Принципиально новые отношения возникают благодаря революции, совершаемой в промышленности и обществе информационными технологиями и способствующей формированию новых культурных маркеров информационных ценностей ноосферного развития. Новая роль культурных маркеров информационно-коммуникационного потенциала социально-гуманитарного знания, в основе которого лежат две абсолютные гуманистические ценности – человеческое благо и развитие личности, связаны с новым пониманием: 1) культуры как производства новых смыслов (культурная динамика, культурный процесс), стимулируемого многочисленными социально-гуманитарными практиками; 2) социокультурного проектирования или конструирования возможных культурных моделей и образцов действия, происходящего под влиянием глобализации; 3) нового понимания коммуникативности, понимаемой в самом широком смысле слова в контексте перфомативности, контекстуальности и возможных гибридизаций; 4) символизации в культуре, разворачивающейся в эпоху информационно-коммуникационных технологий и определяющей и закрепляющей процессы формирования гуманитарных смыслов; 5) формирования новой эпистемологии гуманитарного развития, включая новые концепты и универсалии культуры эпохи информационной революции; 6) выработки новых духовно-нравственных ориентиров и стандартов человека и общества – от догматической религиозности к свободной религиозности и от религии к светской культуре – философии, науке, искусству и морали; 7) нового понятийно-категориального ряда гуманитарных смыслов в контексте применения синергетической методологии к анализу культуры как сложной социальной и культурной системы, в частности таких понятий как открытость, нелинейность, эмерджентность, инновативность, фрактальность, спонтанность.

Гуманитарные науки влияют на мировоззрение человека, его мировосприятие, требуя адаптации человека к глобализации и существенному изменению информационно-коммуникационного пространства.

РОЛЬ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. Д. Глазырина

Современные научные представления о свободе и времени – одна из важнейших проблем, имеющая методологическое значение для всех областей знания, в том числе и для области дошкольного образования. Не сложно предположить, что уже в ближайшее время придется обратиться к природе данных феноменов при разработке учебных программ дошкольного

образования, методических пособий и рекомендаций. Это связано с новейшими стратегиями современного информационного общества, ускорением темпов наполнения информации и ее обобщением, использованием в различных областях знания и видах деятельности, не исключая такой важной деятельности, как воспитание детей раннего и дошкольного возраста.

В этой связи роль философских идей о свободе и времени и потребность их понимания в философской интерпретации в научном познании специалистов в области дошкольного образования достаточно высока. Это требует в подготовке педагога умений решать проблемы образования и воспитания будущего поколения с позиций углубления интеграции современных научных представлений о живой и неживой природе, материальных и нематериальных объектах, на основе творческого осмысления, что является невозможным без основательной философской и общетеоретической подготовки, которая дает специалисту дошкольного образования высокую степень свободы и соблюдение времени в решении задач и реализации принципов дошкольного образования.

Принцип амплификации развития – всемерное использование потенциала возможностей психического развития личности на каждой возрастной стадии за счет совершенствования содержания, форм и методов воспитания (А. В. Запорожец и др.); онтогенетический принцип, ориентирующий на учет закономерностей формирования интеллекта, эмоций, форм, функций речи и различных видов деятельности ребенка в онтогенезе; принцип целостности и системности, отражающий тесную взаимосвязь и взаимообусловленность развития психических процессов и психических новообразований; принцип активности, инициативности и субъектности в развитии ребенка; принцип проблематизации содержания образования, являющийся источником психического развития детей; принцип интеграции, обуславливающий органичное объединение содержания каждой образовательной области дошкольного образования; принцип культуросообразности, обеспечивающий становление различных сфер самосознания ребенка на основе познания культуры; принцип интегративности, предусматривающий возможность использования поликультурного содержания в разных видах деятельности; принцип преемственности, отражающий преемственные связи между уровнями образования [1, с. 5].

Для реализации указанных принципов специалисту потребуется понять категорию *время* как предмет движения мысли. В этом случае время и мысль стремятся навстречу друг другу, чтобы быть в единстве. Только в совокупности время и мысль могут создать нечто, что имеет устойчивый характер. Обе категории время и мысль имеют взаимообусловленный, взаимосогласованный характер.

Категория *свободы* фиксирует возможность деятельности и поведения личности педагога в условиях его профессиональной деятельности. Феномен *свободы* всегда соотносится с социальной сферой и мыслится, при этом, как

нечто возможное, достигаемое. Категорию *свободы* необходимо соединить с категорией воли, чтобы осуществить соединение индивидуальной сферы личности (индивидуально-личностные потребности и интересы) и общественно-значимой профессиональной деятельности как имманентной индивидуальной сфере.

И в широком (социокультурном) и в узком (личностном) смысле в свободе заложен вектор альтернативности, то есть сознательное противостояние личности некоторому давлению со стороны внешних, в редких случаях внутренних, воздействий. Поэтому соединение категорий свободы и воли – всегда результат преодоления несвободы с учетом духовно-нравственных компонентов личности.

Поступать свободно – значит действовать, ориентируясь на общественные идеалы, не противоречащие личностным идеалам. Поступать свободно – это всегда нравственный выбор, связанный со знаниями особого рода. То есть, в основе свободы – всегда нравственное знание-умение, ориентирующее специалиста в своей профессиональной деятельности на профессионально-этическое поведение.

Следовательно, фундаментальные категории время и свобода дают результат только в единстве. Категория времени обеспечивает развитие личности специалиста, качественные и количественные изменения его профессиональной деятельности. Категория свободы отвечает за понимание специалистом своей профессии как общественно-значимой и за пространственную составляющую своего профессионального поведения. Данные фундаментальные категории имеют приоритетное значение в решении проблемы фундаментальной и целевой практико-ориентированной подготовки специалистов дошкольного образования.

Таким образом, время и свобода – две фундаментальные категории, имеющие изменчивый характер, взаимозависимые стороны в процессе практико-ориентированной подготовки специалистов дошкольного образования. Если рассматривать личность специалиста как социальную единицу, категория времени является для него основанием его профессиональной деятельности, понимаемой нами в узком и широком смыслах. В узком смысле – индивидуальный стиль, образ жизни, система знаний; в широком смысле – это творческое самовыражение.

Основная цель указанных философских идей в подготовке специалистов в области дошкольного образования связана с рассмотрением таких категорий, как свобода и время в контексте практико-ориентированных принципов дошкольного образования, предполагающих включение их в систему подготовки специалистов в области дошкольного образования и содействие рассмотрению их как на философско-теоретическом, так и на практическом уровнях.

Литература и источники

1. Учебная программа дошкольного образования. – Мн.: Аверсэв, 2016.

2. Аскин, Я. Ф. Проблема времени: ее философское истолкование / Я. Ф. Аскин. – М: Мысль, 1966.

3. Глазырина, Л. Д. Интеграция философских категорий в систему целевой практико-ориентированной подготовки специалистов / Л. Д. Глазырина, Т. А. Лопатик // Интеграция фундаментальной и целевой практико-ориентированной подготовки специалистов в высших учебных заведениях: сб. докладов Международной научно-практической конференции. – Калининград, 2009. – С. 249–252.

«СПИРАЛЬ ГЛУПОСТИ» КАК ПРИЧИНА ДЕГРАДАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В. С. Голубев

Система образования, без сомнения, является одной из важнейших систем в любом современном государстве. Без нее невозможно культурно-историческое и научно-техническое воспроизводство, т. е. государство, не имеющее развитой системы образования, по большому счету, нежизнеспособно. Как писал Дж. Дьюи: «Роль образования в социальной жизни аналогична роли питания и воспроизводства для физиологического существования. Образование состоит прежде всего в передаче опыта посредством общения» [1, с. 4].

В ходе различных дискуссий, посвященных проблемам системы образования, неоднократно возникал вопрос, почему происходит отток квалифицированных кадров, и почему многие выпускники не хотят работать в сфере образования. В данной статье мы попытаемся найти ответ на эти вопросы.

Когда система образования функционирует в традиционных, стабильных условиях, она готовит профессиональные кадры для всех сфер жизни, а кроме того, способствует медленному, но верному приращению «знаний». Этот прирост происходит за счет того, что, во-первых, каждое последующее поколение исследователей полностью исследует опыт своих учителей, т. е. не тратит время на «переоткрытие» старых законов, т. е. больше времени работает с новыми данными. А во-вторых, у ученых с каждым годом появляется все более совершенное оборудование и техника, которые позволяют делать открытия в тех сферах, в которых раньше ничего больше нельзя было сделать из-за технического несовершенства исследовательского инструментария.

Если мы исследуем некоторые аспекты советской системы образования, то увидим, что любой работник данной сферы, получал, в принципе, не самую большую заработную плату, хотя, как известно, человек со степенью кандидата наук получал заработную плату уже больше средней заработной платы по стране. Одним из важнейших достоинств работы в советской системе образования был тот социальный статус, который получал человек. Высокий статус педагога не монетизировался в полном смысле

этого слова, но он давал доступ к таким благам, которые были практически недоступны многим, даже более высокооплачиваемым профессиям. Не последнюю роль в популярности и статусности играло уважение людей – быть учителем было почетно. Карьера ученого или учителя была привлекательной для молодых людей, т. к. практически гарантировала высокий социальный статус, многие социальные блага и, при условии серьезных занятий – высокий доход. Стоит так же добавить, что серьезная конкурсная система отбора студентов так же позволяла довольно эффективно формировать хороший кадровый состав для всех отраслей народного хозяйства. Такое состояние дел в системе образования может складываться только в условиях высоких цен на образование (если оно платное) и / или больших государственных дотаций, позволяющих поддерживать высокий уровень дохода в данной сфере. С другой стороны, Т. Парсонс, к примеру, настаивал на том, что: «получение здоровья и образования не должны прямо зависеть от возможности платить за них» [2, с. 606], возможность зарабатывания денег в сфере образования посредством взимания платы за обучение – возможность, по меньшей мере, спорная.

Таким образом, складывалась следующая ситуация. Некто Иван поступал в вуз и заканчивал его с красным дипломом. Дальше он шел работать в школу, где обучал Петра. Высшая отметка, которую ставил своему ученику Петру Иван – пятерка. Петр, закончив школу с золотой медалью, поступал в вуз, оканчивал его с красным дипломом и тоже шел преподавать в школу. В школе, Петр ставил своему ученику Павлу высший бал – пятерку, и эта пятерка была, в принципе, равна пятерке Ивана, т. е. из года в год поддерживался высокий уровень подготовки учителей и учеников. Отличники учебы, как мы уже отмечали, были мотивированы идти не в бизнес (даже если бы он был), не в коммерцию – а именно в сферу образования и науки. Добавим, что под пятеркой мы понимаем не наличие оценки пять в аттестате или дипломе, а именно уровень знаний, соответствующий данной оценке. Как показывает современная практика, ученик или студент может иметь в аттестате или дипломе высший балл по предмету, не зная, при этом его на достаточно высоком уровне, т. е. формальная оценка нас в приводимом примере не интересует.

Экономическая ситуация, в которой система образования оказалась после развала Советского Союза была крайне тяжелой. Государство не могло дотировать сферу образования как раньше, а само по себе образование было бесплатным, т. е. не могло «самообеспечивать» свое существование. Кроме того, произошел существенный сдвиг в ценностном мировоззрении людей, традиционная сложная иерархизированная система ценностей достаточно быстро была вытеснена западной, более примитивной, но простой и доступной системой ценностей, построенной на принципе заработной платы. Как писал Т. Парсонс, характеризуя американскую реальность: «денежный доход в большой степени можно считать общепризнанным символом профессионального статуса. Таким образом, он важен как выражение признания» [2, с. 343].

Престижность профессии уже не определялась сферой занятости и т. д., она стала определяться размером заработной платы. Не последнюю роль в популяризации такого примитивного критерия престижности сыграла и кино видеопродукция, которая в подробностях описывала прелести «крутой» жизни.

Именно в это время начала складываться ситуация, когда из сферы образования начали вымываться профессиональные кадры. Многие ученые и исследователи эмигрировали в поисках лучшей жизни. Многие ушли «на заработки» в другие профессии. Если мы обрисуем сложившуюся ситуацию, используя Ивана, Петра и Павла, то у нас получится следующая картина.

Иван, работает в школе и ставит оценки в соответствии с тем уровнем подготовки, который у него был. Его отличники, умные ребята, идут университет, в основном, на те специальности, которые, по их мнению, позволят потом зарабатывать много денег. Или уехать за границу (в кризисные времена среди абитуриентов очень возрастает популярность вузов, которые дают возможность уехать в другую страну). Ученики Ивана, которые получили четверки – так же борются за право получать хорошую заработную плату или уехать в более «стабильное» государство. Те, кто хорошо закончил школу, не идут на педагогические специальности, поскольку там нельзя заработать много денег, и в обществе, где престижность явления определяется его стоимостью сложно найти желающих получить «гарантировано» низкооплачиваемую работу. Конкурс на педагогические специальности, соответственно, падает. Теперь, в вуз на учителя идет учиться Петр, который получал у Ивана тройку. Петр заканчивает университет с красным дипломом и идет работать в школу. Там Петр оценивает Павла и ставит ему пятерку. Но! Пятерка, поставленная Петром – это уровень тройки, поставленной Иваном. Если данный цикл повторится еще раз, то уже какой-нибудь Борис, получит пятерку у Павла, которая соответствовала тройке у Петра, и, которая у Ивана была бы заменена словом «неаттестован». Не трудно увидеть, что в описанной нами ситуации деградация системы образования произойдет достаточно быстро и неотвратно.

Описанный процесс деградации вполне может быть назван объективным. Самые очевидные пути борьбы с ним – путем поднятия заработной платы педагогов до тех величин, когда «предлагаемые» цифры будут значительно выше средних, и / или путем повышения престижности профессии через различные социальные льготы и бонусы. Как показала практика, разговоры о престижности, не подкрепленные хорошей заработной платой и социальными гарантиями не способствуют привлечению квалифицированных кадров.

Описанный нами процесс мы предлагаем назвать *«спираль глупости»*. Ведь, как известно, чтобы бороться с проблемой, нужно эту проблему, для начала, обозначить. Надеемся, что приведенные нами рассуждения помогут глубже понять природу проблем, имеющих место в системе образования в Республике Беларусь.

Литература и источники

1. Дьюи, Дж. Демократия и образование: пер. с англ. / Дж. Дьюи. – М.: Педагогика-Пресс, 2000.
2. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс – Изд. 2-е. – М.: Академический проект, 2002.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Ю. В. Дедолко

Концепция социального капитала, зародившаяся в начале XX в. в русле американской социологии в исследованиях Л. Дж. Ханифана, в современном виде представляет собой результат трансдисциплинарных исследований на стыке различных социогуманитарных дисциплин. Само название концепции демонстрирует ее трансдисциплинарный статус, объединяя в себе предметы исследования социологии (феномен социальности) и экономики (феномен капитала). Начиная с середины XX в. социальный капитал исследуется социологами, экономистами, политологами, психологами, философами (П. Бурдьё, Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма, Р. Берг и др.; Ю. С. Беккер, А. В. Бузгалин, И. Е. Дискин, С. Е. Вершинин, А. Т. Коньков, И. А. Левицкая, О. И. Иванов, Д. Г. Ротман, С. Ю. Солодовников, Т. В. Шаповалова и др.). В настоящее время концепция социального капитала имеет дискуссионный статус в теоретическом аспекте, но находит широкое применение в эмпирических исследованиях ряда социальных феноменов (доверие, альтруизм, солидарность, социокультурные нормы, традиции и др.).

Большинство современных научных исследований осуществляется в рамках системно-эволюционной парадигмы путем трансдисциплинарной методологии, что позволяет синтезировать достижения конкретных дисциплинарных исследований и актуализирует интегративные возможности философии. По своей сути социальный капитал является общественным благом, которое воспроизводится в процессе социальных отношений, но поскольку базовым элементом любой социальной структуры является человек, нам представляется обоснованным при изучении феномена социального капитала исходить из биологического, психологического и социального триединства человека, принятого в философии. Современные исследования биологии (социобиология, нейробиология) и антропологии (физическая, социокультурная) свидетельствуют о том, что антропо – и социогенез диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены. Эволюционные преобразования, приведшие к появлению современного человека и общества, включали в себя эволюционные преобразования гоминид, приведшие к появлению *Homo sapiens*, а также возникновение и трансформацию социокультурной среды, обеспечивающие выживаемость человеческого вида.

Ряд исследователей (О. И. Иванов, Т. В. Шаповалова) указывают на перманентное присутствие и функционирование социального капитала в человеческом обществе на протяжении всей его истории, что вызывает необходимость ретроспективного анализа данной проблематики. Историко-философская реконструкция показывает, что феномены, включаемые в состав социального капитала, были в фокусе внимания многих представителей философии и науки до оформления самой концепции. Философы (Демокрит, Платон, Аристотель, Эпикур, Цицерон, Августин Аврелий, Фома Аквинский, Н. Макиавелли, Т. Мор, Т. Кампанелла, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель и др.) подчеркивают высокую значимость гармоничных отношений в обществе, основанных на человеколюбии, альтруизме, доверии, моральных нормах, стремлении ко всеобщему благу, следовании культурным традициям. Политэкономы (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс и др.) обращают внимание на то, что степень развитости определенных человеческих качеств и типов социальных отношений влияют на уровень экономического развития общества и его благосостояние. Социологи (А. Токвиль, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.) подтверждают данную зависимость, опираясь на обширный эмпирический материал. Антропологи (Б. Малиновский, М. Мосс и др.) выявляют решающую роль феноменов, включаемых в состав социального капитала, в жизнедеятельности как примитивных, так и современных обществ, а также прочную взаимосвязь культуры с материальным окружением и биологической природой человека.

Современные достижения естественных наук о человеке подтверждают гипотезу биологического детерминизма, обнаруживающего свое присутствие в феноменах индивидуальной и общественной жизни. Знаменитый этолог К. Лоренц подчеркивает, что человек в силу своей биологической природы и эволюционного развития обладает набором врожденных форм социального поведения и реакций торможения, что объясняет присущее ему «таинственное правовое чувство» (П. Г. Занд), выраженное в стремлении к справедливости, а также некоторые формы девиантного поведения, которое усугубляется в случае сбой культурной трансляции и закрепления социальных норм. К. Лоренц считает, что появление культуры, возникшей благодаря таким человеческим качествам как абстрактное мышление и язык, а также основанной на кумулятивной функции традиции, ускорило процессы генно-культурной эволюции человечества. В пользу генно-культурной эволюции выступают исследования антрополога Дж. Мердока, выявившего ряд социальных черт, присущих всем культурам и являющихся уникальной видовой особенностью человечества (язык, космология, календарь, общественная организация, возрастные и родственные группы, личные имена, инициации и брак, терминология родства, дифференциация статуса, совместный и разделенный труд, этика и этикет, игры и образование, фольклор и декоративное искусство, дарение подарков, управление, гостеприимство, запрет инцеста, права собственности и наследования, медицина, законы и карательные санкции, магия и религиозные ритуалы,

погребальные обряды, концепция души).

Концепцию генно-культурной коэволюции, опираясь на эволюционную теорию, популяционную генетику, эволюционную экологию, нейробиологию, эволюционную психологию и антропологию, развивает также основатель социобиологии Э. Уислон. Исходя из исследований Ф. Добжанского и Р. Докинза, он делает вывод о том, что человеческие гены передали эстафету в эволюции культуре, сформировав новую единицу передачи значимой информации – мем. Несмотря на это поспешно отбрасывать роль человеческого генотипа и его влияние на культуру. Большое значение для понимания и корректного применения концепции генно-культурной эволюции имеет тот факт, что гены не определяют одну характеристику, а предопределяют способность развития набора характеристик, который в некоторых видах поведения ограничен и изменяется с большим трудом, а в других, напротив вариативен и поддается влиянию посредством культурных практик, воспитания и обучения. Причинами дистанцированности и обособленности социогуманитарных дисциплин, изучающих человека и общество в отрыве от их биологического субстрата, Э. Уислон считает прочно укоренившиеся мировоззренческие установки, влияющие и на академическую мысль. Однако современная социокультурная ситуация с необходимостью ставит перед нами задачу поиска глубинных оснований человеческой природы, что подчеркивает необходимость учета эволюционных факторов в исследованиях природы ценностей социогуманитарными науками и философией.

Исследования в области психологии и нейробиологии (Э. Аронсон, Д. Гоулман, Б. Либет, К. Вос, Дж. Скулер, Д. Свааб и др.) доказывают, что особенности развития и функционирования мозга на различных этапах жизни человека, включая пренатальный период и ранний младенческий возраст, влияют на все аспекты жизнедеятельности человека: уровень интеллектуального и эмоционального развития, процессы принятия решений, способность к обучению, формирование социальных контактов и представлений о сфере сакрального, восприятие моральных норм, склонность к психическим заболеваниям, асоциальному и криминальному поведению, гендерную самоидентификацию и сексуальное поведение. По мнению нейробиолога С. Харриса, с которым единомышленны Д. Свааб, Э. Уилсон, Б. Уоллер, знание фундаментальных принципов функционирования мозга позволит человечеству контролировать и минимизировать негативные психические и социальные последствия функциональных изменений мозга, будет способствовать избавлению от ненависти и развитию сострадания, корректировке степеней юридической ответственности и форм наказания, трансформации представлений о справедливости и ответственности, тем самым сможет вывести гуманизм на новый уровень.

Современный период развития цивилизации, в частности, переход к постиндустриальному или информационному этапу, связан с возрастанием роли коммуникационных технологий в жизнедеятельности общества, трансформацией сложившейся социальной структуры и системы ценностей,

что актуализирует всестороннее исследование феноменов социального капитала, подразумевающее синтез социогуманитарных и естественных дисциплин. Трансдисциплинарный подход к данной проблеме позволяет постигнуть всю глубину и сложность генно-культурной эволюции, выявить истинную подоплеку общественных трансформаций и разработать действенные механизмы коррекции социальных процессов. Исследования в рамках социальной и экономической антропологии, социобиологии, нейробиологии имеют эвристический потенциал в изучении различных аспектов социального капитала и в определении вектора направления развития, создании ценностных систем и наиболее продуктивных форм социального взаимодействия в системе философского знания, благодаря присущему ему интегративному потенциалу.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

О. А. Денисенко

На современном этапе развития, когда уровень использования информационных технологий и технических средств достиг небывалых высот, человек уже не может представить свою жизнь без гаджетов, Интернета и других технологий, которые облегчают его жизнь. Но вместе с положительными изменениями, информатизация и автоматизация имеет и негативные моменты, среди которых можно отметить: ухудшение экологической ситуации, увеличение количества аварий на производстве и др., что негативно сказывается не только на среде обитания человека, но и на его мыслительной деятельности, и в конечном счете приводит человека к духовному оскудению, утрате моральных ценностей и к потребительскому поведению. Это ставит вопрос о мировоззренческой безопасности человека. Мировоззрение нельзя навязать кому-нибудь, оно представляет собой совокупность принципов, взглядов убеждений, которые определяют отношение человека к окружающему миру и самому себе [1]. Н. О. Нестеров определяет мировоззрение человека как выражение духовной культуры общества в виде системы наиболее общих представлений о целях и смыслах индивидуального и социального бытия, о ценностном измерении отношений между людьми, между обществом и природой [2, с. 64].

А. А. Пузикова утверждает, что развитие техники порождает социальные факторы, которые негативно влияют на жизнь человека. В результате продолжается уничтожение природы, расширяются масштабы потребления, прогрессирует «аксиологическая слепота», обостряется противоречие между человеком и техникой, возможно, что в будущем машина совсем заменит человека, и человек не сможет влиять на ее управление [3, с. 639]. Так, гонка за новинками в технике обуславливает лишь стремление человека зарабатывать больше денег, а не качественно

выполнять свою работу. В результате духовная жизнь отходит на второй план и снижается уровень нравственности человека.

Государство заинтересовано в обновлении общества, что выражается в пристальном внимании к созданию новых технологий, поддержке творческой активности человека и создании необходимых условий для реализации человеком своих интеллектуальных способностей. Но не всегда поиск общего стабильного будущего с другими странами, сотрудничество в различных сферах является приоритетной политикой государства, что в результате отражается и на мировоззрении людей.

Так, основной задачей общества и государства должно быть формирование у личности позитивного мировоззрения, которое будет основываться на гуманистических началах, а именно признавать человека высшей ценностью и учитывать его духовное начало. Необходимо во благо использовать все продукты технического прогресса. Это поможет поддерживать экологию сознания на должном уровне.

Для того, что бы минимизировать негативное влияние процесса развития техники на окружающую среду необходим, например, переход на природные источники энергии (солнечная энергия, энергия ветра и проливов). Несмотря на то, что они находятся вне юрисдикции государства и общества, это минимизирует негативное влияние технического прогресса на человека и позволит ему находиться в тесной взаимосвязи с биосферными процессами. Хотя, сейчас дело обстоит иначе. Так, В. И. Вернадский делал акцент на том, что до сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами биосферы – той земной оболочкой, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее неотделим. И эта неразрывность, только теперь начинает перед нами точно выясняться [4].

Для этого необходимо формировать мировоззрение и жизненные установки личности, направленные на сохранение природы, так как человечество, как живое вещество, неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки земли – с ее биосферой. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту [4]. К. О. Чепеленко также подчеркивал важность участия в этом процессе человека, и утверждал, что не столько как просвещенность, обладание определенными знаниями, культурным капиталом, но как личностное качество, характеризующееся умением человека использовать имеющиеся знания для всеобщего блага [5, с. 57]. Так, человек должен проявлять интерес к вопросам использования техники, к моральным и мировоззренческим проблемам, которые вытекают из развития науки и техники.

Литература и источники

1. Философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/philosophy/Mirovozzrenie-1385.html>. – Дата доступа: 28.09.2018.

2. Нестеров, Н. О. Ценностные ориентиры человека как основа мировоззренческой безопасности / Н. О. Нестеров // Известия Международной академии аграрного образования. – 2016. – № 31. – С. 63–66.
3. Пузакова, А. А. Влияние развития техники и технологий на жизнь людей / А. А. Пузакова // Молодой ученый – 2015. – № 20. – С. 635–640.
4. Вернадский, В. И. Несколько слов о ноосфере / В. И. Вернадский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vernadsky.name/wp-content/uploads/2013/01/neskolko-slov-o-noosfere.pdf>. – Дата доступа: 18.09.2018.
5. Чепеленко, К. О. Аксиологический подход: социокультурное измерение / К. О. Чепеленко // Образование в современном мире. – 2011. – № 6. – С. 56–59.

ПРИНЦИПЫ СИНЕРГЕТИКИ В МОДЕЛИРОВАНИИ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В. Ю. Дунаев, В. Д. Курганская

1) Современный мир определяется как эпоха перехода от модерна к постмодерну. В фазовом переходе происходит становление нового состояния реальности, а также сдвиг, семантические мутации, качественное преобразование всех категорий, законов, принципов ее восприятия и осмысления. По известному определению, философия есть эпоха, схваченная в мысли. Философия эпохи фазового перехода закономерно самоопределилась как философия Становления.

Своеобразный алгоритм деконструкции концептуального каркаса картины мира модерна и его перевода в понятия картины мира постмодерна предложен рядом направлений междисциплинарных исследований: синергетикой, нелинейной динамикой, теорией диссипативных структур. В синергетике, согласно И. Пригожину, происходит переход от изучения инвариантов к сингулярностям, от Бытия к Становлению. С полным основанием можно предположить, что в разработке концептуальных оснований перехода к принципиально новому классу моделей метастабильных, эволюционирующих, изначально не заданных онтологий решающую роль может и призвана сыграть синергия постфилософии и синергетики.

2) Осью становления нового миропорядка и новой картины мира становится «фундаментальный вопрос идентичности» [1, с. 407]. При этом идентичность также вовлечена в поток становления. В. А. Тишков определяет этническую идентичность как «...путешествие индивидуальной / коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности» [2, с. 123]. Совместными усилиями социально-гуманитарных наук и синергетики открывается возможность установить, каким закономерностям подчиняются траектории этого дрейфа, построить их концептуальную модель и определить, какие социальные технологии отвечают задаче управления ими в проведении

политики идентичности.

3) Социальный мир в современном социодискурсе понимается в соответствии с диспозиционными концептами и моделями контингентной онтологии при отказе от субстанциалистской парадигмы. При этом системообразующая функция в социальном конструировании реальности отводится понятию коммуникации. Никлас Луман пишет: «социальные системы образуются вообще исключительно благодаря коммуникации» [3, с. 13]. Все, что не является коммуникацией, определяется Н. Луманом как внешняя среда аутопойесиса социальной системы. Поэтому исследование всего многообразия процессов «контекстуально-лабильной идентификации» [4, с. 55], формирования «гибридных, креолизованных, трансверсальных и многослойных» [5, с. 124] идентичностей должно рассматриваться в контексте типологии коммуникативных практик или форм общения.

4) Н. Гартман утверждает: в динамических образованиях, в том числе и в онтологических порядках человеческого общества, «действует иной способ сохранения, чем субстанциальность: сохранение через внутреннее равновесие, регулирование, самостоятельное воссоздание или даже самостоятельное превращение» [6, с. 231]. Личностно-социальное целое предстает как подвижный синтез и замена своих опорных элементов, переопределения своего собственного определяющего основания. Устойчивость же социальной системы определена специфическими особенностями *диспозиционного* структурирования социальных связей. Примером реализации такого подхода является развитие Г. С. Батищевым, в опоре на тексты К. Маркса, концепции непериодизирующей типологии социальных связей [7, с. 298–377].

Во всемирно-историческом процессе К. Маркс выделяет три типа общественных отношений: отношения личной зависимости, отношения вещной зависимости и становление свободной индивидуальности. Отношениям личной зависимости соответствуют социал-органический тип связей (*Gemeinschaft*) добуржуазных общественно-экономических формаций. Отношениям вещной зависимости соответствует социал-атомистический тип связей (*Gesellschaft*) буржуазного общества.

Г. С. Батищев показывает, что в социальной философии К. Маркса социал-органические и атомистические типы социальных связей рассматриваются, в свою очередь, в двух подтипах каждая: закрытых, замкнутых и открытых, разомкнутых.

Социал-органические связи – это связи не-свободной сопринадлежности индивидов Целому. Замкнутая модальность этого типа связей характеризуется гетерономией индивидов как акциденций или составных частей субстанциального целого. Социал-органические разомкнутые связи – связи со-принадлежности индивидов, раскрытые навстречу онтологическому содержанию наиболее фундаментальных уровней бытия, в которые субъект включается на до-деятельностном, не распремечиваемом уровне личностной организации.

Социал-атомистические связи дробят целое на такие части, каждая из

которых притязает быть внутри себя онтологически самодовлеющим целым. Г. С. Батищев подчеркивает: коварная негативная диалектика механизма социальной регуляции атомистической социальности такова, что, ежечасно аннулируя высокомерный своецентризм каждого атома, утверждает за его спиной неоспоримый своецентризм отчужденной системы как целого.

При открытом типе атомистических связей своемерие и своецентризм обращены индивидом только внутрь его субъектного мира. Уход из актуального межличностного общения, требующийся в пограничных ситуациях, в творчестве, подвижничестве и тому подобных формах самоопределения личности по отношению к высшим ценностям и смыслам, совмещается с уважительностью и терпимостью к жизненным кодексам других.

5) Выделенные К. Марксом идеально-типические формы общения характеризуют не только хронологическое, но и непериодическое структурирование общества. В составе реального общественного целого социал-органические и социал-атомистические связи отрицают, но и воспроизводят друг друга, будучи опосредствованы узлами негативной взаимозависимости. На языке синергетики эти типы социальных связей выступают как аттракторы – притягивающие множества в пространствах открытых диссипативных систем.

Идентификационные процессы развиваются по этим двум программам одновременно. Такой тип идентификации производит не *сопоставление*, но сцепление, *сборку* разнородных ценностей и смыслов, что является основой феномена, обозначенного Ж. Т. Тощенко термином «кентавр-сознание». Структура идентификационных процессов «кентавр-сознания» описывается формулой диагноза, поставленного герою романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота»: «Раздвоение ложного Я».

6) Каждым из проанализированных Г. С. Батищевым типов социальных связей предполагаются духовно-онтологические основы социальности, но внутри этих связей и на основе соответствующих им структур социального бытия они не возникают и возникнуть не могут. В парадигматических рамках этой типологии социум лишь допускает (разомкнутые типы социальной связи) или противодействует (замкнутые типы) актуализации идентификационных процессов на основе сознательно-свободного самопреобразования социально-личностного целого. Из проведенного Г. С. Батищевым анализа непериодической типологии структур социальных взаимодействий следует вывод о внесистемной природе формы общения, онтологически соответствующей становлению свободной индивидуальности.

7) Синергетическое моделирование идентичности подтверждает вывод непериодической типологии форм общения К. Маркса и современной социальной философии: в пространстве социал-органических и социал-атомистических связей и их превращенных форм «У линии становления нет ни начала, ни конца; ни отправления, ни прибытия; ни происхождения, ни предназначения» [8, с. 487].

Литература и источники

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ». 2003.
2. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука. 2003.
3. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001.
4. Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире / Пер. с англ. – М.: Весь Мир. 2004.
5. Golob, T. Exploring Identifications in the Transnational Social Sphere: The Potential of Social Fields / T. Golob // Sociologija i proctor. – 2014. – Vol. 52, No. 199 (2). – P. 123–139.
6. Гартман, Н. Старая и новая онтология / Н. Гартман // Историко-философский ежегодник '88. – М.: Наука, 1988. – С. 320–324.
7. Батищев, Г. С. Введение в диалектику творчества / Г. С. Батищев. – СПб.: РХГИ, 1997.
8. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. – Екатеринбург; У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

ПРОБЛЕМАТИКА ОСНОВАНИЙ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

К. Р. Еськевич

Проблематика оснований формирования национально-государственной идентичности артикулируется в пространстве междисциплинарных исследований. В данный дискурс вносят свой вклад представители различных научных направлений и школ социально-гуманитарной сферы: политологи, социологи, историки, психологи и др.

Как нами уже описывалось ранее, в отечественном социально-гуманитарном дискурсе как в количественном, так и в качественном отношении представлены в основном социологическое, психологическое и социально-психологическое направления анализа проблематики национально-государственной идентичности. Результаты данного анализа позволили нам выявить некоторые основания моделирования белорусской национально-государственной идентичности. Социологические исследования акцентируют внимание на следующие основания моделирования национально-государственной идентичности: общность территории, которой обладает нация; общность культуры, включающей в себя язык, обычаи, религиозные представления, мифы происхождения и историю; общность социально-политической жизни, обеспечивающейся гражданством ([2; 3; 4] и др.), при этом акцент делается также на своеобразной «индивидуализации» данных оснований для различных национальных государств.

В «пространстве» психологического направления отметим

концентрацию на выявлении модели психологической структуры национальной идентичности, которая выражается в единстве когнитивного (представления о национальной идентичности), эмоционального и поведенческого компонентов (самоотнесение к определенной социальной группе) [5; 6]. В контексте данного дискурса основания национально-государственной идентичности обнаруживаются в процессе социализации и влияния на формирование ментальных особенностей, ценностных предпочтений индивида и проявляющих себя на уровне когнитивной составляющей в форме представлений о гражданственности, историко-культурной общности и пр., на уровне же эмоциональной составляющей любовь, гордость, ощущение «единства» с данной общностью. При этом подчеркивается значимость оснований когнитивной составляющей, во многом детерминирующих впоследствии эмоциональный уровень [6].

Исследования проблематики белорусской национально-государственной идентичности в русле социально-психологического направлений также весьма продуктивны. В результате социально-психологической диагностики национально-государственной идентичности и выделения в качестве эмпирических индикаторов стереотипов и образов также определяются основания национально-государственной идентичности и их влияние как на когнитивном и аффективном уровнях сознания индивида, так и на преобладание тех или иных субидентичностей (территориальная, этническая, гражданская и пр.) в структуре национально-государственной идентичности [3]. Выводы, к которым приходят исследователи, работающие в данном направлении, определяют в качестве оснований национально-государственной идентичности различные проекции субидентичностей (территориальная, этническая, гражданская), с разной степенью интенсивности проявляющих себя как на когнитивном, так и на аффективном уровнях, что позволяет с учетом исторического пути и проводимой политики государства в настоящем, определить возможные направления развития, укрепления национально-государственной идентичности [2].

Весьма интересными и продуктивными в выявлении оснований национально-государственной идентичности предстают исследования в рамках политологического направления. Выявление оснований национально-государственной идентичности в рамках данного вида дискурса во многом определяется идейно-политическими позициями исследователей (либеральной, консервативной и пр.). Здесь мы «встречаем» такие теоретико-ценностные конструкты, как «гражданская нация» и «этническая нация». В рамках «консервативного» течения интерпретации оснований национально-государственной идентичности исследователи выявляют историко-культурную общность в качестве основания, предопределяющего формирование нации, игнорируя во многом конвенционально-избирательный характер самого политического процесса становления нации в ее государственной форме. Странники же «либерального» течения акцентируют внимание на свободном рациональном политическом выборе

индивидами той или иной формы национального государства [7]. Синтезируя позиции данных течений можно прийти к следующей гипотезе о том, что «две вещи создают нацию: субъективно подтвержденное согласие и богатая культурная наследственность совместных воспоминаний и практик» [7, с. 81].

В контексте данного вида дискурса обнаруживаем также и значение такого основания национально-государственной идентичности как «способность воображать» одинаково разделяемые нами вещи (символы, ценности, традиции, территорию проживания и пр. (термин, описанный Б. Андерсоном (отметим, что данное основание выявлено в рамках описанного нами ранее психологического и социально-психологического направлений) [1].

В рамках данного направления также акцентируется внимание и на таком значимом основании национально-государственной идентичности как культурное наследие. «Другими словами, к прошлым и будущим поколениям членов наций привязывает субъективное подтверждение совместного наследования культурных артефактов, таких как язык, реликвии, символы, предания о происхождении, воспоминания травматического опыта и так далее. От предыдущих поколений люди наследуют неисчислимо множество культурных артефактов, немалую часть которых они игнорируют либо принимают как должное. Но та разновидность межпоколенческого сообщества, которая характерна для наций, учреждается как раз таки субъективным подтверждением конкретных линий культурного наследия в качестве источника взаимного попечения и лояльности» [1, с. 122].

Разговор об основаниях национально-государственной идентичности невозможен также и без рассмотрения связи нации с государством. Именно государство в новоевропейской истории сыграло определяющую роль в распространении и политизации национального сообщества и в этом смысле исследователи верно отмечают, что «пределы своей идентичности народ получает только от границ государства» [1, с. 253].

Таким образом, подводя итоги нашего анализа моделирования оснований национально-государственной идентичности в различных видах социально-гуманитарного дискурса: социологическом, психологическом, социально-психологическом, политологическом следует отметить, что в качестве оснований формирования национального сообщества и национально-государственной идентичности – и в этом сходятся как зарубежные, так и отечественные авторы – следует выделить общность территории, которой обладает нация; общность культуры, включающей в себя язык, обычаи, религиозные представления и пр.; общность социально-политической жизни, обеспечивающейся гражданством и политическим выбором процесса нациостроительства, «межпоколенческие связи», отражающие историческую динамику становления и развития нации.

Литература и источники

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
2. Беспмятных, Н. Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н. Н. Беспмятных. – Минск: РИВШ, 2007.
3. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Концептуализация понятия / Л. И. Науменко // Социологический альманах / Институт социологии НАН Беларуси; редколл.: И. В. Котляров [и др]. – 2010. – Вып. 1. – С. 171–181.
4. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность / Л. И. Науменко. – Минск: Беларуская навука, 2012.
5. Фабрикант, М. С. Национальная идентичность граждан Республики Беларусь: социально-психологическое исследование / М. С. Фабрикант. – Saarbruecken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
6. Фабрикант, М. С. Социально-психологическая структура национальной идентичности граждан Республики Беларусь: автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.05 / М. С. Фабрикант. – Минск, 2010.
7. Як, Б. Национализм и моральная психология сообщества / Б. Як; пер. с англ. К. Бандуровского; науч. ред. перевода М. Дондуковский. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

ГУМАНИЗМ КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

З. Р. Жукоцкая

Вектор новейших познавательных усилий в области социально-гуманитарного знания, где наблюдается настоящий переворот в связи с глобализацией и фундаментализацией информационных потоков и социально-культурных систем, ставит новые задачи перед философией в частности и социально-гуманитарной наукой в целом.

В систему традиционных задач высшей школы входит формирование гражданских и личностных качеств молодого специалиста. В основе этого процесса лежит широкий мировоззренческий кругозор, нравственный стержень, свободная рефлексия над собственной профессией, ее общественным и гуманитарным значением. Откуда берутся эти знания, способности и навыки? Частью из комплекса внеучебной воспитательной работы. Но главным образом они образуют предмет *социально-гуманитарной* подготовки специалиста высшей квалификации. Вот почему блок социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе всегда превалировал, высвечивая актуальное *пространство* человеческой жизнедеятельности, в котором предстоит совершать траекторию своего жизненного пути будущему молодому специалисту.

К этому всегда обязывал высокий статус *университета* как «храма

Аполлона», как «царства чистого разума», как *Alma mater* и *humanitas universalis*. Никому даже в голову не приходило ставить под сомнение высокую гуманистическую и гуманитарную миссию университета как исключительного, выработанного на протяжении столетий европейской культуры *духовного центра* по приобщению человека к неутилитарным, вечным ценностям, раскрывающим одну и по-настоящему универсальную истину *человечности*. Университет в полной мере выражал саму идею *образования* как процесса, несущего и формирующего «образ» человека, процесса, по точному выражению И. Гердера, «возрастания к гуманности», образующего или созидającego человека, в результате которого *образованность* становится его «второй натурой».

В. Д. Жукоцкий предлагает обратиться к идее платоновской философской *Пайдеи*, как воспитывающего образования, устанавливающего внутреннюю связь между добродетелью и знанием. «Это такое образование, которое воспринимает себя не просто как средство для прагматических целей жизнеустройства, а как самоцель, как навык непрерывного самообразования, устремленного в идеальное пространство личностного совершенства» [1, с. 17]. Это такой вид интеллектуально-нравственной культуры, подчеркивает В. Д. Жукоцкий, который твердо знает, что «*образование* человека невозможно без идеального *образа* человека» и без внутренней напряженной готовности к его воплощению в практике общественной и частной жизни. Оно не заканчивается с получением диплома о высшем образовании, но только начинает свой долгий жизненный путь.

Гуманизм в своей исторической перспективе из частного явления культуры превращается в полноту *развитого* культурного целого, нашедшего, наконец, гармонию внутреннего и внешнего равновесия с социумом. Это столь же очевидно, как и то, что начало человеческой истории было озаменовано доминантой религиозного культа, как *простейшей* формы культурного целого, и неуклонной тенденцией превращения ее в частное явление культуры. Все это отражает и сущность образовательного процесса в его непрерывности и устремленности в будущее.

Это в точности воспроизводит античную традицию, в которой *гуманизм* и *образование* выступали непосредственными синонимами становления личностного начала в человеке и гражданине. Древнегреческая пайдейя, как и мы теперь, была захвачена мучительной дилеммой – между *школой софистов*, с ее нацеленностью на прагматическую результативность узкой специализации, и *платоновской академией* – с ее преданным служением истине и вечности бытия, а значит, философии как интеллектуальной религии образованного класса. Именно она учит любить человека не за его полезность, а за его глубину и неисчерпаемость человеческого потенциала, бесконечность личностного начала, за его неповторимую индивидуальность – способность нести целое, не переставая быть индивидом.

Умение свободно ориентироваться в актуальных проблемах современной *гуманистики* по-своему важно для специалиста в любой

области общественной деятельности. Гуманистическая проблематика утвердила свои исторические права задолго до новейших тенденций глобализации и связанной с ней *глобалистики*. Она образует идейно-мировоззренческую основу всей современной цивилизации, о чем, в частности, убедительно сказано в международно-правовом документе – в Конституции Европейского союза. Само становление современного глобального мира было бы невозможно без активно функционирующей этики *светского гуманизма*. Обладание гуманистическим сознанием стало нормой в поведении граждан «цивилизованных стран», что существенно сказывается на системе правовых и социально-экономических отношений. Современный специалист четко различает правила «корпоративной этики» и общечеловеческой морали, понимает безусловный приоритет последней, выстраивает сложную диалектику их взаимодействия.

Общество крайне заинтересовано в том, чтобы сделать высшую школу более действенным и эффективным инструментом формирования у студентов жизнестойкой, оптимистичной и ответственной гражданской позиции. Идея гуманизма заявлена в качестве основы обучения и воспитания, как важнейшая нравственно-юридическая составляющая и системы образования, и общественной атмосферы в целом. Между тем, вопросы о том, что такое современный гуманизм, что такое гуманистическое мировоззрение, гуманистическая нравственность, какова система гуманистических ценностей – все эти вопросы проходят по периферии частных гуманитарных дисциплин.

Выход из этой дилеммы лежит в поиске равновесия между двумя принципами, между двумя традициями. Причем, чем более высшим становится образование, т. е. чем более академическим в исконном значении этого слова, тем более оно проникается духом платоновской философской Пайдеи, возвышая человека до всеобщности. И, разумеется, наоборот. Сначала грамматика, потом философия. Грамматика заменяет философию лишь на уровне начального образования. Свести к этому уровню современную высшую школу невозможно. Вот почему нам нужен не только общетеоретический или классический курс философии, но также и курс прикладной философии или гуманитаристики, который может быть сконцентрирован в «Основах современного гуманизма». Полученный опыт преподавания этой дисциплины в целом ряде вузов современной России, включая МГУ имени М. В. Ломоносова, личный опыт В. Д. Жукоцкого, убеждает и нас в этом [2, с. 4–8].

Гуманизм – это не только нравственный стержень личности, внутренне ответственной и свободной для творческого освоения мира и партнерства с ним. Гуманизм, убежден В. Д. Жукоцкий, «образует духовную основу современного государства, общества и культуры, самого здорового образа жизни личности и общества» [1, с. 13].

Литература и источники

1. Жукоцкий, В. Д. Основы современного гуманизма: Российский контекст. Учебное пособие / В. Д. Жукоцкий. – 2-е изд., доп. – М.: РГО, 2006.
2. Кувакин, В. А. Почему необходим учебный курс «Основы современного гуманизма»? / В. А. Кувакин, В. Д. Жукоцкий // Здравый смысл. – 2005. – № 4 (37).

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СИТУАЦИИ ДВОЙНОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ: ОПЫТ ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ

М. Р. Зазулина, А. П. Чемчиева

С начала XX в. политический прогресс понимается как процесс «демократизации», который, в свою очередь, осмысливается преимущественно как выстраивание демократической электоральной системы ротации элит во власти – процесса, все более «расширяющегося», путем распространения избирательных прав на все население (участие которого в политике ограничено исполнением электоральных прав). В концепции конкурентной демократии Й. Шумпетера и его последователей такой демократический процесс предстает как электоральный (законодательно закрепленной процедурой выборов), конкурентный и связанный в первую очередь с элитами, а «демократический метод – это институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивидуум приобретает власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [1]. Демократия, в понимании Шумпетера и его последователей, по сути дела обозначивших основные направления осмысления современного демократического процесса, – это особый институциональный дизайн для осуществления выборов. Концепция демократического процесса как электорального имеет ряд существенных ограничений как теоретических, так и практических. В своем теоретическом развитии она приходит к противоречию, вызванному: 1) ограниченностью участия в политической жизни только электоральной активностью; 2) существованием активного меньшинства, которое не имеет возможности выразить свои интересы в рамках предлагаемых форм политической активности.

Ответом политической системы оказывается расширение понимания демократии и ее принципов и появление новых моделей демократии, в которых эти принципы воплощаются – партисипаторная демократия, делиберативная демократия, протестные движения. Наиболее масштабно в российской политике это проявилось в акциях движений «Синие ведерки» и «Болотной», протестных движений, поводом которых послужило недовольство политически активной частью общества (преобладающего в политическом, электоральном меньшинстве) ходом и итогами выборов в Государственную думу 2011 г. Начавшись как стихийные неорганизованные собрания граждан, сомневающих в прозрачности и честности

избирательного процесса, протестное «болотное» движение с готовностью использовало различные формы «неконвенциональной» политической активности, что является характерной чертой партиципаторной политической активности в последние годы и противоречит мысли теоретиков партиципации, настаивающих на необходимости реализации воспитательной функции этой модели. Вовлечение в «участие» (партиципацию) новых сторонников становится одним из ключевых ресурсов в достижении политических целей: например, для отмены выбора большинства, ограниченного в своей политической активности рамками электорального процесса.

Особенность современных изменений в понимании демократического процесса заключается в том, что принцип равнозначности воли всех граждан уступает принципу равенства представлений, переосмысливаются проблемы соотношения большинства и меньшинства, равенства и легальности. Классической представительной модели, при которой преимущество имеет пассивное атомизированное лоялистское большинство, противопоставляется такая модель демократии, при которой преимущество получает активное сплоченное меньшинство, способное к самоорганизации для личного участия в политической борьбе, в том числе в неконвенциональных формах. Такой вывод проясняет специфику современных попыток изменения сущности политического процесса.

Рост внеэлекторальной активности, в виде протестных движений, может интерпретироваться как отражение глубинных тенденций социокультурного разделения современных обществ, затрудняющего процессы коммуникации между различными социальными группами. Протест является ответом на растущий разрыв между гражданами и традиционными политическими (в том числе демократическими) институтами, и маркирует место возникновения социокультурного раскола в обществе. Именно такой раскол лежит в основе феномена «демократического разочарования», описанного П. Розанваллоном, проявляющегося в падении индикаторов доверия граждан к политическим институтам, электоральной апатии и связанного с изменением природы гражданственности [2].

Движущей силой выступает социально и политически активное меньшинство, претендующее на изменение ситуации, складывающейся в результате «нормального» демократического процесса. Чтобы не послужило поводом для волнений, реальная причина всегда заключается в том, что часть общества не может реализовать свои интересы в рамках классической электоральной представительной демократии, то есть реальные отношения не вписываются в существующие институты.

Трансформации, происходящие с демократией, на первый взгляд кажутся нерациональными. Появление новых форм политической активности, в сочетании с разворотом в сторону от электоральной демократии и ее критикой, противоречит всей предыдущей истории становления институтов демократии (смысл которой вплоть до второй половины XX в. заключался в последовательном расширении субъектов

демократического процесса, вовлечения в политику все более широких масс населения).

Однако такое изменение вполне рационально с точки зрения обретения политической системой устойчивости, в том случае если речь идет о трансформирующихся обществах, совершающих переход от авторитаризма к демократии. Данная ситуация может быть охарактеризована как ситуация двойного преодоления: должны быть преодолены проблемы, связанные как с преодолением авторитарных тенденций, так и с развитием демократических процедур и механизмов. Проблема заключается не в качестве или особенностях политического процесса как такового, а в чрезмерном доминировании базовых институтов, на которые опирается любой политический режим: государство, семья, экономические институты – все они оказались слишком скрупулезными регламентаторами человеческой жизни, даже в условиях демократии, оставляя недостаточно свободы для самовыражения.

Именно наблюдение за опытом развития демократического процесса в трансформирующихся обществах, переживающих ситуацию двойного преодоления, позволяет по-новому взглянуть на политический процесс, обнаруживая точки сближения таких противоположных явлений, как демократия и авторитаризм, и показывая, что демократия инструментальна: она может быть различной и может использоваться для различных целей.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ / ОН №16-03-00309.

Литература и источники

1. Шумпетер, Й. Л. Капитализм, Социализм и Демократия: пер. с англ. / Й. Л. Шумпетер; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1995.
2. Розанваллон, П. Контрдемократия: политика в эпоху недоверия / П. Розанваллон // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4(84). – С. 11–30.

ПОТЕНЦИАЛ ДЕМОГРАФИИ КАК СИСТЕМНОЙ ОТРАСЛИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

А. Г. Злотников

Демография наряду с другими науками стремится отразить всю воспроизводственную сферу населения целиком, системно. Она, как констатировал выдающийся демограф XX века А. Сови, вездесуща и неуловима, она может расширять или сокращать сферу своих интересов в зависимости от конкретных социальных условий и демографического состояния общества. В результате она выступает в роли координатора в изучении человеческой популяции, параметров и субъектов ее воспроизводства. Она описывает все циклы производства и воспроизводства популяционной совокупности поколений от момента их рождения до окончательного ухода из жизни после окончательного износа, уступая место

новым поколениям. В этом отношении демографический процесс похож на процесс производства и эксплуатации любого другого товара. Демография описывает технологию производства изделия – популяции. Она же задает параметры этого производства и воспроизводства, без знания которых не могут функционировать другие науки.

Демографический фактор присутствует в каждой из социальных сфер – экономической, политической, духовной и повседневно-бытовой сферах. Демографические процессы связаны с деятельностью многообразных социальных институтов – производственных, государственных, брака и семьи, образования, менталитета. Демографические процессы отражают и проявляются в разнообразных социальных общностях – классовых и стратификационных, профессионально-квалификационных, этнических, конфессиональных, территориальных и отраслевых общностях. Их итог и их начало можно видеть и в многообразии видов деятельности – социальной, экологической, индустриальной, аграрной, научной деятельности.

Но в отличие от процесса производства других товаров, которое требует вмешательства извне, воспроизводство и производство человека и популяции совершается самим человеком, самой популяцией. Демография, опираясь на другие науки, может содействовать самодетерминированности социального популяционного процесса в интересах производства и воспроизводства популяции более высокого качества. Без демографии, особенно в современном мире, невозможно определить приоритеты и акценты воспроизводственного развития, тем более, когда возникают цивилизационные, природные, экономические, экологические или иные катаклизмы и катастрофы, действительные, а не мнимые угрозы популяции. А угроз, препятствующих развитию, значительно больше, чем факторов, способствующих их развитию.

В современном мире общественная жизнь развивается во взаимодействии таких социальных институтов, как государство, рынок, гражданское общество и демовоспроизводство. Каждому из них соответствует свое научное направление. Экономисты изучают рынок, политологи и юристы – государство, социологи – гражданское общество, демографы – демореальность и демо процессы. Потребности социума свидетельствуют о необходимости изучения демографических процессов и демореальности в центре и на периферии планетарной миросистемы не только демографами, но и представителями других наук. В свою очередь, нельзя не отметить расширение и углубление и самих демографических исследований, что отвечает такой особенности развития современной науки – ее социологизации.

Именно по этому поводу лауреат Нобелевской премии по экономике 1973 г. В. В. Леонтьев говорил: «Возникает вопрос: как долго еще исследователи, работающие в таких смежных областях, как демография, социология и политология, с одной стороны, и экология, биология, науки о здоровье, инженерные и различные прикладные дисциплины, с другой стороны, будут воздерживаться от выражения озабоченности по поводу

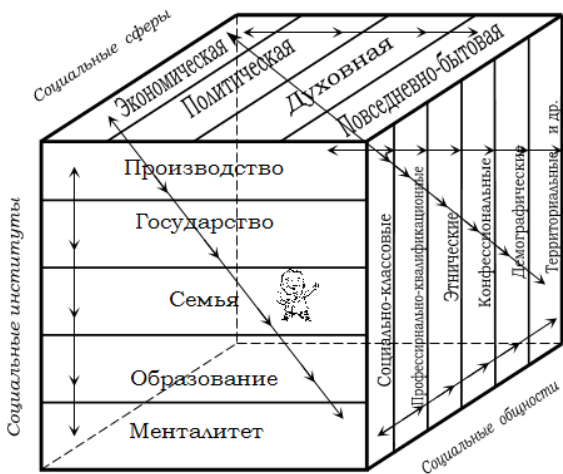
состояния устойчивого, стационарного равновесия и блестящей изоляции» [1, с. 124].

Преодоление этой изоляции – явление объективное и закономерное. Оно вытекает из принципа соответствия, согласно которому независимые рассуждения в русле одной научной теории должны вести к тем же выводам, что и независимые от них рассуждения в других научных направлениях. «Для того чтобы углубить фундамент нашей аналитической системы, – далее резюмировал В. В. Леонтьев, – необходимо без колебаний выйти за пределы экономических явлений, которыми мы ограничивались до сих пор. Задача более фундаментального понимания процессов производства неизбежно приводит в область инженерных наук. Для проникновения в суть традиционной функции потребления необходимо развивать систематическое изучение структурных характеристик и функционирования домашних хозяйств – область, где описание и анализ социальных, антропологических и демографических факторов должны, очевидно, занимать центральное место» [1, с. 124].

Без демографического анализа сегодня немислимо составление любой эффективной социально-экономической программы развития ни в одной из стран мира, обоснование крупных экономических проектов. Без знания демографической ситуации, демографических тенденций, демографических прогнозов, репродуктивного поведения и миграционного движения населения, гендерных проблем и т. д. в любой сфере жизнедеятельности социума невозможно обеспечить научно выверенное, взвешенное развитие ни одной страны. Демографические исследования необходимы для бизнеса и торговли, сельского хозяйства и промышленности, здравоохранения, и просвещения, обороны и силовых структур.

Нами для отражения в социологии этого трансдисциплинарного и междисциплинарного подхода введено понятие социомурлата [2, с. 270], представленное ниже структурно-логической схемой (Рисунок 1), во-первых, отражающей системность объектов и самого социологического знания, во-вторых, позволяющей во взаимодействии этих объектов выделить и их предмет, и, в-третьих, дающей методологический остов распространить эту системность и на другие отрасли социально-гуманитарного знания, в т. ч. и на демографическую науку. Как видно из вышеприведенного анализа роли демографической науки все это позволяет представить и социологию и демографическую науку в системе социомурлата.

Рисунок 1. Социомурлат, схематически характеризующий взаимодействие и системность социальных структур

Это понятие нами образовано из двух понятий «социо» – общество и «мурлат». Последнее понятие нами позаимствовано из практики возведения домов. В частности, В. И. Далем во втором томе толкового словаря живого великорусского языка понятие «мурлат» расшифровывается, как продольный обруч поверх стены, на которой кладутся концами переводины, матицы или балки [3, с. 360]. Обратим внимание, что в понятии «мурлат» есть два слога «мур» и «лат». И в белорусском языке «мур» является составной, корневой частью понятий «мураваць», «падмурак». Первое из них означает возводить здание, подвести основание, фундамент, а второе – как сам фундамент. Слово «мур» в русский и белорусский языки пришло из немецкого языка (mauer), а в него – из латинского (murus), что означает стена. Белорусские плотники, строившие (тесавшие) деревянные дома, мурлатом называли верхние бревна, которыми укрепляли дом и на которые укладывали латы, т. е. жерди, слегги, идущие под обрешетку стропил. Эти верхние, массивные бревна, балки, на которых лежали латы, делали дом прочным и нерушимым.

И в этом плане социомурлат, представленный структурно-логической схемой, отражающей системность социальных структур и их взаимодействие (на рисунке это взаимодействие указано стрелками) позволяет представить и любые социальные процессы и явления в качестве системных и междисциплинарных. Демографические процессы, протекающие в повседневной-бытовой сфере и в социальных институтах семьи и брака, взаимосвязаны и зависят от функционирования других социальных сфер – экономической, политической и духовной. Также они взаимосвязаны и зависят от функционирования социальных институтов – производственных (или экономических), государственных, семьи и брака, образования и менталитета. Среди социальных институтов менталитета в демографических

процессах существенна роль и такого института, как религия. Также они взаимосвязаны и зависят от функционирования социальных общностей разного типа уровня и сложности – классовых и стратификационных, профессионально-квалификационных, этнических и конфессиональных, отраслевых и территориальных, демографических структур и др.

Таким образом, концепция социомурлата выполняет свою эпистемологическую трансдисциплинарную системную роль в демографии.

Литература и источники

1. Леонтьев, В. В. Экономические эссе: Теория, исследования, факты и политика / В. В. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1990.
2. Злотников, А. Г. Демографические идеи и концепции / А. Г. Злотников. – Минск: Право и экономика, 2014.
3. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 2.

НАСЛЕДИЕ М. О. КОЯЛОВИЧА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ДИАЛОГА ВОСТОКА И ЗАПАДА ЕВРОПЫ

В. К. Игнатов

Сегодня совершенно невозможно игнорировать важную роль М. О. Кояловича в истории становления белорусского национального самосознания. Со страниц произведений ученого предстал образ народа, доселе укрытого пеленою истории. М. О. Коялович показал, что среди лесов и болот таилась иррациональная полнота жизни белорусов, освобождающихся от многовековой немоты и устремляющихся к новой жизни. В ту эпоху белорусский народ оказался на исторической развилке, решая, какая дорога приведет его к процветанию.

Творчество М. О. Кояловича стало наглядной иллюстрацией процесса сложных, противоречивых, порой мучительных поисков верного пути. Духовным подспорьем историку в его исканиях служила славянофильская теория. Но незаурядный талант М. О. Кояловича позволил ему стать не только выдающимся учеником классических славянофилов, но и совершить дерзновенную попытку создать оригинальную концепцию родного края, осмыслить прошлое, настоящее и будущее белорусского народа.

Можно выделить три этапа развития мысли ученого. Первый – период романтического идеализма, проникнутый оптимистическими надеждами на скорое воссоздание уходящего своими корнями в глубокую древность восточнославянского христианского православного общества. Оно представляло в виде патриархальной семьи, основанной на началах христианской любви, с общими традициями, ценностями и идеалами. Но каждое «племя» этой большой православной общины сохраняло свои самобытные черты, исторические особенности, культурную уникальность. В перспективе все ветви триединого русского народа должны были слиться в

монолитный социальный, духовный и государственный организм. Как носитель христианской истины, общерусский народ призван был преодолеть заблуждения прошедших высшую точку своего развития народов Запада и выполнить свое всемирное призвание – создать единое христианское человечество. Польская культура, проникаясь идеалами православия, становилась духовным союзником русского мира, а польский народ – лояльным членом огромной имперской семьи.

Основание русскому мессианизму М. О. Коялович находил в исследованиях истории прошлого. Изначально подчиненная идее обоснования вселенского служения России, историческая наука нередко принимала облик мифологии, но ученый и сам открыто признавал, что он создавал *идеальную* историю [1, с. 280–281].

Второй период творчества М. О. Кояловича берет свое начало во время Январского восстания. Надежды на скорый и бесконфликтный мировой триумф русской идеи покинули ученого. Его рассуждения наполнялись картинками схватки цивилизаций, белорусские земли превращались в арену бескомпромиссной борьбы России и Запада, представленного своим восточным бастионом – Польшей и носителями польской культуры в Западном крае. Но и само общерусское сообщество выступало в сочинениях М. О. Кояловича не свободным от проблем, изъянов, трудностей. Угроза бюрократической унификации Западной России, опасность утраты самобытности белорусского народа, риск деградации русской идеи в северо-западных губерниях являлись центральными темами размышлений историка. Достижение абсолютной консолидации большого русского народа принимало характер длительного эволюционного процесса. Образ Западного края становился все более сложным, представление о полиэтничности и мультикультурности региона обретало статус постоянного спутника духовных исканий М. О. Кояловича. Основными мишенями его критики были идеи западного демократизма и социализма, столь чуждые ставянофильской мысли. Вторым идейным противником М. О. Кояловича был русский национализм в облике катковщины.

Важнейшим обретением этого периода стало формулирование историком мысли об особой, отличной от общерусской, миссии белорусского народа – быть выразителем идеи согласия как внутри триединого русского народа, так и между Россией и Западом [2, с. 552].

Последнее десятилетие жизни М. О. Кояловича стало для него временем подведения творческих итогов. Резкое противопоставление России и Запада постепенно сменялось признанием неизбежности, а иногда даже и благотворности влияния западной цивилизации на русский мир. Неизменной оставалась позиция историка, прокламирующая необходимость сохранения самобытности России, верность идее русского мессианизма, основанной на представлении о русском народе-богоносце, призванном спасти человечество. Ведущей темой в сочинениях позднего М. О. Кояловича стала мысль об утрате человеческой личностью Запада глубинных смысловых основ своего существования, забвении ею фундаментальных духовных

ценностей, преобладании в жизни западного общества стремления к телесному комфорту и тривиальному социальному успеху. Предвосхищая критику индустриально-технической цивилизации, обретшую полновесное звучание в XX в. как в сочинениях философов «серебряного века», так и в трудах западных мыслителей, М. О. Коялович нарисовал яркие картины подчинения человека машине, возникновения новых, более изощренных форм господства власть имущих над социальными низами, западных народов над народами других стран. С особой силой он говорил о распаде человеческой личности, об утрате ею целостного, гармоничного восприятия мира и культуры, о нарастании специализации в деятельности человека, расщепляющей его духовную сущность. Интеллектуальному влиянию Запада, начертавшему на своем идейном знамени «ум, знание, польза» [3, с. 739], М. О. Коялович противопоставлял христианские идеалы славянского мира, полагая, что они способны «очеловечить» технику, вернув личности ощущение духовной и нравственной гармонии.

Кончина ученого пришлась на период распада славянофильства, его угасания и духовного оскудения. Славянофильская теория повторила судьбу многих своих интеллектуальных сестер, о чем так красочно написал сам М. О. Коялович [1, с. 282–283].

К несчастью, вражда славянофилов и западников не прекратилась и с наступлением XXI в., как не угасло и соперничество России и Запада. С приходом нового тысячелетия люди еще острее ощущают, что, как и в человеческой жизни, с историческим возрастом бег времени становится все более и более стремительным, а катастрофический период развития человечества, о котором писал Н. А. Бердяев [4, с. 7–8], может завершиться подлинной трагедией.

В XXI в. духовный опыт белорусского народа, на протяжении столетий созидавшего свою самобытную культуру, основываясь на принципе мировоззренческой полифонии, единственно возможном для земель цивилизационного пограничья, создает уникальную перспективу для обретения ею мирового звучания. Испытания, посланные судьбой Беларуси, наделили ее даром проникновения в духовные миры иных народов. Это позволяет ей сыграть одну из ведущих ролей в современной мировой исторической драме, не только смягчая разногласия между двумя ветвями европейской цивилизации, но и внося умиротворяющие начала в преодоление острейших противоречий между ведущими мировыми державами.

Голос белорусской культуры в планетарном духовном оркестре не сможет сохранить и преумножить свою уникальность, если предаст забвению собственное культурно-историческое наследие, создавшее традицию диалога, разномыслия и толерантности.

В интеллектуальной истории Беларуси творчество М. О. Кояловича занимает одно из ведущих мест. В начале XXI в., также как и в XIX в., вдохновлявшая М. О. Кояловича «великая кирилло-мефодиевская идея» оказалась неспособной привести к согласию консерватора-славянофила и

либерала-западника. Но их не могут не примирить его научный талант, горячая любовь к Родине и глубокая вера в достойное европейское будущее белорусского народа.

Литература и источники

1. Коялович, М. О. Чтения о церковных западнорусских братствах / М. О. Коялович // Коялович, М. О. Шаги к обретению России. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2011. – С. 267–352.
2. Коялович, М. О. О расселении племен Западного края России / М. О. Коялович // Коялович, М. О. Шаги к обретению России. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2011. – С. 538–554.
3. Коялович, М. О. Наши русские исторические знамена – веры и народности / М. О. Коялович // Шаги к обретению России. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2011. – С. 709–743.
4. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: МОТИВ ПУТЕШЕСТВИЯ ГЕРОЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Л. Л. Ильюшина

Современная действительность ставит перед человеком множество вызовов, культурных и цивилизационных. Его мировоззрение формируется под воздействием большого числа факторов, от окружающей общественной среды до самовоспитания. Ситуация транзитивности, характерная для нынешнего состояния социума, может порождать у индивида состояния фрустрации, тревоги. Нарастая, не находя разрешения, оно способно привести к угрозе духовной безопасности человека, кризису его идентичности.

В этом смысле важным является способность культуры проигрывать разные сценарии будущего, осмысливать вызовы, стоящие перед обществом, и воплощать их разрешение в художественной форме. Еще Аристотель отмечал уникальную роль литературы, в частности трагедии, в моделировании катарсиса, очищения через сопереживание герою. Очевидно, что роль литературы в формировании идентичности сложно переоценить: через нее идет знакомство и усвоение традиции, как своей, так и иных; она способствует самопознанию и самообразованию, задает творческий импульс и др.

Вместе с тем, философско-культурологический анализ художественного творчества нечасто обращается к современной детской литературе, особенно к жанрам, относимым к «низким». В то же время рассмотрение специфики конструирования «вторичных миров» в жанре,

например, фэнтези, позволяет выделить определенные мифологические структуры и сюжеты, характерные для современности.

Через мифологический мотив путешествия героя описывается проблема идентичности детства и взрослости, граница между человеческим и природным, выход за пределы обыденности, экзистенциалы смерти и перерождения, бинарная оппозиция своего-чужого, конструируется образ Другого и телесность. Для осуществления подобного анализа эвристической полагается не только традиционная методология работы с мифами и мифологическим сознанием в культуре (К. Леви-Стросс, Дж. Кэмпбелл, Дж. Фрэйзер, Я. Пропп), но и литературно-культурологическая теория М. М. Бахтина и структурно-семиотический метод изучения литературы и культуры Ю. М. Лотмана.

Однако следует отметить, что термин «детская литература» отличается сильной размытостью и неопределенностью, и в разных литературоведческих школах может иметь разное содержание. Так, например, цикл историй о муми-троллях Т. Янссон, традиционно относимых советским и постсоветским литературоведением к детской литературе, трактуется в скандинавской школе гораздо шире; так же хрестоматийным примером такой неоднозначности является сказка «Алиса в Стране чудес» Л. Кэрролла. Следовательно, уточнение термина «детская литература» применительно к современной белорусской литературе – одна из приоритетных задач в том числе и для культурологии.

Чем современная белорусская детская литература отличается от литературы как таковой, каким специфическим инструментарием она пользуется, на какие темы ориентирована, какова ее историческая динамика, имеет ли смысл выделять «детскую» и «подростковую» литературу? Все это может и должно являться предметным полем философского и культурологического анализа.

Особое место в таком анализе будет занимать языковой вопрос. В частности, вопрос о том, что именно мы вкладываем в термин «белорусская литература»: идет ли речь о литературе на белорусском языке (и тогда неминуемо возникает проблема статуса переводов: например, «Пітэра Пэна» Уладзя Лянкевіча на белорусский язык)? Важным являются место проживания автора и его идентичность? (Вспомним, например, таких русскоязычных белорусских авторов, как Андрей Жвалецкий / Евгения Пастернак или Мария Бершадская).

Еще одно проблемное поле – анализ белорусского сегмента советской детской литературы. Наряду с вопросами об авторской идентичности, уникальности / типичности выбранных тем, соотношению универсального «общесоветского» и локального «этнического» контента, возникает проблема преемственности традиции. В какой степени мотив путешествия героя в современной белорусской детской литературе наследует романтической традиции (одним из основоположников которой являлся еще Л. Барщевский)? В какой мере он является наследием прогрессистского пафоса советско-марксистской идеологии (в этой связи уместно вспомнить

многочисленные произведения о пионерах-героях или творчество Янки Мавра)? Встраивание в мировой литературный мейнстрим происходит непосредственно или через русскую литературную традицию – это далеко не полный перечень тем, требующих серьезного анализа в рамках культурологии и философии культуры.

Нужно отметить, что тема национальной традиции в детской литературе является предметом интереса не только ученых-теоретиков, но и напрямую касается всех участников процесса национального книгоиздательства (авторов, критиков, издателей, промоутеров и др.), что сразу же увеличивает ее практическую значимость.

Мотив путешествия героя является традиционным для детской и юношеской литературы, что уходит корнями в первобытные практики инициации новых членов сообщества. С развитием индустриализации он приобрел новые формы и сюжетное наполнение, однако в последние десятилетия становится базовым для таких жанров детско-юношеской литературы, как фэнтэзи и авторская сказка.

И в этом смысле крайне важным моментом становится изучение современной белорусской детской литературы для подростков, представленной такими авторами, как А. Шеин, Н. Ясминска, С. Умец, В. Гапеев, в творчестве которых мотив путешествия героя становится основным, центральным. Разработка этой темы, равно как и перечисленных выше, позволит не только выявить место и роль белорусской детской литературы в контексте мировой, но и отрефлексировать основания, на которых она базируется, ее архетипическую составляющую. В этом смысле методологической базой подобных исследований могли бы стать труды Дж. Кэмпбелла.

Нетрудно заметить, что путешествие героя может быть связано с исследованием окружающего мира и протекать в реальном пространстве-времени, а может иметь символический характер; вся человеческая жизнь может быть представлена образом путешествия и дороги. Субъект, целеполагание, характер путешествия (бегство, поиск, завоевание, возвращение и т. п.), спутники – все это имеет немалое значение для культурологического анализа мотива путешествия героя. Равно как важнейший атрибут любого сюжета о странствии – образ Дома, родного места, утерянного и / или обретаемого по ходу путешествия.

Современная белорусская детская литература – одна из проекций образа будущего, «зеркало ожиданий» для будущих поколений. Именно через нее задаются стратегии поведения, цели и вызовы, формирующие не просто индивидуумов, а граждан, носителей определенной национальной культуры и идентичности. Соответственно, анализ ее важнейших тем и мотивов – одна из приоритетных задач философии и культурологии.

KOMPARATYSTYKA ETNOGENETYCZNA W LITERATUROZNAWSTWIE

Zbigniew Kaźmierczyk

I. Ujęcie historyczne

Komparatystyka etnogenetyczna wprowadza do badań literaturoznawczych perspektywę interdyscyplinarną. Etnogenetyczna to znaczy komparatystyka sięgająca do rozwijanych w językoznawstwie, religioznawstwie porównawczym, etnografii, mediewistyce i archeologii koncepcji irańskiej etnogenezy Słowian [11]. To komparatystyka badająca w kulturze Słowian obecność reliktyw mitologicznych pod pokładami słowiańskiego judeo-chrześcijaństwa. Narodziny tej koncepcji widzimy w oświeceniu i romantyzmie. Wiążą się one ze zwrotem ku folklorowi i kulturze ludowej Słowian. Zwrotowi temu wyraźnie patronował Johann Gottfried Herder jako autor *Myśli o filozofii dziejów* i *Dziennika podróży* 1769 roku. Przewidywał on, że z nasion kultury ludów Europy Środkowej i Wschodniej «może się rozwinąć mitologia», a wraz z nią – na jej kanwie – literatura (zwłaszcza poezja) i wyrażająca podświadome treści życia duchowego „żywa kultura» [9, s. 487]. Przewidywanie to spełniło się w pierwszej połowie wieku XIX i w epokach późniejszych. Od początku zjawisku towarzyszył scjentyzyczny przełom w badaniach etnogenetycznych. Oświecenie w nawiązaniu do renesansowego sceptycyzmu odrzuciło biblijną oraz bajeczną genezę Słowian. Dało początek naukowemu dociekaniu ich pochodzenia w ramach rozwijającej się sławistyki. Jej ojcem w Czechach był Józef Dobrovski, a luminarzem – Józef Szafarzyk, autor *Słowiańskich starożytności* (1842) [20]. Julian Maślanka przekonująco wykazał, że «oświeceni przeciwko dziejom bajecznym» [15, s. 70] wystąpili właśnie w duchu scjentyzmu. Dlatego w oświeceniu i romantyzmie za nienaukowe uznano wywodenie początku Słowian od Adama i Ewy, albo od Noego i jego potomków, lub od Lecha, Czecha i Rusa. Romantycy wprowadzali do literatury legendarne opowieści z dziejów Polski świadomi już ich legendarności.

Przykładem naukowych poszukiwań odpowiedzi na pytania o prakolebkę Słowian, szlaki ich migracji i osiedlenia jest praca Wawrzyńca Surowieckiego – uczonego doby oświecenia i preromantyzmu. W dociekaniach swych uwzględnił przesłanki etnograficzne, archeologiczne i językoznawcze. Autor pracy *Śledzenie początku narodów słowiańskich* (1824) uważał, że Słowianie pochodzą z zakaukaskiej Medii, gdzie sąsiedowali z ludami irańskimi [19].

II. Irańska etnogeneza Słowian w ujęciu interdyscyplinarnym

1. Przesłanki językoznawcze

W okresie romantyzmu irańskiej etnogenezie Słowian dał podstawę językoznawca i sanskrytolog Walenty Skorochód Majewski. W pracach *O Słowianach i ich pobratymcach* (1816) oraz *Rozkład i treść dzieła o początkach licznych słowiańskich narodów* (1818) dowiódł, że etymologia języków słowiańskich świadczy o większym wpływie języka ludów irańskich niż sanskrytu [13, 14]. Na początku wieku XX Jan Rozwadowski potwierdził te ustalenia w artykule *Stosunki leksykalne między językami słowiańskimi i irańskimi* (1914).

Powołał się przy tym na wyniki badań francuskiego uczonego Antoniego Meilleta, który uważał, że wpływ irański na leksykę Słowian był «en somme négligeable» [17, s. 99]. Warto dodać, że irańską etymologię rozwinął także Roman Jakobson w artykule encyklopedycznym *Slavic Mythology* (1950). Stwierdził w nim wspólne w irańskim i w językach słowiańskich słownictwo religijno-moralne [10]. Poddał analizie trzydzieści słów tego doniosłego dla wszelkich wspólnot obszaru aktywności umysłowej i duchowej. Artykuł Jakobsona wpłynął na językoznawców i religioznawców. Przykładem interdyscyplinarnego oddziaływania w rozwoju irańskiej etnogenezy Słowian jest praca Zbigniewa Gołąba *O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych* (2004), w której dał dowody «wymiany etnokulturowej i językowej pomiędzy Prasłowianami a północnymi Irańczykami» [7, s. 159].

2. Przesłanki historyczne

Historyczne źródła do etnogenezy Słowian są ubogie. Za dokumenty teologicznego dualizmu uważana jest przez Aleksandra Gieysztor [4] w *Mitologii Słowian* (1984). Kronika słowiańska z XII wieku autorstwa proboszcza niemieckiego Helmolda [8]. Dokumentem dualizmu antropologicznego jest według Gieysztor i innych religioznawców *Powieść minionych lat Nestora*. Polski uczony najpełniej rozwinął w Polsce religioznawstwo komparatystyczne.

3. Przesłanki religioznawcze

Aleksander Gieysztor źródła historyczne uzupełnia językoznawczymi i etnograficznymi [4]. Na ich podstawie uznał za pewne sąsiedowanie Słowian z ludami irańskimi w tysiącleciu przed naszą erą i w pierwszych wiekach naszej ery na północ od Morza Czarnego i nad Dnieprem. Podania o stworzeniu świata i człowieka przez Boga i diabła udokumentowane na terenie całej Słowiańszczyzny traktuje jako relikty irańskiego dualizmu. Ryszard Tomicki w pracy *Ludowa kosmogonia dualistyczna Słowian w świetle samojedzkich mitów stworzenia* (1979) ustalił irańską genezę dualizmu teogonicznego i kosmogonicznego Słowian [22]. Oparł się na badaniach Mircei Eliadego ogłoszonych w pracy *Od Zalmoksis do Czingis-chana* [3]. Andrzej Szyjewski w pracy *Religia Słowian* (2003) rozpatruje słowiański dualizm teologiczny jako relikty irańskiej opowieści o antagonistach Oromazie i Arymanie – zasadach dobra i zła, które współtworzą świat [21]. Artur Kowalik w *Kosmologii dawnych Słowian* (2004) dualny algorytm słowiańskiej wizji świata nazywa «bivalentnym potencjałem kreacyjnym» [12, s. 202].

4. Przesłanki etnograficzne

Joanna i Ryszard Tomiccy w pracy *Drzewo życia. Ludowa wizja świata i człowieka* (1974) opowieści Słowian o stworzeniu świata przez Boga i diabła pozyskane metodą etnograficzną uznali za klucz do świata ludowego [23]. Stwierdzili, że jego struktura jest dualna; że dualizm stanowi zasadę jego ustrukturyzowania. Również Jerzy Bartmiński w latach osiemdziesiątych minionego wieku pod Biłgorajem nagrał opowieść o stworzeniu świata przez Boga i diabła i udokumentował ją w «*Etnolingwistyce*» [2].

5. Przesłanki archeologiczne

Archeolog Tadeusz Sulimirski w pracy *Sarmaci* (1979) zebrał dowody

związków ludów słowiańskich i irańskich reprezentowanych m.in. przez Sarmatów [20]. Przekonuje w niej, że lud ten po przybyciu na obszary Słowiańszczyzny uległ asymilacji. Twierdzenie to przyjął Neal Ascherson w pracy *Morze Czarne* (2002). Stwierdza w niej, że «od VIII wieku p.n.e. do IV wieku n.e. Stepem Pontyjskim i znacznymi obszarami południowo-wschodniej Europy władali <<Irańczycy>>» [1, s. 223]. Zarówno Scytowie jak i Sarmaci spychani byli przez ludy azjatyckie na zachód i w efekcie tego procesu zmieszali się ze Słowianami. W archeologii polskiej ten autochtonizm Słowian odrzuca Kazimierz Godłowski. Dowodzi on, że Słowianie ulegli irańskim wpływom nad Dnieprem, na zachód zaś przybyli w piątym i szóstym wieku naszej ery [5, 6].

III. Komparatystyka literaturoznawcza

Komparatystyka etnogenetyczna pozwala porównywać prasłowiański obraz świata i człowieka z wizją biblijną. Irańska etnogeneza otwiera Słowiańszczyznę na idee i wierzenia reliktowe – przedchrześcijańskie, zawarte m.in. w świętej księdze zaratusztrianizmu Aweście i w wierzeniach ludów irańskich. Etnogeneza ta uzasadnia stosowanie klucza wierzeń i idei radykalnego dualizmu do badania ludowej oraz literackiej wizji świata i człowieka w kulturze Słowian [11].

Komparatystyka etnogenetyczna umożliwia wydobywanie różnic pomiędzy słowiańskim a zachodnioeuropejskim obrazem świata ufundowanym na gruncie biblijnego monoteizmu. Literackie przykłady ujawniania się radykalnie dualistycznej wizji rzeczywistości Słowian i przeciwstawnej jej wizji świata we władzy monoteistycznego Boga uzasadniają (na kanwie komparatystyki etnogenetycznej) rozwijanie komparatystyki literaturoznawczej.

Tak rozumiane religioznawstwo komparatystyczne i rozwijana na jego podłożu komparatystyka literaturoznawcza umożliwiają lekturę dzieł literatury Słowian uwzględniającą głębokie pokłady ich archeologii duchowej.

Literatura i źródła

1. Ascherson, N. *Morze Czarne*. Przeł. T. Bieroń. Poznań: Zysk i S-ka, 2002.
2. Bartmiński, J. (red.). *Relacje o kosmosie. Teksty gwarowe z okolic Biłgoraja*. // *Etnolingwistyka*, 1989, t. 2. Lublin, s. 95–149.
3. Eliade, M. *Od Zalmoksisia do Czyngis-chana*. Przeł. K. Kocjan. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002.
4. Gieysztor, A. *Mitologia Słowian* / A. Gieysztor. – Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1982.
5. Godłowski, K. *Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzeniania Słowian w V–VII w. n. e.: materiały do dyskusji nad podręcznikiem «Pradzieje Polski na tle porównawczym»*. – Kraków: Akademia Górniczo-Hutnicza im S. Staszica, 1979.
6. Godłowski, K. *Pierwsze siedziby Słowian*. Red. M. Parczewski. – Kraków: Instytut Archeologii UJ, 2000.
7. Gołąb, Z. *O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych*. Przeł. M. Wojtyła-Swierżowska. – Kraków: Universitas, 2004.
8. Helmolda, *Kronika Słowiańska z XII wieku*. Przeł. J. Papłoński. – Warszawa: Drukarnia K. Kowalewskiego, 1862.

9. Herder, J. G. Z. Dziennik podróży 1769 roku. // Wybór pism. Wybór i oprac. T. Namowicz. Przeł. J. Gałęcki. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988.
10. Jakobson, R. Slavic Mythology. // Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore Mythology and Legends. 2 vols. Ed. by M. Leach. – New York: Funk & Wagnalls company, vol. 2, 1950, p. 1025–1028.
11. Kaźmierczyk, Z. Słowiańska psychomachia Mickiewicza. – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2012.
12. Kowalik, A. Kosmologia dawnych Słowian: prolegomena do teologii politycznej dawnych Słowian / A. Kowalik. – Kraków: Nomos, 2004.
13. Majewski, W. S. O Sławianach i ich pobratymcach / W. S. Majewski. – Warszawa: Drukarnia Wiktora Dąbrowskiego, 1816.
14. Majewski, W. S. Rozkład y treść dzieła o początku licznych słowiańskich narodów / W. S. Majewski. – Warszawa: drukarnia Stanisława Dąbrowskiego, 1818.
15. Maślanka, J. Literatura a dzieje bajeczne / J. Maślanka. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984.
16. Moszyński, K. Pierwotny zasięg języków prasłowiańskich (1957). – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1957.
17. Rozwadowski, J. Stosunki leksykalne między językami słowiańskimi i irańskimi. // Rocznik Orientalistyczny 1914–1915, t. 1, cz. 1.
18. Sulimirski, T. Sarmaci. Przeł. A. i T. Baranowscy. Warszawa: PIW, 1979.
19. Surowiecki, W. Śledzenie początku narodów słowiańskich / W. Surowiecki. – Warszawa: Drukarnia Xięży Piarów, 1824.
20. Szafarzyk, P. J. Słowiańskie starożytności. T. 1–2. Przeł. H. N. Bońkowski. Poznań: W. Stefański, 1842–1844.
21. Szyjewski, A. Religia Słowian / A. Szyjewski. – Kraków: WAM, 2003.
22. Tomicki, R. Ludowa kosmogonia dualistyczna Słowian w świetle samojedzkich mitów stworzenia // Etnografia Polska, 1979, t. XXIII, z. 2.
23. Tomiccy, J. i R. Drzewo życia. Ludowa wizja świata i człowieka. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1975.

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

В. Н. Калмыков

Природа в широком смысле слова – многообразие проявлений вещи (включая и человека), совокупность ее существенных признаков. Понятие «природа» нередко употребляется как синоним понятия «универсальность». Еще один смысл понятия природы характеризует одну из сфер бытия, естественную часть мира, среду обитания человека.

Проблематикой человека занимались многие мыслители. Выделим точки зрения лишь некоторых философов. Исходя из дуалистического понимания человека как существа, принадлежащего двум мирам: природной необходимости и нравственной свободы, – И. Кант разграничивал философскую антропологию в «физиологическом» и «прагматическом»

отношениях: первая дает представление о том, что делает природа из человека, а вторая – что человек делает из себя сам [1, с. 35]. Ф. Энгельс отмечал, что человек всей плотью и кровью принадлежит природе. Однако главное в человеческой природе – социальная обусловленность. С социальностью связана такая черта человека, как духовное проникновение в мир. Ф. Энгельс писал: орел видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше (добавим – глубже), чем глаз орла [2, с. 148].

А. Гелен в своем главном труде «Человек. Его природа и его положение в мире» (1940) дал интегративное описание человека как целостного и единого существа. Ключевыми при описании такого человека выступают понятия «действие», «сообщество», «культура». Социальные институты и нормы предстают в концепции А. Гелена в качестве форм, восполняющих биологическую недостаточность человека и реализующих его жизненные устремления. Г. Плеснер трактовал человека в единстве его биофизических и духовных сторон, а управление своей жизнью человек осуществляет на основе культуры. При этом человек не только растворяется в мире, но и обладает дистанцией по отношению к нему. Достигнув чего-либо, человек не может обрести покой, а стремится к бесконечному самоизменению.

Выделим несколько направлений универсальной характеристики природы человека.

1. Человек есть единое материально-духовное образование. Труд и духовность как факторы формирования человека соединены. Схема практических действий претворена в логике мышления. Нейробиологические особенности человеческого существа заданы природой и приобретены в процессе трудовой деятельности. Определенные ее виды «перестраивают структуру и нейродинамические особенности мозга, которые в свою очередь оказывают обратное влияние на деятельность, преобразуя ее и придавая ей более успешный характер» [3, с. 162]. Действительно, рука и тело приспособлялись к орудиям труда, а орудие – к объекту (предмету труда) и субъекту (человеку). Рост числа связей и их усложнение увеличивали возможности рациональной оценки связей и развивали способность выбора. В процессе труда человек познавал не только внешние связи, но и внутренние свойства вещей, их предназначение, развивая свои аналитико-синтетические способности. Результат труда по времени отдалялся от непосредственного трудового акта, значит, формировались опосредованные причинно-следственные связи. Освоение участков земли для собирательства, охоты, земледелия шло через перемещения в пространстве, что развивало широту мышления.

2. Трансдисциплинарность в человеке выражена в его многофункциональности. Современная неклассическая философия обнаруживает, что между бытием и разумом есть посредник – деятельность и язык (Ю. Хабермас). В истории человечества взаимосвязаны материально-идеальные компоненты: 1) «изобретение языка» и создание с его помощью

информационно-когнитивной базы человеческой деятельности; 2) создание технологии как коллективной целеориентированной деятельности. Человек не только продукт среды, природной и социальной, он – автор (актор) истории и мира культуры. Осмысливая и оценивая реальность, он выступает как действующий игрок (актер), выполняющий различные функции (роли) на сцене мировой истории, являясь производителем, социальной, политической и духовной силой общества.

3. В отечественной литературе идея о биосоциальной структуре человека получила широкое распространение. Так, утверждается: «Человек – биосоциальное существо» [4, с. 79]. Однако природное в человеке не сводится к биологическому, а вбирает в себя еще физическое и химическое, ведь в организме человека протекают не только биологические, но и физические процессы, химические реакции. При этом биологическая составляющая выступает «ядром» природного. Человек подвластен генетическим и популяционно-видовым законам. Кроме того, человек еще выполняет функции механизма (физико-механические движения рук, ног, других частей тела). Наверно, частично прав Ж. Ламетри, который в работе «Человек-машина» организм человека рассматривал как самостоятельно заволашующую машину, механизм. В целом, упрощенные механицистские воззрения о материи, движении, человеке, причинности и т. п. давали естественнонаучное понимание многих явлений и сыграли полезную роль в развитии науки и философии, в дальнейшем обнаружив свою ограниченность [5, с. 12]. Механические движения – результат активности мышц, а мышечные (физические) усилия человека возникают благодаря биохимическим процессам, последние разветвляются в зависимости от состояния человеческой психики. Функционирование тела связано с работой мозга и нервной системы, а через них – с психикой, с духовной жизнью индивида, с состоянием наших настроений, чувств, мыслей. Вместе с тем работа духа в известном пределе зависит от здоровья человека.

На наш взгляд, возможны двухмерная или трехмерная модель природы человека. Двухмерная включает в себя природное и социальное в человеке, где духовное включено в социальное. В трехмерной модели человека духовное выступает как особая самостоятельная субстанция, имеющая определенные параметры [6, с. 107]. Как выражение индивидуально-природных задатков социального и духовного выступает личность.

Важнейшими характеристиками природы человека выступают следующие:

- входя в естественную природу, человек вычленяется из нее, то есть бытие человека социально-природно;
- как и высшие животные, человек имеет психику;
- это существо, определяемое влечениями, связанными с продолжением рода, поддержанием жизнедеятельности организма, механизмами питания и т. п.;
- человек обладает разумом и ценностями, этическими и эстетическими качествами;

– он существо общительное, коммуникативное, символическое, сочетание сознательного и бессознательного;

– поскольку человек включен в культуру и разнообразные знаково-символические системы, он есть не только естественное, но и искусственное существо [7, с. 3].

Все фундаментальные структурные уровни природы человека в идеале и в значительной степени реально находятся в состоянии синхронного функционирования, взаимоподчинены.

Литература и источники

1. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6.
2. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1987.
3. Бажанов, В. А. Деятельностный подход и современная когнитивная наука / В. А. Бажанов // Вопросы философии. – 2017. – № 9. – С. 162–169.
4. Основы философии: учебное пособие для вузов / Рук. автор. колл. и отв. ред. Е. В. Попов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
5. Калмыков, В. Н. Традиции и новации в философии: в 2 ч. Ч. 1. / В. Н. Калмыков. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2002.
6. Калмыков, В. Н. Материально-идеальная, объективно-субъективная динамика мира / В. Н. Калмыков. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013.
7. Лекторский, В. А. Возможны ли науки о человеке? / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2015. – № 5. – С. 3–15.

ВОСТРЕБОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФИИ

В. И. Каравкин

В адрес философии зачастую можно услышать слова обвинений в том, что она утратила статус духовно-нравственного и социально-политического ориентира, а также генератора научно-теоретических идей. Наиболее аргументированные обвинения философам и философии в целом были произнесены еще Альбертом Швейцером в работе «Упадок и возрождение культуры». По его мнению, в развитии мышления произошли такие изменения, которые привели к становлению совершенно новых факторов. Но этого не заметила философия, она продолжала питать иллюзии о том, что способна всеохватывающим образом объяснять реальность. Философия продолжала базироваться исключительно на осмыслении хода исторического процесса и достижениях естественных наук, в то время как иные культурные факторы, доминирующими среди которых были этические, оказывали определяющее воздействие на духовную жизнь. «В итоге, – делает вывод А. Швейцер, – философия так мало уделяла внимание культуре, что даже не заметила, как и сама вместе со своим временем все больше сползала к состоянию бескультурья. В час опасности страж, который должен был предупредить нас о надвигающейся беде, заснул» [1, с. 48]. Данные слова,

произнесенные около ста лет тому назад, в период набиравшего силу глобального кризиса человечества, во многом актуальны сегодня. Однако следует обратить внимание и на следующие моменты:

1. А. Швейцер не принял во внимание ту линию в философии, которая связана с идеей о существовании особой логики, «логики сердца» Блез Паскаля. Идея эта получила свое развитие в философской антропологии в целом, непосредственно, в трудах М. Шелера, особенно в его теоретической концепции «Ordo amoris» [2], а также в недрах русской философии «серебряного века», среди представителей которой в данном контексте следует выделить Б. П. Вышеславцева;

2. Как бы парадоксально это не звучало, сам «обвинитель», А. Швейцер своей практической и теоретической, в том числе философской творческой деятельностью доказывает этическую состоятельность, дееспособность философии. Швейцеровское «Благоговение перед жизнью» в ее принципиальных основаниях, которые состоятельны и вне сакральных аспектов, как бы ни настаивал ее автор на обратном, вполне может служить телеологической этической установкой. Другими словами, теоретическая концепция, утверждающая нравственную установку «Благоговения перед жизнью», повторим, не имеет значения в сакральном либо сугубо светском смысле ее понимания, вполне может быть одним из мощных аргументов в пользу утверждения философии в статусе интеллигентного основания оптимистического, как сейчас принято говорить, проекта будущего;

3. Обратим внимание на принципиально важные установки, уже заданные философией.

В частности, философы:

– предоставили интеллигентные предпосылки развитию науки как естествознанию, так и гуманитарной науки;

– предупреждая о возможных негативных последствиях и оберегая от чрезмерности поклонения цивилизационным процессам, духовно подготовили пути продвижения техники во все сферы жизнедеятельности;

– разработали концепцию взаимообусловленности естественных прав, свобод, чести и достоинства человека;

– способствовали ограничению произвола всевластия;

– рационально обосновали принцип необходимости и неизбежности конституционных взаимоотношений между личностью, обществом, государством;

– теоретически доказали жизнестойкость частнособственнической инициативы в экономике для дальнейшего расширения благосостояния широких масс народа;

– настояли на признании возможности диалога между представителями разных рас, этносов, полов, мировоззрений, конфессий, религиозных практик, эстетических отношений к действительности;

– указали дальнейшее направление движению разума: а именно, через преодоление замкнутых центров идейного противостояния к осмыслению многообразия, мозаичности, полифонии;

– предупредили об опасности безапелляционных ценностных предпочтений, притом, что речь не идет об отказе от самобытности или от индивидуально-личностной качественной определенности;

– нашли «антропологическую меру» Сущего, каковой следует признать душевно-сердечное [3].

И это далеко не полный перечень, но уже позволяющий *требовать освоения достижений философской мысли.*

В этом требовании содержится обращение прежде всего к тем, от кого зависит дело воспитания и обучения, данное как важнейший аспект бытия человека. Через организацию образовательного процесса необходимо одухотворять душевно-сердечное, что означает – способствовать раскрытию естественного любовно-сострадательного потенциала человека!

Литература и источники

1. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1992.
2. Каравкин, В. И. «Le Coeur a ses raisons» – «Ordo amoris» – душевно-сердечное / В. И. Каравкин // Антология современной русской философии. Том 1. – М.: Издательский дом «Энциклопедист-Максимум», 2017. – С. 202–220.
3. Каравкин, В. И. Мера душевно-сердечного / В. И. Каравкин // Евразийское Научное Объединение. – 2018. – № 3 (37). – С. 201–204.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. А. Карпиевич

Человек с момента своего появления на Земле, столкнулся с враждебной для него средой обитания. Наводнения, ливни и тайфуны, ураганы, торнадо, землетрясения и извержения вулканов, лесные и степные пожары – все это сопровождало развитие человеческого общества. То есть человечеству пришлось приспособливаться к выживанию в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС), которые повсеместно возникали в различных уголках планеты. Уже с древности у человека появилась одна из важнейших потребностей, которая обуславливала его существование – потребность в безопасности. Формируя и развивая свой уклад и образ жизни, человек формировал и свою культуру. И именно в процессе эволюции человеческого общества потребность в выживании сформировала новую культуру – культуру безопасности жизнедеятельности. Потребность в этой культуре требовала передачи накопленного опыта из поколения в поколения, а также создания социальных норм, которые должны были регулировать отношения человека и природы, возможность безопасного использования природных сил.

По мере развития человеческого общества отношение к ЧС менялось. Приходило и осознание того, что культура безопасности жизнедеятельности становилась повседневной потребностью. Можно выделить три уровня

формирования этой потребности:

- житейский;
- общественно-бытовой;
- социально-правовой.

Житейский уровень начал формироваться в период первобытнообщинного строя. На житейском уровне люди научились соблюдать простейшие правила при использовании в своих целях тех или иных стихий.

На общественно-бытовом уровне люди стали не только осознавать необходимость соблюдения определенных правил, но и осуществлялась передача накопленного опыта последующим поколениям через обучения. Именно на этом уровне люди стали сознавать потребность в безопасной жизнедеятельности. Здесь же особую роль начинает играть институт религии. Еще в период язычества появились первые мифы, задача которых заключалась в том, чтобы объяснять людям те или иные явления и запрещать действия, которые могут нанести вред обществу. С возникновением и распространением христианства (и других религий) эти правила стали носить сакральный характер.

На социально-правовом уровне нормы и правила общественной жизни получают окончательное социальное одобрения и формулируются в виде правовых актов. С развитием государства эти нормы становятся обязательными, за их несоблюдение следует наказание. В этот период формируются и специальные институты, которые следят за соблюдением правил безопасности и привлекают нарушителей к ответственности. Если брать нашу современную цивилизацию, то можно с уверенностью утверждать, что в основе правил безопасности лежат нормы и правила, которые были разработаны в эпоху римского государства. Римское право оказало существенное влияние на формирование европейской правовой системы, в том числе и в области борьбы с пожарами. Так, уже в римском Законе XII таблиц предусматривалось наказание за поджоги (умышленные и неумышленные).

На русских землях нормы, касающиеся пожаров, уже встречаются в Русской правде. Этот сборник правовых норм Киевской Руси, датированный различными годами, начиная с 1016 г., известен в списках XIII–XV и более поздних веков. В п. 83 указывалось, что «если кто подожжет гумно, то выдается головою князю со всем имением, из коего наперед вознаграждается убыток хозяина, остальным располагает по своей воле князь, так же поступать и с тем, кто двор подожжет».

На белорусских землях в период ВКЛ и Речи Посполитой большое влияние на формирование правовых норм и правил по борьбе с пожарами оказало распространение магдебургского права. На магистраты, которые создавались в городах, возлагалась ответственность за борьбу с пожарами и другими бедствиями. В Радзивилловской летописи (в списке XV в.) имеется миниатюра, которая демонстрирует тушение пожара. На ней изображены работающие баграми на разборе горящего дома мужчины, и женщина,

заливающая пламя водой из ведра.

Огромное влияние на формирование представления о безопасности жителей и защиты их от пожаров было сделано крупнейшим представителем Польского Возрождения Анджеем Фрич-Моджевским. В 1551 г. им был опубликован в Кракове труд «Об исправлении государства», в котором автор разработал правила «Об избежании пожаров и их тушении» (часть II, раздел XIII). Этот труд получил широкое распространение не только в Польше, но и в Великом Княжестве Литовском, оказав в дальнейшем огромное влияние на развитие противопожарной охраны белорусских городов. В 1577 г. в местечке Лоск был издан перевод трактата на польском языке. Взгляд Фрич-Моджевского на организацию пожарной безопасности был в те времена по сути революционным, т. к. использование всех предложенных Фрич-Моджевским правил в повседневной жизни могло существенно снизить ущерб от пожаров в масштабах всего государства.

Идеи Фрич-Моджевского были взяты за основу «огненных порядков» – сводов обязательных постановлений по правилам пожарной безопасности, которые магнаты и городские самоуправления городов с магдебургским правом активно внедряли в жизнь. Радзивиллы были одними из первых, кто реализовал данные идеи. В их имениях и городах был предусмотрен комплекс противопожарных правил. На сегодняшний день хорошо известны «огненные порядки» Слуцка, принятые по указанию Богуслава Радзивилла городским магистратом 15 мая 1655 г. В соответствии с ними для каждого дома был определен вид и количество пожарного инвентаря.

Подобного рода «огненные порядки» на протяжении столетия были приняты и в других белорусских городах. В одних населенных пунктах стражников нанимали из городских доходов, в других – возлагали их функции на всех жителей по очереди. Несмотря на все особенности, основные нормы и положения «огненных порядков» оставались неизменными, и составили основу пожарной безопасности того времени, впитав в себя как нормы магдебургского права, так и всевозможных рекомендаций об избегании пожаров и их тушении.

Документы, относящиеся к истории белорусских городов, сохранили упоминания о многочисленных пожарах. Белорусские города были сплошь деревянные, дома строились близко друг от друга. Рядом находились и хозяйственные постройки. Власти, осознавая всю опасность такого устройства городов, стали принимать решения об организации городского строительства. Так, известны самые крупные пожары в Минске: в 1084, 1547, 1698, 1762, 1812, 1835, 1865, 1881 гг. Кроме них ежегодно возникали десятки мелких пожаров и возгораний.

После революции в России 1917 г. произошли значительные изменения в системе обеспечения пожарной безопасности. 17 апреля 1918 г. был подписан Декрет «Об организации государственных мер борьбы с огнем», в котором были заложены основы советской пожарной охраны, учрежден центральный орган управления – Пожарный Совет при ВЦИК. Постепенно стала создаваться государственная структура по борьбе с пожарами и

другими ЧС.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРЫ

И. М. Клецкова

Отношение к философскому знанию в современных гуманитарных науках имеет двойственный характер. С одной стороны, выработанное веками трепетное почитание философии, отдающее дань особому характеру философского познания. С другой стороны, часто декларируемая избыточность философии по отношению к современному социогуманитарному знанию. Как нам видится, философия обладает несомненным эвристическим потенциалом по отношению к исследованию феноменов культуры. При всем разнообразии подходов, сложившихся в европейской философии и смежных с ней отраслях знания, можно выделить несколько этапов исследования культуры (которая может быть понята и как некоторая целостность, и как локальные формы и практики). При этом вполне легитимным является обращение к философской методологии как в рамках антропологического подхода к пониманию культуры, так при использовании аксиологической интерпретации культурной динамики. Предметное поле, связанное с изучением культуры, формировалось в понимании *единства* культуры, реализующегося в *разнообразии* культурных практик.

Европейская философская традиция преодолевает изначальный уровень *интуитивной очевидности*, свойственный любому носителю культурного опыта, которая выражается в признании «естественности» культурных практик, в которые погружен субъект культуры. Она выводит любого исследователя на совершенно иной уровень понимания процессов, происходящих в культуре, позволяет перейти от уровня эмпирической культурологии к уровню объяснения и прогнозирования происходящего в культуре. Обращение к европейской философской традиции позволяет реконструировать те большие объяснительные модели, которые явились методологическим основанием для формирования исторически сложившихся и востребованных в сегодняшнем гуманитарном дискурсе подходов. Эти подходы, в равной степени, касаются исследований феномена культуры, понимаемой как некоторая целостность, так и при обращении к отдельным областям современных культурных исследований, которые закрепились под английским названием «cases».

В процессе своего становления науки о культуре формируются как поле междисциплинарных исследований. Попытки представить мир культуры и человека в нем как некоторую целостную универсальную объяснительную модель невозможны без обращения к философии. Благодаря философии в европейской гуманитарной традиции, начиная еще с античности, складываются *объяснительные модели* культуры, но в

отчетливой артикулированной форме они заявляют о себе в Новое время (начиная с XVII–XVIII веков). За каждой из этих моделей стоит определенная историко-философская традиция, однако сами эти модели возникают не в результате полноценной всеобъемлющей историко-философской реконструкции, а как своеобразная редукция философских идей, нашедшая свое воплощение в обобщенном подходе к объяснению культурных практик. При этом в динамике философского знания о культуре можно выделить несколько базовых объяснительных моделей, которые на сегодняшний день наиболее востребованы в современных исследованиях. Они создавались в разное время, но, несмотря на это, не теряют своего объяснительного потенциала. Будучи сформированы в конкретных социокультурных обстоятельствах, они отражали интуиции и ожидания своих культурных эпох. Созданные объяснительные модели опирались на свойственные конкретным эпохам представления об устройстве мира, о природе человека и общества, о цели и направленности развития культуры.

При всем разнообразии понимания сущности культурных процессов, эти модели объединяются общими свойствами, которые могут быть обнаружены при их детальном изучении. Отметим, как некоторое допущение, эти свойства. Первое из них – *универсализм* подобных объяснительных моделей. Это свойство означает, что явно или неявно, в пределах конкретной объяснительной модели предполагается, что она (модель) имеет исчерпывающий объяснительный и эвристический потенциал по отношению к культурному многообразию. Любой феномен, культурная практика может быть вполне удовлетворительно представлена в пределах данной объяснительной модели.

Второе свойство – своеобразный *эссенциализм* этих подходов. Эти модели базируются на допущении, что существует вечная неизменная природа человека, его сущность (*essence*), благодаря которой и становятся возможными те или иные культурные формы и практики. Именно понимание сущности человека лежит в основании таких объяснительных моделей.

И, наконец, третье свойство, которое мы назовем условно *трансцендентализмом* таких объяснительных моделей. По сути, разговор о природе человека, ее вечной и неизменной сущности должен привести нас к мысли о некотором надопытном и вневременном характере культурных практик, их универсальности в исторической перспективе и легитимности и уместности тех объяснений природы культурных феноменов, которые даются в пределах данной объяснительной модели.

Современные исследования культуры базируются, в равной степени, как на философских подходах, присутствующих в современных *cultural studies*, так и на способах изучения культуры, складывающихся на протяжении последних полутора веков в культурной антропологии. Очень часто современные исследования культуры затрагивают достаточно узкую культурную проблематику и имеют междисциплинарный характер; они предполагают вовлечение в такое исследование материалов и методов различных гуманитарных наук – философии, культурологии, социологии,

лингвистики, психологии и т. д.

Таким образом, если обратиться к исследованиям культуры в современном социо-гуманитарном познании, то с необходимостью мы будем говорить об уместности, востребованности и аппликативности философского знания вообще и о значимости историко-философской рефлексии в современных культурных исследованиях, что не всегда является очевидным. Обнаружение концептуальных схем, сложившихся в европейской философской традиции, позволяет заявить об эвристическом потенциале философии по отношению к культуре, понимаемой, в равной степени, и как некоторая целостность, и как локальные культурные формы и практики.

Основные задачи, которые решаются при заявленной нами исследовательской стратегии, следующие. Во-первых, содержательная реконструкция объяснительных моделей, сложившихся в европейской философии; во-вторых, выделение в этих моделях методологических схем, которые выступают в качестве познавательного инструментария при изучении культуры; в-третьих, выявление в современных междисциплинарных культурных исследованиях методологических стратегий, которые обязаны своим появлением европейской философии.

Для того чтобы продемонстрировать эвристический потенциал такого подхода, следует обратить внимание на то, каким образом в современном поле культурных исследований ассимилируются философские подходы, которые становятся органичными составляющими в современных cultural studies. Для содержательного разворачивания обозначенного подхода следует обратиться к известному методу единства исторического и логического. Благодаря этому методу становится возможным реконструировать роль философского знания в формировании стратегий исследования культуры. Универсалистские объяснительные модели сущности культуры, сформировавшиеся в XVIII–XIX вв. в европейской философии, сменяются структурализмом и семиотикой, которые методологически предваряют современные культурные исследования, ставшие актуальными в XX–XXI вв. под воздействием постмодернистской философии.

THE HUMANIZATION OF GLOBAL DEVELOPMENT AS A CONDITION FOR HUMAN SURVIVAL

N. A. Kozlovets

Under the influence of the globalization processes, modern human civilization acquires new features. A common planetary reality, a single economic and sociocultural space are molded. The interconnection and interdependence of national economies, political and social systems, cultures, as well as human-environment interaction grow. At the same time, in the conditions of rapid global changes, humanity encounters the intensification of dehumanization processes and crisis of the world outlook sphere of the society development, the growth of

violence and aggression in the modern world. The global trend is rejection of socialization and humanization as the highest values of life activity of human society.

Humanitarian degradation occurs all over the world: somewhere it led to archaization (for example, in the Islamic world), somewhere it remains in the state of unstable balance (for example, in Europe and China), and somewhere the degradation is noticeable only on the background of scientific-technical success (like in the USA).

The essence of the Earth new civilization in this century, its worldview imperative should be the global humanism. The humanization of global development is a system of coordinated measures and joint practical actions of subjects at various levels of the world system for preservation and enhancement of the spiritual and moral values of earthlings. The symbolic basis of the latter can and should be the values of universal scale and common interests reflecting the desire of the majority of people for progressive development and prosperity. Therefore, there is an urgent need to return to the humanitarian aspects of human existence.

Deepening of the dehumanization processes and dehumanization of the modern world happen due to various factors. Ukrainian scientist S. Datsyuk refers to the most important of them. Firstly, scientific and technological innovations that are significantly corporatized, remote from the state and people, and consequently, more resource-endowed. Secondly, scientific and technological innovations are produced by the efforts of a narrow circle of scientists and engineers and have quick, obvious results in the form of technologies that improve the quality of life, while social technologies always have long-term results that are difficult to perceive in society through their non-obvious effectiveness and pertinence. Thirdly, most of the humanities are usually engaged through propaganda and participation in political projects, that is, socially corrupt. Fourthly, the community as a whole is poorly versed in science and technology, and on humanitarian issues, there is always a stable public opinion, a set of social patterns, prejudices and myths. Fifthly, humanitarian innovators are always marginal – they are not given laboratories and investments, as representatives of natural sciences or engineers-technologists. Sixthly, in the new concepts of humanist innovators, the ruling classes usually see a potential threat to the existing social regime [1].

Crisis phenomena in the worldview paradigm of modern society are based not only on the low level of social and political self-consciousness of a significant part of citizens, but also on opposing the enlightenment ideas of equality and fraternity to the fundamental principle of a market economy – achievement of profits and super-profits. Alongside this, another illusion collapsed in the postindustrial society that it is a socially active person, participating in market relations, can self-actualize as a personality. However, in the context of post-industrialism, on the background of the active exploitation of the educational ideas of personal improvement, even the most socially active and educated strata of the population are more than unable to fulfill themselves, but they lose any hope for permanent work.

Today it becomes obvious that human life, as never before, depends on the preservation of the cosmic-natural-social value of being. Being connected to the harmonization of socio-natural systems, the idea of humanism is based on the principle of harmony, which, having gained the status of universal and fundamental spiritual value since the formation of human consciousness and the general picture of the world, has long received a key methodological meta-significance in the modern concept of socio-natural systems. Noohumanism, integrating the noospheric, ecological, humanistic components, in the ideal scenario should focus on the co-evolutionary interaction of humankind and the biosphere, the cooperation of countries in resolving global (ecological, social, sociocultural) problems, humanization of society and its transition from the ideals of the “consumption society” to non-material values, ensuring the balance of individual and collective principles in the minds of people, formation of foundations of planetary thinking, the human right to live in harmony with oneself and be tolerant to the Other [2].

For challenge of globalization, the most adequate response can be found in the way the world community is organized on the principles of a new humanism. It is known that in 1988, the Universal Declaration of Human Rights was supplemented by the Declaration of Interdependence. In 2000, the world community carried out new theoretical and humanistic generalizations, including the Humanistic Manifesto. The call for a new planetary humanism. Humankind should resolutely raise the issue of formation of global and national humanitarian spaces, first of all, by introducing education, science, culture, intellect, healthy lifestyle, harmonious combination of social and natural environment, providing worthy conditions for realization of intellectual, cultural, creative capabilities of a person.

Ideas of the concept of sustainable society development should form the basis of a noospheric ecological education, actively developed by scientists of different countries recently, designed to harmonize the relationship of a person with the society, nature and themselves as a part of nature, to form responsibility in a person as a rational creature for life on the planet Earth. Even in the first cosmological concepts of the Pythagoreans, a provision was made that the entire universe is based on harmony. The philosophy of antiquity affirmed the inseparable connection between human and the Universe. It also considered internal orderliness as a special way of existence of stability and variability. The cosmological constructions of ancient philosophy (Aristotle, Plato, Heraclitus, etc.), revealing the philosophical principle of harmony as one of the foundations of being, were the forerunner of the concept of all-unity, anthropocosmism, the paradigm of the dynamic equilibrium of socio-natural interaction [3].

The suspension of the processes of self-destruction of human and humankind is at the mercy of people. And it will be possible if every person, individual ethnoses and nations, politicians and statesmen coordinate their will, efforts and actions with a humanistic orientation. One way to avoid such a scenario of the future is, in our opinion, the development of humanitarianism, in which new theories and models for emerging from the current world crisis can be formed in

the situation of deepening the unevenness of the scientific and technological development of various civilizations.

This strategy can be successful through the creation of centers for humanitarian innovation, stimulation of non-state (corporate and public) humanitarian processes. There should be taken efforts for consolidation of intellectuals from different countries, today marginalized by state institutions and corporations, as well as the institutionalization of the “public” directions of various social and humanitarian disciplines – philosophy, history, sociology, psychology, anthropology, geography, etc., and which manifests itself on several levels: practical (when more and more representatives of academic science find themselves outside universities in public space); cognitive (activation of theoretical reflection and academic dialogue about this situation); social (the emergence of professional organizations, relevant university specialties, specialized periodicals, training courses, forms of encouraging public discussion).

References

1. Дацюк, С. Проблемні ситуації людського розвитку / С. Дацюк [Electronic resource]. – Mode of access: <http://uainfo.org/blognews/1485860321-datsyuk-problemni-situatsiyi-lyudskogo-rozvitku.html>.
2. Bazaluk, O. Neurophilosophy in the Formation of Planetary-Cosmic Personality / O. Bazaluk // *Future Human Image*. – 2014. – No. 1 (4). – P. 5–13.
3. Берсенева, Т. П. Гармония как субъективный феномен / Т. П. Берсенева // *Электронный науч. журнал «Вестник Омского гос. пед. ун-та»* [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.omsk.edu/vestnik-omgpu-2.pdf>.

ГАРМОНИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК: СТРАТЕГИИ ВОСПИТАНИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Г. И. Колесникова

Идея формирования гармоничного человека в истории научной мысли не нова. Строго говоря, она известна с древнейших времен и не потеряла своей актуальности в современной научной мысли: пифагорейская школа, идеи Сократа и Платона, идеи Лейбница о «гармонии предустановленной», идеи гармонии и тройственном образе совершенстве в русской философской мысли, исследования в этом направлении в советский и постсоветский периоды.

Однако для того, чтобы человек в принципе приобрел способность к гармонизации, осознал ее на подлинно человеческом уровне как стремление к высшим ценностям, отличным от ориентации биологизированного индивида, необходимо, чтобы «внешний мир через серию кодирования информационных процессов отбирал в теле и мозгу соответствующих животных такие структуры, которые в подлинном смысле слова являются протоплазменным сгустком, точнейшим образом отражающим свойства этого внешнего мира» [1, с. 39]. И результатом данного отбора стало то, что

«мозг в процессе эволюции выбрал специальные структуры и их соотношения, которые специально предназначены для воспроизведения пространственно-временного континуума внешнего мира для включения в него жизненно важных моментов» [1, с. 366.]. Определение неких предметов как важных, исходя из потребности в них, и вследствие этого их выделение из среды инициирует человека вести ориентировочно-исследовательскую деятельность. Следствием личностной ориентировочно-исследовательской деятельности становится формирование внешних и внутренних связей личности со средой, из суммы которых и возникает целостное представление о сущности анализируемой информации.

Так параллельно с идеей формирования гармонического человека возникает вопрос об условиях, при сочетании которых становится возможно воспитание такого человека. Именно этой проблеме много внимания уделялось в советский период, поскольку высшая цель того времени формулировалась как всестороннее, гармоничное развитие человека, сочетающего в себе стремление к высшим идеалам в единстве личного и общественного. И именно в Институте человека РАН, в котором исследовались методы воспитания, в качестве предпосылки формирования гармоничного человека, человека нового типа, именно с творческой активностью неразрывно связывали формирование чувства социальной и моральной ответственности.

Возникающая в связи с этим проблема соотношения индивидуального и общественного в жизни человека разрешается через ценностно-мотивационную структуру, одной из главных особенностей которой, по мнению С. Л. Рубинштейна, являются социальность, понимаемая как осуществление деятельности только человеком или группой субъектов плюс возможность определения деятельности через взаимодействие субъекта с объектом.

То есть, для *формирования гармоничного человека необходимо совпадение двух равнозначных факторов*, которые можно выделить в результате анализа научной литературы по философии, психологии, психофизиологии: социокультурного и индивидуализированного.

Социокультурный фактор включает в себя комплекс благоприятных социально-психологических условий, способствующих формированию психически и биологически здоровой личности, при условии, что организм личности как биологическая система функционирует нормально.

Индивидуализированный фактор представляет собой специфическую комбинацию личностных качеств, наличие которых в структуре личности позволяет ей сохранять осознанное и активное отношение к окружающей действительности.

Формирование гармоничной личности представляет собой единство и взаимодействие трех составляющих, а именно: созидание, анализ, активная целенаправленная деятельность. *Первая составляющая* – созидание (своих) или творческое восприятие чужих идей. *Вторая составляющая* – анализ предполагает отсеивание идей, ценных для размышления над ними в

результате применения критического и рефлексивного мышления. *Третья составляющая* – активная целенаправленная деятельность личности предполагает претворение в жизнь осознанно и самостоятельно принятого решения.

Таким образом, в основе авторской позиции о стратегии воспитания и факторах формирования гармоничного человека акцент делается на творческой составляющей в структуре личности. По сути, гармоничный человек представляет собой переход на новый качественный уровень – самодостаточный и автономный. При этом человек, вышедший на этот уровень бытия, не просто фиксирует свою автономию, но само это стремление пробуждает ее творческую активность направленную, прежде всего, на созидание самого себя и мира.

Однако, для того, чтобы можно было действительно претворять в жизнь формирование гармоничной личности, должна быть четкая стратегия, обеспеченная нормативными актами и экономическими ресурсами. Но главным звеном в воспитании гармоничного человека, неким «перекрестком» всех факторов, всегда был и останется преподаватель. Следовательно, если государство действительно озабочено повышением качества образования, то начинать надо с создания достойных условий для преподавателя и повышения его статуса в обществе. «...Государство, властные структуры которого игнорируют или не могут понять и принять этот принцип, бесперспективно. Если же они действительно ориентированы на осуществление задач, для реализации которых народ делегировал им властные полномочия, и желают развития и процветания страны, то они должны действовать исходя из указанных ориентиров в тесном содружестве с учеными» [2, с. 14].

И самое главное: «Нужно вернуть здравоохранение, образование и культуру на полную дотацию государства... страна, народ которой не здоров, не образован и не культурен, не имеет будущего» [3, с. 114].

Литература и источники

1. Анохин, П. К. Философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин // Избранные труды. – М.: Наука, 1978.
2. Колесникова, Г. И. Состояние образовательной системы в современном российском обществе: проблемы и решение (или «Кто виноват?» и «Что делать?») / Г. И. Колесникова, А. В. Коновалова // Гуманизация образования. – 2018. – № 3. – С. 9–15.
3. Колесникова, Г. И. Социальная политика России: концепция развития личности в 21 веке / Г. И. Колесникова // Международный научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 112–116.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПАРАДИГМЫ ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

И. Н. Колядко

Философские концепции человека: как современные, так и ставшие уже классическими, – представляют собой ряд попыток разрешить одну из самых трудных проблем – определить сущность и предназначение человеческой личности в Универсуме, его роль в преобразовании непосредственно данной объективной действительности. Не случайно поэтому проблема человека – одна из ключевых в философии и является тем своего рода краеугольным основанием, в котором концентрируются противоречия в самых разнообразных сферах современного общества и культуры в целом. Именно в феномене человека онтологические, гносеологические и социально-философские построения того или иного мыслителя находят свое смысловое единство и мировоззренческое обоснование [1, с. 12].

Стало уже общим местом рассуждение о сложности и многомерности человеческой природы, о невозможности постигнуть многообразные проявления человеческой личности и феномены культуры средствами одной дисциплины [2, с. 134]. Общей тенденцией становится поиск исследовательских принципов и философско-методологических стратегий, позволяющих синтезировать знания о человеке, полученные в рамках частнонаучных дисциплин, в единое предметно-проблемное поле. Одновременно с этим формируется устойчивое убеждение, что только на стыке наук возможно получение действительно нового знания, способного эксплицировать подлинную сущность рассматриваемых объектов. Именно с этим связано широкое распространение новых или объявляющих себя таковыми подходов в исследованиях, именуемых междисциплинарностью, полидисциплинарностью, трансдисциплинарностью.

Остановимся более подробно на специфике трансдисциплинарного подхода к исследованию феномена человека и культуры. Прежде всего, стоит отметить, что трансдисциплинарность – это исследовательская стратегия, которая пересекает дисциплинарные границы наук и разрабатывает холистическое видение, интегральную картину мира. В узком смысле трансдисциплинарность означает интеграцию различных форм и методов исследования, включая специальные методы научного познания, для решения научных проблем. В широком смысле трансдисциплинарность означает единство знания за пределами конкретных дисциплин [3, с. 194]. Синтетические устремления трансдисциплинарности заключаются в том, что благодаря ей становится возможным установление связи между естественными и социально-гуманитарными науками, а также между искусством, религией и иными сферами духовного опыта человечества. Трансдисциплинарность также может выступать фундаментом для конвергенции науки, технологии, разработанных стратегий исследования

сознания, духовных практик и человека.

Как отмечает Я. С. Яскевич, «трансдисциплинарная методология, несмотря на открытый проект в своем собственном самоопределении, поиске статуса и основополагающих принципов, задает сегодня ориентиры современной философской антропологии, включающей в свое проблемное пространство биологические, медицинские и генетические исследования, идеалы толерантности и соучастия, автономности и согласия, гуманистические и ценностные регулятивы в исследовании человеческой природы и жизни» [4, с. 73]. Постнеклассический этап развития науки отличается не только иницированием процессов интеграции научных подходов, а требует методологически акцентированных трансдисциплинарных связей, обобщающей роль философского знания в обосновании долгосрочных стратегий устойчивой социодинамики человеческой цивилизации. Трансдисциплинарность как системный и интегративный принцип, несомненно, включает в себя дисциплинарное знание как естественных, так и социально-гуманитарных наук, и, вместе с тем, значительно расширяет границы дисциплинарной науки, ориентирует исследователя на выход в реальную повседневную практику и решение актуальных проблем в жизнедеятельности человека и социума.

Одно из центральных мест в постнеклассической науке занимает *синергетическая стратегия*, которая сосредоточила свой исследовательский потенциал на обосновании применения нелинейных моделей и методологий для описания процессов изменения и эволюционной динамики саморазвивающихся систем. В рамках синергетики осуществляются попытки синтеза философски фундированных подходов на базе современной культуры междисциплинарного и математического моделирования, открытый в области универсалистских динамических теорий (теорий катастроф, динамического хаоса, самоорганизации), компьютерного эксперимента, эволюционной эпистемологии, теорий искусственного интеллекта, интегральной психологии и медицины [5, с. 435]. Синергетическая и социосинергетическая методологии чрезвычайно важны для обоснования принципов этического обеспечения инновационного развития биологии и медицины, включающей механизмы системной гуманитарной оценки антропологических последствий инновационных проектов в ключевых сферах социума.

Наряду с холистическими устремлениями синергетики и ее представлениями о том, что «субъект, установки его сознания и его ценностные предпочтения, причем даже единичное человеческое действие, могут сыграть ключевую роль в выборе возможных путей развития в состоянии неустойчивости сложной системы [6, с. 21], совершенно новое понимание сущности человека представлено в формирующейся *синергийной антропологии*. Так, по мысли С. С. Хоружего, синергийная антропология выступает «определенным общим подход к феномену человека, причем, в целом, подходом не философским, а синтетическим, полидискурсным, конкретнее же – трансдисциплинарным» [7, с. 22]. Синергийная

антропология, во-первых, исходит из иного, не классического представления о человеке как об энергичном феномене. Во-вторых, объект ее интереса отличен от традиционного объекта классической антропологии: синергичная антропология интересуется, прежде всего, предельными проявлениями человека и динамикой их изменения. На этом она строит концепцию антропосоциогенеза человека и анализирует современные тренды трансформации его природы. И в-третьих, в рамках синергичной антропологии создаются новые средства (концепты, понятия) для рассмотрения феномена человека и выстраивается иная (по сравнению с западной позитивистской наукой) методология гуманитарного исследования. Истоки этой методологии синергичная антропология ищет и находит в осмыслении древней практики исихазма, а также в Восточно-христианском дискурсе в целом.

С. С. Хоружий акцентирует внимание на том, что «синергичная антропология могла бы составить основу проекта новой эпистемы для гуманитарного знания, антропологической или антропологически фундированной» [7, с. 31]. Так, синергичная антропология, трансдисциплинарность которой заключается в том, что этот новый дискурс «вовлекает в свою орбиту не отдельные, избранные, а, вообще говоря, все восходящие к человеку дискурсы – все, которые именуются "человекомерными"» [7, с. 30], вместе с тем *пандисциплинарна*, поскольку может выступать в качестве «ядра определенной эпистемы для гуманитарного знания» [7, с. 31]. Таким образом, можно говорить о том, что синергичная антропология как новая трансдисциплинарная и пандисциплинарная парадигма понимания человека выступает альтернативой классическим антропологическим моделям и имеет все основания стать новой эпистемой, ориентируя науку на всестороннее раскрытие сущности человека в процессах культуросоциализации.

Значение и ценность трансдисциплинарности как методологии изучения человека заключается, прежде всего, в том, что трансдисциплинарный подход способствует более глубокому изучению объекта, а также позволяет по-новому формулировать проблемы и открывать новые ракурсы исследования человека и культуры. Безусловно, сами идеи создания некоего универсального языка – метаязыка – и универсальной методологии, применимой ко всему многообразию объектов окружающего мира и человеческой культуры, хотя очень и очень далеки от практического осуществления, вместе с тем обладают конструктивным характером для реализации эвристического потенциала науки. Интеграция естественнонаучного и социально-гуманитарного знания на основе прочного философско-методологического фундамента может открыть новые перспективы в изучении человека и существенно повлиять на направленность и социодинамику развития мировой цивилизации в целом.

Літаратура і крыніцы

1. Хомич, Е. В. Філасофская антропалогія: учебна-метадический комплекс / Е. В. Хомич. – Мінск: БГУ, 2010.
2. Лысак, И. В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека / И. В. Лысак // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6. – Ч. II. – С. 134–137.
3. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е. Н. Князева // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). – 2011. – № 10 (112). – С. 193–201.
4. Яскевич, Я. С. Современная философская антропология: трансдисциплинарные и нравственно-правовые стратегии / Я. С. Яскевич // Философия и социальные науки. – 2012. – № 1/2. – С. 73–81.
5. Аршинов, В. Н. Синергетика как инструмент формирования новой картины мира / В. Н. Аршинов, В. Г. Буданов // Человек, наука, цивилизация: к 70-летию акад. В. С. Степина / отв. ред. И. Т. Касавин. – М., 2004. – С. 428–463.
6. Князева, Е. Н. Социальная сложность: самоорганизация, тренды, инновации / Е. Н. Князева // Общество, философия, история, культура. – 2013. – № 1. – С. 20–28.
7. Хоружий, С. С. Философия под антропологическим углом зрения / С. С. Хоружий // Философский журнал. – 2009. – № 2 (3). – С. 22–38.

ФІЛАСОФІЯ ТВОРЧАСЦІ І ЭКЗІСТЭНЦЫЯ АЎТАРА

С. У. Калядка

Агульнавядома, што творчасць пісьменніка становіцца фактам гісторыі і яго творы паўстаюць раздзеламі гэтага вялікага падручніка жыцця пры іх адпаведнасці вялікай колькасці патрабаванняў мастацкага, сацыяльнага, культурнага і іншага характару. Аднак не менш важнай праблемай для кожнага пісьменніка застаецца пытанне экзистэнцыі творчасці як паняцця быццёвага, філасофскага. З аднаго боку, творчасць павінна быць адлюстраваннем мастацкай традыцыі як увасаблення ўсеагульнага зместу літаратуры, пра што трапна выказаўся Т. С. Эліот у сваім эсе «Традыцыя і індывідуальны талент» (1919): «Традыцыя перш за ўсё прадугледжвае пачуццё гісторыі, цалкам неабходнае кожнаму, хто хацеў бы застацца паэтам, перасягнуўшы мяжу дваццаціпяцігоддзя; у сваю чаргу гэта пачуццё гісторыі прадугледжвае адчуванне мінулага не толькі як тое, што прайшло, але і як сапраўднага; яно прымушае чалавека тварыць, адчуваючы ў сабе не толькі ўласнае пакаленне, але і ўсю еўрапейскую літаратуру, пачынаючы з Гамера (а ўнутры яе – і ўсю літаратуру ўласнай краіны) як нешта, што існуе адначасова, утвараючы адначасавы шэраг» [1, с. 153]. Другі аспект заключаецца ў новых падыходах да пісьма як спосабу самарэалізацыі аўтара, якія знаходзяць адлюстраванне ў палажэннях граматылогіі (Ж. Дэрэда) і скрыпторыкі (скрыпторыка – дысцыпліна, у якой вывучаецца Homo Scriptor,

ці чалавек пішучы, пісьмовая дзейнасць як вобраз жыцця і спосаб адносін да свету. Метадалагічныя прынцыпы скрыпторыкі распрацаваны М. Эпштэйнам.). У граматыцы тэкст выступаў самадастатковай інстанцыяй, які набываў свой «голас» у культуры. У скрыпторыцы, абапіраючыся на «антрапалогію, эталогію, псіхалогію, характаралогію, персаналогію пісьма як формы чалавечай дзейнасці, ідзе размова пра пішучых індывідаў ці калектывах, або аб экзистэнцыяльных, нацыянальных ці канфесіянальных адносінах да пісьма» [2, с. 257]. Ж. Дэрэда надаваў вялікую ролю знаку, вылучаў два бакі яго існавання – пачуццёвы і які спасцігаецца розумам, азначальны і які азначае. У гукі і голасе змяшчаюцца сэнс і дух, а ў пісьме і яго розных відах прысутнічае сутнасць, суб'ект, азначальнае. Па вялікім рахунку, Ж. Дэрэда ўзнямае праблему фіксацыі ў пісьме думкі праз знак (у прыватнасці праз фанетычную непаўторнасць слова, яго гукавое афармленне) і затым упісвання гэтага тэксту ў культуру, устанаўлівае ўзаемазвязь і ўзаемаўздзеянне пісьма і культуры ў гісторыі грамадства. М. Эпштэйн ідзе далей, сцвярджаючы наяўнасць у пісьме мноства розных сацыяльных і экзистэнцыяльных устаноў. Пісьмовы знак – гэта свайго роду перамаганне, выхад асобы за межы існавання ў цяперашнім моманце быцця. Філасофская, культуралагічная, антрапалагічная інтэрпрэтацыя існавання пісьма (пісьмовай мовы) у М. Эпштэйна прывязана да катэгорыі следу як «катэгорыі майго быцця па-за мной, гэта асяроддзе, якое захоўвае мяне пры адсутнасці мяне самога» [2, с. 259]. След з'яўляецца катэгорыяй, суадноснай з хранатопам. Напрыклад, пра след на зямлі думаў і як філосаф, і як мастак Максім Танк. След на зямлі ў белі дзьмухаўцоў з верша Максіма Танка «Дзьмухаўцы» – здавалася б, прыгожае вобразнае вызначэнне, аднак сутнасць гэтага вобраза ў тым, што гэты след можа пакінуць «хто б ні прабе», г. зн. абагульненая асоба. Прырода дорыць кожнаму гэту магчымасць – пакінуць імгненны, без памяці адбітак прысутнасці на гэтай зямлі. І ў гэтай выснове Максім Танк блізкі да пазіцыі М. Эпштэйна: «Любы жывы арганізм сам актыўна піша сябе, стварае сябе як тэкст на аснове свайго знакавага пісьма» [2, с. 265].

Аднак за вобразам «следу» мы знойдем трансляцыю доўгай філасофскай гісторыі, пачатак якой у антычнай філасофіі, дзе гэта паняцце перадаецца праз метафару адбітка на воску. Алюзіі на паняцце следа адсылаюць нас да Арыстоцеля (для яго след як метафара, якая аднастроўвае вобразы пачуццёвага ўспрыняцця), да Платона (сутнасць яго метафары ў тым, што ён суадносіць адбітак з уражаннямі і адчуваннямі, г. зн. з пачуццёвай сферай чалавека, якая вельмі блізкая да эмацыянальнай, а часам з ёю і атаясамліваецца), а затым і да прац Жака Дэрэды.

У дачыненні да мастацкай творчасці канцэпцыя М. Эпштэйна звязана з паняццем аўтара, яго адсутнасцю ў пісьмовым тэксце як найбольш моцнай формай самарэалізацыі. Як лічыць М. Эпштэйн, аўтар пісьмовага тэксту заўсёды схаваны, яму ёсць што не дагаворваць. Аднак у гэтай тэзе ўтрымліваецца супярэчнасць: з аднаго боку аўтар фіксуе сябе праз слова ў вечнасці, вядзе дыялог з самім сабой у рэфлексійных формах суб'ектыўнасці

праз пiсьмо як спосаб звароту да самога сябе і патэнцыяльнага чытача. З iншага боку, толькі той тэкст, які набудзе адпаведнасць гэтаму свету, сам стане «мінісветам» у культуры, можа быць упiсаным у быццё як вялікі тэкст гісторыі чалавецтва. Асоба думаячая і асоба духоўная – гэта розныя прыступкі руху да аб'ектывацыі суб'ектыўнага. Як і асоба пішучая і асоба ўпiсаная ў твор – не заўсёды супадаюць (чаму прысвечана шмат тэорый аўтара). Згодна з выказваннямі М. Эпштэйна, пiсьмо разрастаецца да памераў светабудовы.

Індывідуацыя ў пiсьме – перадумова таленту. Аднак за любым актам творчасці ёсць свой антрапалагічны, аксіялагічны, філасофскі, псіхалагічны сэнс звароту да пiсьма, ён павiнен быць упiсаным у кантэкст чалавечага развіцця, аўтар-суб'ект абавязаны стаць роўным чалавецтву як суб'екту спажывання гэтай творчай прадукцыі.

М. Эпштэйн пазіцыянаваў канцэпцыю адсутнасці аўтара ў творы: «Пішучы больш пiсьма, нязводны да пiсьма і само пiсьмо вынікае з самаадмаўлення-самаўзрастання пішучага. У якой меры паэт прысутнічае ў сваім вершы? “Творца” – гэта наогул лагічна супярэчлівае паняцце, паколькі ён і ёсць, і яго няма ў тварэнні – ён прысутнічае менавіта сваёй адсутнасцю. Адноўляючы тварэнне ад сябе, ён становіцца адначасова і меншым, і большым за сябе на велічыню створанага» [2, с. 265]. Калі М. Эпштэйн сцвярджаў, што тварэнне не ёсць тварэц, але тварэц убiрае ў сябе і сваё тварэнне, то мы ў нашым даследаванні адстойваем пункт гледжання, што ў мастацкім плане аўтар ёсць тэкст, і гэта адпаведнасць двух субстанцый абумоўлена наступнымі аспектамі: твор ёсць параджэнне аўтарскай свядомасці ў яго адначасова рэалістычным і iншасказальным выяўленні; супадзенне аўтара і твора ў хранатопе абумоўлена іх суразмернасцю, роўнасцю, зладжанасцю і камплементарнасцю ў адносінах адно да другога; у адпаведнасці з біяграфічным прынцыпам творчасці твор роўны біяграфіі аўтара, тэкст роўны рэфлексіі аўтара наконт важнай для яго існавання праблемы ў дадзенай кропцы быцця. Як трапна заўважыў М. Эпштэйн, тэмы, звязаныя з «writing the self» («пісаннем сябе») і «self-inscription» («упiсваннем сябе») вельмі сёння актуальныя для даследчыкаў філалагаў, культуролагаў, філосафаў, сацыёлагаў, бо за гэтымі тэмамі стаіць праблема ідэнтыфікацыі і самаідэнтыфікацыі аўтара і яго творчасці.

Высновы: абспіраючыся на палажэнні граматылогіі і скрыпторыкі як напрамкаў у асэнсаванні асобы аўтара, мы прыйшлі да высновы аб наяўнасці ў творчай біяграфіі кожнага аўтара найблiжэйшых і гістарычных перспектыўных задач упiсвання ўласнай творчасці ў кантэкст агульначалавечага існавання, набыцця значэння іх твораў як знакавых і вызначальных феноменаў вечнасці. Экзiстэнцыя творцы напрамую звязана з эвалюцыяй яго творчасці, з задачай уваходу і замацавання сябе ў культуры ў анталагічным, аксіялагічным, эстэтычным, семіялагічным і iншых планах. Намі адстойваецца тэза аб непазбежнасці і неабходнасці самаідэнтыфікацыйных працэсаў у біяграфіі аўтара, якія актывізуюць асобасную і эмацыянальную матывацыю і ўздзейнічаюць на павелічэнне

/ памяншэнне форм рэпрэзентацыі ў мастацкім творы, на зместы вытворчасці суб'ектыўнасці. Перад літаратуразнаўствам стаіць задача апісання індывідуальных і экзистэнцыяльных інтэнцый звароту асобы да мастацкай творчасці як актуальнай для нашага часу формы рэпрэзентацыі чалавека пішучага (у адпаведнасці з задачай скрыпторыкі). Эмацыянальнасць і эматыўнасць уваходзяць у сферы бытавання экзистэнцыяльнага ў якасці другарадных эксплікатараў сэнсаў, так званага «прыглушанага» фону аўтарскіх рэфлексій. Аднак пры вырашэнні пэўных творчых задач аўтар абавіраецца на эматыўныя сродкі як акцэнтныя маркеры пэўных псіхалагічных станаў, выкліканых экзистэнцыяльнымі пытаннямі.

Літаратура і крыніцы

1. Элиот, Т. С. Традиция и индивидуальный талант / Т. С. Элиот // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – С. 169–177.
2. Эпштейн, М. Скрипторика. Введение в антропологию и персоналогию письма / М. Эпштейн // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 1 (131). – С. 257–269.

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ КАК ЧЕРТА МЕНТАЛИТЕТА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Е. В. Корень

В России в период с XVIII до XX в. интенсивно происходили взаимосвязанные процессы развития исторического самосознания общества и становления интеллигенции, менталитет которой формировался под влиянием дворянской системы ценностей (понятий о чести, долге, служении отечеству), идеалов Просвещения, исторических событий. Писатель и критик декабрист А. А. Бестужев, характеризуя дух эпохи, писал: «Мы живем... в веке историческом по превосходству... Теперь история не только в одном деле, но и в памяти, в уме, на сердце у народов... История – половина наша во всей тяжести этого слова» [1. с. 136–137].

Философско-исторические искания составляли солидную долю в самосознании российской интеллигенции. Исторической тематикой были наполнены литература, изобразительное, театральное искусства XVIII–XIX вв., эстетика разных идейных течений: либерально-реформистских, консервативных, революционно-демократических, религиозно-философских. В обществе пользовались спросом сочинения на исторические темы Я. Б. Княжнина, А. П. Сумарокова, А. С. Пушкина, А. К. Толстого, Н. А. Полевого, И. И. Лажечникова, Вс. С. Соловьева. Одни в истории искали идеологическую опору государства, другие – уроки жизни и политики. Исследователь И. В. Кондаков отметил, что история русской культуры предстает «как феномен культуры – как совокупность социокультурных проектов, программ... идей и образов, ментальных и иных смысловых структур, порожденных историками и философами, художниками и

религиозными деятелями, политиками и учеными» Понимание истории «зависит от рефлексивного осмысления общей логики русской культуры» [2, с. 27].

Историческое самосознание русской культуры стараниями интеллигенции в течение XVIII–XIX вв. проделало значительную эволюцию. Было создано много фундаментальных трудов по истории России (М. М. Щербатова, В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и др.), опубликованы громадные собрания исторических источников. Появились исследовательские центры, связанные не только с университетами и академией наук, но и с просветительскими обществами, журналами, движениями и т. д. Во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. действовали просветительский кружок Н. И. Новикова, опубликовавшего ценные материалы в «Древней Российской Вивлиофике», историко-археографический кружок Н. П. Румянцева при московском архиве Коллегии Иностранных дел, Общество истории и древностей при Московском университете, Общество любомудров и др [3, с. 63, 77–79] [4, с. 86–91]. К концу XIX в. философско-историческая мысль в России, представленная различными школами и направлениями, достигла высокого уровня развития [3, с. 68–69]. М. О. Коялович высказал наблюдение, что «литература русской истории – это история русского научного сознания» [5, с. 38–39].

Историософия и историография в силу специфики развития страны тяготели к политической и социальной проблематике. Так, М. М. Щербатов в сочинении «О повреждении нравов в России» критиковал злоупотребления монархов и фаворитов. Декабрист М. С. Лунин подчеркивал, что «история должна служить не только для любопытства или умствований, но путеводить нас в высокой области политики» [6, с. 66]. Г. В. Вернадский, анализируя русскую историографию пореформенной эпохи 1860–1870-х гг. отметил, что «освобождение крестьян создало целую школу русских историков, сосредоточивших свое внимание на истории крестьян и крестьянского вопроса» [3, с. 69].

В переломные периоды жизни страны общественный интерес к истории возрастал. Так эпоха Отечественной войны 1812 г. ознаменовалась ростом патриотических настроений, популярностью исторических образов К. Минина и Д. Пожарского. Важным культурным событием стал выход в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, вызвавшей в обществе живые отклики и острые дискуссии о судьбах российской государственности и народа [7, с. 58–60] [8, с. 104, 125]. Декабрист Н. М. Муравьев написал по поводу «Истории» Н. М. Карамзина критические заметки, быстро распространившиеся в рукописи. Первым, кому Муравьев дал почитать свою статью, был сам Карамзин, признававший целесообразность и необходимость критики и дискуссий по актуальным вопросам истории [5, с. 207]. Н. М. Карамзин видел в истории «священную книгу народов», «зерцало их бытия и деятельности, скрижали откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [9, Кн. 1, с. 72]. Карамзин подчеркивал, что «мудрость

человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна». История – это ценный опыт [9, Кн. 1, с. 72].

Культурно-историческое значение творения Карамзина велико именно в связи с его просветительской ролью. Если предыдущие фундаментальные труды («История Российская» В. Н. Татищева, «История Российская с древнейших времен» М. М. Щербатова) были востребованы в кругу интеллектуалов, то тома «Истории» Карамзина с интересом прочитывали люди из самых различных слоев. И. В. Кондаков назвал Н. М. Карамзина *«первым классиком русской культуры»*, поскольку историк «интуитивно почувствовал» *«самое нужное и самое своевременное для русской культуры начала XIX в. – проблему ее национальной самоидентичности»* [2, с. 190]. «Карамзин "очеловечил" русскую историю, представил ее в художественно-эстетическом модусе, показал ее как национальную культурную ценность» [2, с. 191].

У Карамзина, отстаивавшего консервативные политические взгляды, было много критиков. А. С. Пушкин вспоминал, что «многие якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забыли, что Карамзин печатал историю свою в России» [10, т. 12, с. 306]. Н. М. Муравьев, оспаривая позицию Н. М. Карамзина, утверждал, что история принадлежит не царю, а народу, играет «просветительную», роль, «возжигает соревнование веков, пробуждает душевные силы наши и устремляет к тому совершенству, которое суждено на земле» [11, с. 172]. Исследователь А. А. Лебедев охарактеризовал поведение самих декабристов как «исторически ответственное», определявшееся чувством «нравственного историзма» [12, с. 287–288].

Надо отметить, что декабристы не только критиковали Карамзина, но и вдохновлялись его творением. Декабрист В. И. Штейнгель признавался: «ничто так не озарило ума моего, как прилежное чтение истории с размышлением и соображением» [13, т. XIV, с. 177]. К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, А. О. Корнилович написали под влиянием «Истории государства Российского» замечательные исторические повести, поэмы и т. д. Во время следствия некоторые декабристы называли 9 том «Истории» (с описанием преступлений Иоанна Грозного) как источник тираноборческих настроений. До Карамзина русские историки опасались откровенно описывать злодеяния царей [8, с. 120]. По мнению Н. Я. Эйдельмана, взгляды Карамзина и декабристов сошлись на критике политики Александра I [8, с. 125].

А. С. Пушкин в сочинениях, посвященных истории русской литературы, дворянства, в записке «О народом воспитании», «Истории Пугачева», «Истории Петра», высказывал ценные философско-исторические наблюдения и выводы [10, т. 11, с. 47; т. 13, с. 102]. В драме «Борис Годунов», повести «Капитанская дочка» поэт «раскрыл историзм человека», представил человеческий характер, личностное переживание как факт

истории, как культурно-историческую ценность, как непреходящее национальное достояние» [2, с. 191].

В последекабристское время в общественной мысли дискутировалась проблема исторического выбора России. Особую остроту этот историософский спор обрел после публикации П. Я. Чаадаевым в 1836 г. в журнале «Телескоп» «Философического письма», в котором он высказал глубокое разочарование в перспективах России, заявляя, что «исторический опыт для нас не существует» [14, с. 47]. Вообще Чаадаев рассматривал историю как «ключ к пониманию народов» [14, с. 48]. Но это письмо произвело в обществе", по определению А. И. Герцена, эффект "выстрела раздавшегося в темную ночь [15, с. 139–140]. Историософские идеи Чаадаева о «предназначении России» существенно повлияли на развитие философско-исторической мысли XIX в [3, с. 85]. Был дан импульс дискуссиям славянофилов и западников и других течений общественной мысли о путях развития России [16, с. 75–82] [4, с. 169–170]. Е. Л. Рудницкая полагает, что усиленная рефлексия о судьбе России в контексте всемирно-исторического процесса «отмечена устойчивым феноменом – нравственным императивом, в котором синтезируется понимание хода истории и долг мыслящей личности, способствующей реализации абсолютных законов бытия». Возникает «теоретическая предпосылка» интеллигентского сознания, «идентифицирующего себя с самой историей» [4, с. 215]. Это обусловило практическую «установку на просвещение» как главное дело интеллигенции, ключ к пониманию ее ментальности.

Вторая половина XIX–первая четверть XX в. была эпохой расцвета исторических исканий интеллигенции, появления собственно историософских трудов («Опыт исторического обзора главных систем философии истории» М. М. Стасюлевича, «Основные вопросы философии истории», «Сущность исторического прогресса и роль личности в истории» Н. И. Кареева, «Исторические письма» П. Л. Лаврова и др.) [3, с. 188–192]. С. М. Соловьевым был создан фундаментальный труд «История России с древнейших времен», не теряющий своей актуальности как источник исторического опыта и поныне. Стараниями интеллигенции представление об истории как практическом руководстве для понимания жизни прочно утвердилось в общественном сознании. Так, по мнению В. О. Ключевского, исследовавшего роль психологических, геополитических и иных факторов истории, политика должна быть «прикладной историей». Невыученные уроки истории дорого обходятся народам [17, т. 9, с. 341, 366].

Таким образом, философско-исторические поиски (анализ факторов, движущих сил, путей всемирного исторического процесса и специфики русской истории, закономерностей развития государства, права, культуры) занимали важное место в менталитете и творчестве русской интеллигенции, стремившейся осмысливать настоящее с учетом духовного опыта прошлого. С эпохи Н. М. Карамзина в обществе прочно утвердилось сознание ценности исторической памяти и исторической науки, что нашло отражение в искусстве, литературе, публицистике.

Литература и источники

1. Бестужев, А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем» / А. А. Бестужев // Декабристы. Эстетика и критика / Сост, вступ. ст. и коммент. Л. Г. Назарьяна и Л. Г. Фризмана. – М.: Искусство, 1991. – С. 133–187.
2. Кондаков, И. В. Культура России. Ч.1. Русская культура: краткий очерк истории и теории / И. В. Кондаков. – М.: «Университет», 2000.
3. Вернадский, Г. В. Русская историография / Г. В. Вернадский / Сост. В. Н. Козляков. – М.: «Аграф», 1998.
4. Рудницкая, Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года / Е. Л. Рудницкая. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
5. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – Минск: Лучи Софии, 1997.
6. Лунин, М. С. Письма из Сибири / М. С. Лунин. – М.: Наука, 1987.
7. Ланда, С. С. Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825 / С. С. Ланда – М.: Мысль, 1975.
8. Эйдельман, Н. Я. Последний летописец / Н. Я. Эйдельман. – М.: Книга, 1989.
9. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин / Ред. Н. В. Передистый, вступ. ст. А. Ф. Смирнова. – Кн. 1. – Ростов-на-Дону: Книж. изд., 1989.
10. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. В 19 т. / А. С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1996. – Т. 11; Т. 12; Т. 13.
11. Муравьев, Н. М. Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Крамзина / Н. М. Муравьев // Сборник материалов по истории историч. науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.): Учеб. пособ. для студ. вузов / Сост. А. Е. Шикло; под ред. И. Д. Ковальченко. – М.: Выш. шк., 1990. – С. 170–173.
12. Лебедев, А. А. Честь. Духовная судьба и жизненная участь И. Д. Якушкина / А. А. Лебедев. – М.: Изд. полит. лит, 1989.
13. Восстание декабристов. Материалы и документы следствия. – М.; Л., 1976. – Т. XIV.
14. Чаадаев, П. Я. Статьи и письма / П. Я. Чаадаев. – М.: Современник, 1989.
15. Герцен, А. И. Собр. соч. В 30 т. / А. И. Герцен. – М.: АН СССР. – 1956. – Т. 9.
16. Левицкий, С. А. Очерки по истории русской философии / С. А. Левицкий. – М.: Канон, 1996.
17. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. / В. О. Ключевский // – Т. 9. – М.: Мысль, 1990.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ: СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

А. Г. Косиченко

Вопрос о мировоззренческой и духовной безопасности человека в

высокотехнологичном обществе обладает предельной актуальностью. Массовая продукция высоких технологий вошла в наш быт, стала необходимым элементом нашей привычной жизни, внедрилась в «плоть и кровь» современного общества, стала нашей повседневностью.

Каждодневное и широкое использование товаров, произведенных в сфере высоких технологий для массового потребления, отличается от потребления других товаров. Их потребитель, чаще всего, не имеет представления о принципах работы этих товаров: он использует эти товары, и все. Мало кто знает, на каких принципах работает сотовый телефон, компьютер, даже современный телевизор. Когда человек пользуется тем, сущности чего он не знает, он помещает себя в сомнительное пространство своего существования, которым человек не способен управлять. Тем самым создается поистине виртуальная реальность, соизмеримая с интернет-реальностью (кстати сказать, и она – тоже продукт высоких технологий). Когда человек существует в реальности, которую он не освоил, сущности которой он не знает, причем масштабы этой реальности расширяются с нарастающей скоростью, это очень опасно: это пространство не одухотворено человеком, а, значит, оно опасно в мировоззренческом и духовном отношении, в нем возможна духовность зла. Приходится констатировать, что высокие технологии, вопреки ожиданиям с ними связанным, принесли человеку не благоденствие, а ошутимую угрозу. Развитие высоких технологий в сфере массового производства в условиях доминирования потребительского мировоззрения и явного ослабления духовности в современных обществах способствует деградации человека и полнейшему разрушению его духовности.

Мы здесь не касаемся высоких технологий в космосе, физике высоких энергий, геной инженерии и т. п. Уже проявившиеся угрозы человеку и в этих сферах оказались не меньшими, чем в рассмотренной выше, но они пока не приняли массовый характер, они не стали реальностью наших дней, они скажутся позже. Сегодня актуальны угрозы именно в сфере массового продукта высоких технологий.

Риски, с которыми сталкиваются высокотехнологичные общества, не привели пока нас к тому уровню разрушения нравственного и духовного мира человека, какой имеется сегодня на Западе, но это – дело времени. Эти угрозы связаны с превращением человека в придаток высокотехнологического общества; с формированием примитивного мировоззрения, лишённого духовности; с утратой смысловых перспектив (если не иметь в виду самые низменные, далекие от истинно человеческих интересов). К сожалению, обретают зримые контуры жуткие пророчества Жака Аттали, одного из апологетов и «дизайнеров» общества будущего, лишённого всяких человеческих качеств [1; 2]. Глобалисты высшего звена и финансовые магнаты уже открыто направляют нас в то, что именуется «электронным концлагерем» [3] и постчеловеческим существованием. А условием успеха их предприятия является массовое участие людей в чуждой им реальности, которая поддерживается

потреблением продуктов высокотехнологических производств.

Современному человеку, активному потребителю продуктов высокотехнологических производств, невдомек, какой долгий и трудный путь прошли эти производства: от прозрений ученых Нового времени, через научные открытия, внедрения их в технические приспособления, в целые производственные линии и, наконец, в высокие технологии. Мы должны понимать, что стоит за этими высокими технологиями. А стоит за ними 400-летний период трансформации мировоззрения и методологических приемов научного познания и кумуляция научных достижений в самых разных сферах.

Наука, как известно, стала активно развиваться в Новое время. Мировоззрение родоначальников науки этого периода и само научное мировоззрение того времени было синкретичным. В нем заметным образом присутствовала вера в Творца вселенной (достаточно почитать философско-методологические труды Ньютона, Кеплера или Гука, не говоря уже о более ранних представителях естественнонаучного познания Нового времени). Вместе с тем в этом мировоззрении получают развитие возрожденческие идеи самодостаточности человека, а также независимости его и природы от Бога, и даже бунта против Бога – на чем стоит вся культура Возрождения. Третий пласт мировоззрения науки Нового времени заключается в постепенном формировании отношения к природе, как пусть и творению Бога, но творению, функционирующему по своим собственным законам, в которые Бог более не вмешивается, и потому законы природы теперь можно изучать так, как если бы Бога не было.

В период развития науки Нового времени произошли глобальные сдвиги в ее мировоззрении. Вследствие огромного влияния науки на все стороны жизнедеятельности человека, эти мировоззренческие сдвиги состоялись не только в науке, но и в иных формах деятельности общества и человека, в мироотношении человека и общества вообще. Поразительная эффективность науки (в короткий срок открыто огромное количество законов природы, совершенно бесчисленное число изобретений, осуществлено множество успешных внедрений полученных знаний в технику и технологию) привела к тому, что выработанное внутри науки мировоззрение и ее ценности были заимствованы другими сферами деятельности человека.

Но в XX веке стали заметны недостатки научного мировоззрения и методов научного познания. Эффективность науки достигалась путем расчленение процессов и явлений природы на фрагменты, слабо связанные между собой. Природа изучалась не в ее целостности, полноте и взаимосвязанности (какая она есть в реальности), а в разорванности ее на части. Этот, оправданный для конкретного исторического этапа развития науки способ познания проявил свою ограниченность, когда возникла потребность в изучении более сложных систем и процессов. Потребовалась новая методология познания, адекватная сложности и целостности изучаемого объекта. Еще в большей мере эти недостатки прежнего научного подхода стали проявляться при изучении высших форм человеческой

деятельности, духовного содержания человека, общества в его полноте.

Наряду с, бесспорно гигантскими достижениями самой науки и связанных с нею технологических прорывов, наука привнесла в человеческое сообщество опасное оскудение как внутреннего мира человека, так и примитивизм ценностных ориентаций индивида и общества, утрату сложнейших ориентиров, подавленность и страх перед будущим. Конечно, не одна наука над этим поработала, источников такой печальной ситуации много, но мы здесь говорим о науке. Наука «подвела» человека. Он не получил от нее, чего хотел. Он ведь желал с помощью науки овладеть истинными знаниями о природе, об обществе (если речь шла об общественных науках), о себе самом, и, опираясь на эти знания, хотел освободиться от природной и иных форм своей зависимости. Человек хотел стать над этими несвободами, он хотел господства над миром (в хорошем смысле, в смысле управления природными и общественными процессами). В конечном счете, человек хотел стать счастливым, и думал, что, познав мир научными средствами, он станет все знающим, все умеющим, обладающим способностью решать все возникающие проблемы, все перестраивать под себя.

Однако оказалось, что созданная человеком на основе науки техногенная среда, первоначальной целью которой было освобождение человека от природной зависимости, не только не освободила человека, но и поработила его в еще большей степени. Техника стала доминировать над человеком, и, судя по планам «роботизации» мира человека через цифровизацию экономики, высокотехнологическое общество в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию на самоуничтожение [3]. Поэтому решение задач поддержания мировоззренческой и духовной безопасности человека в высокотехнологичном обществе возможно только на путях очеловечения реальности, которую порождают высокие технологии. Оно заключается в распрямлении порожденной ими античеловечной виртуальной реальности, в придании ей человеческих качеств и в сущностном одухотворении бытия человека.

Литература и источники

1. Аттали, Ж. Краткая история будущего / Ж. Аттали. – СПб.: Питер, 2014.
2. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. – М.: «Международные отношения», 1993.
3. Филимонов, В. Цифровое общество и конец истории / В. Филимонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru /analitika /2018/02/01/ cifrovoe_obwestvo_i_konec_istorii/. – Дата доступа: 10.09.2018.

ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Н. Н. Красовская

Переход от традиционного к модернизированному обществу положил начало процессу, наиболее ярко проявившемуся в XX веке в феномене «психической революции», утвердившей право индивидов – мужчин, женщин и детей – на счастье и развитие. Прежде вся идеология социальной помощи была построена на концепции льгот и привилегий. Слово «льгота» происходит от старинного «легота» – облегчение. Понятие привилегии исходит из представления о том, что все люди бесправны и ничтожны, и лишь некоторым из них даруются некоторые преимущества. Человек традиционного общества был корпоративным, т. е. имел значение, возможность функционирования и возможность получения какой-либо помощи только в силу (и по мере) своей принадлежности к определенной городской или сельской общине, церковному приходу, ремесленному цеху и т. д. Появление модернизированного общества повлекло за собой революцию индивидуальности, в результате которой человек «отлепляется» от этой общности, он становится индивидом и имеет значение не в силу того, что является частью какого-то целого, а сам по себе.

В течение XIX–XX веков получают всеобщее распространение гуманистические, демократические представления: от рождения ни у кого нет никаких привилегий. Это приводит к законодательному признанию их в тексте основополагающих документов наиболее авторитетных международных организаций: во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.).

В соответствии с принципами, провозглашенными Уставом ООН, признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, их равных и неотъемлемых прав, является основой свободы, справедливости и всеобщего мира. Согласно Всеобщей декларации прав человека, идеал человеческой личности, свободной от страха и нужды, может быть осуществлен только если будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами. Государства - члены ООН обязаны поощрять всеобщее уважение и соблюдение прав и свобод человека, а каждый отдельный человек, имея обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому он принадлежит, должен добиваться поощрения и соблюдения прав, признаваемых мировым сообществом. Экономические, социальные и культурные права человека трактуются как законодательное закрепление основных свобод и условий жизни людей, позволяющих каждому свободно развивать свою человеческую природу, жить со своими близкими в человеческих отношениях и не опасаться насильственного разрушения

своего благосостояния [1, с. 246–247].

Вся совокупность прав человека обеспечивает способности индивидов к социальному функционированию, к тому, чтобы жить полноценной жизнью в обществе, иметь возможности развития и самореализации. Однако всеобщее признание этих прав или закрепление их в нормах национального законодательства еще не гарантирует реальной возможности пользования ими для каждого индивида. Поэтому смысл современной социальной работы – это деятельность по оказанию помощи индивидам, семьям, группам в реализации их социальных прав и в компенсации физических, психических, интеллектуальных, социальных и иных недостатков, препятствующих полноценному социальному функционированию.

Актуализация проблемы формирования и реализации социальной политики усиливается значительным ухудшением в 90-е годы XX в. условий жизни граждан. В настоящее время наша страна переживает сложный период своего развития. Накопленные экономические, социально-политические проблемы усугубляются неблагоприятной демографической обстановкой. В период социально-экономического кризиса происходит обострение «социальных болезней» общества: число пенсионеров в стране растет из года в год, усиливается расслоение граждан по уровню доходов, появляются бедность и нищета, увеличивается количество бездомных детей, велико число безработных. Устойчиво большим остается количество малообеспеченных семей, происходит общее снижение жизненных стандартов, изменение общественного и материального статуса личности и т. д. Задержки выплаты заработной платы, проблемы в здравоохранении, образовании, культуре создали непростую социально-психологическую обстановку в стране. В массовом масштабе возникают серьезные трудности личностного развития, с которыми порой трудно справиться самостоятельно. Все это в конечном итоге приводит к росту социальной напряженности, непониманию и неприятию населением экономических преобразований.

В условиях социально-экономического кризиса многократно повышается значимость мер по социальной защите и поддержке населения, в первую очередь его наиболее уязвимых слоев. Состояние социальной защиты населения, а особенно ее малоимущих слоев, является индикатором развития общества, показателем признания им общечеловеческих ценностей. Именно поэтому такое привычное для нас словосочетание как «социальная защита» приобрело сегодня особый смысл.

В результате произошедших перемен возникла острая необходимость создания новой системы социальной защиты населения, соответствующей переходному периоду развития общества и обеспечивающей поддержание условий его психологической устойчивости. Современный подход к решению социальных проблем определяется осознанием важности всесторонней заботы о человеке, обеспечения ему достойных условий жизни.

В рамках программ социальной защиты на смену экстренным мерам нынешнего периода должна прийти стабильная система оказания помощи. Недопустимо дальнейшее использование традиционного уравнительного

принципа распределения средств, выделяемых на цели социальной поддержки. И если до 90-х годов прошлого века социальную ответственность несло исключительно государство, главным источником финансирования системы социального обеспечения были только бюджетные средства, то с началом рыночных преобразований модель социального регулирования была сориентирована на постепенное освобождение государства от этой ответственности. Не должно оно нести это бремя в одиночку. Назрела необходимость переориентации источников финансирования социальной защиты в сторону альтернативных структур (средства трудовых коллективов, общественных и благотворительных организаций).

Высокое качество программ социальной защиты населения и их успешная реализация находятся в прямой зависимости от состояния информационной базы. Эффективная социальная помощь невозможна без полной, достоверной и оперативной информации. Введение адресной защиты населения усиливает требование разработки социального паспорта каждого населенного пункта региона, с поименным указанием людей, нуждающихся в поддержке. Такая информация послужит основой составления программ поддержки нуждающихся. Именно поэтому так важна организация специализированной и безотказно действующей государственной информационной службы, в задачи которой входили бы не только сбор и обработка первичной информации по заданной программе, но и осуществление мониторинга законодательных актов по социальной защите, обеспечение информацией всех подразделений системы органов социальной защиты согласно разработанной информационной модели. В каждое подразделение в заданное время должна поступать информация, которая ему необходима для успешной реализации своих полномочий.

Разрешение противоречий в социальной сфере общества должно опираться на достаточно мощный экономический фундамент. Однако даже при создании необходимого экономического базиса невозможно автоматически разрешить все социальные проблемы. Здесь нужна продуманная социальная политика, такая организация социальной работы с населением, которая давала бы эффект.

С этой точки зрения социальная политика выступает своеобразным индикатором эффективности экономического развития страны, т. е. если наблюдается ухудшение социальных показателей развития общества, то это свидетельствует о том, что в экономике назревают негативные процессы. Но социальная политика способна оказывать активное воздействие на экономику, выступать своего рода «двигателем» проводимых экономических преобразований.

Если в традиционном понимании суть социальной политики сводилась к поддержке, прежде всего материальной, беднейших слоев населения или к перераспределению общественного богатства в пользу наименее обеспеченных слоев населения, в целях ограничения имущественной дифференциации, а меры социальной защиты носили компенсационный характер и были направлены на сохранение существующего уровня жизни,

то современная социальная политика трактуется более широко. Она выступает как система действий, направленных не только на поддержку человека в трудной жизненной ситуации, не только на лечение «социальных болезней», а в первую очередь на их предотвращение и предупреждение. Социальная работа должна носить опережающий, упреждающий характер и быть направлена на развитие социальной активности всех слоев населения. Защита человека становится социальной не столько потому, что его защищает социум, сколько из-за того, что защищается социальность человека, его социальные права и свобода, гарантируется удовлетворение его базовых жизненных потребностей.

Литература и источники

1. Словарь-справочник по социальной работе / Под ред. Е. И. Холостовой. – М.: Юристъ, 1997.

СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И МЫСЛЕННЫЙ ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Е. Э. Кривоносова

Современное общество характеризуется нарастающей динамикой во всех сферах жизни. Думается, многие горды тем, что родились в эпоху высоких скоростей в науке, технологиях, образовании, перемен в области гуманизации труда, открытости общественных, политических, культурных систем. Но за фасадом внешне привлекательных преимуществ и достоинств дня сегодняшнего часто скрывается масса противоречий, проблем, которые все труднее не замечать или отрицать – их нужно осмысливать и решать. Были когда-то поставлен мюзикл «Остановите мир – я хочу сойти», сняты фильмы «День, когда Земля остановилась», «Каждый за себя, а Бог против всех». Пожалуй, данные метафоры как нельзя лучше отражают состояние настоящего, которое еще не обрело имя. Мы живем в эпоху «пост»: посттоталитаризм, постмодернизм, постсоциализм, постиндустриализм, «поствоинючая эпоха» (А. Зиновьев).

Прошлое мы четко обозначаем. А сегодняшние реалии приводят нас в состояние растерянности от неспособности или нехватки времени и желания задуматься о смысле происходящего и долгосрочных последствиях наших действий. Ставка делается, по словам М. Хайдеггера, на рассчитывающее, калькулирующее, атакующее мышление. А осмысляющее мышление, позволяющее познать смыслы бытия, мы оставили невозделанным, «под паром»: «сегодняшний человек спасается бегством от мышления» [1, с. 104]. Но подобная «слепота на один глаз», как точно выразился У. Бек, ведет только к технико-технологической, производственной выгоде [2].

«Технократы страдают близорукостью. Они инстинктивно думают о ближайших прибылях, ближайших последствиях», – убежден Э. Тоффлер [3, с. 499]. Подобная позиция, заставляет впоследствии только реагировать на (а

не предотвращать!) негативные последствия жизнедеятельности человечества, а, следовательно, рождает чувство «no-future», жизни без будущего [2]. Даже думать и говорить о будущем сложно, оттого что это измерение далеко, туманно, непредсказуемо, многовариантно. Нельзя не отметить, что при всей альтернативности прогнозов антиутопии и фантастические фильмы о будущем рисуют чудовищные, пессимистические сценарии. Неужели предсказания фантастов сбудутся, как, например, напророченное К. Чапеком появление роботов?

Будущее – неопределенность, рождающая переживания и страхи. А страх, как известно, часто парализует либо приводит к панике. Вот и получается, согласно Р. Лэппу, что несемся мы в поезде к неизвестным пунктам назначения, без ответственных машиниста и стрелочников, которые должны бы, по идее, обладать опережающим, стратегическим знанием. При этом большая часть пассажиров находится в последнем вагоне и смотрит ностальгически назад.

Но откуда эта неуверенность в будущем? Не оттого ли, что ощущаем зыбкость бытия, признаки которой видны в «моральном износе» (Ж. Бодрийяр), релятивизме ценностей, императиве потребления, деградации среды обитания вследствие негативных аспектов НТП, глобализации, массовой культуры? Не потому ли, что подсознательно понимаем, что архитектуру завтрашнего дня выстраиваем в дне сегодняшнем, и сами виноваты в плачевных последствиях? А признавать вину – ой как не хочется. Не в силу ли того, что теряемся от множества прогнозов, бессилия, боязни ответственности, понимания динамичности, комплексности, глобальности проблем, которые и решать, соответственно, нужно сообща? Но при этом, к сожалению, «наш человек отличается от муравейника тем (среди прочих признаков), что в нем во всех частях, во всех сферах, во всех разрезах, во всех подразделениях, на всех уровнях структуры, всегда и во всем идет ожесточенная борьба между "человьями"» [4, с. 10]

Удивительно, но некоторые ученые рассуждения о катастрофах будущего считают спекулятивными, гиперболизированными. Мол, мы защищены уровнем образованности и культуры общества. При этом ссылаются на авторитет В. И. Вернадского, который был убежден, что «раз достигнутый уровень мозга... не идет уже вспять, а только вперед, в будущее. В этом смысле нельзя даже предполагать возможность развития разума в направлении уничтожения им самим жизни на Земле» [5, с. 14]. Прибегают к аргументам теории культурного отставания У. Огборна, согласно которой заблуждения возникают в рамках отставания гуманитарной культуры от естественнонаучной, от темпов технологизации. На наш взгляд, не о косности духовной сферы нужно говорить, а об ее ломке. Типологию личности Р. Дарендорфа пора дополнить типом *homo moralis*, несформированность которого и привела социокультурную сферу к поражению в борьбе с технократизмом.

Подобная реакция напоминает мышление больного в стадии отрицания своей болезни. Нельзя обойти вниманием угрозы и риски современной

цивилизации, например, непоправимый ущерб среде обитания, культ потребления и гедонизма. Атака на окружающую среду, мировоззренческие, нравственные основы социума стремительно приближает нас к критической черте, и, в соответствии с законом перехода количественных изменений в качественные, неизбежно ведет к возникновению синергетического эффекта и эмерджентности. Выход видится в преодолении позиции «после нас хоть потоп», переходе в стадию рационального принятия и решительной мобилизации усилий для решения проблем и проведения политики реприродизации, регуманизации, возвращения на рельсы морально-ответственной жизнедеятельности, где есть место долгу, совестливости.

Чтобы переориентировать сознание, Э. Тоффлер предлагает читать не только курс истории, но и курс будущего, который заставил бы каждого в настоящем рефлексировать, ответственно подходить к своей жизнедеятельности во всех ее аспектах (экономическом, экологическом, политическом, духовном), а также инициировать производство утопий, по которым соскучилось человечество. На отсутствие сильных идей и спроса на смысл указывает и Ж. Бодрийяр: «Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез» [6].

Чтобы не подвергать опасности перспективы будущего наших детей мы должны "предельный животный эгоизм и индивидуализм, оперирование лишь сиюминутными категориями заменить на путь «героизма» и возрождения древних традиций, призывающих жертвовать частью настоящего во имя будущего наших детей» [7, с. 295]. Для этого нужны не только политические усилия, перестройка социально-экономической организации общества, но и переформатирование сознания, мировоззрения, модуса существования каждого человека в плане как терминальных, так и инструментальных ценностей, ибо, как доказал А. Печчеи, корень зла в человеческих качествах. Необходимо сохранение базовых нравственных ценностей, культурного кода, корневой системы духовной жизни каждого этноса.

Литература и источники

1. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / М. Хайдеггер; пер. с нем. А. Л. Доброхотова. – Москва: Высш. шк., 1991.
2. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
4. Зиновьев, А. А. Глобальный человек / А. А. Зиновьев. – М.: Эксмо, 2003.
5. Кокин, А. В. Современные мифы о глобальной экологической катастрофе как следствие непонимания ноосферной стратегии В. И. Вернадского / А. В. Кокин, В. Г. Игнатов, И. Н. Сидоренко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2013. – № 1. – С. 8–20.
6. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/56152>. – Дата доступа: 02.09.2018.

О РОЛИ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

П. П. Крусь, С. Т. Кавецкий

Среди множества актуальных направлений применения философской методологии научного познания хотелось бы обратить особое внимание на исследования мировоззрения и ценностных ориентаций важнейших субъектов социального процесса, среди которых особую роль, вне всяких сомнений, играет молодежь. Прежде всего, речь идет о наиболее активной ее части – учащейся молодежи. Потенциал социальной активности этой крупнейшей социальной группы огромен, но не всегда адекватно оценен и востребован. Вместе с тем, все хорошо понимают роль и значение этой деятельной активности для всех сторон общественного развития.

Поскольку каждый вид человеческой деятельности характеризуется своим конкретным мировоззренческим основанием и транслирует определенную совокупность ценностей, то очевидно, что самое пристальное внимание должно быть направлено на образовательную сферу, в первую очередь, на учащуюся молодежь.

Образование как вид целенаправленной человеческой деятельности начинается с постановки определенных познавательных задач. Эти задачи могут быть серьезно осмыслены только в рамках действующей картины мира. Вместе с тем, само их практическое решение сопровождается интенсивными эвристическими поисками новых, нередко слабо взаимосвязанных положений, чье место и значение в конкретной мировоззренческой системе еще не выявлено. Более того, некоторые новые факты могут даже противоречить устоявшимся в культуре представлениям.

Очевидно, что осознание необходимости определить место и значение каждого положения в мировоззренческой системе должно стать важнейшим методологическим основанием не только изучения, но и организации процесса образования. Системность мировоззрения предполагает и системный подход к его рассмотрению.

В процессе обучения, как хорошо известно, происходит не простое механическое приобщение учащихся к иерархии мировоззренческих предпочтений, место и значение которых воспроизводится в индивидуальном сознании. Личность усваивает ценностные параметры творчески, нелинейно. Указанный феномен сочетает в себе рациональные и иррациональные моменты, что наглядно демонстрирует особую значимость анализа мировоззренческих и аксиологических факторов функционирования образовательного процесса.

Господствующее в обществе мировоззрение, в конечном счете, отражает систему ценностных ориентаций как общества, в целом, так и

отдельных его представителей, в частности. Нет ничего удивительного, что исследования мировоззренческих и ценностных ориентаций получили такое широкое распространение, как в нашей стране, так и за рубежом. По мере накопления фактологического материала, в том числе и данных социологических опросов, становится все труднее их интерпретировать, что не в последнюю очередь еще раз свидетельствует о необходимости философских подходов к исследованию.

Глубокое системное изучение общества, его демографической, этнической и социальной структур априори предполагает и тщательный анализ значимых факторов социальной динамики в их системной взаимосвязи.

Механизм влияния образования и прежде всего гуманитарного образования на становление и последующее развитие мировоззрения студенческой молодежи, безусловно, выступает существенным фактором общественной трансформации. В том числе и тех моментов, которые определяют инновационные процессы. Здесь действительно необходим тщательный социально-философский анализ.

Указанный механизм стал предметом специального исследования в контексте мировоззренческих и ценностных предпочтений студентов на протяжении всего периода обучения, проводимого сотрудниками кафедры философии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Предполагается, что системный глубокий анализ факторов взаимодействия мировоззренческих оснований образовательного процесса может стать не только эффективным методологическим основанием исследований, но и действенным, практически ориентированным инструментом воплощения в стратегию и тактику организации не только образования и воспитания, но и стать условием расширения исследования всего спектра общественных связей. Однако с этой целью следует выполнить ряд теоретических и практических задач.

Необходимо, в частности, изучение реального содержания современного общественного сознания. Определение доминирующего мировоззрения и определение его подлинного места в структуре духовных ценностей.

В течение многолетнего исследования получены интересные данные и накоплен опыт методологического характера, имеющий, как нам представляется, некоторую ценность для понимания ряда проблем общественного развития. В этой связи приобретает особое значение философский анализ содержания и структуры мировоззрения студенческой молодежи в динамике самого образовательного процесса. Причем исследования мировоззрения и ценностных ориентиров будут тем более значимыми, чем в большей мере они способны отражать не только глубинные системные сдвиги, но и еле заметные, весьма незначительные изменения ценностных ориентиров различных групп студенческой среды.

Специфика научного проекта брестских ученых заключалась как раз в

тщательной проработке положений, позволяющих увидеть даже самые мелкие детали в динамике ценностных ориентаций студентов университета на протяжении всего периода их обучения. Разумеется, здесь возникает множество трудностей по интерпретации полученных результатов.

В частности, современная молодежная среда, как и все современное общество в целом, характеризуется высоким и все более усиливающимся динамизмом. Технологический прогресс заметно опережает духовно-нравственное развитие и диссонанс между ними усугубляется. Несогласованность генезиса различных элементов социальной структуры становится все более значимым фактором неустойчивости мирового устройства, что заметно снижает общий уровень его безопасности.

Не следует забывать и об органически присущих каждому человеческому существу чувственных, бессознательных и прочих иррациональных моментов мировосприятия, которые не только не вытесняются техническим прогрессом, а существенно усложняют ценностное ориентирование. Таким образом, мы полагаем, что системный философский подход должен быть направлен не только на мониторинг темпов мировоззренческих изменений и социокультурных трансформаций, но и предполагать анализ сущности изменений мировоззренческих и ценностных оснований. Он должен отображать их как в деятельности отдельного человека, так и общества в целом, выявляя при этом конкретную роль образования и воспитания в социальных процессах.

Представляется, что глубокое изучение диалектического взаимодействия различных факторов формирования мировоззренческих и ценностных систем выступает необходимым условием их всестороннего познания и позволит, в конечном счете, эффективно использовать полученные достоверные знания в деле усовершенствования основ общественного развития.

Поскольку человек, по существу своему, есть результат и, одновременно, субъект развития культуры и вне культуры его существование невозможно, постольку совокупность целевых установок и ценностных ориентаций образуют духовное активное ядро культуры на конкретном историческом этапе его развития. Следовательно, пристальное рассмотрение процессов формирования и динамики мировоззрения и ценностных установок может выступить реальным практическим условием понимания культуры в целом и ценностных ориентаций активных субъектов общественного развития, прежде всего молодежи.

АНТИКОНЦЕПТ «АБСУРД»: ОНТОЛОГИЯ АБСУРДА

В. Б. Крячко

*Разум и абсурд оказываются не столь
противоположны.*

Г. С. Померанц

Абсурд – это пограничное состояние мысли, порождающее желание преодолеть или отодвинуть ее предел. Чувство тупика, стенки, конца, безысходности невыносимо для сознания, которое ищет выхода и находит его в представлениях о *Вечности, единстве и целостности*. Сущность представления о *целостности* заключается в том, что все в мире имеет смысл, поскольку смысл онтологичен, он есть основа миропорядка, т. е. смысл реален, а не ирреален и тем более не виртуален. Это задает ассиметричный характер бинарной оппозиции *абсурд – здравый смысл*, где концепт *здравый смысл* является реалией, образом нашего сокровенного знания о мире, формирующим личность.

«Ибо человек подсознательно ощущает, что мир имеет смысл, история имеет смысл, мое личное бытие имеет смысл! Человек есть существо религиозное, стоящее перед Божественной тайной» [1, с. 134].

Подобные рассуждения актуализируют концепт «вера», вбрасывая в «границы формализованного мышления» дополнительные смыслы и увеличивая степень неопределенности всей системы.

Известное изречение «*Credo quia absurdum*» – *Верую, ибо абсурдно*, приписываемое одному из ранних учителей Церкви Тертуллиану, принято понимать в узком, а именно в негативном значении (*Верую, ибо бессмысленно*), в то время, как феномен веры, расширяет границы языковой материи, увеличивая пространство *здорового смысла*. Следует читать: «Верую, ибо непостижимо» [2, с. 86].

Г. С. Померанц цитирует Тертуллиана полностью, сопровождая его своими комментариями, чтобы восстановить утраченные смыслы.

«Сын Божий распят, – писал Тертуллиан. – Это не позорно (для нас именно) потому, что позорно (в глазах официального Рима). И Сын Божий умер; это достойно веры (для нас), потому что нелепо (в глазах философов, поклоняющихся божественным императорам). И он восстал из мертвых: это бесспорно, потому что невозможно» [3].

Нелепость абсурда – это то, что *непостижимо и невозможно*. Между первым и вторым есть определенная разница. Первое связано не с «деструктивной функцией абсурда», объясняющей веру [3], а с нашей ограниченностью, преодолеваемой с помощью феномена веры – мы верим в то, что мир не абсурден.

«Когда мы говорим, что мир абсурден, то есть бессмыслен, мы это знаем только потому, что в человеке заложено противоположное понятие – понятие смысла. ...И именно то, что человек восстает против абсурда, против бессмыслицы бытия, и говорит в пользу того, что этот смысл существует» [4,

с. 249].

Еще раньше С. Л. Франк писал о том, что мы не можем удовлетвориться бессмысленностью бытия в силу внутреннего логического противоречия: «Мы понимаем и разумно утверждаем эту бессмысленность. Раз мы понимаем и утверждаем ее, значит, не все на свете и не всецело бессмысленно» [5, с. 73].

Второе связывает нас не только с интеллектуальной невозможностью (что отождествляется с *непостижимостью*), но и с любой другой невозможностью, которая может иметь физическое (техническое), этнокультурное, социальное, ценностное, временное и иное обоснование. Например, обращение к христианским ценностям с точки зрения «здорового смысла» во времена апостола Павла считалось абсурдным (явным безумием).

«Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным... Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» [6, I Коринф., 3, 18–19].

С точки зрения света (с обыденной точки зрения) абсурдно было почитать сына плотника, распятого на кресте подобно разбойнику. И напротив – разумно и правильно почитать императора и вообще всякую власть во все времена. С точки зрения христиан все было наоборот.

Тем не менее, когда христианство стало более понятным, почитать Иисуса Христа перестало считаться абсурдом (безумием).

«Когда христианская точка зрения перестала быть непривычной, она приобрела с течением времени и санкцию разума. Фома Аквинский никогда не сказал бы "верую, ибо это нелепо". Напротив, ведущий (до сих пор) теолог католицизма считал, что разум и вера подтверждают друг друга» [3].

Сегодня нельзя сказать, что христианство стало ближе обыденному сознанию. Это значит, что проблема его понимания остается острой, как и две тысячи лет назад. Сущность христианства с точки зрения большинства по-прежнему считается абсурдом. Очевидно это связано с тем, что она (эта сущность) отодвигается вместе со временем, а мы за ней просто не поспеваем, оставаясь в прошлом вместо того, чтобы узнавать ее хотя бы в дне нынешнем, не говоря уже о грядущем.

Временами, христианство перестает считаться абсурдом, и это связано с качеством веры. Тогда выясняется, что вера не противоречит здравому смыслу. То, что между разумом и верой нет противоречий – явное откровение и знак времени, подобный открытию материка. Оказывается, границы *разумного* могут варьироваться со временем. И определяющую роль в этом играет качество веры – то, что входит в содержательную часть концепта «вера». От нее зависит то, что по мнению Г. С. Померанца, позволяет рассматривать бинарную оппозицию «разум – абсурд», как противостояние двух разумов, считающих друг друга нелепыми. Это дает основание с одной стороны, полагать, что «*разум и абсурд не столь противоположны*», а с другой, дарит надежду на то, что со временем они перестанут обмениваться нелепостью.

Различается несколько видов абсурда.

А) *Абсурд как бессмыслица*. В данном случае *абсурд* указывает на

мыслительную предельность в условиях недостатка информации. Абсурд, выступающий маркером мыслительного конструкта с заведомо ложной информацией, является антикоммуникативным по своей направленности и сопредельным с рядом синонимов *ложь, обман, воровство, дезинформация*, формирующих категорию антиконцептов.

Иными словами, абсурд – это искусственно создаваемый мыслительный конструкт, не опирающийся на реалии и противоречащий пониманию целостности, т. е. абсурд – это мыслительный конструкт, не имеющий смысла.

В) Абсурд как нелепость. Это общее словарное значение слова, подсказанное его этимологией и коррелирующее с образом предмета или явления: «неблагозвучный», «нескладный», «несообразный».

С) Абсурд как непонимание. Абсурд как непонимание в условиях недостаточной информации ведет к *недоразумению* и может носить временный характер, т. к. осознается как «интеллектуальное препятствие» [2, с. 80]. Это дает возможность по-новому взглянуть на проблему текста и текстуальности. Например, с точки зрения коммуникативной направленности, текст в этом случае работает как «генератор новых смыслов» [7, с. 204] для восстановления информационного обмена и устранения возникшей неопределенности. В этом случае абсурд может оцениваться положительно.

Таким образом, абсурд в значении парадокса приравнивается к разряду интеллектуального препятствия и имеет смысл (целостность). Абсурд в значении апории относится к разряду логического противоречия и смысла (целостности) не имеет.

Е) Абсурд абсурда. – это начало смысла, в то время как абсурд смысла – его конец. Абсурд возникает в процессе мышления либо как его издержка в результате непонимания, либо как nonsense в результате ошибочно (искусственно) создаваемой ситуации отсутствия смысла. В первом случае проблема решается в результате добора информации и расширения границ личностной компетенции. Безусловно, прав Г. Померанц, называя абсурд «границей формализованного мышления» (цит. по: [2, с. 80]), поскольку абсурд указывает на пределы нашего понимания в условиях недостаточной информации.

Литература и источники

1. Мень, А. Почему нам трудно поверить в Бога / А. Мень. – М.: Издательский дом «Жизнь с Богом», 2011.
2. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007.
3. Померанц, Г. С., Миркина З. С. Язык абсурда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pomeranz.ru /p/pub_absurd.htm. – Дата доступа: 14.08.2018.
4. Мень, А. Мировая духовная культура / А. Мень. – М.: Издательский дом «Жизнь с Богом», 2009.
5. Франк, С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

6. Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. I Коринф., 3,18–19. – Брюссель.: Издательство «Жизнь с Богом», 1989.
7. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – СПб.: Академический проект, 2002.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. В. Кудинова

Ценностные ориентации людей являются важнейшим регулятором социальных интеракций в процессе кросс-культурного взаимодействия и обмена индивидуальным и коллективным социально-культурным опытом или индивидуальным и коллективным социально-культурным капиталом. Такой подход позволяет понять, каким образом формируются столь разнообразные модели стиля жизни, которые сегодня наблюдаются в мегаполисах и крупных городах как реальном авангарде российской модернизации.

Индивид, принадлежащий наиболее продвинутым сегментам современного крупного города или мегаполиса, интегрируется посредством кросс-культурных взаимодействий внутри и вне социального сообщества, с которым он себя идентифицирует, в рамках системы коммуникаций в развивающуюся инновационную институциональную среду. Для этого необходимо «опривычивание» инновационных социокультурных практик, превращение их в обыденные и санкционированные обществом.

Эти процессы являются как результатом развития и трансформации социокультурной сферы в рамках естественно-эволюционных процессов, так и направляемыми и регулируемыми предписантами, экспертами, оценивающими инновационные практики в публичной медиасфере. Доступ к коллективному социокультурному капиталу позволяет актерам социокультурных процессов преумножить свой индивидуальный социокультурный капитал.

Ценности, содержащиеся в социокультурном капитале и разделяемые и используемые индивидами ценности коллективных культурных благ, включая ценности культурного наследия, отчасти принимаются на веру и, как следствие, в силу ассиметрии распределения информации в обществе, становятся важнейшим ресурсом социального регулирования, так и социального манипулирования различных сегментов и ситусов общества.

При этом экспертные оценки предлагаемых средствами массовой информации и рекламой неосязаемых благ, в том числе и культурных, формируются в сознании людей экспертами, которые создают репутацию в соответствии с совершенно четко выстроенными индивидуальными стратегиями конкурентного поведения и успеха, но в сознании людей позиционированные как относительно независимые, подкрепленные общим представлением массы об их персональных имидже и репутации.

Рациональная составляющая поведения людей при транзакционном обмене подчинена знаковой составляющей, включающей асимметрию распределения символического означивания информации, желание обладать или соответствовать определенному социально-ролевому статусу, продемонстрировать те или иные символические атрибуты коллективной или индивидуальной идентификации [1].

Что примечательно, индивидуальный социокультурный капитал имеет ярко выраженную тенденцию не к убыванию полезности, а к ее возрастанию, то есть к увеличению стоимости индивидуального и коллективного социокультурного капитала, причем во всех известных формах – в форме культурных диспозиций (инкорпорированной форме или «embodiedstate») и в формах социокультурных компетенций (институционализированной форме или «institutionalizedstate») [2; 3].

И хотя культура поддерживает стабильность социумов, именно культура и выступает источником эволюции общества, продуцируя новые повседневные и не повседневные досуговые социальные практики, потому что и сама культура является полем конкурентной активности отдельных территорий и населяющих их людей. И если в условиях действия внерыночных механизмов распределения социокультурного капитала преобладала тенденция, направленная на сохранение стабильности и закрытости социумов, препятствующая их дифференциации по различным основаниям, то в условиях доминирования рыночных механизмов и возрастания оснований дифференциации возникает сложно сегментированное общество, нуждающееся в интегральных коммуникативных механизмах, продуцирующих полисегментность и полистилистичность моделей человеческого поведения и образа жизни, однако на приемлемом для поддержания целостности социума уровне. Поэтому столь большое значение в современном обществе приобретает прикладная философия в различных областях культурных индустрий – именно философское осмысление происходящих в современных культурных индустриях процессов имплантации в современное массовое общество инновационных социокультурных практик позволяет выработать научно обоснованную методологию разработки реализации позитивных ценностей в современном общественном развитии, осмыслить это развитие в рамках целостного системного концептуального подхода, избегающего абсолютизации каких-либо прикладных областей гуманитарных наук, избежав перекоса в оценки роли социально-экономических и социально-политических факторов, увидеть целостную картину социальной динамики и способов ее регулирования.

Литература и источники

1. Лебенстайн, Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса / Х. Лебенстайн // Вехи экономической мысли. – Т. 1. – С. 304–326.

2. Винер, Дж. Концепция полезности в теории ценности и ее критики / Дж. Винер // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса: в 3 т. / Под ред. В. М. Гальперина. – СПб., 2000. – Т.1. – С. 78–116.
3. Bourdieu, P. The Forms of Capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education/ Richardson J. G. – New York, 1984.

САМООРГАНИЗАЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Л. Е. Кульбицкая

Исследование процессов самоорганизации в философской и научной литературе является исходной точкой для возникновения новых образцов в науке. Методологической основой изучения самоорганизующихся систем являются представления о них как о фрагментах единого мирового процесса самодвижения, самоорганизации материи. Большой вклад в формирование данного научного направления внесли: первооснователь общей теории систем, австрийский биолог Карл Людвиг фон Берталанфи, создатель теории неравновесных систем в термодинамике или теории диссипативных структур, бельгийский ученый И. Р. Пригожин, немецкий физик-теоретик, профессор Штутгартского университета Г. Хакен, который ввел понятие «синергетика», исследующее процессы самоорганизации сложных систем. Однако гораздо менее известно, что основы данного направления закладывались такими русскими учеными как Н. Ф. Федоров («Философия общего дела»), Н. В. Тимофеев-Ресовский («Системный подход в экологии», «Эволюционная биология»), А. Богданов («Всеобщая организационная наука или Тектология»).

Для синергетики характерен целостный взгляд на процессы развития материи, ее самоорганизацию. В этом контексте зарождение жизни на Земле и появление человеческого общества являются звеньями одной цепи. Специфическая особенность всех самоорганизующихся процессов заключена в том, что в сложных самоорганизующихся системах происходит когерентное взаимодействие отдельных индивидуальных сил, стремлений, мотивов и целей, в результате которого, практически невозможно предсказать с какой-либо достоверностью варианты изменений. Это вытекает из общего принципа самоорганизации, каким является возникновение бифуркаций или ветвлений, в моменты перехода от старой структуры к новой. В процессе развития таких систем в так называемых точках бифуркаций незаметные случайности могут коренным образом изменить дальнейшую траекторию системы вследствие нелинейного характера возмущающих факторов: небольшое воздействие способно привести к качественному изменению системы, повлиять на характер дальнейшей эволюции системы. Именно случайности способствуют появлению новых структур, форм, вещей и явлений, как в природных, так и в социокультурных системах.

Учсть все случайности и предсказать результат их действия в лучшем

случае можно лишь с той или иной степенью вероятности. Эта неопределенность будущего и есть одна из особенностей самоорганизующихся систем. Эти пороговые или бифуркационные механизмы функционируют не только на уровне неживой природы (турбулентность, броуновское движение) но и проявляются в процессах биологической и социокультурной жизни. Точно также неопределенностью характеризуются все процессы общественной жизни и связана она с неоднородностью реакций индивида на внешние возмущения. Исследуя всеобщность и универсальность организационных законов, А. А. Богданов проводит различие между законами и принципами организации в природе и обществе. В связи с этим он называет стихийную бессознательную упорядоченность – «организованностью», а процессы искусственного упорядочения – «организацией». В общественной жизни (экономической и политической) условия жизни задаются людьми, поэтому на этом уровне важна не только самоорганизация систем, но и их организация. А. А. Богданов разработал понятие организации, но в современной науке используют понятие самоорганизации и науки о ней – синергетики. Данное направление исследует законы и механизмы самоорганизации материальных систем различной степени сложности. В данном контексте самоорганизующиеся системы – это системы реального мира на всех уровнях и ступенях развития, находящиеся в постоянном становлении. Какое понятие является более широким: самоорганизация или организация? Согласно синергетике, изучающей процессы самоорганизации материального мира, шире понятие самоорганизации. Организация или организационная деятельность является свойством общества, так как самоорганизация в нем связана с волей людей. Люди не только способны организовать свою собственную жизнь, но и активно влияют своей организационной деятельностью на природные процессы. Из данного соотношения следует, что для организационной деятельности очень важно учитывать естественные процессы самоорганизации и, конечно, та система, созданная человеком, будет эффективнее долговечнее и прочнее, которая в процессе становления будет учитывать естественную возможность сочетания элементов, их многоплановость и многофакторность, их сходство и возможности адаптации. Процесс формирования нового глобального мирового порядка предполагает интеграцию двух тенденций: организационную и самоорганизующуюся. Организация и управление процессами организации должны инициировать в них самоорганизацию системного образования.

Синергетический подход, исследующий совместные действия подсистем различного уровня сложности, позволяет в некоторой степени учесть случайность и неопределенность в социальной сфере. В связи с этим происходит глубокая мировоззренческая переориентация науки, что проявляется в учениях о ноосфере, неравновесной термодинамике и синергетике, принципе глобального и универсального эволюционизма, язык которого позволяет дать единообразное описание разнообразных процессов, протекающих в неживой природе, живом веществе и обществе. «Мораль,

нравственность и культура с этой точки зрения рассматриваются как результаты надорганизменной эволюции, как процессы развития сложных систем» [1, с. 53]. При этом процессы производства и воспроизводства общественных систем имеют две тенденции: самоорганизацию и организацию, так как законы развития общества связаны с сознательной деятельностью людей, которая объективируется в результатах материального и духовного труда. Эта система объективированных результатов выводит процесс самоорганизации за пределы природной обусловленности. Механизмы, способствующие обретению человеком общественно приемлемых форм существования, определяющих самоорганизацию общества и общественных связей, являются механизмы культуры. В системе «общество-природа» они выполняют роль механизмов адаптации, эффективность которых в общественных системах на много выше, чем в природных, так как в них самоорганизация дополняется организацией. В контексте, рассматривающем самоорганизацию как всеобщее свойство систем различной степени сложности, организация выступает частным случаем самоорганизации. На основе синергетики систему «общество-природа» можно рассматривать как самоорганизующуюся систему более высокого порядка, в единстве природной направленности процессов и человеческой деятельности.

Глобальные организационные процессы происходят не только в природе, но и в обществе. XX век – грандиозный по своим масштабам век формирования новых государственных объединений. Крупнейшие из этих процессов начали происходить в начале XX века. После Первой мировой войны с карты мира исчезли четыре империи: Российская, Турецкая, Германская, Австро-Венгерская. Появился ряд суверенных государств, стали создаваться новые объединения и союзы государств. Во второй половине XX века в связи с распадом колониальной системы, прекращением существования Югославии, СССР и стран народной демократии на карте мира появляются новые суверенные государства. В мире активно идет процесс формирования нового организационного порядка, сменяющего порядок биполярного мира, который сложился после Второй мировой войны.

Показательным в этом отношении является формирование ряда новых государственных объединений и особенно активно формирующихся – ЕАЭС – Евразийский экономический союз и ЕС – Европейский экономический союз.

На современном этапе развития общества проблемы его организации приобретают новые черты. Глобализирующиеся проблемы жизни людей, требуют соответствующих организационных мер, создания эффективных социальных механизмов адаптивного поведения социума. Глобальные социально-экономические трансформации современного постиндустриального развития требуют новых инструментальных средств.

Для определения прочности связей необходимо обратиться к методам конкретных наук, чтобы установить характерные национально-этнические, экономические, культурные, территориальные, государственно-политические

особенности сближающие государства и народы, установить соотношения между тенденциями в их развитии.

Трансформация социальных процессов в состоянии неустойчивого равновесия предполагает необходимость создания теории социальной самоорганизации. Исследования в этой области представляют возможность определить подходы к формированию в социальной практике таких отношений между субъектами социальной действительности, которые будут соответствовать в наибольшей степени интересам общества.

Литература и источники

1. Моисеев, Н. Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1990. – № 8.

ДУХОВНО-ЦЕННОСТНАЯ СТРАТЕГИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ЖИЗНИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Д. В. Куницкий

Демографический подход к общественному развитию, преодолевая доминирующий экономизм, вытесняет из фокуса теории и практики обезличенное богатство и возвращает туда человека. Однако и здесь не исчезает опасность превращения этого человека лишь в средство и слугу материального богатства, в объект рыночного производства и обращения. В либеральной теории и идеологии демографический рост получает признание только в разрезе увеличения объема трудовых ресурсов и их качества (человеческого капитала), а также рынков сбыта (армии потребителей). При этом, если «рынок» показывает избыток трудовых ресурсов или избыточную конкуренцию со стороны потребителей (например, на продовольствие или ископаемые ресурсы), то либерализм признает необходимость противодействия росту населения. Люди же с невысокой рыночной стоимостью труда («низкопроизводительные») и, тем более, по той или иной причине нетрудоспособные (включая пожилых людей, инвалидов) вообще считаются непроизводительным ресурсом и подлежат всяческому сокращению. Национал-фашистская идеология по содержанию во многом близка либеральной – лишь с той разницей, что демографический рост призван обеспечить политическое и физическое господство данной нации над другими. Однако и социалистическая доктрина недалеко уходит от них: демографическое развитие здесь признается источником социального прогресса, критерием осуществления которого становится способствование или препятствование развитию производительных сил общества.

Для каждой из упомянутых стратегий характерно преобладание количественных значений над качественными. Демографические показатели оцениваются либо как самоценные, либо как вспомогательные для роста капитала. Внутреннее, духовно-личностное состояние и изменения отдельного человека и народа, связанные с демографическим развитием,

отходят на задний план. Для каждой из доктрин приемлемой считается парадигма так называемого «планирования семьи» – использования различных технических и технологических средств такого планирования с игнорированием их духовной сущности и последствий (например, репродуктивных технологий, нетрадиционных типов «семьи»). Более того, логическое развитие этих доктрин ведет к желательности отказа от семьи (прежде всего, традиционной) как особенной общности, которая сопротивляется и препятствует подчинению своей естественной жизни отвлеченно-статистическим планам рынка или властных учреждений. Закономерно, что материалистический подход к демографическому развитию предусматривает и соответствующую методологию (методы и их иерархию) управления демографическим развитием. Помимо упомянутых медицинских и юридических технологий контроля за рождаемостью здесь преобладают экономические механизмы стимуляции и дестимуляции семейного поведения людей, большой упор делается на миграцию, позволяющую привлекать необходимый человеческий ресурс без предварительных многолетних затрат и затрат, связанных с обеспечением гражданских прав.

Духовно-ценностная стратегия демографического развития зиждется на ином, богословско-философском взгляде на народ в качестве предмета и действующего лица демографии – как на неповторимую целостную личность с внутренним духовным строем и высшим историческим призванием, которое для христиан связано, прежде всего, с насаждением, сохранением и утверждением самого этого духовного строя, возвышенных личностных свойств людей, благочестивых устоев и жизненного уклада в целом. Структурно-количественный состав и рост численности данного народа служат не столько материальному процветанию или территориальному заселению (этим народ и отличается от населения), сколько распространению данного духовного строя, а также его внешним выражением.

При этом особое внимание уделяется характеристикам и показателям, не имеющим самостоятельной значимости в материалистической парадигме. Прежде всего, это связано с укреплением семьи и семейственности. Снижение уровня разводов, рожденных вне брака детей, борьба с практикой сожительства, ошибочно называемой «гражданским браком», снижение среднего возраста вступления в брак и рождения первого ребенка, усиление присутствия женщины в семье в качестве хранительницы домашнего очага, также равномерность расселения народа в пределах страны, сохранение деревень и малых городов с соответствующим укладом – все это задачи духовно-ценностной стратегии. Снижение бесплодности здесь требует преодоления ее первопричин – порочного повседневного поведения, незаконной половой жизни, аборт, – и не может быть замещено новейшими терапевтическими и репродуктивными технологиями.

Сообразно пересмотренным в духовно-ценностном свете целям является и методология (набор и иерархия методов) стратегии демографического развития. Превосходство здесь получают духовно-нравственные меры воздействия. Главная причина демографического и, в

целом, социального кризиса усматривается именно в духовном заболевании народа – в ложных жизненных целях, смыслах, ложных источниках поиска счастья, подходах к оценке типовых ситуаций и выбора пути поведения в них. Если в концепции «демографического перехода», активно распространяемой авторитетами материалистической науки, утверждается необратимость и, более того, прогрессивность исчезновения многодетной семьи, а также необходимость искать решение демографических проблем в увеличении продолжительности жизни, ускорении миграции и инвестировании в производительность человеческого капитала, то духовно-ценностная стратегия справедливо надеется возродить идеал многодетной семьи, а также преодолеть ряд иных провалов в отношении рождаемости, смертности и брачности через восстановление в умах и сердцах граждан возвышенных понятий и устоев: целомудрия, верности, ответственности, служения, самоотверженности, жертвенности, самоограничения, терпеливости, неприхотливости, святости материнства, мужественности и женского достоинства и родственных им.

Данная цель недостижима одними грубыми и обособленными шагами, она требует достаточно сложной и тонкой настройки. Последняя предполагает значительный пересмотр общественного уклада как со стороны механизмов его организации (институтов), так и содержания их деятельности. По сути, вся политико-правовая практика государственной власти и гражданского общества должна быть подчинена и способствовать указанным духовно-личностным качествам, которые являются одновременно и принципами духовно-ценностной демографической стратегии. Ее успешное продвижение в жизнь возможно только при согласованном употреблении отрицательных и положительных начал – запретительных установлений и устроительных начинаний. Ярким примером первых призвано стать возрождение особого государственно-общественного органа и системы нравственного цензурирования. В составе вторых чрезвычайное значение имеет просветительская деятельность, которая вновь должна буквально захватить наш народ, особенно его наиболее образованные слои, и стать главным «общим делом», без которых восточнославянский народ никогда не мог вдохновенно взяться за дело. В обоих случаях в центре внимания оказывается именно сфера духовно-словесного воздействия на человека через смысло-символические средства: система образования и воспитания, средства массового распространения информации, сфера искусства и досуга – именно в них сосредоточены наиболее болезнетворные узлы искажения мировосприятия и демографической деградации.

Непосредственным духовно-нравственным начинаниям в духовно-ценностной стратегии демографического развития призвана соответствовать и правовая система. Прежде всего, отношений, возникающих в семейной жизни. Общей установкой здесь должно стать возрождение патриархальности и межпоколенческой солидарности: в данном духе и образе должны настраиваться отношения между мужем и женой, родителями и детьми, старшими и младшими братьями. Наконец, преобразование

предполагает и сама экономическая политика – как непосредственно направленная на демографические процессы, так и имеющая опосредованное воздействие на них. Ее первой отличительной чертой является поддержка семей (молодых, многодетных) и семейного поведения вместо упомянутой ее стимуляции, которая приводит как к многочисленным злоупотреблениям мерами поддержки, так и лишению ее нуждающихся. Вторая, охватывающая экономический уклад народа в целом, сама по себе предполагает тщательный пересмотр в свете личностных качеств, востребованных ею в качестве источников экономического развития.

Духовно-ценностная стратегия демографического развития предполагает выбор таких ее начал, как коллективизм, долгосрочное планирование, трудовая этика, устойчивость занятости, личностный характер трудовых и иных экономических отношений, прочность (негибкость) производственных коллективов, предпочтение общего блага частному, справедливость в распределении и участии, честность и порядочность – предпочтение этих качеств конкуренции, максимизации индивидуальной выгоды, неустойчивости и безличной формальности отношений, рыночной изворотливости и подобным им.

Разработка и претворение в жизнь на данных началах духовно-ценностной стратегии демографического развития представляет собой, таким образом, не обособленное направление деятельности ограниченной группы лиц, но онтологически необходимую идеологическую основу выстраивания целостной жизнедеятельности народа.

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ТЮРКСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КАЗАХСТАНА

Г. К. Курмангалиева, С. Е. Нурмуратов

В настоящее время в казахстанском социуме и социогуманитарном знании активно обсуждаются вопросы духовно-нравственного обновления казахстанского общества в свете задач, определенных основополагающими документами нашего государства – Стратегией «Казахстан – 2050: новый политический курс состоявшегося государства», статьей Н. А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», Планом нации «100 конкретных шагов по реализации 5 институциональных реформ» и др. Они поставили во главу угла интеллектуального поиска казахстанских ученых проблемы идентичности, духовно-культурного кода нации, обновления общественного сознания, что обусловлено потребностью сохранения суверенитета в условиях продолжающейся глобализации и новых геополитических реалий. Этот запрос актуализировал решение не только вопросов социально-экономического, политического, нравственного, но и исторического характера, связанных с исторической памятью, сохранением культурного наследия прошлого и традиций, формирования исторического

сознания, без решения которых понять то, кто мы есть на самом, невозможно.

Вопрос о тюркском источнике духовной жизни казахского народа в целом, казахской философии в частности, имеет принципиальное значение. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в Казахстане интенсивно идет процесс построения новой государственности, артикулированной идеей «Мәңгілік Ел». Как известно, советский период истории Казахстана характеризовался замалчиванием и неразработанностью тюркской тематики в философии, ярким подтверждением чего являлось отсутствие в этот период понятия «тюркская философия» равно как и «казахская философия». Оно имело под собой политическую и идеологическую подоплеку, которая проявила себя в среде профессиональных ученых редукцией духовной жизни тюрков к бытию языка, к устному народному творчеству. Методологический и мировоззренческий урон изучению тюркской философии нанесла также позиция европоцентризма, ее установка на то, что высокие образцы духовной культуры, квинтэссенцией которых является философия, представляют собой результаты творческой деятельности духа, присущего так называемым «цивилизованным» народам.

В советской философии утверждалось, что тюркоязычные народы владели формой духовного производства, которая получила в литературе обобщенное название «общественная мысль» с различной нюансировкой – «общественно-политическая мысль», «общественно-философская мысль» и т. п. Это была такая форма духовно-практического и теоретического освоения действительности, которая еще не стала философией, но подводила к ней, выполняя своеобразную функцию ее преддверия. В ней не был окончательно оформленным и развитым категориальный аппарат, зачастую проблемно-содержательный подход подменялся поверхностно-описательным. В советской философии возникновение феномена философии рассматривалось в качестве продукта оседлого, а не кочевого образа жизни, с которым отождествлялись тюркская культура и ее история. Новейшее же время обнаружило, что философия может быть многоликой и многообразной, исторически разнообразной. Поэтому вопрос о формах развития философского мировосприятия в условиях кочевничества является в настоящее время фокусом историко-философских исследований в Казахстане.

Глобальная стратегия развития Казахстана сделала очевидным тот факт, что без глубокого и всестороннего осмысления роли и значения тюркского источника в мировоззрении и духовной культуре казахского народа изучение мировоззренческой трансформации казахстанского общества в условиях демократизации едва ли будет продуктивным. Традиция, понимаемая как возвращению к своему глубинному истоку, делает тюркский контент фундаментом, на основе которого адекватно раскрываются корни и истоки казахской философии, духовно-интеллектуальной жизни казахского народа [1].

Заново прочитываемое и открываемое тюркское наследие вызывает

дискуссии по многим вопросам не только теоретического, но практического характера, имеющие своей проекцией выход на уровень современной политики, геополитики и геостратегии глобализирующегося мира [2]. Среди них вопросы региональной интеграции, общетюркской идентичности, геостратегической ориентации центрально-азиатских государств в постсоветский период и перспективы их вхождения в мировое сообщество в условиях как одно-, биполярного, так и многополярного мира.

Одним из важных вопросов, подвергающихся анализу, является вопрос о роли философского дискурса тюрков в формировании ценностного мира казахской Степи, духовно-нравственного содержания мировоззрения казахского общества. Новым аккордом в историко-философских исследованиях звучит тезис о том, что вся история тюркских народов огромного евразийского суперконтинента представляет собою метаморфозу тюркской духовности и путь, который прошел тюркский дух в его историческом развитии [3].

Отличительной особенностью исследовательской сферы тюркской духовности и философии в Казахстане стало расширение ее источниковедческой базы. Благодаря Государственной программе «Культурное наследие» был осуществлен поиск новых источников в зарубежных и в сопредельных с Казахстаном странах. В ходе реализации программы были осуществлены переводы ранее неизвестных источников и сделаны новые переводы прежних трудов под углом зрения научной объективности и обновленной мировоззренческой парадигмы. Взгляды выдающихся мыслителей тюркского мира были введены в дискурс казахской философии, в контекст компаративистских исследований. По-новому зазвучали реактуализированные идеи аль-Фараби, Коркыта Ата, Баласагуни, Кашгари и др [4].

Данный пересмотр обострил проблему спецификации тюркской и исламской философий, определения их сущности и отличия друг от друга. Он актуализировал проблему духовно-культурных влияний и взаимодействия, задавшись вопросами: Как изменяется тюркская философия под влиянием ислама и что в ней сохраняется? Можем ли мы говорить о том, что, начиная с периода принятия ислама, тюркская философия сходит с арены истории, и развивается лишь только исламская философия? Где граница, определяющая ту или иную форму философствования, при встрече разных культур?

Решение данных и других вопросов выводит казахстанские историко-философские исследования на новый уровень международного сотрудничества ученых, прежде всего, тюркоязычных государств. Перспективными направлениями исследования тюркской философии в рамках международной кооперации являются поиски адекватных средств, способных осуществить гуманитарный проект «тюркская философия», раскрыть сущность и значение казахской философии как неотъемлемой части тюркской философии в ее сравнительно-сопоставительном анализе с развитием философии в странах Центральной Азии, Турции, Азербайджана.

Международное сотрудничество способствовало бы расширенному и более глубокому исследованию теоретических проблем тюркской философии как целостного мировидения, вопросов ее периодизации, разработки ее философского языка и места в мировой философии.

Литература и источники

1. Габитов, Т. Х. Поиск идентичности и тюркские корни казахской культуры / Т. Х. Габитов // *Духовная жизнь Казахстана: история и современность – казахстанның рухани өмірі: тарих және қазіргі заман. Сборник межд. научн.-теорет. конф. / Под общ. ред. З. К. Шаукеновой.* – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2015. – С. 127–137.
2. Жангожа (Джангужин), Р. Туркестан – Туран: силуэты геостратегии (иллюзия реальности или... реальность иллюзии?) / Р. Жангожа (Джангужин). – Киев: Институт литературы им. Т. Г. Шевченко, 2014.
3. Аюпов, Н. Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение / Н. Г. Аюпов. – Алматы: КазНПУ им. Абая: Издательство «КИЕ», 2012.
4. Қазақ философия сытарихы. – Алматы: ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану Институты, 2014. – Т. 1.

ЭГОЛОГИЯ ВМЕСТО ПСИХОЛОГИИ: КОНТУРЫ НАУКИ БУДУЩЕГО

Л. З. Левит

Постановка проблемы. В системе общенаучной иерархии психология «внизу» граничит с биологией, а «вверху» – с социальными дисциплинами. Главная трудность в теме «био-психо» заключается в пресловутой психофизиологической (в более широком плане – психофизической) проблеме, фиксирующей невозможность гладкого объяснения возникновения сознания из материи. Основное же затруднение на стыке «психо-социо» касается определения меры «индивидуального» и «социального» в человеке, а также противоречий между двумя указанными категориями. Как следствие, ведутся бесконечные и непродуктивные споры о том, «центрированы ли психологические события в организме, окружающей среде, социальной группе или же они вовсе не являются центрированными» [1, с. 25].

В такой ситуации очевидно, что построение единой «оси» для всех трех групп наук («био-психо-социо») сопряжено с непреодолимыми трудностями из-за невозможности найти для них общую платформу. До сих пор не существует общей связующей категории (за исключением предлагаемой нами ниже), которая могла бы явиться базовой и для «био», и для «психо», и для «социо».

Само название психологии связано с древнегреческим мифом о богине Психее – беспрецедентный случай для дисциплины, претендующей на *научный* статус. «Лицом» психологии остается вымышленный персонаж, с помощью потусторонних сил устроивший свою личную и семейную жизнь и

даже обретший бессмертие. Загадочная, бестелесная душа и поныне считается синонимом психики как объекта исследования. Что ж, «как вы судно назовете, так оно и поплывет». Туман в трактовке центрального понятия неизбежно порождает химеры в последующем дискурсе.

Открытость психологии как естественнонаучным («сциентистским»), так и к гуманитарным областям знания ведет к тому, что в ней продолжают плодиться новые и новые псевдонаучные теории. Цветение «тысячи цветов» мнимое, поскольку от поверхностного взгляда скрывается отсутствие «корней», призванных находиться в контакте с глубоко залегающей истиной. Удивительно, что подобное умножение не связанных между собой дискурсов признается некоторыми специалистами естественным и желательным состоянием для гуманитарных дисциплин [2]. С нашей точки зрения, такое положение допустимо лишь в художественной литературе и других видах искусства, но никак не в науке.

Предлагаемое решение. В ряде предыдущих работ ([3; 4] и др.) мы обосновали возможность введения термина «эгоизм» в качестве центрального понятия психологии – вместо «души» или «психики». Подобная операция решает многие застарелые проблемы психологической науки и не создает новые (за исключением некоторых противоречий с моралью, которые могут быть разрешены путем лишения термина «эгоизм» негативной ауры). Приводимые ниже преимущества, равно как и более отдаленные позитивные последствия подобной операции выглядят столь очевидными, что остается недоумевать, как подобные идеи не были высказаны предшественниками.

Так, биологически доказанные корни эгоизма, восходящие к инстинкту самосохранения любой живой особи, с одновременной распространенностью эгоизма на индивидуально-психологическом уровне позволяют перейти к решению психофизиологической проблемы, которое едва ли возможно при традиционном противопоставлении души и тела. Широкая представленность эгоизма на уровне социальных взаимодействий (групповой эгоизм, реципрокный альтруизм и т. д.) позволила бы приступить к созданию общенаучной парадигмы («био-психо-социо»), объединяющей биологию человека с его социальным функционированием. Эгоизм, рассматриваемый в первую очередь как забота человека о собственных интересах [5], сразу же задает направление исследования конкретного индивидуума – в отличие от расплывчатого и статичного понятия «душа».

Приятно думать, что, взяв за основу всего одну категорию, психология окажется даже ближе к построению единой теории, чем естественнонаучные дисциплины, поскольку, например, Нобелевский лауреат С. Вайнберг связывает «окончательную» научную концепцию с *несколькими* простыми законами – наподобие тех, что лежат в основе физики [6]. При этом разнообразие психических феноменов отнюдь не будет редуцировано: глубинный эгоизм у разных индивидов проявляется по-разному и, вероятно, по-разному устроен.

Открытое признание универсального эгоизма несет в себе значительно

больше плюсов, чем минусов – хотя бы потому, что лучше соотносится с научной истиной в ее современном понимании. «Тотальной» представленности эгоизма в глубинах бессознательного как раз и соответствовало бы его «тотальное» декларирование (в качестве повсеместно распространенного явления, а не моральной оценки) с последующей адаптацией данной закономерности к реалиям индивидуальной и социальной жизни. Такая адаптация возможна, поскольку существуют качественно различные формы эгоизма, описываемые разными уровнями нашей теоретической модели [7].

Мы не обнаружили другого глобального понятия, которое, подобно эгоизму, могло бы стать системообразующим фактором в современной научной иерархии – от биологии и генетики [8; 9] до социологии экономики и права [10]. Соответственно, преемницу психологии, изучающую внутренний мир и поведение индивида, правильнее всего назвать *эгологией* – в первую очередь, наукой о потребностях, интересах, желаниях человека и их реализации.

Заключение. Психология в ее нынешнем виде является нежизнеспособной, околонучной (хотя и весьма привлекательной для поверхностного ума) дисциплиной. Введение термина «эгоизм» в качестве центрального понятия в большей степени соответствует истине в ее современном научном понимании и позволяет приступить к разрешению многих существующих проблем.

Литература и источники

1. Смит, Н. Современные системы психологии / Н. Смит. – М.: Прайм-Еврознак, 2003.
2. Эпштейн, М. Н. Философия возможного / М. Н. Эпштейн. – СПб.: Алетей, 2001.
3. Левит, Л. З. Психология развития и реализации жизненного потенциала субъекта. Дисс... доктора психол. наук / Л. З. Левит. – Киев, 2016.
4. Левит, Л. З. Универсальный эгоизм / Л. З. Левит. – Минск: З. Колас, 2017.
5. Рэнд, А. Добродетель эгоизма / А. Рэнд. – М.: Альпина, 2011.
6. Вайнберг, С. Мечты об окончательной теории. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. Левит, Л. З. Личностно-ориентированная концепция счастья как «окончательная» психологическая теория: десять главных причин / Л. З. Левит // Социальный психолог. – 2016. – № 2 (32). – С. 18–23.
8. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: АСТ, 2013.
9. Триверс, Р. Обмани себя / Р. Триверс. – СПб.: Питер, 2012.
10. Holmes, S. The Secret History of Self-Interest / S. Holmes // Beyond Self-Interest / Ed by J. J. Mansbridge. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – P. 267–286.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

А. И. Левко

Любая культура уже по своей природе как форма возделывания, созидания, культивирования, выращивания тех или иных форм социального взаимодействия, так или иначе, связана с общественным развитием. Иное дело, что формы социального взаимодействия, с помощью которых происходит выращивание и культивирование новых форм взаимодействия человека с природой и окружающей социальной средой, могут быть с самым различным соотношением духовных, идеальных, эмоционально-образных и материальных, сознательных и бессознательных, рациональных и иррациональных образований. В этом плане духовно-нравственная культура отличается от интеллектуальной, интеллектуальная от эстетической, эстетическая от научно-технической, и т. д. культур. То же самое можно сказать и о культурах различных народов и цивилизаций. Например, эстетическая культура включает в себя как идеальное рациональное, так эмоционально-образное и духовно-нравственное содержание, придающие ей процессуальный, созидательный характер, выражаемый в искусстве, в то время как интеллектуальная культура фокусирует эти компоненты в ракурсе познания, проявляемого главным образом в философии и науке. При этом духовные и культурные начала рассматриваются как внутренние и внешние источники активности человека, в одном случае существующие в неразрывной взаимосвязи и взаимообусловленности друг с другом, в другом как бы параллельно существующие и независимые по отношению друг к другу.

Гегель духовное и общественное развитие рассматривал как развитие абсолютной идеи через процедуру ее исторического опредмечивания, и распредмечивания. Под абсолютной идеей он понимал духовную культуру всего человечества в виде библиотек, музеев, материально-технических и других исторических достижений определенных эпох. Это позволило, впоследствии, представить их как проявление цивилизационного развития. Цивилизация с этого времени начала рассматриваться как объективированный дух, в отличие от культуры, имеющей исключительно процессуальный характер, проявляемый в творчестве отдельных индивидов.

Однако такое разделение цивилизации и культуры, по мнению Н. Я. Данилевского и ряда других исследователей неприемлемо. Цивилизацию по их мнению следует рассматривать как социально-культурный тип или культуру, воплощенную в социуме как социально-культурной реальности, характеризующей жизнедеятельность целого ряда родственных в культурном отношении народов (англо-саксонских, германороманских, славянских и т. д.), обладающих схожим языком, образом мышления и поведения и имеющих общие перспективы общественного развития. Социальное взаимодействие в соответствии с таким пониманием

соотношения культуры и цивилизации стало рассматриваться как важнейшая характеристика самой культуры. Это позволило, например, различать интеллект или познавательные способности отдельных социальных сообществ и знания как проявление общечеловеческих ценностей или цивилизационных достижений отдельных народов.

Интеллект чаще всего идентифицируется с разумом, а разум с рефлексивностью и рациональностью мышления человека, его умением преобразовывать действительность в соответствии с идеальными проектами или культурными ценностями и нормами. И поскольку ценности и нормы, как и совершаемая в соответствии с ними деятельность, существуют только в обществе, то интеллектуальные способности человека рассматриваются с одной стороны как родовое свойство человека, а с другой как видовые национальные особенности отдельных народов.

Ф. Ницше, в свое время был убежден, что рациональность является видовым социальным свойством немцев и каждый немец, в отличие от других народов, по праву может считать себя гегелианцем. Такого же мнения придерживался и Н. Я. Данилевский, связывавший научные достижения отдельных народов с особенностями их национального менталитета, Г. Гачев, рассматривающий национальный менталитет как своеобразный психо-космо-логос, направляющий и определяющий интеллектуальное развитие различных народов даже одного социального-культурного типа, например, англосаксов европейского и американского континентов. Этот психо-космо-логос, по его мнению, характеризует не только национальные образы мира различных народов, но и интеллектуальную культуру отдельных цивилизаций.

Западноевропейская цивилизация отличается от восточноевропейской, и азиатской цивилизаций рационализмом и прагматизмом мышления, снижением роли духовно-нравственного и эмоционально-чувственного содержания жизнедеятельности, входящих в нее народов. Это, в свою очередь, находит свое отражение в формах внутригосударственного регулирования и межгосударственного взаимодействия.

Особенности западноевропейской культуры были достаточно подробно раскрыты Максом Вебером. Интеллектуальная культура, по его мнению, выступает здесь как важнейший фактор интеграции и цивилизационного развития общества на основе социальной адаптации к природной и социальной среде. Адаптация к изменяющейся социальной среде и ее преобразование в соответствии с потребностями и интересами социального сообщества становится основой западноевропейской познавательной культуры и существующих образовательных программ. Другое дело, что данный тип культуры и цивилизационного развития чаще всего представляется как общецивилизационный, то есть имеющий глобальный характер.

Естественнонаучным обоснованием такого понимания цивилизации являются достижения современной кибернетики. В соответствии с ними познавательная культура и существующие образовательные программы

имеют исключительно информационный характер и разрабатываются в соответствии с законами кибернетики. И поскольку интеллектуальная культура западноевропейских сообществ в силу их научно-технических достижений по существу является информационной культурой и в связи с этим носит универсальный международный характер, она представляется как проявление глобализации общественного развития и законов техногенной цивилизации. В силу этого так понимаемые культура и цивилизация уже сами по себе служат основой международной интеграции.

Образовательные программы, по мнению, например, М. И. Демчука, фактически содержатся в основных требованиях международных стандартов. Их главная цель заключается в распространении принципиально новой познавательной культуры, основанной на повсеместном использовании процессного подхода, а также системных методов при решении задач во всех без исключения сферах созидательной деятельности.

Однако ориентация лишь на логику адаптивного поведения, как правило, ведет к абсолютизации рационально-нормативного поведения и связанных с ним, индивидуализации общественной жизни и государственного управления. Понятие научной истины в данном типе интеллектуальной культуры является центральным в логическом обосновании знания, его объективности и достоверности. Истина в данном случае не отражает реальность, а имитирует ее в вербальном представлении индивида. Она как бы выносится за рамки социального взаимодействия и рассматривается в отрыве от самого процесса консолидации и развития общества как выражение его интеллектуальной деятельности, основанной на полученном когда-то знании. Само же знание при этом предстает как выражение интеллектуальных способностей отдельного индивида, его врожденных и других способностей, обретающих абсолютный человекомерный характер благодаря декларации его как должного и необходимого поведения в данных условиях и достоверной во всех случаях информации.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

Л. В. Левшун

Сегодня мы не устаем сетовать на то, что молодежь мало читает. Вместе с тем мало кто осознает тот факт, что в предыдущую, «читающую», эпоху чтение и книга были возведены в ранг культурного фетиша и безоговорочно признаны панацеей от всех духовных катастроф, и что именно в ту «читающую» эпоху вызрела и разразилась культурная катастрофа, которую мы ныне переживаем. В современной социально-гуманитарной сфере продолжает существовать как самоочевидное убеждение, что художественная литература помогает читателю познавать мир и человека в

нем.

Однако, во-первых, может ли вообще симулякр, каковым является по своей природе литературное произведение – способствовать познанию реальности?

Во-вторых, очевидно, что литературное произведение, если и способствует некоему познанию, то вовсе не мироздания как такового, а субъективного образа мироздания в сознании автора.

В-третьих, условия даже и для такого познания (то есть познания внутреннего мира писателя) далеко не всегда благоприятны, ибо авторы далеко не всегда прилагают усилия для того, чтобы быть понятыми; скорее наоборот – часто они стремятся искусственно усложнить свой образный язык, ошибочно отождествляя усложненность образности с художественностью.

Столь же распространено и убеждение, что художественная литература воспитывает юношество, учит его «разумному, доброму, вечному». Но так ли это?

Цель воспитания – научить человека различать истину и ложь и следовать истине. Но может ли научить этому литературное произведение, которое само по себе не является ни истиной, ни ложью?

Более того, этот словесный симулякр, создающий героев и антигероев с помощью таких приемов, как типизация, обобщение, идеализация и описывающий их взаимоотношения с помощью различных топов, не столько научает строить человеческие отношения по принципу «слышу, вижу, отвечаю» (что предполагается в процессе воспитания), сколько *программирует в читателе или просто вводит в моду определенные стереотипы поведения*, которые в силу своей искусственной природы не способствуют формированию гармоничной, социально адекватной, духовно зрелой личности, но, наоборот, мешают ее самораскрытию, ограничивают ее свободу.

Кроме того, процесс воспитания требует, чтобы воспитатель сам придерживался тех принципов, которым учит. Но известно, что многие из великих писателей, как и из великих литературоведов, отличались скверным характером, а их поступки далеко не всегда походили на подвиги героев или, по крайней мере, на поведение достойных людей, которых они столь реалистично описывали или столь глубоко анализировали. Так что к ним приложимы евангельские слова: «Врач! исцели самого себя» (Лк. 4:23).

И, наконец, следует учитывать известное с глубокой древности и хорошо выраженное Платоном в его «Государстве» мнение: «и поэты, и те, кто пишет в прозе, большей частью превратно судят о людях; они считают, будто несправедливые люди чаще всего бывают счастливы, а справедливые несчастны; будто поступать несправедливо – целесообразно, лишь бы это оставалось в тайне, и что справедливость – это благо для другого человека, а для ее носителя она – наказание».

Последствия таких воспитательных установок очевидны и заставляют усомниться в педагогической пригодности многих литературных

произведений.

Следующий устойчивый стереотип современного культурного сознания – представление о том, что литература учит читателя воспринимать действительность по законам красоты. Но может ли симулякр, сколь угодно талантливый, учить восприятию действительности? Это – первое.

Второе: красота как собственно эстетическая категория весьма неопределенна и неопределима в эмпирии: эстетический идеал меняется от эпохи к эпохе, он изменчив, как мода (представляющая «нижний уровень» эстетики). Нужно учитывать и следующее: писатель способен отражать в своем произведении лишь *собственное представление о красоте* и, следовательно, воспитывать в читателе лишь подобное.

И значит, по большому счету, литература *не столько развивает вкус и чувство красоты, сколько* авторитетом маститых литераторов («классиков») и литературоведов *формирует и поддерживает* (а подчас – навязывает) эстетические стереотипы. И среди них, кстати, тот, что чтение художественной литературы формирует вкус читающего.

Тем большие сомнения вызывает представление о том, что литература (как, впрочем, и произведения любых видов искусств) может *формировать* систему ценностей. Это – явный логический перевертыш. Все прямо наоборот – сами произведения искусства являются плодом, выражением той системы ценностей, которая *уже существует* в сознании их создателя. Причем система эта никогда не абсолютна. Думается, и в этом случае мы имеем дело, скорее, с формированием своего рода моды на ту или иную систему ценностей – мода на «байронизм», мода на сентиментальность, мода на нигилизм и т. д.

Таким образом, приходится признать, что в ключевых функциях – то есть в тех, которые востребуются в структуре современных гуманитарных знаний педагогикой –художественная литература оказывается несостоятельной, поскольку литературное произведение есть *образ образа бытия в сознании писателя* – «тень тени тени истины».

Но есть функции, которые художественная литература несомненно и успешно выполняет. Например, *самовыражение и самоутверждение*, связанное с психологической сублимацией – переключением неконтролируемых эмоций в сознательное литературное творчество. Моделирование реальности позволяет ослабить напряжение между желаемым и действительным, подменяя невозможные действия и события их симулякрами. Эти симулякры возбуждают эмоции и чувства, тождественные тем, которые вызываются собственно действительностью – «над вымыслом слезами обольюсь» (А. С. Пушкин, Элегия). Отсюда – возможность катарсиса. Однако такой катарсис не только бесплоден, ибо не ведет к духовному преображению, но и вреден, ибо отвлекает человека от выстраивания реальных отношений с окружающей его действительностью. Кроме того, действительность никогда не совпадет с художественным симулякром, и перед ее суровым лицом «благородный читатель» остается по-прежнему беспомощен и беззащитен.

Нельзя не упомянуть о *гедонистической* функции. Уже к концу XVIII века идея прекрасного в художественной литературе породила мысль о самодостаточности литературного произведения. Однако то, что одному доставляет удовольствие, у другого может вызвать отвращение, даже среди профессиональных литераторов и литературоведов. Поэтому, если писатель ставит перед собой цель доставить удовольствие читателю, то тем самым жестко ограничивает либо свою творческую свободу, либо круг своих читателей. А если он такой цели не ставит, то как можно говорить о гедонистической *функции* его произведения?

При каких же условиях произведение художественной литературы, по определению являющееся симулякром, может органически входить в структуру гуманитарных знаний? Думается, в том случае, когда в мертвую ткань симулякра «вживлен» образ Первообраза, так что литературное произведение, по выражению преп. Иоанна Дамаскина, способно «путеводительствовать к Истине». Но для этого необходимо серьезно скорректировать представление о творчестве в современной гуманитарной культуре, обратившись к опыту христианской педагогики, иконологии и теории образотворчества.

К ВОПРОСУ О ПЕНИИ КАК О ПОТЕНЦИАЛЕ ИНТОНИРОВАНИЯ

Л. Е. Лёзина

Интонирование как способность владения своим голосом в наше время, как правило, считается прерогативой профессионалов. Однако оценка его роли в этом случае занижается. Достаточно привести пример отсутствия интонирования у людей с определенными видами заболеваний, и мы поймем, насколько эта часть речевой деятельности важна (автору доводилось заниматься вокалом в молодежном клубе «Сандугач» с детьми и молодежью, имеющими диагнозы, сопряженные с неразвитым речевым интонированием. Во всех случаях наблюдался различной степени прогресс).

Музыкальная, вокализируемая речь является крайней степенью интонирования, она – результат и способ развития интонированной речи. Среди множества значений и определений, ключевыми для нас будут понимание интонации как «манеры ("строй", "склад", "тонус") музыкального высказывания» [1] и определение Бориса Владимировича Асафьева интонации и интонирования – как «качество осмысленного произношения» [2, с. 43].

В данной статье мы развиваем идеи Фердинанда де Соссюра, исследовавшего соотношение речи и языка, и экстраполируем их взаимозависимость в музыкальную сферу (В данном случае фактом появления музыкального языка полагаем систему нотной записи Гвидо д'Ареццо, изобретенную им в XI веке). Если, по утверждению Соссюра «Язык существует в коллективе как совокупность впечатков, имеющих у

каждого в голове, наподобие словаря, экземпляры которого, вполне тождественные, находились бы в пользовании многих лиц» [3, с. 27], то нотная запись, наряду со средствами музыкальной выразительности, вполне претендует на статус музыкального языка, сообразуясь с тезисом «Язык одновременно и орудие, и продукт речи» [3, с. 27], только в музыкальной сфере. Подтверждение этому находим и в формуле языка « $1+1+1+1...=1$ (коллективный образец)» [3, с. 27]. Но музыкальная речь выходит за рамки закономерности, обозначенной Соссюром. Утверждение «речь – сумма всего, что говорят люди» [3, с. 27] адекватно разворачивается в музыкальной сфере: «музыкальная речь есть сумма всего, что поют люди», но формула речи « $1+1+1+1+...$ » [3, с. 27] не работает в музыкальной сфере. Соссюр понимает речь (для точности использования понятия «речь», далее будем применять словосочетание «стандартная речь», отличая ее от «музыкальной речи») как «сумму частных случаев» [3, с. 27], в которой «нет ничего коллективного, проявления ее индивидуальны и мгновенны» [3, с. 27]. Как нам видится, музыкальная речь в ансамбле, пение в коллективе, подразумевают согласованность в исполнении. Индивидуальные тембры голосов сохраняются, но интонации – акценты, формирующие семантику исполняемого материала – унифицируются для всех участников коллектива в каждом произведении. В этом случае согласованность достигается за счет повторения материала в репетиционном процессе, следовательно, ни какой о мгновенности здесь мы говорить не можем. При этом показателем мастерства считается умение создать эффект спонтанности, мгновенности, «живого» исполнения. Можем ли мы, в совокупности этих факторов атрибутировать музыкальную речь как «речь»? Видимо, да, учитывая, что только музыкальная речь, музыкальное исполнение могло породить музыкальную запись как язык, и музыкальная запись продолжает служить орудием музыкальной речи, фиксируя ее формы и факты существования. Соссюр определяет язык как внешний по отношению к индивиду: «разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем... социальное от индивидуального» [3, с. 21]. Но в музыкальном исполнительстве и музыкальный язык и музыкальная речь являются внешними по отношению к индивиду. Рассмотренные положения дают основание для критического пересмотра некоторых положений концепции Соссюра в отношении языка и речи в широком, предельном смысле.

В фольклорной культуре практиковалось неиндивидуализированное ансамблевое / хоровое исполнение, сохраняющее местные исполнительские традиции. В наше время совместное пение сохраняется в хоровых коллективах, профессиональных и любительских. Музыкальная речь в них подчинена воле руководителя коллектива, субъект исполнения расщепляется на создающего трактовку руководителя и на коллектив, интонирующий музыкальную речь произведения. В вокальном / хоровом музицировании, в терминологии Соссюра, имитируется эволюция системы: «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию» [3, с. 21]. Примечательно, что о «двухголосной речи» в работе

«Проблемы поэтики Достоевского» говорил Михаил Михайлович Бахтин еще в 1963 году. Диалог же дает возможность как раскрыться самому, так и открыть для себя другие точки зрения. В случае музыкальной речи в ансамблевом / хоровом исполнении необходимо говорить о полилоге. Навык осознанного исполнения – слушания других исполнителей и другие партии как ансамблирующие совокупности – потенциально развивает социальные навыки внимания к другому (другим), взаимодействия с другим (другими) адекватного нахождения себя в социальном окружении. «Полифоническое мышление» [4, с. 5] с одной стороны выражает факт фрагментации реальности на множество Я-реальностей. С другой – выражает способность сведения всех схватываемых Я-реальностей в некое единство, целое, как онтологическое, так и ситуационное.

Мы полагаем, что новая практика совместного пения позволяет работать над индивидуальным вокалом и музыкальным интонированием, развивая речевое интонирование как личный ресурс каждого исполнителя в составе группы, согласно Соссюру, «у речевой деятельности (langage) есть две стороны: индивидуальная и социальная, причем одну нельзя понять без другой» [3, с. 17]. Мы полагаем, что пение выступает и как индивидуальный, и как социальный потенциал, способствуя выработыванию качественного использования интонации не только в музыкальной речи, но и в стандартной речи в обыденной жизни.

Литература и источники

1. Интонация. Музыкальная энциклопедия в шести томах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.musenc.ru/html/i/intonaci8.html>. – Дата доступа: 09.10.2018.
2. Асафьев, Б. В. Речевая интонация / Б. В. Асафьев. – М.–Л.: Музыка, 1965.
3. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1999.
4. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КАК МЕДИАТОР В ДИАЛОГЕ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. И. Лойко

Трансдисциплинарная методология, разработанная в философии, созвучна методологии НИОКР, включающей научно-исследовательскую, опытно-конструкторскую, инновационную деятельность. В этой системотехнической деятельности важную роль играет конвергенция научной, инженерной, организационно-управленческой компонент социальной практики [1]. Следует отметить, что после распада СССР НИОКР переместилась преимущественно в пространство деятельности промышленных предприятий, развивающихся в условиях конкурентной

среды.

Научные исследования сопутствуют деятельности конструкторских бюро. Это выражается во включении в инженерные решения новейших результатов в области материаловедения, трибофатики, нанотехнологий, кибернетики. Разработки адаптируются к технологическим процессам предприятий, человеческому капиталу, функционирующей системе маркетинга и логистики. Важную роль играет обратная связь с заказчиком, формирующим требования к изделиям по критериям стоимости, дизайна, безопасности, устойчивости к климатическим и эксплуатационным нагрузкам. В связи с этим в деятельности конструкторских бюро отечественных предприятий важную роль играют задачи модернизация выпускаемой продукции, в том числе с учетом особенностей конкретных рынков, ментальности потребителей.

Умение работать в парадигме обратной связи актуализировало значимость когнитивистики [2]. Суть рефлексии в режиме обратной связи заключена в использовании герменевтической методологии, которая предполагает умение слушать и слышать потенциального потребителя с учетом предъявляемых им пожеланий к продукту. Адаптация к особенностям внутреннего рынка стала трендом в условиях растущих угроз торговых войн, протекционизма, создавших высокие риски в пространстве глобальной экономики.

Национальные рынки ищут баланс между производством и потреблением. Емкость внутреннего рынка Беларуси недостаточно высока для отечественных производителей, поэтому экспортная деятельность играет важную роль в их хозяйственных показателях. В такой ситуации производителям необходимы более широкие возможности в рамках трансдисциплинарной методологии. Эти возможности предоставляет методология технологических платформ [3].

Термин «технологические платформы» впервые был использован Европейской комиссией в 2004 году в докладе «Технологические платформы: от определения к общей программе исследований». Создавалась широкая платформа диалога государственных, предпринимательских, научно-исследовательских структур. Реализация методологии технологических платформ началась в Российской Федерации. Это связано, в частности, с деятельностью инновационных центров кластерного типа [4]. Российская Федерация заявила о целой программе создания таких центров. Одним из первых стал инновационный кластер «Сколково». Практика создания кластеров была дополнена формированием крупных бизнес-площадок в Санкт-Петербурге, Владивостоке, Сочи.

Республика Беларусь сегодня также делает акцент на международные технологические платформы. Благодаря ресурсу дружеских отношений руководителей государств созданы предпосылки для реализации таких уникальных инновационных проектов, как индустриальный парк «Великий Камень». Корпоративный подход позволил Беларуси получить доступ к новейшим технологиям и реализовать с участием КНР программу

модернизации различных отраслей экономики. Такая же платформа создана с Российской Федерацией. Она реализуется в проектах строительства Белорусской АЭС, калийных рудников, модернизации нефтехимического комплекса.

Формируется новая модификация промышленного комплекса, в которую интегрированы ресурсы человеческого капитала. В данном вопросе важна кооперация медийных и научных структур. Она фокусируется на активизации изобретательства и опытно-конструкторских разработок. Этот сегмент инновационной экономики обозначается как стартап-движение. Инновационные стартапы создали механизм конвергенции корпоративных интересов разработчиков, инвесторов, государственных структур.

Ресурсы для рекламы инновационной деятельности представляет конвергенция телекоммуникационных систем, включая медиасферу [2]. Эффективность этого механизма видна по биографии «Google», «Facebook», «Twitter». Компании начинались со стартапов. В настоящее время их технологии определяют нормы общения и повседневные привычки миллиардов людей.

Одним из основных способов продвижения стартапов является маркетинг социальных медиа. Краудфандинг реализует информационное обеспечение стартапов с помощью специализированных сайтов-площадок в сети Интернет. Примерами таких площадок являются «Kickstarter», «Indiegogo», «Planeta», «Boomstarter». Перспективной моделью краудфандинга является социально значимая интернет-благотворительность в рамках социальных проектов – помощь пожилым людям, организация субботников, привлечение средств сочувствующих людей.

У краудфандинговых площадок большая посещаемость. Компании привлекают внимание популярных СМИ, которые распространяют информацию о продукте стартапа и его инновационной деятельности. Формируется пространство осведомленности о существовании стартапа, его продуктах. На площадках представлен широкий список категорий проектов: от анимации, до науки и технологий. Даритель, участвуя в краудфандинговой кампании, определяет цену, которую он готов заплатить, а также формирует платежеспособный спрос на инновационный продукт. Краудфандинговые компании являются тестовыми площадками для отработки продуктовых идей. Участники команды стартапа выступают на радио, телевидении, на конференциях с целью создания постоянного информационного фона вокруг своего продукта и повышения результативности проекта.

Таким образом, технологические площадки осуществляют значимую социально-коммуникативную миссию в системе инновационной деятельности.

Литература и источники

1. Лойко, А. И. Философия и методология конвергенции исследовательской и конструкторской деятельности / А. И. Лойко // Збірник статей та тез доповідей за матеріалами V Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною

участю «Розвиток основних напрямів соціогуманітарних наук: проблеми та перспективи» (м. Кам, янське, 18–19 квітня 2018 року). – Кам, янське: ДДТУ, 2018 – С. 162–164.

2. Лойко, А. И. Язык, культура, когнитивистика, конвергенция и методология социального действия / А. И. Лойко // Язык, религия, социум: актуальные вопросы: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 22–23 мая 2018 г.) / под ред. И. А. Юрасова, О. А. Павловой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. – С. 274–277.

3. Лойко, А. И. Технологические платформы в системе корпоративных связей / А. И. Лойко // Корпоративные стратегические коммуникации: новые тренды в профессиональной деятельности: материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 февр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол: И. В. Сидорская (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – С. 203–206.

4. Лойко, А. И. Социальная динамика партикулярных структур и методология кластерного подхода / А. И. Лойко // Вестник Пермского университета. Серия. Философия. Психология. Социология. – 2012. – Выпуск 2 (10). – С. 151–158.

ФИЛОСОФИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕХНОЛОГИИ ТЬЮТОРСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Т. А. Лопатук

Подготовка специалистов в системе образования Республики Беларусь предъявляет серьезные требования к достижению новых результатов, которые могут быть получены только в ходе существенной модернизации образовательного процесса, предполагающей направленность на формирование личности, способной проектировать и реализовывать собственную образовательную стратегию в течение всей жизни.

Внимание к индивидууму, личности, персоне вызвано в том числе и новой социокультурной ситуацией, в которой произошла смена образовательных парадигм. Предшествующая парадигма в качестве цели образования рассматривала энциклопедичность знаний обучаемых, позволяющую достичь высоких результатов. Основным же требованием компетентностной парадигмы образования является переход от научения к самообучению, приоритет самостоятельной активности личности обучающегося в процессе решения различных проблем: познавательных, нравственных, мировоззренческих и др.

Философы различным образом определяли сущность понятия «личность». Фома Аквинский считал «существенным для личности быть господином своих действий», «действовать, а не приводиться в действие» [1, с. 400],

М. Мамардашвили писал, что «...человек не создан природой и эволюцией. Человек создается. Непрерывно, снова и снова создается. Создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий. То есть человек есть существо, возникновение которого непрерывно возобновляется. С каждым индивидуумом и в каждом индивидууме» [2, с. 58].

В представлении В. М. Розина «Личность – это то, что предполагает самосознание, самоопределение, конституирование собственной жизни и Я» [3, с. 15].

«Для современной философии субъект – это прежде всего конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми. Непосредственно внутренне по отношению к индивиду субъект выступает как Я. По отношению к другим людям выступает как "другой". По отношению к физическим вещам и предметам культуры субъект выступает как источник познания и преобразования» [4, с. 660].

Особое значение в современном обществе массового потребления, массового сознания приобретают пути формирования индивида, отличающегося оригинальностью суждений, решений, действий. В качестве одного из инструментов индивидуализации образования выступает организация тьюторского сопровождения обучающихся.

В основе тьюторского сопровождения лежит признание индивидуальности, самобытности, самоценности каждого человека, его развитие не как «коллективного субъекта», но прежде всего как индивида, обладающего неповторимым субъектным опытом. Принцип индивидуализации, являющийся важнейшим принципом технологии тьюторского сопровождения, предполагает учет индивидуальных психологических особенностей и образовательных потребностей обучающихся в условиях расширения образовательного пространства и углубленного учебного содержания.

Тьюторское сопровождение, по мнению Т. В. Громовой, представляет собой педагогическую деятельность по индивидуализации образования, направленную на выявление и развитие образовательных мотивов и интересов обучающихся, поиск образовательных ресурсов для создания индивидуальной образовательной программы, на формирование учебной и образовательной рефлексии обучающихся [5].

Поскольку тьюторство как феномен направлено на увеличение продуктивности образования путем реализации индивидуального подхода к личности обучающегося, в системе образования должны быть созданы условия для предоставления каждому субъекту образовательного процесса возможности выбора индивидуального движения к успеху на основе определения индивидуальной траектории обучения.

Отличительными чертами, характеризующими сущность тьюторского сопровождения, А. А. Теров называет:

- сопровождение формирования и реализации индивидуальной образовательной программы обучающегося;

- создание условий для формирования самостоятельности (умения автономно работать с любой возникающей ситуацией, в том числе и проблемной);

- создание условий для удовлетворения потребности в

самоактуализации, реализации себя через творчество [6, с. 28].

Принципиальным ориентиром в тьюторской деятельности, считает Т. М. Ковалева, служит ресурсная модель тьюторского сопровождения, включающая три основных вектора тьюторского действия: социальный вектор, предполагающий работу со множеством образовательных предложений; предметный вектор, указывающий на приоритетную направленность работы тьютора с предметным содержанием, выбранным тьюторантом; антропологический вектор, предполагающий учет антропологических требований индивидуальной образовательной программы обучающегося [7, с. 56].

Технология тьюторского сопровождения с ее акцентом на развитие и саморазвитие личности обучающегося в соответствии с индивидуальными образовательными приоритетами и возможностями является высоко востребованной в современном образовательном процессе различных категорий обучающихся.

Однако педагоги должны понимать, что важно сформировать индивидуальность личности, но не ее индивидуализм и эгоцентризм. Об этом предупреждал еще М. Хайдеггер в докладе «Время картины мира»: «Человеческий субъективизм достигает в планетарном империализме технически организованного человека своего высшего пика, с которого опускается в плоскость организованного однообразия... Не пресловутая атомная бомба есть как особая машинерия умерщвления, смертоносное. То, что давно уже угрожает смертью человеку и притом смертью его сущности, – это абсолютный характер чистого воления в смысле преднамеренного стремления утвердить себя во всем» [8, с. 143, 148].

Литература и источники

1. Бандуровский, К. В. Личность / К. В. Бандуровский // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 2. – М., 2001.
2. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М., 1990.
3. Розин, В. М. Философия субъективности / В. М. Розин. – М., 2001.
4. Лекторский, В. А. Объект // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 3. – М., 2001.
5. Громова, Т. В. Основы тьюторской деятельности: учебное пособие / Т. В. Громова. – Самара, 2009.
6. Теров, А. А. К вопросу о моделях тьюторского сопровождения в образовательном учреждении / А. А. Теров // Организация тьюторского сопровождения в образовательном учреждении: содержание, нормирование и стандартизация деятельности тьютора. Материалы Всероссийского научно-методического семинара / науч. ред. Т. М. Ковалева. – 2-е изд. – М., 2011.
7. Ковалева, Т. М. Материалы курса «Основы тьюторского сопровождения в общем образовании»: лекции 1–4. – М., 2010.
8. Хесле, В. Философия техники М. Хайдеггера / В. Хесле // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М., 1991.

СТАНОВЛЕНИЕ ГАРМОНИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА КАК ИДЕАЛ ГУМАНИТАРНОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Е. А. Ляшенко

«Промышленный прогресс совсем не параллелен в истории с прогрессом искусства и истинной цивилизации...»

Жозеф Эрнест Ренан

«Прогресс наук и машин – это полезное средство, но единственной целью цивилизации является развитие человека...»

Эннио Флайано

Неумолимое движение времени привносит много прогрессивных перемен в жизнь общества. В научной литературе с давних времен предметом изучения был человек. В «Новой философской энциклопедии» российские философы И. Т. Фролов и В. Г. Борзенков указывают на 4 подхода, в контекст которых можно рассматривать все связанное с человеком [7]. Из этих «подходов» нас интересует четвертый, исходя из классификации вышеназванных авторов, а именно – как индивид, личность. «Человек – это субъект общественно-исторического процесса, развития материальной и духовной культуры на Земле, биосоциальное существо, генетически связанное с другими формами жизни, но выделившееся из них благодаря способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью и сознанием, нравственными качествами» [7].

Человек и идеал прогресса – две стороны, интересующие нас в исследовании. Идеал как «высшую ценность, наилучшее, завершенное состояние того или иного явления, образец личных качеств, способностей...; высшую норму нравственной личности...; высшую степень нравственного представления о благом и должном...; совершенство в отношениях между людьми...; наиболее совершенное устройство общества» продолжают исследовать специалисты разных областей знания на данном историческом этапе развития [2]. Идеал гуманитарного и научно-технического прогресса словно два вектора, направления в изучении. Мы убеждены, что по прошествии десятка и даже более лет, столетий, эта проблема не перестанет волновать умы человечества. Понятие «идеала» некоторым образом соотносится с целью существования человека в мире, его назначением. Э. В. Ильенков, размышляя об «идолах и идеалах» утверждал, что «идеал, то есть представление о высшей цели и назначении человека на земле, невозможно вывести из изучения природы, ее слепых причинно-следственных цепей. Ибо тогда самым правильным было бы просто послушно подчиняться давлению "внешних обстоятельств" и органических потребностей своего тела, вплетенного, как звено, в цепи и сети обстоятельств» [3, с. 71]. Знаменитый «категорический императив» И. Канта

– «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» стал провозвестником идеала кантовской этики, предполагающей «нравственное и интеллектуальное самоусовершенствование каждого отдельного человека, то есть превращение каждого человека в самоотверженного, бескорыстного и доброжелательного сотоварища и сотрудника всех других таких же людей, на которых он смотрит не как на средства своих эгоистических целей, а как на цель своих индивидуальных действий» [3, с. 73–74].

Существует много классификаций, определений идеальной гармоничной личности и в каждой из них содержится комплекс физических, психических, моральных, эстетических, социальных, семейных и пр. качеств. Отметим, что и в настоящее время многие исследователи берут за основу древнегреческую теорию воспитания, созданную на принципах гармонии и всесторонности. Так, 20 позиций, представленных О. И. Мотковым в его работе, в основном позиционируются на древнегреческий идеал [5].

В древнегреческой философии еще одно понятие (входящее в ракурс рассмотрения) было разработано чрезвычайно скрупулезно. Это – гармония как выражение организованности космоса в противоположность хаосу. Эта концепция впервые была подробно исследована и конкретизирована представителями орфико-пифагорейской традиции, учившей о музыкальном строе мира, т. н. гармонии сфер. Как сокровенное тождество противоположностей («тайная гармония лучше явной») понимал гармонию Гераклит [6, с. 192]. Платон придал этому понятию нравственное значение, понимая гармонию как «совокупность достоинств человека-гражданина, проявляющуюся в его физическом облике, поступках, речах и создаваемых им произведениях» [6]. Аристотелем музыкальная гармония была распространена на все области действительности и лады музыки (избранные из комплекса средств музыкальной выразительности) имели различную воспитательную и общественную направленность [1]. Аристотель поднимает проблему «воспитания молодежи», замечая, что там, «где этого нет, сам государственный строй терпит ущерб» [1, с. 628]. По его убеждению, существует четыре основных обучающих предмета: грамматика, гимнастика, музыка, рисование [1, с. 630]. В эстетике Возрождения также был выдвинут идеал всесторонне развитого человека. Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти, Микеланджело Буаноротти и другие великие итальянцы, немец Альбрехт Дюрер и др. представители искусства через творческие проявления раскрывали собственное видение-понимание гармонии, осуществляя попытки научно сформулировать законы гармонии, в основе которой – идеальная пластика человеческого тела, соответствие внешнего и внутреннего, точность пропорций и пр. Примером яркого подтверждения служит трактат Пико делла Мирандолы «О достоинстве человека»: «Я создал тебя существом не небесным, но и не только земным, не смертным, но и не бессмертным, чтобы ты, чуждый стеснений, сам себе сделался творцом и сам выковал окончательно свой образ. Тебе дана возможность пасть до степени животного, но также возможность и подняться до существа богоподобного –

исключительно благодаря твоей внутренней воле» [4, с. 113]. Выдающийся итальянский музыкант, композитор и теоретик музыки XVI столетия Джозеффо Царлино, автор специальных трактатов «Установления гармонии» (1588 г.) и «Доказательство гармонии» (1571 г.) утверждал, что «весь мир наполнен гармонией и что сама душа мира есть гармония», истолковывая идею о единстве микро – и макрокосмоса [8; 9].

Как далеко отошли мы от античного идеала, судя даже по выбору дисциплин, изучаемых на разных ступеньках образования!? Ответственность за направленность образовательного процесса нести не только разработчикам программ, авторам планов, создателям учебно-методических комплексов и иным, но и преподавателям, ежедневно участвующим в этом процессе и способным вносить позитивные перемены в постижение наук, искусств и овладение профессиональным мастерством. И цель преследуется одна – воспитание, формирование, становление гармоничной личности.

Литература и источники

1. Доватур, А. И. «Политика» Аристотеля / А. И. Доватур // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4.
2. Идеал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа: 15.09.2018.
3. Ильенков, Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1968.
4. Мирандола, Пико делла. Речь о достоинстве человека / Пико делла Мирандола // Эстетика Ренессанса. – М., 1981. – Т. 1.
5. Мотков, О. И. Методика «Оценка признаков гармоничной личности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psychology.rsuh.ru/archive/motarticle15.doc>. – Дата доступа: 15.09.2018.
6. Фрагменты ранних греческих философов / Подг. А. В. Лебедев. – М., 1989. – Ч. 1.
7. Фролов, И. Т. Человек / И. Т. Фролов, В. Г. Борзенков / Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1.
8. Царлино, Дж. Установления гармонии / Дж. Царлино; пер. О. П. Римского-Корсакова // Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения / Под ред. В. П. Шестакова. – М., 1966. – С. 423–510.
9. Царлино, Дж. Доказательства гармонии / Дж. Царлино; пер. М. В. Иванова-Борецкого // Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения / Под ред. В. П. Шестакова. – М., 1966. – С. 510–514.

ВОДА: ПЕРВОНАЧАЛО СУЩЕГО И ЛИТЕРАТУРНАЯ УНИВЕРСАЛИЯ (К ПРОБЛЕМЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ)

А. Т. Малиновский

Стихии бытия или первоначала сущего становятся предметом рассмотрения уже в трактатах древнегреческих философов. Одной из таких стихий является вода, которую родоначальник европейской философии Фалес считал основой творения космоса. Его концепция наиболее близка мифу об Океане и «первозданных водах» как вместилище Хаоса, из которого в результате ряда трансформаций создается Космос. Согласно Фалесу, все вышло из воды и в воду возвращается. Формотворческая функция воды и в центре рассуждений Гераклита Эфесского, считавшего, что «души испаряются из влаги», «из воды же душа» [2, с. 158].

Присутствие в тексте водного начала в прямом или опосредованном виде с очевидностью предполагает двуединую связь воды как образа природной стихии и литературной универсалии. Безусловно, «водная» сфера связана с активизацией мифологических структур в художественном мышлении классиков. Миф о воде в самом широком диапазоне истолкований послужил фундаментом для конструирования водного пространства литературы, состоящего из отдельных сфер, локаций, концентрических кругов с относительно четкими и в меру размытыми границами сущего и не-сущего, бытийного и деструктивного, витального и мортального. В интересующем нас аспекте проведения пространственных границ внутри и извне водного мира целесообразно учитывать полиморфическую природу субстанции и, соответственно, ее разные функции и прочтения. Ипостаси водной стихии – океан, море, река – существуют как целостности, немислимые без дальнейшего дробления и дифференциации в квазиобразах. В литературе их дано такое множество, что можно без труда составить атлас водных образов с факультативно примыкающими к ним редукциями жидких субстанций разной консистенции и морфологического состава. Далеко не полный перечень их выглядит так: болото, грязь, мокрый снег, слякоть, мокрота, холод, вонь, мрак. С ними соседствуют и производные атрибутивные свойства: душный, сырой, мутный, холодный, грязный...

Сразу констатируем, что освоение «водной» мифологии в литературе XIX века идет по пути синтаксического развертывания, иначе говоря, перевода на уровень мифологической структуры повествования [3, с. 35]. Присутствуя на поверхности текста, являясь в определенной степени его сигналетикой, образы стихии в то же время прячутся в глубинных слоях и не видимых невооруженным глазом матрицах такого сложного устройства, как авторский Психо-Космо-Логос (термин Г. Гачева), или психофизиология автора (термин В. Топорова). Такая восприимчивость и поистине культурная чувствительность к образам природных стихий говорит о том, что «глубинные мифологические единицы реалистического текста многозначны,

могут входить в огромное число контекстов, сложно перекодироваться, что в принципе обеспечивает им множественность прочтений» [3, с. 36].

Поэтому не удивляет связь воды и суши по принципу смежности, всеобщей мифологической сопричастности миру человека. Между стихиями разной природы устанавливается своеобразный изоморфизм, т. е. взаимопроникновение, слияние, синтез. Точкой отталкивания служат переживаемые человеком психоэмоциональные состояния, его собственная антропная сущность, проявляемая в наиболее кризисные периоды существования. События в жизни человека выходят за пределы обыденности, приоткрывая завесу иномирного, бесконечного, таинственного. Они довольно плотно прикреплены к экзистенциалам человеческого существования, передавая его пороговые, катарсические моменты. В. Н. Топоров пишет: «Этот прорыв сквозь предметное бытие или "бытие-в-мире" ("Weltsein", по Ясперсу) в иной план бытия ("Existenz"), в ноуменальный мир свободной воли, имеет место именно в пограничных ситуациях ("Grenzsituationen"), перед лицом гибели, крушения ("Scheitern"), неудовлетворенности существованием, лишенной очевидных оснований, и море – тот локус, где подобная ситуация возникает особенно естественно и относит человека в одну из двух смежных и имеющих общий исток областей – в царство смерти и царство сновидений» [4, с. 581]. В моменты подобных «прорывов» нами овладевает особое, глубоко и изнутри идущее «океаническое чувство», в какой-то мере соседствующее с порханием «бабочек в животе» и согласующееся с тактовыми *«колыхательно-колебательными»* движениями, фиксируемыми и визуально, и акустически, индуцирующими соответствующий ритм в субъекте восприятия и как бы вызывающими мысли и даже чувство беспредельного, отсылающими к началу, к творению, к переживанию его смысла» [4, с. 580].

Голоса, ритмы и вибрации бытия способствуют формированию особого «степно-морского» комплекса, или пограничной модели бытия, по краям и пределам соприкасающейся со стихиями разной пространственно-временной удаленности и «спецификации». Сродные друг другу море и степь окаймляются практически тождественными, завершающими и придающими им целостный облик, рамками и границами. Их геометрия подобна и описывается в производных от них натурфилософских понятиях – волны, берег, дно, небо. Это пределы и границы стихий, касательные линии моря и степи. Они выступают своеобразными ключами прочтения «"морского" кода "неморского" сообщения» [4, с. 578], не только напрямую связанных с водой, но и глубинно вмонтированных в текст образов и аллюзий, опосредованных ситуаций, поведенческих ролей. Вода в большинстве случаев выступает фоном, акустическим коррелятом и зеркалом происходящего. Это метафора бытия человека, ландшафт его души.

Понятие водных локаций принципиально двухслойно: это и непосредственно связанные с водой образы, и параллельно идущие темы, в которых данная образность сокрыта в трансцендентальных глубинах, архетипических схемах или «трансперсональной доминантности»

(Э. Нейман). В этом втором, более глубинном слое водная топка ситуативна, выступает эмблематическим знаком принципиально неводного, человеческого, экзистенциального. Стихия становится маркером антропоцентризма изображаемого, будучи «знаком иных семантических матриц (сравнение, уподобление, параллелизм, аллегория, эмблема, символ и т. п.) и "заместителем" других образов – человека, в частности самого поэта, нередко помещаемого как в рамку между морем внизу и небом вверху» [4, с. 578].

Водная стихия в литературе выступает мерой человеческого, знаком культурно-исторической эпохи, конструктом авторского мифа и его индивидуальной философии. От античности до нашего времени удельный вес водных образов и мотивов распределялся по-разному, иллюстрируя степень интереса писателей к натурфилософским категориям и построениям.

Литература и источники

1. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М., 1988.
2. Гераклит. Фрагменты / Гераклит. – М., 1910.
3. Минц, З. Г. Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок) / З. Г. Минц, Ю. М. Лотман // Типология литературных взаимодействий: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. – Ученые записки Тартуского ун-та. – Вып. 620. – С. 35–41.
4. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс – Культура, 1995.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО СОБЫТИЯ

А. С. Малмыгин

Одним из наиболее сложных и значимых феноменов социальной реальности является социальное событие макросоциального характера.

Для адекватного определения и системного анализа социальных событий макросоциального характера, в качестве которых, например, выступают распад Советского Союза, Великая Октябрьская социалистическая революция, трансформация и утверждение христианства в качестве мировой религии и др., целесообразным представляется использование теоретико-методологических оснований как непосредственно социологии, так и других гуманитарных наук – иными словами с позиции системного трансдисциплинарного подхода.

В частности, полагаем, что эвристически плодотворным для анализа сложного системного феномена – социального события макросоциального характера является применение трансдисциплинарного подхода: использование методологического потенциала социологии и философии.

В системе трансдисциплинарного подхода в качестве философских

оснований исследования социального события следует выделить диалектическую и синергетическую макрометодологии, а в качестве социологических – системный подход и структурно-функциональный анализ.

Необходимость использования диалектики в исследовании социального события обусловлено, во-первых, тем, что ее законы, категории и принципы отражают наиболее универсальные закономерности генезиса, функционирования и развития любых форм социальной материи.

Основными законами диалектики, которые необходимо учитывать в исследовании социального события как на теоретическом так и на эмпирическом уровне являются: закон единства и борьбы противоположностей согласно которому постоянное существование социальных противоположностей и борьбы между ними является источником развития; закон отрицания отрицания (снятия старого и возникновение нового); закон перехода количественных изменений в качественные изменения (взаимосвязь количественных и качественных изменений социальном в мире; возникновение нового как через эволюционные изменения, так и через скачки, т. е. неизбежность возникновения в обществе качественных – системных и трансформационных преобразований). В качестве основных категорий диалектики, которые представляют эвристическую ценность для исследования социального события выступают: действительность и возможность; старое-новое; скачок; причина-следствие; противоречие и единство; единичное, особенное и общее; количество-качество; взаимосвязь между всеми составляющими социальную реальность компонентами; отрицание; синтез; непрерывность-прерывность; возникновение-исчезновение; переход и др.

Фундаментальными принципами диалектики, которые целесообразно и эвристически плодотворно использовать в процессе социологического исследования социального события являются: принцип единства и всеобщей взаимосвязи мира, принцип постоянного движения, т. е. становления и развития материи, принцип противоречивости мира как ключевого источника движения материи, принцип многоуровневого строения материи (микромир, макромир, мегамир), принцип взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания.

Анализ социального события также целесообразно фундировать на общеметодологических основаниях синергетической макрометодологии. В частности, использование синергетической макрометодологии позволяет дополнить диалектическую макрометодологию.

Наиболее важными категориями синергетической макрометодологии, необходимыми для социологического анализа социального события выступают: открытая динамическая система; порядок и хаос; переход; флуктуация; бифуркация; случайность; нелинейность и многовариантность; неравновесность, неустойчивость и нестабильность; когерентность; сложность; темпоральность; аттрактор; самоорганизация и т. д.

Основными принципами синергетики, которые необходимо учитывать в теоретическом и социологическом анализе социального события являются:

циклическое чередование хаоса и порядка; существенная роль случайностей, флуктуаций и бифуркаций как источников изменений в динамических системах; существование социальных систем в условиях далеких от равновесия и др.

В качестве социологических теоретико-методологических оснований исследования социального события следует использовать системный подход и структурно-функциональный анализ. Использование системного подхода обусловлено тем, что социальное событие является целостным комплексом, состоящим из различных структурных компонентов, которые взаимодействуют друг с другом. С другой стороны, в процессе исследования социального события общество также необходимо рассматривать как сложную динамическую рефлексивную социальную систему, которая состоит из структурно-функциональных компонентов, которые: а) иерархически организованы и различаются в зависимости от функциональной роли и влияния в обществе; б) динамичны и изменчивы, т. е. меняют свое положение в системе в зависимости от различных обстоятельств; в) взаимосвязаны между собой и другими феноменами, возникающими в обществе.

Использование структурно-функционального анализа обусловлено тем, что его применение позволяет выявить свойства и характеристики, определяющие сущность социального события, структурную архитектуру и социальные функции социального события.

Таким образом, резюмируя, можно сделать вывод, что одновременное использование трансдисциплинарного подхода открывает широкие эвристические возможности исследования социального события. Именно такое осмысление, основанное на трансдисциплинарных основаниях, является важным условием системного познания социального события сверхсложного феномена общественного бытия.

ФИЛОСОФИЯ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ФОРМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. И. Малыхина, В. И. Миськевич

В историко-культурном наследии Беларуси значительное место принадлежит творчеству интеллектуальной элиты, в том числе философам. Труды мыслителей XVI–XIX вв. по социально-нравственным и политико-правовым вопросам и заложили, собственно, основы отечественной интеллектуальной традиции. Одновременно шел процесс становления и развития и других форм «высокой» культуры – искусства, теологии и науки. Однако, в силу известных причин, развертываясь он в параллельном этнокультурном пространстве, мало затрагивая мир повседневности белорусов и их культурные традиции. Это обстоятельство наложило свой исторический отпечаток и на самосознание, ментальность белорусского

этноса. Становление и эволюция институциональных форм белорусской государственности и культуры в XX–XXI вв. открывает реальную перспективу «встречи» двух потоков национального самосознания – народного менталитета, связанного с традицией, и форм высокой культуры. Результатом должно стать новое качество интеллектуальной культуры народа, его менталитета. Ментальность народа, помимо прочего, – это тот социальный ресурс, социальный капитал, без понимания особенностей которого нельзя эффективно проводить в жизнь реформы. Свой вклад в данный процесс призвана внести и отечественная философия.

Институционализация философии в Беларуси приходится на советский период ее истории. С одной стороны, данный процесс шел в едином русле становления белорусской государственности, формирования национальной элиты, развития национального самосознания и высоких форм культуры. С другой – он протекал в контексте детерминаций укрепляющегося тоталитаризма, в т. ч. тоталитарной идеологии. Она и стала «точкой опоры» и мейнстримом формирования и эволюции белорусской высокой культуры (включая философию) в тех исторических условиях. Сегодня, а *posteriori*, очевидно, что развитие философии в Союзе в купе со всем комплексом социально-гуманитарных наук оказалось в существенной степени деформированным.

Вместе с тем по мере становления и укрепления традиции, системы подготовки кадров, отечественные философы внесли свой вклад в развитие национальной философской культуры, интеллектуальной традиции и национального самосознания. Работая в рамках жестких мировоззренческих ограничений, они смогли получить значимые теоретические результаты в ряде направлений исследовательского поиска (например, разработке проблем диалектики, философских проблем естествознания, методологии науки, философии космизма, философии социального действия, культурологии, логики, национальной интеллектуально-духовной традиции и т.д.).

Современное белорусское философское сообщество в условиях обретения нашей страной суверенитета должно по-новому самоопределиваться, в том числе подвергнуть критической переоценке свой прошлый опыт. Востребованность обществом философии определяется не только фактом ее общекультурного значения, но и реальным вкладом в развитие культуры своего общества, самосознания своего народа. Государственно-политическая независимость Республики Беларусь открывает в этом смысле перед отечественной философией новые перспективы. Их нужно видеть, работать на них. Однако это не просто.

Философия как теоретическая система мировоззренческих знаний принимает самое непосредственное участие в процессах трансформации национального самосознания, формировании новых потребностей молодого поколения. Чтобы ответить на вопрос: какая философия нужна белорусам, для этого нужно вернуться к истокам исторической традиции, прежде всего «эпохам возрождения», «точкам» ее роста, подвергнуть анализу недавнее прошлое, осмыслить динамику новых европейских и постсоветских реалий,

уяснить место и роль суверенной Беларуси в изменяющемся мире. Сравнивая себя с соседями, мы видим, что немецкая, французская или английская философия занимаются в первую очередь собственными проблемами, а не комментированием или приспособлением «чужих» концепций к собственной культурной и философской традиции. В этих философиях выражен, скажем так, «дух» той или иной нации. Стало быть, белорусская философия в определенной степени также должна быть средоточием национального духа и «уметь выразить себя перед миром» (Р. Тагор). Вместе с тем она является активной участницей формирующегося сегодня нового духовного миропорядка на просторах СНГ и современной Европы. Другими словами, национальная философия должна быть и относительно автономной духовной сферой, и в то же время быть связанной с мейнстримом развития мировой философии.

С этой точки зрения важно сохранять и умножать накопленный позитивный опыт. В этом плане считаем архиважной ту работу, которую в свое время проделали В. Н. Конон, Э. К. Дорошевич, А. С. Майхрович, С. А. Подокшин и др., и которую сегодня продолжают сотрудники Института философии НАН Беларуси, готовя к изданию антологию белорусской философской мысли. Акцент на корнях национальной истории и культуры, критический анализ (а не идеологическая апологетика) современной белорусской социокультурной синергии, разработка и обоснование способов и сценариев социальных инноваций, форм и методов воспитания «нового белоруса» – это и есть «точки роста», национального самосознания, трансформации ментальности, которая определяет (и будет определять) наше бытие. В него должна научиться вглядываться отечественная философия. Ценности национальной духовной культуры, зафиксированные в белорусской философской традиции, следует рассматривать и как маркеры национальной самоидентификации. Вот почему ее изучение и освоение учащейся молодежью – это один из действенных способов трансформации белорусской ментальности, воспитания гражданского патриотизма.

Нужны коммуникации, общение, неформальные обсуждения, нужна площадка для свободного публичного дискурса. В этой связи вспоминаются времена «философских ассамблей», организованных проф. Ю. А. Хариным. Нужен конструктивный диалог с властью. Способность к последнему в нашей интеллектуальной традиции начисто отсутствует. А вот способность потрафить по принципу «чего изволите» – в крови, в генах. Мало что изменилось в этих отношениях и сегодня. Принципиальное значение имеет и диалог с представителями иных форм культуры, в частности, науки, искусства, религии. В рамках такого рода взаимодействия считаем важной работу кафедры философии БГУИР, на базе которой в течение трех десятилетий проводятся Международные философские чтения «Великие преобразователи естествознания».

Философия является не только хранилищем уникального духовного опыта народа, но и, как отмечалось выше, формой связи с мировой интеллектуальной традицией. Ее освоение помогает субъекту овладеть

системным мышлением, самоопределяться в культуре и истории, критически и креативно мыслить.

На статус отечественной философии, ее место в системе социогуманитарных наук и человекознания нужно смотреть и сквозь призму перспектив социокультурной динамики. Она, как нам представляется, связана с укреплением суверенитета Республики Беларусь и формированием национального самосознания, адекватного новому статусу белорусского государства и белорусской нации, а также интеграцией Беларуси в европейское геополитическое и социокультурное пространство. При этом нужно понимать, что теоретическое осмысление проблем белорусского социума и культуры должно сочетаться с потребностями практики, т. е. потребностями культивирования в национальном менталитете ценностей и установок, адекватных вызовам времени. Естественной, уходящей корнями в глубь столетий формой их (теории и практики) связи является система образования. «Вымывание» же социокультурной составляющей из образовательного процесса чревато сведением последнего к обучению, производству «одномерной» личности. Это недальновидно, поскольку роль и значение воспитания, т. е. акцентированного формирования направленности сознания подрастающего поколения в ситуации нестабильности, перехода от одного типа общества к другому, объективно возрастает.

Наконец, развитие отечественной философии в существенной степени зависит от становления и укрепления в стране основ гражданского общества. Гражданское общество – это система независящих (финансово и организационно) от государства социальных структур и институтов, преследующих (в рамках закона) свои частные цели и интересы. Эти интересы могут также выражаться в теоретической форме. Материальная, организационная и финансовая поддержка общественными фондами независимых социальных исследований, критической рефлексии – важное условие формирования подлинного духовного и идеологического плюрализма, критического мышления.

Общий успех модернизации, построения в нашей стране основ постиндустриального общества неотделим от фундаментальных социальных реформ и изменения общественного сознания. Трансформация последнего связана с превращением аморфных структур белорусского менталитета в самодостаточное национальное самосознание, фундированное ценностями свободы, творчества, гуманизма, патриотизма и национального достоинства.

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В. С. Мартьянов

В долгосрочной исторической перспективе ведущая роль экономических факторов общественного развития может быть исчерпана. Представляется, что дальнейшее развитие позднемодерного общества все

чаще будет определяться усилением внеэкономических факторов, приобретающих все большую автономию. В настоящее время споры ведутся лишь о моделях, способных обосновать больший прирост ВВП, в то время как вопрос о возможности глобальной остановки этого роста, его пределах или исчерпании источников развития практически не обсуждается. Наблюдаются лишь немногие исключения, представленные разными версиями *неомальтузианства*, а также докладами *Римского клуба*, обращающими внимание на негативные последствия актуальных экономических и политических решений для будущих поколений [3].

Возможное исчерпание моделей экстенсивного роста, позволяющих поддерживать государство всеобщего благосостояния, ведет к необходимости пересмотра общей эконоцентричной модели развития человечества. Среди стимулов развития постиндустриальных обществ особое значение приобретают внеэкономические факторы, суммируемые в концепциях социального (человеческого) капитала, основанного на доступных для граждан общественных благах: эффективные институты, качество жизни, доверие, права, свободы и возможности граждан и т. д. [2]. Однако увеличение социального капитала, доверия и совершенствование социального устройства общества все сильнее упираются в прокрустово ложе базовой неолиберальной модели экономического человека как рационального эгоиста.

В данном контексте практически неизбежным представляется реванш коммунитаристских перспектив и внеэкономических резервов повышения коллективной полезности активности граждан в условиях глобальной экономической стагнации. Важные резервы развития связаны с ценностями, ориентированными на эгалитарные принципы справедливости и дистрибуцию общественных ресурсов, прогрессивные шкалы налогов, усиление регулятивной функции государств и ориентацию граждан на постматериальные ценности и добродетели, межличностное и институциональное доверие. Расширение сферы доверия является внеэкономической моральной стратегией *на повышение*, предполагающей наличие социально-политических субъектов, способных преодолевать свои партикулярные интересы в пользу всеобщих, осуществлять публичную рефлексию об условиях своего совместного существования с другими субъектами.

Следует отметить, что важность доверия в социальных взаимодействиях, без которого они были бы весьма затруднены, а общество невозможно (таково состояние *всеобщего недоверия* как *войны всех против всех*), доказывается не только морально-религиозными нарративами. Благо от расширения межличностного и институционального доверия имеет вполне убедительные математические обоснования. В частности, *дилемма узника* и иные коллективные взаимодействия, где двум и более участникам необходимо принимать связанные и влияющие друг на друга решения, свидетельствуют о долгосрочной эффективности для всех участников игры стратегий кооперации, основанных на доверии, нежели эгоистических

индивидуальных стратегий максимизации собственных выгод. Кроме того, недоверие входит в структурные издержки любых социальных взаимодействий, поэтому снижение недоверия, особенно в повторяющихся структурированных взаимодействиях, прямо ведет к уменьшению издержек. В результате участникам не требуется совершать дополнительные действия и нести расходы, направленные на *гарантии* обеспечения планируемых результатов взаимодействия.

Например, в экономике высокое доверие ведет к низким транзакционным издержкам, позволяющим осуществлять более выгодные сделки и обеспечивать устойчивый экономический рост. А в идеальном, утопическом варианте полное доверие людей друг к другу влечет отсутствие транзакционных издержек, которое исключает потребность в сложной институциональной организации общества, необходимой для обеспечения безопасности любых социальных взаимодействий и соглашений между людьми. В подобной перспективе объемы всестороннего государственного регулирования социальной жизни являются материализованным недоверием общества, ведущим к росту издержек социальных взаимодействий и падению рентабельности любых предприятий.

Таким образом, недоверие – это своего рода вечный *естественный налог* на реальное человеческое взаимодействие. И разные общества отличаются лишь величиной этого налога. Социальная ситуация доверия является более сложной и неустойчивой, чем относительно стабильная к внешним и внутренним факторам изменений ситуация недоверия. Несмотря на то, что для повышения общественного благосостояния эффективно взаимное доверие, институциональная ловушка может заключаться в том, что с позиций рационального выбора и повышения своей индивидуальной полезности люди будут массово выбирать недоверие как оптимальную стратегию. Причем на институциональном уровне такое состояние может быть равновесным, а потому трудно изменяемым во времени.

Например, отличный от статистической погрешности экономический рост на душу населения исторически начал фиксироваться только 200 лет назад [5]. Этот рост в значительной степени был связан с расширением свободных рыночных коммуникаций, предполагающих априорное доверие к широкому кругу незнакомцев. В современных обществах факторы снижения доверия коррелируют с ростом общественного неравенства: как экономического, так и в доступе к социально-политическим права и возможностям. Особенно сильно данный эффект проявляется в странах *форсированной* или *догоняющей* модернизации, где достигательная этика индивидуализма не всегда компенсируется механизмами коллективной солидарности в условиях отказа от традиционных принципов обеспечения общественного согласия. Наконец, глобализация порождает проблему выхода доверия за пределы наций-государств и легитимирующего их национализма. При этом низкое доверие образует порочный круг *самоисполняемого пророчества* – не доверяя людям и социальным институтам, граждане начинают считать подобное положение дел в обществе

нормальным, присоединяясь к воображаемому *большинству не доверяющих*, считая себя не способными повлиять на изменение ситуации.

Вместе с тем, на основании межстрановых статистических обобщений можно утверждать о возможности целенаправленной политики расширения сферы доверия в обществе, связанной с укреплением верховенства закона, повышением образовательного уровня населения, сокращением неравенства доходов с активным использованием механизмов перераспределения, стимулированием деятельности гражданских организаций [4]. Предметом глобальной конкуренции все чаще становятся не только товары, технологии или труд, но сама институциональная среда современных обществ, ориентированная на ценность доверия.

Следует учитывать, что укрепление доверия в обществе подразумевает не только веру в ценности открытых институтов, но и высокую оценку практик по реализации данных ценностей, ценность социального экспериментирования как такового. Доверие становится фоновой средой публичного пространства Модерна, в обезличенной форме оно поддерживает существование всех основных социальных институтов. Это доверие к деньгам в экономике, лояльность к юридическим законам и моральным нормам, к экспертизе в науке, солидарность с политическими (общественными) решениями: «Если в обществе существуют и распространены моральные нормы, не допускающие обмана тех, кто доверяет другим, то эти нормы также учитываются людьми при принятии решений и в долгосрочной перспективе могут возобладать исходы, связанные со взаимным доверием» [1, с. 77]. Все большее признание приобретает позиция, согласно которой формирование широких кругов межличностного и институционального доверия в современном обществе обусловлено его постепенным переходом от реализованных материальных ценностей самосохранения и обеспечения безопасности к ценностям и мотивам самореализации, *постматериальным потребностям*, связанным с творчеством, кооперацией, мотивами признания, солидарности, самосовершенствования.

Таким образом, общество будущего – это, прежде всего, общество расширяющегося доверия между людьми, организациями, обществами. Этика доверия укрепляется, прежде всего, в решении проблем, являющихся общими для человечества: борьба с болезнями и бедностью, предотвращение войн, восстановление экологического равновесия, движение научного прогресса и т. д.

Работа подготовлена при поддержке исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН № 18–6–6–9 «Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте».

Литература и источники

1. Белянин, А. В. Доверие в экономике и общественной жизни / А. В. Белянин, В. П. Зинченко. – М: Фонд «Либеральная миссия». 2010.

2. Мартянов, В. С. Поздний Модерн и границы привычного капитализма: в поисках внеэкономических факторов развития / В. С. Мартянов // *Общественные науки и современность*. – 2017. – № 1. – С. 165–176.
3. Медоуз, Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Медоуз. – М.: ИКЦ Академкнига, 2007.
4. Knack, S. Building trust: public policy, interpersonal trust and economic development / S. Knack, P.-J. Zak // *Supreme Court Economic Review*. – 2002. – Vol. 10. – P. 91–107.
5. Maddison, A. *The World Economy: A Millennial Perspective* / A. Maddison. – Paris: OECD, 2001.

ФЕНОМЕН БИОЭТИКИ: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ИЛИ СИНТЕЗ?

Т. В. Мещерякова

При определении биоэтики, как правило, в качестве существенного признака указана мультидисциплинарность, так как в ее проблемное поле вовлечены «философия, богословие, медицина, право, социальная наука или литература» [1, р. 25–26], и мы полагаем, что это еще не полный перечень. Существуют слова (и соответствующие понятия) однокоренные слову мультидисциплинарность – это междисциплинарность и трансдисциплинарность.

Ж. Пиаже различал *мультидисциплинарность* как одностороннее дополнение одной дисциплины другой; *собственно междисциплинарность* как взаимодействие дисциплин; *трансдисциплинарность* как построение интегральных структур [2, с. 65]. Уточняя эту типологию, И. Т. Касавин выделяет три соответствующие типа когнитивных систем. Прежде всего, это мульти – (или поли-) дисциплинарные системы знания, в них сохраняется четкость междисциплинарных границ (т. е. различаются предметы, методы и результаты взаимодействующих дисциплин). Результат второго типа взаимодействия – междисциплинарные системы знания, в них происходит объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов для работы с ее объектами. В данных системах знания прослеживается меньшая четкость границ. В-третьих, «в трансдисциплинарных системах знания выдвигаются претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность» [2, с. 66]. Их отличает принципиальное игнорирование междисциплинарных границ.

В соответствии с данной типологией биоэтика несомненно междисциплинарная система знания, со своим предметом исследования, и даже своей онтологией, и своими методами. Теоретической основой междисциплинарного взаимодействия является, как правило, «та или иная наука, уровень дисциплинарности которой относительно выше» [2, с. 7]. Особая роль в этом взаимодействии принадлежит философии, она, «фокусируясь на некотором объекте, с необходимостью осуществляет не

только междисциплинарный, но и общекультурный синтез» [2, с. 9]. В биоэтике основой междисциплинарного взаимодействия выступает как раз философия (этика), и на ней лежит ответственность сконструировать диалог между научными дисциплинами.

Существуют различные варианты понимания междисциплинарности, мы отметим тот, который отражает как раз феномен биоэтики: «Исследователь создает новый синтез, который открывает новую реальность. И тогда он пользуется новым языком. Этот случай есть случай создания новой дисциплины» [3]. Биоэтика и стала таким новым *синтезом*, выраженном на языке метафоры как мост, мост не только в будущее, как у Поттера, а мост между разными областями знания в междисциплинарном диалоге, в профессиональной деятельности, мост между научным и ненаучным, между наукой и обществом, между ученым-исследователем и участником исследования, между медициной и социумом, между врачом и пациентом...

В последнее время широко стал рассматриваться и во многом является признанным трансдисциплинарный подход к биоэтике. Хотелось бы подчеркнуть, что в рамках типологии, представленной И. Т. Касавиным, биоэтика все-таки является междисциплинарным взаимодействием в системе знаний.

Если междисциплинарность и трансдисциплинарность рассматривать как результаты особых типов коммуникации в науке и за ее пределами, такой подход может оказаться значительно более продуктивным для определения сущностных характеристик биоэтики.

В. Г. Буданов выделяет пять типов междисциплинарной коммуникации [4, с. 27–28]: 1) междисциплинарность как согласование языков смежных дисциплин; 2) междисциплинарность как транссогласование языков; 3) междисциплинарность как эвристическая гипотеза-аналогия, переносящая конструкции одной дисциплины в другую, поначалу без должного обоснования; 4) междисциплинарность как конструктивный междисциплинарный проект, организованная форма взаимодействия многих дисциплин для понимания, обоснования, создания и управления сверхсложными системами. Сегодня это экологические проблемы, проблемы медицины и целый ряд других (которые указывает автор), но мы добавили в этот перечень и биоэтику.

В центре ее интереса не только сверхсложная система – человек, но ей присущи и коммуникативные проблемы, характерные для этого типа междисциплинарности: «своеобразный дисциплинарный снобизм» [4, с. 27] (проявляемый в частности в том, что медики до сих пор говорят о медицинской деонтологии, ориентируются на нее, не обращая внимания даже на ее противоречия с законодательством, объяснение одно – «нас так учили»), недостаточное взаимодействие дисциплин. Л. В. Коновалова отмечала, что главная сложность биоэтики и все ее основные проблемы происходят из «внутреннего для нее столкновения естествознания и этики» [5, с. 60], принципы науки столкнулись с живыми человеческими

ценностями.

Пятый тип междисциплинарной коммуникации – междисциплинарность как сетевая коммуникация, или самоорганизующаяся коммуникация. Может биоэтика когда-нибудь и приобретет черты этого типа, но сегодня, особенно в России, ей до этого далеко.

Рассматривать биоэтику как трансдисциплинарное явление можно, если понимать междисциплинарность только как внутринаучный феномен, принципиальный невыход за рамки дисциплин. Е. Г. Гребенщикова отмечает, что биоэтика с самого своего начала обозначилась в общей стилистике постнеклассической науки как трансдисциплинарное исследование: «Ситуация ограниченности опыта, знания и интуиции специалистов в рассмотрении острых нравственных проблем фиксируется как парадоксальная: проблемы, казалось бы, традиционно рассматриваемые профессионалами требуют иных – непрофессиональных подходов» [6, с. 79]. Трансдисциплинарность – это выход в практическую сферу, в сферу пограничную с жизненным миром. Происходит интеграция различных видов знания – научного и ненаучного. Трансдисциплинарной ее делает особенность исследовательских групп, объединенных для решения сложных, комплексных проблем, особенностью этих групп является их гибридность, «гетерогенность различных спецификаций коллектива, что создает предпосылки для социально распределенной экспертизы» [6, с. 82].

Биоэтическая экспертиза наиболее ярко воплощает в себе характеристики трансдисциплинарного дискурса, а этические комитеты, комиссии и т. п. являются трансдисциплинарными сообществами.

Сегодня появились научные проекты, получившие название «исследования, инициированные участниками» (Participant-led Research – PLR) [7, р. 1], которые проводятся сообществами индивидов, заинтересованных в них в силу заботы о своем здоровье или наличии нередко тяжелого неизлечимого заболевания. Таким образом, участники клинического исследования играют ведущую роль в инициировании и проведении самого исследования. В свою очередь новая трансдисциплинарная практика порождает и новые этические проблемы.

Рассмотрение междисциплинарной и трансдисциплинарной характеристик биоэтики позволяет рассмотреть ее в разных аспектах – и как синтез знания (научного в разных дисциплинарных контекстах с ненаучным), и как синтез различных форм диалога. Синтез приводит к появлению нового предмета на стыке наук (который всех интересует). Биоэтика – такой мост, который это осуществляет.

Междисциплинарный синтез в виде биоэтики был крайне необходим, потому что задачи, которые встали перед человечеством, перед культурой и наукой XX в. в одиночестве было не решить (обычно такие «нерешаемые» силами одной дисциплины задачи и приводят к междисциплинарным исследованиям). Процесс в итоге складывается двунаправленный: ученый выходит в практику (диалог с обществом, с профанами), профаны оказывают влияние на процесс научного познания.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18–78–10016).

Литература и источники

1. Fox Renee, C. The bioethics that I would like to see / C. Fox Renee // *Clinical Ethics*. – 2008. – V. 1, № 3.
2. Касавин, И. Т. Философия познания и идея междисциплинарности / И. Т. Касавин // *Эпистемология и философия науки*. – 2004. – № 2.
3. Тульчинский, Г. Л. Междисциплинарность // *Проективный философский словарь: Новые термины и понятия* / Под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x3025.htm>. – Дата доступа: 09.08.2018.
4. Буданов, В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е дополн. / В. Г. Буданов. – М.: Издательство ЛКИ, 2009.
5. Коновалова, Л. В. Прикладная этика (по материалам западной литературы) / Л. В. Коновалова. – М.: ИФРАН, 1998. – Вып. 1: Биоэтика и экоэтика.
6. Гребенщикова, Е. Г. Трансдисциплинарная парадигма в биоэтике / Е. Г. Гребенщикова // *Знание. Понимание. Умение*. – 2010. – № 2.
7. Vayena E. Adapting standards: ethical oversight of participant-led health research / E. Vayena, J. Tasioulas // *PLoS medicine*. – 2013. – Vol. 10, № 3.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ И ДИАЛОГА КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК

Н. И. Миницкий, А. В. Солодилова

Артур Шопенгауэр в произведении «Мир как воля и представление» изумительно простыми и точными словами высказал идею, которая оказалась провидением новых форм научной мысли: «Мир есть мое представление: вот истина, которая имеет силу для каждого живого и познающего существа...». Концепт «представление», означающий «формы готовности к активной познавательной деятельности во внешнем мире» (В. А. Лекторский) стал одним из главных векторов современного гуманитарного познания. Дополним эти идеи дедуктивной установкой А. Тойнби: «Чтобы понять часть, мы должны прежде всего сосредоточить внимание на целом». Эти взгляды оказали сильное влияние на разработку различного рода теоретико-методологических моделей в гуманитарном познании.

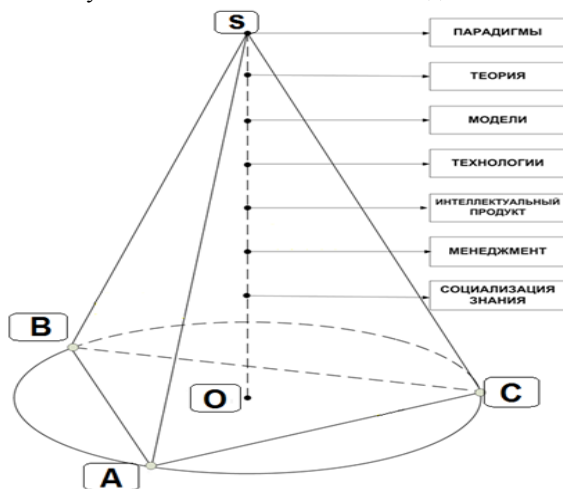
В современных условиях информационно-коммуникационных технологий теория гуманитарного познания и модели ее представления развиваются на основе диалога когнитивных практик. В гуманитарной методологии идет разработка когнитивных моделей как в вербально-логической, так и в знаково-символической формах. В качестве отправного момента, объединяющего эти две стратегии, выберем одну из современных парадигм гуманитарного познания – «слово-образ-действие»

(В. П. Зинченко) и ее модификацию в образовании «метадисциплинарность, метакогнитивность, диалог» (А. В. Хуторской, А. Д. Король).

На основе изложенных выше теоретико-методологических предпосылок, для репрезентации общей модели исторической науки мы предлагаем объемную логико-графическую форму тетраэдра, вписанного основанием в эллипс. Основные элементы модели (Рисунок 1):

- *Эллипс* – историческое знание;
- *Треугольник ABC* – историческое познание;
- *Вертикаль (SO)* – базовые модусы (образы) исторической науки;
- *Грани (ASB, BSC, ASC)* – связь теоретико-методологических оснований с образами науки.

Рисунок 1. Основные элементы модели

Представленный вид объемной формы модели отражает горизонтально-вертикальное измерение пространства «визуального мышления». Логико-графическая репрезентация модели весьма близка вербально-логическому описанию, данному С. С. Аверинцевым: «нисходящая форма дефиниций, стройно движущаяся от первопринципа к родовому понятию, от рода к виду, от вида к подвиду, от подвида к конкретному явлению, была не только единственным научным способом приводить материал в логический порядок, но одновременно репрезентативным, парадным оформлением мысли...» [1, с. 239–240].

Какими же соображениями мы руководствовались, прежде чем обратиться именно к объемной форме представления знаний? К этому нас побудила фундаментальная идея Э. Г. Кочетова о необходимости перехода к «объемно-пространственному методу осознания мира». Он представил логику построения синергетической модели мира в форме куба [2, с. 455]. Куб довольно известная форма представления знания. Еще в античности мы

видим номинацию куба среди Платоновских тел, а в современной науке эта форма служит средством представления знаний для психологов и педагогов (Р. Л. Солсо, М. Е. Бершадский). Лингвисты, в том числе и белорусские, обратились к объемным геометрическим фигурам для репрезентации парадигмы «слово, образ, действие». А. А. Гируцкому на уровне научного и образовательного знания удалось выявить трансцендентальный характер лингвистических метамodelей и увязать их с субъективной моделью мира на основе структурного изоморфизма [3, с. 183–189]. Некоторые попытки построения трансцендентальной метамodelи исторической науки на основе метода структурного изоморфизма представлены и в наших публикациях [4].

Заметим, что на Первом белорусском конгрессе философии вербальная форма концепта «горизонтально-вертикальное представление информации» встречается у многих специалистов и играет важную смыслообразующую роль в аргументации авторских выводов. В педагогике тема горизонтально-вертикальных измерений отношений между учителем и учеником в контексте тактик диалога рассматривается А. Д. Королем [5, с. 31, 151, 181].

В педагогической практике вербально-логическое представление исторического знания ограничивается плоскостными графическими моделями (М. В. Короткова, М. Т. Студеникин).

В философской литературе по тематике представления знаний встречается моделирование в форме таблиц, кругов Эйлера и других плоскостных фигур (В. Ф. Юлов). Методологической основой обращения к знаково-символической форме репрезентации «визуального мышления» являются идеи Э. Кассирера, М. Ф. Вартофского, В. П. Зинченко, Г. П. Щедровицкого, О. С. Анисимова. В выяснении роли диалога когнитивных практик в познании мы опирались на идеи Л. А. Микешиной. Она разработала область «знания о знании», к которой относится приобретение, представление, и воспроизведение знания посредством диалога. Концепт «когнитивная практика» интерпретируется Л. А. Микешиной как «деятельность в сфере получения и применения знаний». Познавательная деятельность субъекта понимается автором как единство чувствования, мышления и деятельности, а переход к диалогу рассматривается как методологическое требование для философии познания XXI века [6, с. 14].

Современные когнитивные практики развиваются на основе меж-, поли-, и трансдисциплинарности, т. е. переноса методов из одной области знаний в другую в результате диалога и синтеза познавательного инструментария смежных наук. Так, по мнению историка О. М. Медушевой, пространство исторического мышления выражено концептами «горизонтально-вертикального конструирования знания» и «роли диалога в познании». Горизонтальный вектор – это различные области науки, а границы вертикального пространства обозначены, с одной стороны, теоретико-методологическими установками, с другой – их практической реализацией. В этом и состоит суть стратегии современного исторического познания и преподавания истории [7, с. 331]. Таковы контуры понимания

философов, психологов, историков и педагогов сути трансдисциплинарного характера репрезентаций и роли диалога в гуманитарном познании.

На наш взгляд, по сравнению с плоскостной, объемная логико-графическая модель, состоящая из вербально-логической фигуры слова и знаково-символической фигуры смысла, более объективно и всесторонне отражает процесс познания в контексте трансдисциплинарности и диалога когнитивных практик. Построенная нами модель, является познавательным инструментарием исторической науки, символизирует ее целостность, служит средством переноса знания, способствует конвергенции и взаимодействию различных направлений гуманитарной науки.

Литература и источники

1. Аверинцев, С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции / С. С. Аверинцев. – М.: Языки русской культуры, 1996.
2. Кочетов, Э. Г. Диалог: диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен. Научная монография / Э. Г. Кочетов; Обществ. ак. наук геоэкономики и глобалистики. – М.: Экономика, 2011.
3. Гируцкий, А. А. Нейролингвистика: уч. пособие / А. А. Гируцкий, И. А. Гируцкий. – Минск: БГПУ, 1998.
4. Миницкий, Н. И. Познавательный инструментарий исторической науки и содержания образования (объемные логико-графические модели) / Н. И. Миницкий, А. В. Солодилова // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2018. – № 5. – С. 7–12.
5. Король, А. Д. Педагогика диалога: от методологии к методам обучения: моногр. / А. Д. Король. – ГрГУ, 2015.
6. Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л. А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
7. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВКЛ: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

В. Д. Михайлов

Белорусская интеллектуальная культура в рамках Великого княжества Литовского имеет ряд особенностей, которые выделяют ее в общеевропейском контексте и актуализируют научные исследования в этой области.

Так, своеобразной чертой белорусской интеллектуальной культуры эпохи ВКЛ является синтез европейского рационализма и христианского вероучения. Это проявлялось в том, что все социально-политические и философские идеи хоть и трактовались в гуманистической традиции, но при этом преломлялись в теологическом контексте. Так, по словам

Е. О. Подолинской, «грамадскія праблемы ўбіраліся ў рэлігійную абалонку і гуманісты рэпрэзентавалі свае шматлікія ідэі, канцэпцыі, прынцыпы ў рэлігійна-тэалагічным выглядзе» [1, с. 72]. Данная особенность стала результатом приобщения к общеевропейской культуре первых белорусских государственных образований (Полоцкое и Туровское княжества, а затем и ВКЛ) посредством принятия христианства. В. Р. Языкович отмечает, что «введение христианства позволило белорусскому народу приобщиться к духовно-религиозным, интеллектуальным, этическим и эстетическим достижениям многих цивилизаций и культур» [2, с. 42].

Также интеллектуальная культура ВКЛ формировалась под влиянием западноевропейских аксиологических установок. В частности, среди интеллектуальной элиты была распространена идеология сарматизма. А. И. Смолик показывает, что идеология сарматизма была «шляхецкім светапоглядам, культурай і ладам жыцця феадальнага саслоўя» [3, с. 122]. По словам А. И. Смолика, среди доминирующих ценностей сарматизма в культуре интеллектуальной элиты ВКЛ «на першы план вылучаліся набожнасць, ахвярнасць на карысць царквы, шчодрасць, арганізацыя ўрачыстых сямейных свят, прыхільнасць да багатай матэрыяльнай культуры» [3, с. 122] и др.

Важной особенностью интеллектуальной культуры ВКЛ выступил синтез различных философских течений. С. А. Подокшин считает, что мыслителями ВКЛ был выработан ряд компромиссных форм согласования античной, средневеково-христианской и ренессансно-гуманистической культурно-философских традиций [4, с. 93–94]. В результате, по мнению Е. О. Подолинской, «творчасць айчынных мысліцеляў характарызувалася разнастайнасцю прадстаўленых філасофскіх, грамадска-палітычных, палемічных твораў, якія эклектычна спалучалі антычныя, сярэднявечныя і ренесансныя ідэі» [1, с. 72].

Кроме того, белорусская культура эпохи ВКЛ во многом была плюралистичной, разнообразной. По оценке В. Б. Еворовского, «тот симбиоз сложных катаклизмов развития в Восточной Европе с калейдоскопической динамикой языка и стилей историко-философского творчества привел к тому, что даже разделение национальной традиции на весьма крупные страты все равно не устраняет до конца ее разорванность и чрезвычайную непорядочность» [5, с. 487].

На белорусских землях всегда был своеобразный духовный синтез элементов различных религий и культур. Примером может служить двоеверие как синтез язычества и христианства. Как отмечает В. Р. Языкович, «приобщение белорусов к ценностям христианской цивилизации происходило при сохранении наиболее ценных и актуальных элементов дохристианского культурного наследия, содействовавших сохранению национальной самобытности, предохранявших от ассимиляции, растворения в других национальных культурах» [2, с. 42].

Также спецификой развития белорусской культуры периода ВКЛ был синтез Восточной и Западной культур. Т. И. Адуло говорит, что «у перыяд

ВКЛ інтэлектуальная прастора Белай Русі прырастае як за кошт усходняга, так і за кошт заходняга сегментаў сусветнай інтэлектуальнай прасторы. Больш за тое, інтэлектуальная прастора нашых продкаў становіцца арэнай супрацьстаяння заходняй і ўсходняй культур, якое рэзка абстраылася пасля аб'яднання Польшчы і ВКЛ у 1569 годзе ў адзіную дзяржаву – Рэч Паспалітую» [6, с. 274]. А. А. Лазаревич говорит, что «девять веков становления и развития философской традиции Беларуси – это история осмысления и переработки ценностно-мировоззренческих установок, характерных для парадигм философского мышления Запада и Востока» [7, с. 8].

С образования ВКЛ началось «вхождение Белой Руси в интеллектуальное пространство Европы» – говорит Т. И. Адуло и прослеживает тенденцию прироста интеллектуального пространства Белой Руси за счет «западного сектора мировой культуры» [8, с. 489–490]. А после объединения ВКЛ и Польши в единое государство «западный вектор стал определяющим вектором интеллектуального пространства Беларуси» и белорусские земли «стали ареной противостояния традиций западной и восточной культур» [8, с. 489–490].

Одной из важнейших особенностей интеллектуальной культуры ВКЛ была толерантность и веротерпимость. В результате на определенном этапе белорусской истории наблюдалась массовая инкультурация европейской писателей-интеллектуалов в интеллектуальную культуру ВКЛ. А. Липатов говорит, что «ВКЛ исторически оказалось на скрещении этих двух филологических культур аксиологически единого, но институционально расколовшегося христианства» [9, с. 51].

Таким образом, интеллектуальная культура ВКЛ имеет ряд особенностей. Она формировалась в общеевропейском контексте и под влиянием западноевропейских аксиологических установок, синтезировала европейский рационализм и христианское вероучение, была плюралистичной и толерантной, аккумулировала в себе различные философские течения, элементы Восточной и Западной культур.

Літаратура і крыніцы

1. Падалінская, А. А. Філасофская думка Беларусі ў эпоху Адраджэння: дыялог філасофскіх традыцый / А. А. Падалінская // Філасофскія даследаванні. – 2017. – Вып. 4. – С. 69–83.
2. Языкович, В. Р. Модели взаимодействия язычества и христианства в белорусской культуре / В. Р. Языкович // Хрысціянства ў гістарычным лесе беларускага народа. – Гродна: ГрДУ, 2008. – С. 40–43.
3. Смолік, А. І. Сарматызм: ідэалогія і лад жыцця ўладальнікаў магнацкіх і шляхецкіх замкаў / А. І. Смолік // Краязнаўчыя запіскі: зборнік артыкулаў. – 2012. – Вып. 8: Каралеўскія і вялікакняжацкія замкі на тэрыторыі Рэчы Паспалітай. – С. 122–129.
4. Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы: Дооктябрьский период: закономерности развития, проблемы исследования / Авт.: А. С. Майхрович [и др.]; Ин-т философии и права Акад. наук Белорус. ССР,

- Ин-т философии, социологии и права Акад. наук ЛитССР; под ред. А. С. Майхровича, Р. М. Плечкайтиса. – Минск: Наука и техника, 1987.
5. Еворовский, В. Б. История философии Беларуси: зарождение исследовательской традиции / В. Б. Еворовский // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: материалы Междунар. науч. конф. к 80-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 14–15 апреля 2011 года / Науч. ред. совет: А. А. Лазаревич и др.; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 486–488.
6. Адула Т. І. Беларуская нацыянальная філасофія ў сусветнай інтэлектуальнай прасторы / Т. І. Адула // Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры [рэдкалегія: А. І. Лякотка (галоўны рэдактар) і інш.]. – Мінск: Права і эканоміка, 2016. – С. 274–277.
7. Лазаревич, А. А. Белорусский философский конгресс – закономерный этап развития философии в Беларуси / А. А. Лазаревич // Философские исследования. – 2017. – Вып. 4. – С. 7–16.
8. Адуло, Т. И. Национальная философия в интеллектуальном пространстве Беларуси / Т. И. Адуло // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: материалы Междунар. науч. конф. к 80-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 14–15 апреля 2011 года / Науч. ред. совет: А. А. Лазаревич и др.; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 488–494.
9. Липатов, А. Культурное пространство Великого княжества Литовского: взаимодействие латинского Запада и византийского Востока (универсальное и национальное в эпоху Возрождения) / А. Липатов // Мартинас Мажвидас и духовная культура Великого княжества Литовского XVI века / Редкол.: Ю. Будрайтис и др. – М.; Вильнюс: Baltos lankos, 1999. – С. 47–58.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В XXI ВЕКЕ

П. Ю. Молчанов

В современном высокотехнологичном обществе социотехническое проектирование занимает важное место в системе прогнозирования и планирования социодинамики. Его эффективность и безопасность должна оцениваться путем проведения соответствующих экспертных и социально-философских исследований, поскольку без комплексного теоретического обоснования реализация подобных проектов может иметь непредсказуемые, в том числе негативные, последствия для развития общества. В этой связи теоретико-методологический анализ альтернативных проектов общественных преобразований в XXI веке приобретает особую актуальность.

Данные проекты можно подразделить на два основных типа по критерию отношения к системообразующим детерминантам общественной системы. Первый тип – просистемные концепции альтернатив социодинамики. К ним будут относиться концепции авторов, не подвергающих сомнению наличие в обществе XXI века системообразующих детерминант развития современного общества, таких как капиталистическая

система хозяйствования, национальное государство, институты либеральной демократии и права, массовая культура и ценности гуманизма. К антисистемным, соответственно, следует причислять критические течения социальной философии и общественной мысли, отрицающие какие-либо из данных детерминант.

Просистемные концепции альтернатив развития общества в большинстве своем базируются на идеях философии либерализма. Это идеи частной собственности, национального государства, демократии, свободы автономного индивида. Основываясь на данных категориях, формулируются просистемные концепции альтернатив развития основных подсистем общества [1, с. 7–20].

В социально-экономической подсистеме главной альтернативой для большинства исследователей выступает дальнейшее развитие капитализма в одной из двух форм: рыночного фундаментализма (свободного рынка) или государственного регулирования экономики. При этом сама капиталистическая система хозяйствования позиционируется как наиболее развитый и перспективный тип экономических отношений [2; 3].

Альтернативы развития политико-правовой подсистемы общества авторы просистемных концепций видят в видоизменениях форм организации государственной власти и международных отношений, перераспределении полномочий между государством и гражданским обществом в пределах демократической политической системы. Наиболее приемлемой идеологической альтернативой общества будущего представляется конкуренция радикальных и консервативных течений неоллиберализма, в то время как социалистические и фундаменталистские течения считаются деструктивными. Наличие государства и демократической правовой системы позиционируется как необходимые условия построения справедливых международных и внутринациональных отношений [4; 5].

В просистемном дискурсе духовно-культурные альтернативы развития общества представлены как различные варианты видоизменений массовой культуры и общества потребления [6, с. 3]. Авторами постулируется опора на традиционные ценности гуманизма и декларируется приверженность развитию науки и техники, подконтрольных обществу [7].

В целом, просистемный дискурс характеризуется практико-ориентированной направленностью, которая выражается в наличии большого количества конкретных проектов по совершенствованию общества начала XXI века. При этом отмечается недостаток исследований, посвященных социально-философским, теоретико-методологическим аспектам проблемы альтернатив развития общества.

Большинство антисистемных концепций базируется на марксистских идеях трудовой теории стоимости, отчуждения, общенародной собственности, прямой демократии. Менее распространены праворадикальные, теоцентрические и эоцентрические подходы. В целом, в антисистемном дискурсе доминируют следующие концепции альтернатив социального развития. Главной социально-экономической альтернативой

выступает новая система хозяйствования, основанная на упразднении частной собственности на средства производства и установлении новых форм общенародной собственности [8; 9]. Представители левого крыла антисистемного дискурса в качестве основной политико-правовой альтернативы видят переход от национального государства к системе прямой демократии в сообществе свободных производителей. Оптимальными формами политической организации после осуществления данных преобразований считаются различные локальные сетевые объединения: советы, коммуны, муниципалитеты [10, с. 179]. Приверженцы праворадикальных идей выступают за переход к новым типам государства и правления (теократия, неоимперия, диктатура и др.) [11]. Авторы консервативного направления антисистемного дискурса в качестве духовно-культурных альтернатив выдвигают идеи детехнизации и реклерикализации общественной жизни. Представители радикального течения обосновывают трансгуманистические проекты перехода к принципиально новой системе ценностей в «постчеловеческом» высокотехнологичном обществе, выступают за формирование креатосферы [7].

В целом, антисистемный дискурс характеризуется наличием разработанной методологии и категориально-понятийного аппарата по изучению альтернатив общественного развития. В то же время конкретные практические проекты общества будущего не получили в нем достаточной детализации.

Общей целью для представителей просистемных и антисистемных концепций альтернатив является устойчивое развитие человечества в XXI веке. Для первых этот идеал достигается путем реформирования капиталистической либерально-демократической общественной системы. Для вторых – за счет ее снятия и перехода к принципиально иным формам социоприродного развития. Наибольшая социальная значимость антисистемных концепций заключается в разработке теоретических проектов должного, просистемных – в создании практических программ изменения сущего. Наиболее продуктивным в плане достижения устойчивого развития представляется диалектический синтез идей данных подходов. Эта комплексная стратегия предполагает разработку и реализацию эко-социо-ориентированных проектов реформирования капитализма. Поэтому просистемные по своей сути программы устойчивого развития ООН должны быть обновлены с учетом наиболее перспективных разработок представителей антисистемного направления социально-философской и общественной мысли.

Литература и источники

1. Рэнд, А. Капитализм: Незнакомый идеал / А. Рэнд. – М.: Альпина Паблишер, 2016.
2. Сален, П. Вернуться к капитализму, чтобы избежать рисков / П. Сален. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

3. Макки, Д. Сознательный капитализм. Компании, которые приносят пользу клиентам, сотрудникам и обществу / Д. Макки, Р. Сисодиа. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
4. Закария, Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария. – М.: Ладомир, 2004.
5. Зингалес, Л. Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики / Л. Зингалес. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
6. Смолкина, Д. В. Трансформации массовой культуры в постиндустриальном обществе: автореф. дисс...канд. культурологии / Д. В. Смолкина. – Екатеринбург: НОУ ВПО Гуманитарный университет, 2012.
7. Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова; предисл. Г. Л. Белкиной, С. Н. Корсакова. – М., 2012.
8. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал: в 2 т. / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – Т. 1.
9. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал: в 2 т. / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – Т. 2.
10. Букчин, М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему / М. Букчин. – Нижний Новгород: Третий путь, 1996.
11. Дугин, А. Четвертая политическая теория: Россия и политические идеи XXI века / А. Дугин. – Кишинев: Народный университет, 2014.

ЦЕННОСТНЫЙ МИР СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

И. И. Морозова

На современном этапе семья, являясь терминальной ценностью, постоянно подвергается социальным трансформациям, происходящим в обществе, затрагивающим ее систему ценностей, приводящим к размыванию традиционных норм и семейных устоев, с одной стороны, и осуществлению синтеза традиции и модерна, с другой стороны.

Ценностные приоритеты современной молодежи связаны с отрывом от традиционализма и ориентацией на западные нормы и установки, нацеленные на реализацию личного потенциала, достижение карьерного роста, что ведет к откладыванию создания семьи и рождения детей. По словам замминистра труда и социальной защиты А. Румака, «в Беларуси, как и в большинстве стран Европы, повышается возраст вступления в брак и для мужчин, и для женщин» [1, с. 13]. По данным Национального статистического комитета, средний возраст вступления в первый брак у белорусских мужчин составил по итогам 2017 года 27,9 года. Шесть лет назад мужчины предпочитали жениться в 26,6. Средний возраст создания семьи у девушек тоже увеличился до 25,8. Шесть лет назад девушки выходили замуж в 24,5 года.

Усиливаются позиции ценностного выбора личного комфорта, личной территории, проведения досуга, самоутверждения, т. е. «интимность

становится востребованным элементом современной семьи» [2, с. 33], что свидетельствует о доминировании процессов индивидуализации, которые на уровне семьи приводят к изменению ее ценностной структуры, на лидирующие позиции выходит ценность супружеской автономии, выражающейся в том, что «интересы мужа и жены разнообразнее семейных, а потребности и круг общения каждого из супругов выходит за рамки брака. Их эмоциональные устремления регулируются не столько обычаями и традициями, сколько психофизиологическими особенностями, нравственными принципами и эстетическим идеалом» [3, с. 181].

Индивидуализация и рационализация жизни позволяет рассматривать семью как объект для удовлетворения собственных эгоистических потребностей. Следование же прагматичным и утилитарным установкам приводит к восприятию друг друга не как уникальных личностей, а прежде всего, с точки зрения их потенциальных возможностей достичь тех или иных вершин в социальной иерархии современного общества. Одной из существенных причин кризиса института семьи является изменение ценностных ориентаций современного супружества. В брачных взаимоотношениях меньшую роль стали играть такие понятия как мораль, долг, жертвенность и т. п. [2, с. 53].

Ценностные приоритеты других поколенческих групп современного социума более ориентированы на традиционные семейные ценности, позволяющие значительно эффективнее осуществлять воспитательную, хозяйственно-бытовую, экзистенциальную и иные функции. Среди основных факторов, способствующих сохранению и укреплению семьи, главным остается фактор материального благополучия, которому отдают предпочтение представители практически всех социальных групп. Существенное значение имеют также: ориентация на совместное выполнение семейных ролей, акцентирование внимания на духовно-нравственную сферу семьи (межличностное общение, интимные отношения и др.).

Социологические исследования динамики показателей уровня ценностей позволяют констатировать, что наиболее значимыми для разных социальных групп в настоящее время все равно остаются семья и родительство (89%), а также ценность социализации детей, ценность участия обоих родителей и старших поколений в воспитании детей, ценность внутрисемейных коммуникаций, ценность семейного микроклимата, ценность здоровья, ценность благополучия, ценность поддержания долголетия членов семьи, ценность связи семьи и производства (семейного бизнеса), ценность семейного потребления [4].

Однако современные исследователи настойчиво указывают на факт резкого падения качества семейной жизни в современной культуре. Происходят изменения воспитательных функций семьи, приводя к ослаблению духовной и морально-психологической атмосферы, к девальвации родительства как нравственной ценности. Феномены отстранения, отчуждения в межличностных семейных отношениях наиболее актуализированы на данном этапе функционирования семьи. При дефиците

времени и загруженности родителей ребенка, вне зависимости от возраста, чаще всего остается предоставленным самому себе и самостоятельно вырабатывает свои ценностные ориентиры и идеалы, превращаясь в человека бессубъектного, последовательно и настойчиво подчиняясь воздействию декларативных фальшивых моделей и схем человеческого существования, ассоциальных ценностей и норм.

Формируется феномен социального отчуждения, выявляющий практически неустранимые противоречия в диаде «личность – социум», где нарушено равновесие между общественным и индивидуальным. Поэтому в сознании такого человека декларация одиночества как враждебности социальным установкам становится доминирующей, выявляя духовно-нравственное невежество. Реализуя на практике такие жизненные принципы, человек теряет собственную индивидуальность, личностные качества ослабевают, лишний раз подтверждая мысль о том, что: «новые ценности входят в ценностную систему общества, не успевая ни адаптироваться к традиционным ценностям, ни пройти "культурную обработку"». Это ведет к определенным изменениям в структуре личности, ее ценностно-смысловых ориентаций» [5, с. 163].

Современное состояние общества в мире вызывает ряд опасений, поскольку отмечается усиливающееся формирование так называемой идеальной модели социума, где нарушены традиционные гендерные роли, где стираются различия между мужчиной и женщиной, а появляются переходные психотипы, декларируется обезличивание. В Германии, Швеции отмечается массовость женственных мужчин, в Японии – мужественных женщин. Исследователи неоднократно подчеркивали тот неоспоримый факт, что на Западе конструктивного феминизма практически не осталось, радикальные феминистки на первый план выдвигают личностное развитие вместо создания семьи. Фактически, идеологическим подтекстом европейского феминизма является отрицание мужчин, отрицание традиционной семьи. Гомосексуализм торжественно «шагает» по планете, более 25 стран официально легализовали однополые браки и усыновление детей в таких семьях, где будут фигурировать понятия «родитель № 1», «родитель № 2». Все активнее проявляется свобода самовыражения: бракосочетание со смартфонами, ноутбуками, резиновыми куклами или с собственной персоной. Все это ведет к дегуманизации традиционных ценностей и норм, к девальвации нравственности и моральному вырождению.

Исследователи неоднократно сетовали на отсутствие модели идеальной современной семьи, служащей своеобразным ориентиром для человека. Такая постановка вопроса в принципе некорректна, поскольку общество неоднородно, разнообразно по своей структуре, и каждый имеет право и должен создавать такую модель семейно-брачных отношений, которая наиболее соответствует социальному, мировоззренческому и иному статусу супругов, при этом соблюдая правовые и нравственные законы социума, не ущемляя интересов других людей. И если говорить о семейном укладе, о

специфике реализации семейно-брачных отношений, то необходимо моделировать такую эмоционально-психологическую атмосферу, которая представляет собой гармонизированный микромир семьи, способный противостоять искаженным ценностным установкам и позволяющий успешно функционировать мужу и жене, выполняя взаимодополняющие ролевые функции как супружества, так и родительства.

Литература и источники

1. Тайникова, Ю. Семейная политика / Ю. Тайникова // Аргументы и факты в Белоруссии. – № 17(538). – 2018. – С. 13.
2. Девярых, С. Ю. Семейные ценности и родительские ориентации юношей и девушек: анализ гендерных различий / С. Ю. Девярых. – Минск: РИВШ, 2007.
3. Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. – СПб.: Петрополис, 1998.
4. Кухто, Л. Ценностные ориентации как фактор трансформации современной семьи / Л. Кухто // Міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі: працоўныя матэрыялы. Т. 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://icbs.palityka.org/wp-content/uploads/2016/10/01kuhto.pdf>. – Дата доступа: 10.10.17.
5. Марук, А. Н. Социальная идентичность в современном обществе / А. Н. Марук // Человек в мире социума: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля, Б. И. Липского. – Гродно, 2014.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

М. Р. Москаленко, И. В. Юдин

Социально-политическое прогнозирование – это специфическая область научного знания, требующая междисциплинарного подхода. Представления о будущем во многом определяют ход настоящего, заставляя людей стремиться к реализации идеалов. Государство – это сложная система, развитие которой в определенной степени детерминировано рядом самых разнородных факторов: историческими традициями, отношениями власти и общества, менталитетом населения, расстановками политических сил, уровнем социально-экономического развития, местом в системе международного разделения труда, внешнеполитическим положением и др. Эти обстоятельства детерминируют развитие страны.

Для осуществления целей социально-политического прогнозирования само будущее должно стать реальным объектом исследования. Согласимся с мнением Г. Г. Почепцова, что будущее «как объект не достаточно четко определено, однако, такая нечеткость связана не только со свойствами самого этого объекта, сколько с недостаточно разработанным инструментарием по работе с ним» [1, с. 132]. Существует три основных направления прогнозирования будущего: религиозное, социально-

утопическое и философско-научное. Религиозное направление исходит из божественного провидения, определяющего ход событий. Утопизм в чистом виде прогнозирует желаемую картину общества будущего во всевозможных утопиях, которые, как правило, лишены противоречий и предельно гармоничны, что, как показывает практика, является идеальным, но недостижимым состоянием. Философско-научное направление основано на рациональном подходе к построению прогноза, на использовании научных методов: исторической аналогии, экстраполяции, выведения закономерностей развития, трендов и сценариев, и др.

Следует подчеркнуть, что основной особенностью исследования общества является неполная наблюдаемость процессов его функционирования. Многие процессы вообще не поддаются прямому наблюдению, и о них можно судить только косвенно. Существуют политические события, причинно-следственная связь которых обусловлена сочетанием целого ряда факторов, включая историческую случайность. Из этого следует, что единичные события не могут быть предметом прогноза, а предсказуемыми являются только общие свойства и закономерности.

Методология построения социально-политического прогноза обычно основывается на определенном образе исторического процесса – прогрессивном, циклическом или регрессивном. Прогрессистские концепции предполагают, что настоящее превосходит по каким-либо показателям прошлое, а будущее, в свою очередь, будет превосходить настоящее. Классическим примером таких концепций были прогнозы экономического роста в СССР и на Западе в 1960–70-е гг. Иногда они носили характер утопизма (например, лозунг 1960-х гг. «следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме»), тем не менее, являясь важным элементом конструирования социально-политической реальности. «Циклические» концепции предполагают повторение одних и тех же явлений. От того, в какую точку цикла мы помещаем настоящее, зависит видение будущего и прошлого. Изменения имеют ограниченный диапазон и периодически повторяются в определенной последовательности. Так, например, ряд историков выделяет в российской политической традиции циклы «реформы – контрреформы» и, исходя из этого, выводят тенденции и закономерности социально-политических изменений. Регрессистские концепции отражают пессимистический взгляд на историю: настоящее уступает по каким-либо параметрам прошлому, а будущее будет по тем же параметрам уступать настоящему. Данные концепции были популярны в Средневековье, да и сам миф о прошедшем «Золотом веке», свойственный ряду культур, отражает данную мифологию. Отметим, что прогрессистские концепции исторического развития стали господствовать в науке с периода Нового времени, когда, однако, обнаружившие себя в конце XX в. глобальные проблемы и крах социальных проектов, основанных на идеалах Просвещения, вновь породили скепсис относительно идеи прогресса.

В России в дореволюционный период социально-политические прогнозы и проекты в основном укладывались в три модели: модель русского

самодержавия как вполне реализовавшуюся в социальной действительности; модель социалистической утопии, к которой упорно обращалась русская общественная мысль в поисках социальной справедливости; модель русского либерализма как вероятная, но не реализовавшая себя историческая альтернатива [2, с. 10–12].

В результате революционных событий 1917 г. в соответствующих исторических условиях стал реализовываться проект социалистической утопии. После прихода к власти большевиков, в период дискуссий 1920-х гг., когда велось обсуждение проектов социально-экономического и политического развития страны, возникла русская прогностическая школа Н. Д. Кондратьева. В основе методологии предвидения, разработанной данной школой лежит исследование циклично-генетических закономерностей развития общества во всех его аспектах как целостной системы. В литературе встречается различный спектр оценок прогностического потенциала кондратьевских циклов: от оптимистических до пессимистических.

В 1930–50-е гг. методологических, теоретических разработок прогнозирования альтернативных вариантов социально-политического развития СССР фактически не велось. Все ограничивалось социально-экономическими отраслевыми прогнозами, необходимыми для составления пятилетних планов. Теоретико-методологические работы по прогнозированию, прежде всего, социально-экономического характера, стали появляться только в 1970-е гг. В СССР сложилась прогностическая школа, возглавляемая академиками А. Н. Ефимовым, А. И. Анчишкиным, В. А. Котельниковым. Каждые 5 лет разрабатывалась комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на 20 лет.

В это же время в русле русской эмигрантской мысли велись достаточно интенсивные дискуссии относительно будущего СССР. Были выдвинуты прогнозы, которые потом частично сбылись. Речь идет, прежде всего, о работах И. А. Ильина, в которых он предсказывал политическую нестабильность и угрозу гражданской войны в СССР [3], а также Г. П. Федотова, который в работе «Судьба империй» предсказал вероятность распада СССР по сценарию Австро-Венгрии [4].

Следует отметить, что как таковая прогностика, или футурология – сравнительно молодая наука. Только в середине 1970-х гг. образовалась Всемирная федерация исследователей будущего. Философско-методологическое обоснование методов прогнозирования активно начинает разрабатываться только с 1960–70-х гг. Своеобразное и очень сильное влияние на прогностику оказал такой литературный жанр, как научная фантастика. Произведения мировых и советских классиков (Ж. Верн, Г. Уэллс, А. Азимов, А. Беляев, А. и Б. Стругацкие, И. Ефремов, К. Булычев и др.) предсказывали с поразительной точностью многие изобретения и стимулировали интерес к исследованию будущего.

В современной прогностической аналитике рассматривается широкий круг

вопросов социально-политического прогнозирования в самых различных сферах жизни общества.

Литература и источники

1. Почепцов, Г. Г. Стратегия: инструментарий по управлению будущим / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2005.
2. Новикова, Л. И. Три модели развития России / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М.: РАН, Ин-т философии, 2000.
3. Ильин, И. А. О грядущей России. Избранные статьи / И. А. Ильин. – Нью-Йорк: Совместное издание Св.-Троицкого Монастыря и Корпорации Телекс. Джорданвил, 1991.
4. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры / Г. П. Федотов. – СПб.: София, 1991.

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

М. В. Мочкодан

Трансформационные процессы, характеризующие систему социально-культурного развития современного общества, существенно влияют на динамику человеческого сознания. Массивность информационного потока, быстрый темп научно-технического прогресса, плюрализм, секуляризм и всеобщность образования формируют картину мира индивидуума XXI века, представляя реальность подвластной воле человека, а мирозданье изученным и познаваемым. Однако позиции рациональности и сциентизма попираются новым витком развития религиозности, что находит отражение в формировании различных религиозных движений, квазирелигиозности, появлении феномена секулярного верующего.

Социологи отмечают, что сознание современных верующих характеризуется переплетением представлений о сверхъестественном с рациональными, научными идеями и взглядами, философией жизни и специфическими народными традициями [3, с. 16].

Следует отметить, вера выступает ведущим свойством и признаком религиозного сознания, а содержание религиозной веры, в свою очередь, символично. Молодежь первого десятилетия XXI столетия представляет собой особый тип верующих, который можно обозначить как «сомневающиеся». Важнейшим фактором формирования религиозного сознания в молодежной среде является интерпретация религиозных систем, различающихся по временным и национально-культурным критериям. Наряду с исповедующими православие, католицизм, протестантизм, иудаизм, были зафиксированы представители неоязычества, буддизма, индуизма, сатанизма, а также приверженцы нетрадиционных религиозных движений, связанных с возникновением литературных и экранных вселенных (например, джедаисты – придерживающиеся кодекса и заповедей джедаев)

[1, с. 89]. Символическая система молодежных субкультур наполнена текстами, прочтение которых позволяет составить наиболее полное представление о специфике религиозного сознания данной группы населения. «Символика – неотъемлемый атрибут почти любой субкультуры, универсальная отличительная черта, наделенная особым смыслом для ее представителей, и позволяющая им видеть друг друга в толпе, объединяться и нести информацию другим людям о своей принадлежности» [5, с. 71]. Существование субкультуры возможно лишь в зоне соприкосновения двух реальностей: социальной и знаковой.

Важной особенностью содержания молодежных субкультур является вычленение из контекста официальных религий определенных форм и символов, имеющих религиозную специфику. Таким образом, практически в любом неформальном объединении можно найти заимствованные семиотические составляющие, будь то тематика музыкальных произведений, материальный символ субкультуры или же элемент одежды. При этом внешний наблюдатель не всегда сумеет раскрыть значение, которое приписывает символу конкретная малая группа. Между тем, такие значения в разных группах или субкультурных средах могут быть совершенно разными, что, однако, не исключает неподдельного интереса современной молодежной субкультуры к вопросам религии как таковой.

Доказательством данного утверждения могут служить символические системы различных молодежных объединений, где символ субкультуры, с одной стороны, служит выделению ее приверженцев из числа представителей других групп, а с другой стороны, обеспечивает связь с культурным наследием прошлого [4, с. 53]. Например, в искусстве, определяющем музыкальные предпочтения многих субкультур, огромная роль принадлежит христианской тематике. Неформальные объединения рокеров, байкеров, металлистов в большинстве своем не являются приверженцами сатанизма и неоокультизма, какими их традиционно представляют в СМИ. Музыкальная культура, поклонниками которой они являются, часто отсылает слушателей к библейским мотивам и заставляет задуматься о смысле бытия, извечной борьбе Бога и Дьявола, противостоянии добра и зла. Стоит отметить, что само понятие «христианских текстов» вовсе не подразумевает обязательные цитаты из Библии или пересказ Евангелия. Это может быть христианская точка зрения, жизненная позиция, схожая с мировоззрением христиан, специфическое отношение к проблеме, например, несогласие с обществом потребления, с социальной несправедливостью, с тоталитарным контролем над личностью и т. д.

В современной музыке существует целое направление, получившее название «христианский рок», включающее христианский классический рок, христианский металл и христианский хардкор. Примером могут служить группы As I Lay Dying, а также Underoath, Soul Embraced, Living Sacrifice. В хардкоре часто христианская тематика пересекается с остросоциальной тематикой и антифашистской лирикой. Австралийская христианская церковь «Хиллсонг» сделала христианский рок своей визитной карточкой и

использует его вместо духовной музыки. Евангельско-лютеранская церковь Финляндии проводит подобные мессы.

Латинский крест является самым распространенным религиозным христианским символом, поэтому нередко встречается в субкультурах готов, рокеров, металлистов наряду с кельтским крестом, тау-крестом, «анкхом». Примечателен тот факт, что символика креста в неформальных объединениях играет роль, аналогичную религиозной функции данного символа. Крест оберегает своего владельца, обозначает вечную жизнь, высшую волю, самопознание, воплощает идею плодородия и здоровья.

Солярные символы (свастика, колесо Перуна, Дхармачакра или колесо закона) – распространенная символика «экологических» молодежных субкультур (хиппи, ролевики), в большинстве случаев существующих неотъемлемо от практик неоязычества, солнцепоклонничества или воззрений буддизма и индуизма.

Религиозное сознание представителей молодежных субкультур, не относящихся к неформальным объединениям, также подвержено значительным трансформациям. В данном случае, можно говорить о тенденциях религиозного возрождения, имеющего место в культуре XX столетия, но возникшего с учетом влияния науки, техники, системы светского образования, современного синкретизма, мистики и др.

Характерной особенностью воплощения религиозного сознания в среде молодежи является превалирование секулярных верующих – носителей достаточно парадоксального сознания: при декларировании себя верующими и при высокой оценке роли религии в своей жизни. Такие верующие не живут церковной жизнью, не связаны с религиозными институтами, не поклоняются и не используют религиозную символику.

Литература и источники

1. Гавриленков, А. Ф. Трансформация религиозного сознания (на материалах Смоленского края в X – начале XXI вв.) / А. Ф. Гавриленков. – Смоленск: «Смядынь», 2007.
2. Конон, В. Вера и нация: христианство в судьбе белорусов / В. Конон // Неман. – 1994. – № 5.
3. Мчедлов, М. Об особенностях мировоззрения верующих в постсоветской России / М. Мчедлов // Религия и право. – 2002. – № 1 (26).
4. Стрельцов, Ю. А. Общение в сфере свободного времени / Ю. А. Стрельцов. – М.: Просвещение, 1991.
5. Харитонова, М. Р. Новое поколение и культура человеческих отношений / М. Р. Харитонова // Формирование личности молодого человека в школе и вузе / Под общ. ред. А. С. Запесоцкого. – СПб, 2001.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ПОНЯТИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» ЭВДЕМОНИСТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ АРИСТОТЕЛЯ

Н. И. Мушинский

Феномен трансдисциплинарного синтеза органически присущ современному научно-философскому дискурсу; он отражает общие закономерности развития естественнонаучного, инженерно-технического и социально-гуманитарного знания в эпоху всеобщей информатизации. В условиях обострения техногенных проблем современности (экологический кризис; глобальное потепление климата; истощение природных ресурсов, рост международной напряженности, появление религиозного экстремизма и т. п.) гуманистические принципы добра и справедливости приходится учитывать не только в рамках общественных и этико-философских дисциплин, но и в случае проведения исследований в области естествознания, а также в прикладных научно-технических разработках.

К сожалению, в современных условиях далеко не все готовы услышать «мотив Другого», поступать с ним «по справедливости». Еще сильны агрессивные тенденции, сформировавшиеся в условиях мировых войн и ракетно-ядерного противостояния XX века, дополнившиеся в третьем тысячелетии практикой «международного терроризма» и «гибридных конфликтов». Между тем, в более отдаленной исторической перспективе уже существовали примеры своего рода «трансдисциплинарности», способные послужить образцом для современной эпохи. В частности, это касается эвдемонистической этики Аристотеля, с его универалистским истолкованием понятия справедливости.

Следует отметить, что во времена Аристотеля в массовом сознании еще широко присутствовали рудименты архаического мировоззрения, в рамках политеистической мифологии персонафицировавшего справедливость в лице богини Дике (Δίκη), дочери Зевса, и Фемиды. Аристотель же служит выразителем научно-рационалистического дискурса, сформировавшегося при переходе от господства древней родоплеменной аристократии, вождей – басилевсов (βασιλεὺς), – к полисной демократии. Аристотель не стремится вести полемику с религиозными политеистическими верованиями; развивая научную методологию, он тактично обходит этот вопрос, выносит его «за скобки», оставляя за религией роль универсального средства популяризации идеи справедливости среди различных слоев населения полиса. В этом, предположительно, уже можно видеть элемент «трансдисциплинарности». Так, и в наши дни науке следовало бы не вести «непримиримую борьбу» с разнообразными религиозными направлениями, пытаясь «доказать» им то, что доказать невозможно (поскольку «иррациональная вера» лежит за пределами каких-либо возможных доказательств, нечувствительна к самым убедительным научным аргументам). Следовало бы попытаться объединить усилия на основе универсальных критериев справедливости для более эффективного преодоления последствий неуправляемого технократического

развития.

Что касается самого научного наследия, то Аристотель вполне успешно применяет категорию «справедливость» в контексте самых разных дисциплин (тем самым предвосхищая появление современного понятия «трандисциплинарности»). В «Риторике» справедливость (δική, δικαιοσύνη, та δίκαια) служит основой искусства «нахождения» материала речи (т. н. «инвенция», наряду с ее украшением – «элокуция», правильным расположением текста – «диспозиция», запоминанием – «мемория» и произнесением – «акция»). Самые разные явления действительности можно обсудить с точки зрения того, насколько они «справедливы». Поэтому именно здесь Аристотель соотносит это понятие с проблемой добродетели (αρετή), считая справедливость важнейшей среди прочих: «Части добродетели составляют справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушие, бескорыстие, кротость, расудительность, мудрость» [1, с. 43]. Среди всех добродетелей именно справедливость в наибольшей степени обладает общечеловеческой универсальной значимостью, поскольку ее осуществление не только требует последовательных волевых усилий (как, например, мужество), но и затрагивает глубинную природу человека, которая не меняется со временем: «Вследствие этого наибольшим почетом пользуются люди справедливые и мужественные, потому что мужество приносит пользу... во время войны, а справедливость и в мирное время... Справедливость (dicaiosyne) – такая добродетель, в силу которой каждый владеет тем, что ему принадлежит, и так, как повелевает закон» [1, с. 43]. Таким образом, понятие «справедливость» занимает в аристотелевской риторике ключевое место.

Хотя, разумеется, как нравственная категория «справедливость» составляет предмет, главным образом, «Никомаховой этики», фундаментального произведения, до настоящего времени привлекающего внимание все новых исследователей [2, с. 255]. Именно здесь справедливость, наряду с другими положительными нравственными качествами, рассматривается как необходимое условие счастливой жизни (в духе эвдемонистического подхода).

Счастье (ευδαιμονία) определяется как деятельность души сообразно добродетели, представляющая собой высшее благо (το αγαθον). Добродетель получает дефиницию как середина (το μεσον), связанная с понятиями меры и гармонии в выражении тех или иных моральных качеств: «Добродетель... есть некое обладание серединой. Серединой обладают между двумя [видами] порочности, один из которых – от избытка, другой – от недостатка» [3, с. 86–87]. В этом смысле также и справедливость трактуется как середина между претерпеванием несправедливости (το αδικειν) для самого себя, и причинением ее другим людям [3, с. 157]. Например, с точки зрения имущественных интересов справедливо получение материальных благ по достоинству; несправедливо – приобрести слишком много (за счет угнетения других людей), либо слишком малого (став жертвой чужих злоупотреблений). «Поэтому ясно, что справедливость есть некая середина

между излишеством и нехваткой, между многим и малым: несправедливый, совершая несправедливость, имеет больше, а терпящий несправедливость... имеет меньше. Середина между ними – справедливое, среднее же – это равное» [3, с. 325]. Таким образом, нравственная категория «справедливости» у Аристотеля имеет непосредственный выход в экономическую теорию.

При этом используется в своем роде «математический метод»: справедливое равенство (το ἰσον) соответствует добродетели, которой моральный субъект обладает, и пользой, которую он приносит обществу [3, с. 151–153]. В демократическом социуме богатый человек *по справедливости* делает большой взнос на общие нужды (поскольку он больше заинтересован в защите своих имущественных интересов, а государство несет в отношении него большие затраты). «Если справедливое – это равное, то пропорционально равное также будет справедливым. Пропорциональность предполагает... четыре члена: А так относится к В, как Г к Д» [3, с. 325]. Тем самым аристотелевская эвдемонистическая этика органично переходит в юридическую науку («правосудность» передается тем же термином – «το δίκαιον») и в политологию (трактат «Политика» исследует «справедливые» и «несправедливые» формы правления, делает вывод, «что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными» [3, с. 456]). У Аристотеля есть отдельная работа, рассказывающая о процессах становления демократического строя в Афинах, как наиболее соответствующего критериям справедливости [4, с. 31–86]. Философом затрагиваются также педагогические проблемы, поскольку «чувство справедливости» нуждается в целенаправленном воспитании [3, с. 289], способствующем формированию ответственного и полноценного гражданина.

Таким образом, эвдемонистическая этика Аристотеля с ее центральной категорией справедливости является ярким примером трансдисциплинарного дискурса.

Литература и источники

1. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторики. – М., 1978.
2. Hughes, G. J. Ηθικα Νικομαχεια. Ενας οδηγός αναγνώστης / G. J. Hughes. – Οκτώ, 2013.
3. Аристотель. Никомахова этика. Большая этика. Политика / Аристотель // Сочинения: В 4-х т. – Т. 4. – М., 1983.
4. Аристотель. Афинская полития / Аристотель // Античная демократия в свидетельствах современников. – М., 1996.

ЭТАЛОННАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

А. М. Мясоедов

Проблема изучения профессиональной культуры имеет важное значение в условиях динамики, с одной стороны, социального института профессии, а, с другой стороны, трансформационных процессов, происходящих в обществе.

В ситуации духовного вакуума, прагматизма многие отечественные и зарубежные ученые отмечают возросшую роль нравственной компоненты на современном этапе в решении многих профессиональных и мировоззренческих проблем. Так, белорусский философ А. П. Мельников утверждает, что постмодернистское сознание направлено на отрицание всякого рода норм и традиций – этических, эстетических, методологических и других, на отказ от авторитетов любого уровня, начиная от государства, национальной идеи, моральных ценностей и кончая правилами поведения человека в обществе [1, с. 340]. Философ А. С. Лаптенко отмечает, что традиционные методы регуляции поведения человека в обществе показывают свою ограниченность, меняется соотношение индивидуальной и общественной морали, происходит определенная атомизация морального пространства, которая ведет к изменению традиционных отношений в системе «индивид-общество», что приведет к идее приоритета личности, ее прав и свобод. Отсутствие четких паттернов поведения, их множественность приводят к аномии культуры и морали. Понятие нормы размывается. Это, с одной стороны, затрудняет процесс моральной самоидентификации индивида, а с другой – стимулирует поиск моральных ориентиров [2, с. 330].

Медицина – социально значимая и ценностно детерминированная профессия. Большая роль сегодня в ней принадлежит биоэтической культуре медицинских работников, соблюдению ими принципов, норм медицинской этики, деонтологии, нормативных документов, определяющих поведение медицинского работника.

Медицинская культура является, с одной стороны, консервативной системой, сохраняющей и опирающейся на традиции медицинской деятельности. С другой – это динамическая система, поскольку облик медицины как формы знания и деятельности в современной культуре существенно и быстро меняется. Происходит переход от патерналистской профессионально-моральной модели медицинской деонтологии к автономной модели врачевания, которая позволяет выработать ценностные ориентации в профессиональной деятельности врача, соответствующие правам человека, жизни и достоинству граждан, фундаментальным гуманистическим ценностям.

Факторами, влияющими на динамику медицинской культуры, являются: переоценка ценностей социума, распространение либерально-демократических ценностей, прав и свобод, появление и внедрение новых

биомедицинских технологий; влияние рынка культурной продукции; новые веяния в системе здравоохранения: распространение доктрины доказательной медицины, ее специализация, технизация и компьютеризация; восприимчивость к перекрестным влияниям других профессиональных культур; институционализация (появление новых социальных институтов – этических комитетов); создание оптимальных социальных условий; субъективные личностные факторы.

Современное состояние медицинской культуры определяется влиянием на нее новых «открытых» проблем биомедицины, которые решаются с помощью биомедицинской этики – этико-идеологической системы, формирующей сегодня мировоззренческо-нравственные основы профессиональной деятельности врача.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменован новым подходом в рамках медицинской культуры к профессиональной деятельности врача, поисками более гибких и открытых ее моделей, способных лучше реагировать на социокультурные «вызовы» времени. Одним из актуальных и наиболее востребованных предназначений современной медицинской культуры является *формирование целостной, совершенной личности врача*. Требования, предъявляемые к качествам врача, носят нормативный характер, поскольку определяют способ деятельности и стиль поведения представителей медицинской профессии; одновременно они могут рассматриваться как компоненты идеальной – «эталонной» модели личности врача.

Компонентами такой модели, по нашему мнению, являются следующие основные составляющие в их сложной взаимообусловленности и корреляции [3]:

– *призвание* – предрасположенность к врачеванию: наличие определенных интеллектуальных способностей, задатков, особых морально-психологических качеств;

– *профессиональная компетентность* – наличие профессиональных знаний, умений, навыков, на основе которых врач принимает решение;

– *клиническое мышление*, позволяющее на основе логического анализа обнаруживать особенности конкретного патологического процесса; конструировать процессуально-методологические схемы лечения, строить гипотезы и осуществлять концептуально-стратегическое целеполагание, владеть приемами рефлексии и саморефлексии;

– *система ценностей* – витально-биологических, нравственных, эстетических, правовых, досуговых, идеологических, определяющих поведение врача;

– *уважение профессиональных традиций* – соблюдение принципов благодеяния и непричинения вреда в сочетании с требованиями *современной биоэтики*;

– *высокие моральные качества личности* – гуманность, милосердие, доброта, сострадание, ответственность, увлеченность своей профессией, самоотверженность, чувство долга, порядочность, честность, самообладание, трудолюбие, требовательность к себе, отзывчивость, толерантность,

терпение, вежливость, мягкость обхождения, внимательность, стремление к самосовершенствованию, умение слушать, уверенность в себе, достоинство, принципиальность, коллегиальность, товарищество;

– *психологическая культура*, позволяющая управлять своим психическим состоянием и требующая знания психических особенностей пациента, что позволяет врачу адекватно строить психотерапевтическую тактику и мобилизовать психические резервы человека на преодоление недуга;

– *коммуникативная культура*, включающая культуру речи и способность к эффективному общению и установлению контактов как с пациентами, их родными и близкими, так и с медицинским персоналом;

– *правовая культура*, регулирующая медицинскую деятельность в соответствии с законодательством и требованиями администрации;

– *религиозная культура*, предполагающая уважение права выбора пациентом религиозной веры;

– *научно-исследовательская культура*, предполагающая развитие своего творческого потенциала и клинического мышления и активное внедрение биомедицинских инноваций в собственную практику;

– *организационная культура* – умение планировать рабочее время, продуктивно работать в коллективе; принимать оптимальные решения в стандартных и нестандартных ситуациях; наличие лидерских качеств и организаторских способностей;

– *информационная культура* – владение техническими средствами, компьютерная грамотность, способность к информационно-аналитическому обеспечению принимаемых решений;

– способность к *педагогической деятельности* – умение понятно, доступно, методически правильно объяснить ученикам, коллегам, пациентам интересующие их медицинские вопросы и передать профессиональный опыт;

– *культура здорового образа жизни*, его пропаганда;

– *эстетическая культура*, предполагающая вовлечение в медицинскую деятельность ценностей художественного ряда, способность заботиться о собственном располагающем внешнем облике и создании вещно-пространственного окружения;

– *экономическая культура*, позволяющая врачу рационально организовывать свою деятельность, справедливо распределяя имеющиеся ресурсы, ориентироваться в сфере оказания платных услуг.

Таким образом, предпринятая нами попытка разработки теоретической концепции инновационного типа медицинской культуры будет способствовать формированию и закреплению позитивных ценностных установок у студентов медицинских вузов, колледжей, интернов, молодых специалистов-медиков, что является весьма актуальным на современном этапе в трансформирующемся белорусском социуме и системе здравоохранения, в частности.

Литература и источники

1. Мельников, А. П. К вопросу об особенностях становления общества постмодерна / А. П. Мельников // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2017. – С. 339–340.
2. Лаптенюк, А. С. Этика добродетелей в современном социуме // А. С. Лаптенюк // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2017.
3. Мясоедов, А. М. Медицинская субкультура: сущность, структура, концептуальная модель врача. Материалы для проведения воспитательной, идеологической и информационной работы / А. М. Мясоедов; под ред. С. П. Кулика. – Витебск: ВГМУ, 2011.

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ФАКТОР КОНСТИТУИРОВАНИЯ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Д. И. Наумов

В современном социогуманитарном знании одной из значимых исследовательских тем является проблематика конструирования и /или ре(де)конструирования социокультурного пространства и форм репрезентации групповой идентичности, актуальность которой определяется как с теоретической, так и с практической точек зрения. В содержательном аспекте она актуализирует определение и оценку роли практик и приемов коммеморации, постоянно аккумулирующих и воспроизводящих знания о коллективно пережитых событиях, о предках и современниках, о нравственных установках и моральных императивах конкретного сообщества в процессе воспроизводства социальных структур. Для американского историка Аллана Меггила коммеморация выступает как способ конструирования и сохранения сообщества в определенных границах, который позволяет ему «подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий» [1, с. 116].

С социологической точки зрения коммеморативные практики можно рассматривать как особый вид социокультурной деятельности, посредством которой обеспечивается межпоколенческая трансляция социально значимых ценностей, культурного опыта и культурного наследия из прошлого в будущее, их (ре)конструирования и сохранения в исторической памяти конкретного этнонационального сообщества. Их отличает избирательность, эмоциональная насыщенность и субъективизм, которые актуализируются в соответствующих исторических нарративах и репрезентациях, как

производных когнитивных и мнемонических актов процесса коммеморации. В результате чего репрезентируются только отдельные информационные аспекты об историческом прошлом, как в контексте оценки актуального развития группы или общества в целом, так и долговременных проекций их развития. Как отмечает Зигфрид Шмидт, характеризуя в аспекте конструктивистского подхода феномен социальной памяти, она не возвращает к прошлому, а создает его посредством множества когнитивных и коммуникативных актов своих членов [2, р.199]. При этом, на индивидуальную и социальную память в современном социуме оказывают фундаментальное влияние средства массовой информации, создающие медийные рамки для формирования и воспроизводства коллективных воспоминаний [2, р. 200].

Коммеморативные практики, которые реализуются и воспроизводятся в различных современных сообществах, выступают как инструменты и формы производства и трансляции определенных способов интерпретации социальной реальности. С точки зрения природы происхождения и функциональной нагрузки в социально-политической сфере, как основного пространства актуализации групповой идентичности, их можно рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах.

Во-первых, с точки зрения специфики конструирования и воспроизводства. С одной стороны, коммеморативные практики могут целенаправленно инициироваться и искусственно создаваться для потребления индивидов, исходя из социально-политических интересов различных акторов (государства, политических партий, общественных движений и т. д.), а затем воспроизводиться в социальной среде при их активном участии в организационно-управленческом и ресурсном обеспечении данного процесса. Наиболее наглядным примером здесь является молодежная политика, в рамках которой необходимость правовой и политической социализации молодежи в русле патриотизма и гражданственности актуализирует использование коммеморации, выступающей в качестве эффективного инструмента для решения этой задачи (например, в форме традиционных скаутских парадов или торжественных пионерских линеек). При этом степень вовлеченности молодежи в подобные практики в рамках различных социально-политических процессов, как в качественном, так и в количественном аспектах, не играет особой роли. Ведь молодежь здесь не выступает в качестве полноценного актора, а является объектом администрирования, либо политических или экономических манипуляций. С другой стороны, коммеморативные практики могут являться естественным продуктом деятельности различных сообществ (например, субкультурных или контркультурных молодежных групп), выступая в качестве ресурса формирования и поддержания групповой идентичности, а также средства мобилизации таких сообществ. В этом случае будут наблюдаться определенные различия в аспекте принятия /непринятия ценностно-смыслового содержания коммеморативных практик между субкультурными

группами и основной массой населения.

Во-вторых, коммеморативные практики можно анализировать в контексте их функциональной политико-социализационной нагрузки, рассматривая в качестве средства формирования этнонационализма, как универсального принципа конституирования гражданина современного сложнорганизованного политико-государственного сообщества. При этом следует подчеркнуть эвристичность трактовки культурных процессов в контексте современных воззрений на природу национализма, позволяющей эксплицировать производство и воспроизводство политически значимых смыслов в контексте культурного пространства постсоветского общества. Соответственно, коммеморативные практики могут актуализировать соответствующие исторические нарративы, претендующие на общенациональный статус и определяющие вектор общественных дискуссий по историко-культурной проблематике. Манифестируя данные практики в реальном социальном пространстве или виртуальной среде (например, в форме создания монументов, «мест памяти», проведения фестивалей, утверждения и празднования коммеморативных дат, гражданских инициатив и пр.), индивиды или сообщества делают их этнонациональное наполнение объектом публичной политики и рефлексии.

Можно предположить, что наполнение этнонациональным содержанием коммеморативных практик обусловлено актуализацией этнокультурного компонента исторического процесса, как ответа общества на социокультурное нивелирование и унификацию в условиях глобализации, при одновременном падении значимости политики и политико-правовых институтов в жизни постсоветского общества. Возможность апеллировать к этностереотипам, иррациональным образам и смыслам, элиминируя исторические факты и рациональные аргументы, позволяет иррационализировать политический дискурс и снизить роль формализованных процедур политического процесса. Так, на закате СССР наиболее эффективным инструментом политической мобилизации граждан стали этнонациональные лозунги, а самыми массовыми общественно-политическими структурами – партии и общественные движения националистического толка, в создании которых активное участие принимали молодые люди, романтизовавшие этнокультурный компонент исторического процесса.

В функциональном аспекте коммеморативные практики являются ресурсом и инструментом формирования разнородного и плюралистичного идейно-символического пространства постсоветского общества, а в отношении отдельного индивида выступают в качестве способа современной политической репрезентации [3, с. 35]. Политические акторы и социальные группы, актуализирующие их в соответствующих версиях политики памяти, одновременно как обеспечивает историческую преемственность в социуме, так и насыщает социально-политическую жизнь конфликтогенными факторами и процессами. Как результат, иррационализация политического процесса постсоветского общества, одновременно ведущая как к

доминированию в публичной сфере проблематики символической политики, так и к маргинализации вопросов его социально-экономического и технологического развития.

Таким образом, в современном обществе коммеморативные практики являются одним из существенных источников конституирования этнокультурной, гражданской и политической идентичности, который имеет противоречивую природу. С одной стороны, они служат для выражения групповой солидарности и обеспечивают действенную самоидентификацию представителей различных сообществ, но, с другой стороны, содействуют созданию конфликтного социокультурного пространства.

Литература и источники

1. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007.
2. ErlI, A. Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / A. ErlI, A. Nünning. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008.
3. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – СПб.: Владимир Даль, 2003.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДОКУМЕНТАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ И СОЦИАЛЬНО- ИНФОРМАЦИОННЫХ НАУК

Ю. В. Нестерович

В соответствии с критерием преваляирования аспекта изучаемых явлений среди информационных наук продуктивно выделять документально-информационные науки (ДИН) – с преваляированием изучения технологических аспектов явлений, социально-информационные науки (СИН) – с преваляированием изучения семантико-социальных аспектов, и технико-информационные науки – с преваляированием изучения технических аспектов. К ДИН относятся: документоведение, архивоведение, документалистика, информационное ресурсоведение, книговедение, библиотековедение, эдициоведение (теория и методология редактирования и издательского дела) и др. К СИН относятся: социальная информатика, теория информационного общества, теория социальной информации, социальная коммуникология, научная информатика, теория журналистики и др. ДИН и СИН характеризуются высоким трансдисциплинарным потенциалом. В целом, это обусловлено широким эпистемологическим профилем большинства из них. В частности, ДИН относят к техническим наукам, а особенность теоретического знания в последних – включение в них знаний из разных наук (С. А. Лебедев).

Если различать трансдисциплинарность, охватывающую синтез знаний ряда дисциплин, и наддисциплинарность, охватывающую формирование знаний, востребованных при производстве знаний в различных дисциплинах

(Ф. Ф. Сатарова и др.), то особенностью информационных наук выступает тесная и, порой, не разграничиваемая связь трансдисциплинарности и наддисциплинарности. Она отчетливо проявляется и закрепляется в формировании общих интертеорий и метатеорий (общая теория информации З. В. Партико, А. Е. Кононюка, общая теория документа Ю. Н. Столярова, общая теория документа и книги Г. Н. Швецова-Водки, общая теория социальной коммуникации и метатеория социальной коммуникации А. В. Соколова и др.), знания которых востребованы при формировании частных теорий, а также при формировании терминосистем научной дисциплины, где необходима координация терминосистем отрасли практической деятельности и систем терминов теорий и теоретических основ (системы знаний, возникающие в отсутствие полновесно разработанной теорий) [1]. Она закрепляется и во взаимодействии информологии – общей теории информации и информационных процессов, методологии и терминоведения информационных наук с документологией – общей теорией документа, методологией и терминоведением ДИН [2].

Трансдисциплинарный потенциал (возможность синтеза разных дисциплин) значительной части ДИН и некоторых областей СИН обусловлен тесной связью отраслей практической деятельности. Так, документационная деятельность, взятая в узком смысле как управление документацией, нередко не отделяется от архивного дела, также взятого в узком смысле в качестве единого процесса. Лишь в последние десятилетия произошло выделение библиотечного дела и издательского дела из книжного дела. А выверение демаркации знаний книговедения и эдициоведения продолжается и сегодня [3]. Значительный удельный вес трансдисциплинарности в ДИН и СИН составляет взаимодействие понятий при синтезе знаний не только из разных дисциплин, относимых к ДИН и СИН, но и выходящих за их пределы наук – семиотики, культурологи, филологии и др (показывается на конкретном примере в [4]). Такое расширение круга дисциплин, понятия которых используются при синтезе общетеоретических знаний в ДИН и СИН обусловлено и продуктивностью отталкивания при их формировании не только от концепта информации, но и концепта интеллектуального продукта [5].

Следует констатировать возможность и необходимость *нового идеала* связи (научно-)философского и (конкретно-)научного знания, реализация которого основывается на выдерживании принципа непротиворечивости формирования общих теорий и их междисциплинарного синтеза. Такой идеал приходит на смену связи философских и научных знаний, заключающийся в создании промежуточных теорий между философской теорией и теорией конкретной науки, адаптирующих содержание первой к задачам этой науки. Исходя из различения онтологических (философско-онтологических) и научно-онтологических знаний следует констатировать, что в общие теории, создаваемые в информационных науках, входят философско-онтологические знания, преломляющиеся в научно-онтологические знания при раскрытии сущности изучаемых явлений и единиц процессов. Это касается

фундаментальных понятий документа и книги, раскрываемых в общих теориях «созданным человеком материальным объектом, специально предназначенным для передачи зафиксированной в нем информации в обществе» (И. Г. Моргешитерн и др.). Коррелятивные философской онтологии термины и предметные характеристики – «материальный носитель», «материальный объект» и др. используются и в СТБ. ГОСТ.

Одним из отличий трансдисциплинарного исследования от междисциплинарного, является «выход в практику» (И. Я. Черникова). «Выход в практику» в значительной части ДИН и некоторых СИН (в научной информатике) означает среди прочего формирование в отраслях деятельности, явления которых ими изучаются, терминсистем, закрепляемых в нормативно-технических стандартах. При формировании знаний ДИН и отчасти СИН на первый план выходит корреляция и координация терминов и понятий отраслей практической деятельности и терминов, понятий, знаний теорий [1].

Формирование новой документологической парадигмы [6] тесно связано с трансдисциплинарным и наддисциплинарным взаимодействием знаний, понятий, терминов не только ДИН, а и иных областей знаний, относимых к информационным наукам. Основными чертами исследовательской парадигмы для документологии выделяем возврат к «узкой» *трактовке документа*. Формирование понятий, выступающих логическим родом к понятию документа и общих терминов к термину «документ». Выделение состава и структуры единиц документационной и информационно-обеспечивающей деятельности на технологическом, синтаксическом, семантическом и ином уровне организации элементов в физической и интеллектуальной коммуникации. Выделение компонентом электронного документа, наряду с цифровой записью данных, файлом (набором их, частью его), видеограммы (изображения на экране) / аудиограммы – взамен использования конструкта «формы внешнего представления электронного документа». При построении генерализованной модели и базисных схем, касающихся структуры документов и иных единиц, необходима непротиворечивая корреляция понятий, термилируемых «текст», «информационный элемент, реквизит, атрибут, содержание документа, метаданные» и иных пересекающимися с ними понятиями. Допущение моделирования компонентом документа как системного объекта в техническом аспекте носителя данных, носителя записи, запоминающего устройства, компонентом электронного документа программной, электронной, аппаратной, физической среды. Модель процессов документационной и информационно-обеспечивающей деятельности, в которых инфообъект идентифицируется документом при включении в социальную инфосистему, необходимо согласовывать с понятиями единичного и стадийного документа.

Итак, особенностями трансдисциплинарного потенциала ДИН и СИН выступает тесная связь трансдисциплинарности и наддисциплинарности; использование при раскрытии сущности явлений и единиц в их общих

теориях терминов и понятий философской онтологии: охват при синтезе знаний взаимодействие понятий из широкого круга дисциплин; значительный масштаб «выхода в практику» значительного ряда ДИН и некоторых СИИ.

Источники и литература

1. Нестерович, Ю. В. О сложности построения терминосистемы архивоведения и документоведения в связи с различием стандартизируемых терминов и терминов, обозначающих понятия научных теорий / Ю. В. Нестерович // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2017. – Вып. 18. – С. 169–179.
2. Нестерович, Ю. В. Документология: на пути к трансдисциплинарному знанию / Ю. В. Нестерович // Научные и технические библиотеки. – 2014. – № 6. – С. 81–97.
3. Нестерович, Ю. В. Современное состояние и перспективы развития книговедения как комплексной научной дисциплины в ракурсе соотнесения книговедения и эдициоведения / Ю. В. Нестерович // Берковские чтения: Книжная культура в контексте международных контактов: матер. межд. научной конф., Полоцк. 24–25 мая 2017 г. – Минск. 2017. – С. 266–270.
4. Нестерович, Ю. В. О трансдисциплинарном взаимодействии понятий документа и информационного продукта в ракурсе описания структуры издания и публикации при построении общей интертеории / Ю. В. Нестерович // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань: зб. наук. праць. – 2017. – Вып. 10. – С. 48–60.
5. Нестерович, Ю. В. Концепты информации и интеллектуального продукта в рамках новой инфолого-документологической парадигмы / Ю. В. Нестерович // Научно-техническая информация. – 2015. – Сер. 1, № 12. – С. 1–11.
6. Нестерович, Ю. В. Новая инфолого-документологическая парадигма (методологический аспект) / Ю. В. Нестерович // Научно-техническая информация. – 2011. – Сер. 1, № 5. – С. 1–9.

КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ ОНТО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Н. А. Никонович

Данная тема связана с циклом исследований, посвященных анализу сущности и форм мифологического и религиозного сознания, а также стратегий и парадигмальных подходов в их исследовании. В частности, в предыдущих исследованиях нами были показаны возможности построения эпистемологии мифологического и религиозного знания, а также более глубокого проникновения в «картографию» (термин С. Грофа) человеческого сознания в его архетипических и религиозных формах. Было выявлено, что современная трансперсональная картина мира включает плюрализм трансперсональных онтологий. Ряд современных исследований позволяет делать вывод о том, что содержание религиозного сознания когерентно его представленности в культуре и религиозное сознание обладает онтологическим статусом. Данные идеи вписываются в парадигму развития

современной феноменологии религиозных и мифологических форм, развиваемую нами на основе трансперсональной философии и феноменологии религии.

Научная значимость этой проблемы определяется настоятельной потребностью современного гуманитарного знания в исследовании современных культурных модификаций, анализе и синтезе научных парадигм и подходов в области философии и методологии культуры. Трансдисциплинарный синтез, контуры которого мы наметили, позволяет эксплицировать новые измерения в таких областях гуманитарного знания, как философия культуры и философия религии. Данный новаторский подход позволит открыть новые ракурсы осмысления как онтологического, так и религиозного модусов бытия человека и культуры. Новые подходы и парадигмы гуманитарного знания более детально и глубоко исследованы нами в предыдущих работах [1; 2 и др.]. В данной работе ракурс научного осмысления сконцентрирован на проблеме методологии исследования мифологических и религиозных культур, на аналитико-теоретическом исследовании культурологического измерения мифо-религиозных феноменов, что отличает данную тему от наших предшествующих исследований, в которых делался акцент на онтологии личности, субъекта, экзистенции.

Культуру как объект онто-философского анализа целесообразно исследовать в контексте смены парадигм научного мышления и механизмов культурных модификаций. Выдвинутая идея связана с необходимостью анализа трансдисциплинарного исследования культурных феноменов в их сложных, многомерных смысловых и когнитивных связях с учетом бифуркационной динамики. Формирование и развитие наук о культуре (в научной литературе они объединены под общим названием Cultural Studies, что подразумевает сравнительное исследование и культурный анализ) породило новые подходы и стратегии в изучении культуры и ее элементов, но в то же время кумуляция научного знания в этой области вызывает спектр проблем и вопросов о философии и онтологии смыслового поля культуры, о создании онтологической культурфилософской концепции в контексте приоритетных методологических подходов. Нами предложен многоплановый, синтетический подход к проблеме философского осмысления исторического и культурного бытия. Постулируется идея о использовании результатов исследования в методологии современного гуманитарного познания.

Выдвигается тезис о взаимодействии и развитии различных сфер культуры в ее философско-онтологическом, религиозном измерении, реализованный посредством ковергенции таких подходов, как современные парадигмы в философии истории и культуре, религиозно-мифологический дискурс и аналитические подходы к культурной онтологии. Нами разрабатывается недихотомичная концепция философско-онтологического и религиозно-мифологического измерения культуры, основанная на междисциплинарном синтезе в рамках гуманитарной методологии.

Онтологическая и эпистемологическая размеренность философии истории и культуры отражает динамику картины мира в ее субстанциальном и интересубъективном ракурсах. В силу этого представляется значительной проблема прояснения оснований онтологии и эпистемологии культуры в качестве базовых составляющих исторического и культурного знания. В разных культурах наблюдается различное соотношение онтических и онтологических элементов (термины М. Хайдеггера), что позволяет видеть феномены этой культуры как недетерминированные прошлым и латентно определяющие смысловую сферу данной культуры.

В современной исследовательской теории и методологии целесообразно рассматривать проблемы культуры путем парадигмального анализа и синтеза, позволяющего выявить онто-феноменологические основания структуры сознания субъекта во взаимосвязи с культурными манифестациями. Это порождает новое понимание бытия культуры в ее рефлексивных и нерелексивных элементах.

Нами выдвигается мысль о том, что рассмотрение в рамках культурологической парадигмы вопросов религиозной антропологии, феноменологии религиозного сознания и бытия является теоретическим базисом для решения проблемы онтологии субъект-объектных модусов культуры и выработки современных междисциплинарных стратегий, которые расширяют границы современного культурологического дискурса. Исследование проблемы трансформации человеческой личности – это также исследование проблемы ее онтологических и субстанциальных оснований в связи с онтологией субъекта, религии и культуры. Современный мир представляет собой многогранное целое с приматом плюрализма без доминирования каких-либо образцов – религиозных, мифологических или каких-либо иных. Поскольку картина будущего развития остается открытой, необходимо понять тенденции трансформации и структурирующие элементы ее динамики. В этом вопросе обнаруживается креативный потенциал современной культурной методологии, которая позволяет исследовать феномены в диахронном и синхронном срезе. Необходимость синтеза парадигм выдвигает вопрос об основаниях, которые могут быть фундаментом подобного синтеза. Другой немаловажный вопрос – прояснение путей синтеза и экспликация методологий, фундирующих теоретическую основу подобного синтеза. Этот вопрос немаловажен, поскольку от исходных методологических посылок зависит конечный результат интеграционных стратегий. Такие базовые области гуманитарного знания, как философия культуры, онтология и эпистемология истории, философия религии могут быть концептуальным ядром теоретических разработок в области синтеза парадигм и подходов, результатом которого является мультидисциплинарный взгляд на культуру.

Таким образом, может быть построена недихотомичная концепция философско-онтологического и мифо-религиозного измерения культуры, основанная на междисциплинарном синтезе в рамках гуманитарной методологии. Результатом теоретического, структурно-системного анализа

культуры и ее мифо-религиозных детерминант является формирование трансдисциплинарного подхода к проблемам культуры, ее сущности и субстанциально-онтологических, религиозных характеристик.

Литература и источники

1. Никонович, Н. А. Современная трансперсональная парадигма: теоретико-методологический анализ / Н. А. Никонович // Вестник БрГУ. Сер.1. Философия. Политология. Социология. – 2018. – № 1. – С. 37–45.
2. Никонович, Н. А. Особенности современной трансперсональной парадигмы: Хорхе Н. Феррер / Н. А. Никонович // Национальная философия в глобальном мире: Матер. Первого бел. филос. конгресса. Доклады. – Минск: Право и экономика, 2018. – С. 109–112.

СОЦИОТЕХНИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В УПРАВЛЕНИИ

Ю. В. Никулина

Еще в условиях индустриального общества техника перестает быть просто облегчающими труд устройством, постепенно превращаясь в технологичную среду обитания, называемую техно-сферой. Технические инновации становятся неотъемлемой частью социальной практики, преобразуя сферу труда и повседневной жизни, формируя качественно новую фазу развития социума. С определенного времени наступает тот этап взаимодействия техники и общества, который специалисты называют социальной адаптацией техники. Под последней понимается сознательное и планомерное соотнесение технических систем с общественными потребностями и возможностями, «подгонка» под конкретные социальные запросы. Складывающийся сегодня шестой технологический уклад свидетельствует о тесном взаимодействии вплоть до сращивания биологических, антропологических, социальных и технических систем [1].

Технические системы постепенно превращаются в социотехнические, а техническое проектирование – в социотехническое. Концепция социотехнических систем в противоположность теориям технологического детерминизма, утверждавшим одностороннее воздействие технологии на человека в процессе выполнения им трудовых операций, основывается на идее взаимодействия человека и техники. Проектирование технических и социальных условий должно осуществляться таким образом, чтобы технологическая эффективность и гуманитарные аспекты не противоречили друг другу.

Современную организацию принято считать социотехнической системой, объединяющей организационно-технологическую и социально-психологическую составляющие. Социальная и техническая составляющие взаимообусловлены и взаимозависимы друг от друга. Системы управления людьми (социальная сторона организации) не являются самостоятельным образованием, они подчинены способу организации труда, который

находится в тесной взаимосвязи с технической системой. Характер этих взаимоотношений в пределах различных социотехнических систем подчиняется определенной логике. Методология проектирования социально-технических систем опирается на анализ совокупности технических и социальных факторов при организации процесса управления. Результатом применения этого подхода является лучшее понимание как влияют человеческие, социальные и организационные факторы на процесс управления. Это понимание может способствовать разработке и внедрению более эффективных организационных структур, оптимизации бизнес-процессов и т. д.

Однако, несмотря на то, что многие руководители понимают всю актуальность социально-технических методов проектирования, внедрение их в управленческую практику происходит довольно медленно. Сам термин «социотехническая система» предложен в 1960 годах Эриком Тристом и Фредом Эмери, работавшими консультантами в Тавистокском институте человеческих отношений (Великобритания). Они активно изучали последствия технологических изменений в угольной промышленности Англии еще с начала 50-х годов. Как раз в то время шахты переходили на новый технически более совершенный метод добычи угля. В соответствии с этим методом не только резко повышалась производительность труда, но и в корне менялся характер работы горняков: небольшие автономные бригады уходили в прошлое, внедрялась новая специализация, новая организационная структура, новые профессии. Э. Трист и Л. Бамфорт исследовали последствия этих изменений и обнаружили, что многие проявления дисфункционального поведения (сопротивление менеджменту и т. д.) были прямым результатом изменений социальных ролей, к которым привело внедрение новой технологии [2, с. 76].

Современные технократические бюрократии, утверждал Э. Трист, не способны работать в сложных условиях, ограничивая активность индивидов и использование ими инновационных методов, снижая качество трудового опыта, они не могут обеспечить столь же высокую производительность труда, как саморегулирующиеся организации. На основе своих наблюдений исследователь предложил дополнять технологические изменения соответствующим образом спланированной интеграцией новых социальных отношений [2, с. 77].

Довольно долго теория социотехнических систем рассматривала самоуправляемые рабочие группы и вообще коллективный труд в качестве основной альтернативы тейлористскому подходу к организации труда, на котором строилось управление в рамках «научного менеджмента» и который требовал максимального разделения труда. Проектирование социотехнических систем было обусловлено стремлением отойти от максимального разделения труда в условиях массового типа производства за счет усиления кооперации. Наиболее развернутое представление о строении и функционировании организации в рамках социотехнического подхода дал Р. Дабин, который рассматривал организацию как систему, обеспечивающую

соединение техники с человеческим компонентом. Он выделил четыре подсистемы организации, определяющие поведение членов организации: технико-технологическую, формальную, внеформальную, неформальную.

Сегодня проектирование социотехнических систем – это направление интегрирования технологической и социальной систем организации с учетом влияния внешних факторов. По сравнению с другими видами проектирования это наиболее сложный процесс, который оказывает огромное влияние на организацию в целом. Социотехнический подход стал практической альтернативой традиционному представлению об организации. Последняя долгое время представлялась неким балансом между бюрократической администрацией, технологическими императивами, автократическим менеджментом и экономическим рационализмом. Принципы же, на которых строится социотехническая система, определяются следующими шестью признаками: инновационность, развитие человеческих ресурсов, гибкость связи с окружающей средой, кооперация, ответственность и эффективность, создание общих оптимальных условий.

При социотехническом подходе процесс управления рассматривается не как последовательность дискретных операций, а как совокупность процессов, обладающих внутренним единством действий. Основное значение приобретает рабочая группа, а не функция и должность. Внешнее регулирование со стороны администрации заменяется более эффективным внутригрупповым регулированием. Когда система труда нуждается в изменениях, то излишними должны считаться ее функции, а не осуществляющие их работники – должностные позиции больше не предписываются, а могут изменяться в соответствии с желаниями лица, выполняющего производственные задания.

Объединение технической и социальной систем в социотехническую, по мнению сторонников подхода, предполагает интеграцию на трех уровнях: 1) организационном, включающем признание важных организационных взаимозависимостей между всеми подразделениями; 2) групповом, формирующем автономные рабочие группы со всей полнотой ответственности и правом распределения функций между членами; 3) индивидуальном, ориентированном на проектирование индивидуальных заданий с потенциальной возможностью личностного развития.

Таким образом, социотехническое проектирование позволяет увидеть тенденции организационного развития в социокультурном контексте, выявить риски и социокультурные последствия развития новых технологий. Знания о социальных системах и культурных особенностях превращаются в важнейший элемент профессиональной культуры управленческих кадров. Социогуманитарные исследования становятся основой инновационной деятельности в управлении.

Технологии социотехнического проектирования реализуют задачу создания современной социальной среды, опирающейся на передовые научные достижения, которые в свою очередь максимально ориентированы на совершенствование человеческих качеств и отношений. Управленцы всех

уровней должны владеть навыками понимания социокультурных контекстов создания и применения техники, умением предвидеть последствия и рассчитывать социальные риски, разворачивать сценарии возможных социальных изменений и культурных трансформаций, что означает формирование принципиально новых компетенций, связанных с социотехническим проектированием [1]. Проектная деятельность становится основной формой инновационного реинжиниринга, направленного на создание сложных социотехнических систем, имплицитно содержащих несколько вариантов развития и использующих науку для реализации оптимального сценария.

Литература и источники

1. Панина, Г. В. Социотехническое проектирование в инженерном образовании / Г. В. Панина // Научно-образовательный форум МГТУ им. Баумана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bmstu.ru /ps/~panina/ ps/ forum/ publications/ 680/>. – Дата доступа: 08.09.2018.
2. Занковский, А. Н. Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология» / А. Н. Занковский. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ, 2002.

ФЕНОМЕН ТРАНЗИТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ И ЕГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ

В. Т. Новиков, О. В. Новикова

Сущность феномена транзитивизма в социальной эпистемологии состоит в корреляции двух видов объектов, обладающих онтологическим статусом в сфере научного исследования – с одной стороны, идеализированных объектов, являющихся результатом теоретико-конструктивной деятельности, с другой – предметов и явлений, составляющих изучаемый социальный мир, данный нам в формах практической деятельности. В решении этой проблемы можно выделить три аспекта. Первый – онтологический, касается диалектики объективного и субъективного в самих объектах действительности. Смысл вопроса в данном случае: «какова природа этих объектов»? Второй аспект – гносеологический, связан с вопросом о соответствии знаний об этих объектах действительности – их адекватности познаваемому объекту. Здесь смысл вопроса в следующем: «достижимо ли адекватное объекту знание, если оно включает момент конструктивности?» Третий аспект – праксеологический, характеризующий влияние социально-гуманитарного знания на явления действительности и, в целом, на общественно-историческую практику.

Нас, прежде всего, интересует гносеологический аспект проблемы, который касается принципиальной возможности познания общества и его феноменов в контексте антитезы реализма и конструктивизма. В литературе можно встретить несколько интерпретационных моделей социального

познания. Во-первых, методологию гносеологического реализма (объективизма), в которой вопрос о познаваемости объекта решается в духе гносеологического оптимизма. С его позиций эффективность познания определяется возможностью достижения знания, которое соответствовало бы объекту, и, в этом смысле, удовлетворяло бы трактовке истинного знания, в берущей начало от Аристотеля, корреспондентской концепции истины.

Во-вторых, методологию радикального конструктивизма (радикального транзитивизма), которой в теории познания соответствует гносеологический пессимизм и суть которого состоит в признании того, что наши знания – не более, чем сеть интерпретаций, а сама социальная реальность может быть понята как сугубо символическая реальность. При этом версии интерпретации социума как символической реальности многообразны. В частности, Н. А. Бердяев говоря о русском символизме отмечал серьезное влияние на него В. С. Соловьева, который, по мнению Бердяева «сформулировал сущность символизма в одном из своих стихотворений: Все видимое нами, только отблеск, только тени от незримого очами» [1, с. 236].

В современном все более усложняющемся мире в результате возрастания роли знаково-символических систем ситуация усугубляется и, как следствие, «человек не испытывает реальной потребности в правдивых знаках, поскольку он соглашается с тем, что никаких правд больше не существует. С этой точки зрения мы вошли в век зрелищ, когда человек отдает себе отчет в искусственности всех знаков, которые он может получить...» [2, с. 29], манипулируя ими в собственных интересах. Как итог, в обществе формируется мнение, что «нет никакой истины, есть только версии, и сам поиск истины – полная чепуха. Место поиска истины занято сейчас оправданием различий мнений, плюрализма, стиля [2, с. 320]. Но главная проблема состоит в том, что в итоге "мы находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла" [3, с. 146].

В данной трактовке, используя характеристику критика этой методологии Р. Харре, "общество и институты внутри него не должны восприниматься как независимо существующие реалии, о которых мы порождаем символы. Скорее они сами – символы, которые мы описываем при объяснении определенных проблемных ситуаций" (цит. по: [4, с. 177]). В поэтической форме результат применения данного подхода иллюстрируют слова рубаи О. Хайяма: "Наш мир – поток метафор и символов узор...". В этом случае говорить о возможности получения истинного знания о мире как объективной реальности не приходится, поскольку само ее бытие является проблематичным.

В-третьих, методологию умеренного транзитивизма, обладающую паллиативным характером в том смысле, что она основана на стремлении преодолеть антитезу конструктивизма и реализма в современной методологии науки и социальной эпистемологии. Она связана с признанием наличия в социально-гуманитарном познании сложной диалектики как имеющей образную природу и обеспечивающей достижение адекватности

знания об объекте оригиналу репрезентации, так и соотносимой с созданием новых, в своей основе знаково-символических компонентов конструктивной деятельности, которые достаточно условно и метафорично характеризуют объект. Их синтез в форме идеализированных объектов науки позволяет включить в исследование общественных явлений и процессов эти транзитивные объекты как эффективное средство достижения знания об их сущности.

В частности, конструктивная природа сознания и познания человека стала предметом рассмотрения в школе современной "социологии знания", обращающей внимание на неправомерность абсолютизации роли объективных законов социодинамики. Подобная сциентистская интерпретация, по мнению создателей этой школы, придавала развитию социума обезличенный и фаталистический характер. Но если мы рассматриваем в качестве методологической установки тезис о том, что общество являет по своей сути не объективно-материальную, а объективно-субъективную реальность, то должны отдавать себе отчет в том, что социальная реальность зависит от сознания, и знания людей. Эта реальность целенаправленно конструируется ими в их деятельности на основе определенных значений – знания об обществе не просто репрезентируют реальность, а способны объективироваться и посредством материально-преобразующую деятельность изменять ее. Поэтому, конструктивная природа существующего объективно общества, в то же время, есть человеческий продукт [5, с. 102] – результат деятельности людей, воплощающих определенный проект своего творческого замысла.

С определенной мерой условности к умеренному транзитивизму можно отнести также позицию Н. А. Бердяева, который соотносит проблему истины с онтологическим аспектом анализа феномена транзитивности знания, суть которого состоит в характерном для мыслителей древности и отмеченном Парменидом синкретическом единстве "предмета мысли и мысли о предмете". Русский мыслитель прямо говорит: "Я хочу знать не действительность, а истину действительности. Я могу узнать эту истину только потому, что во мне самом, в познающем субъекте, есть источник истины и возможно приобщение к истине... Истина относится не к феноменальному миру, а к ноуменальному, идейному миру" – поэтому делает вывод автор – "...есть Истина с большой буквы и есть истина с малой буквы" [6, с. 186–187]. Следовательно, существует плюрализм истин, о чем говорит название рассматриваемого раздела в его работе "Опыт эсхатологической метафизики" – "Истина выгодная, истина гибельная и истина спасающая".

В таком случае актуальным становится вопрос о критерии истины, ответ на который предполагает обращение к анализу отмеченного ранее праксеологического аспекта рассматриваемой проблемы, который характеризует процесс объективации когнитивной деятельности и превращения его результатов в акты материально-преобразующей деятельности. Поскольку человек – это деятельное существо, постольку

объективация предполагает переход от внутреннего, ментального плана действия к его внешнему, практическому воплощению. Этот аспект транзитивизма в форме опредмечивания знания зафиксирован в социологии в теореме Томаса, в психологии – в "эффекте самовнушения" Ф. Гальтона, в "философии символических форм" Э. Кассирера – в воздействии политического мифотворчества на общественное сознание и посредством его на детерминацию социальных действий людей.

Таким образом, спектр решения вопроса о возможности достижения истины в контексте проблемы транзитивности социального знания достаточно широк. Но важен сам факт, что посредством его объективации в форме разработки и осуществления технологических проектов достигается практическая эффективность. Ведь в общественной жизни получение истинного знания не является самоцелью, конечно, если мы являемся приверженцами концепции практической природы познания.

Литература и источники

1. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Мыслители русского зарубежья. Бердяев. Федотов. – СПб.: "Наука", 1992. – С. 37–258.
2. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – М.: ПОСТУМ, 2018.
4. Козакевич, Х. Реализм и социология: вышла ли социология из кризиса? / Х. Козакевич // Социологос. – М.: Прогресс, 1991. – С. 170–185.
5. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995.
6. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1995.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В РЕЛИГИОВЕДЕНИИ

В. А. Одиноченко

Мы будем рассматривать трансдисциплинарный подход как один из возможных методов изучения религии. При этом употребление самого понятия «возможность» указывает на полипарадигмальность научной дисциплины. Но в случае изучения религии важен также плюрализм подходов, который сочетается с мировоззренческим плюрализмом, соответствующим современному состоянию нашего общества. В то же время, при наличии нескольких методологий и возможности их выбора возрастает значение методологической рефлексии.

Целью применения любой методологии является выявление характеристик объекта. Разнообразие методологий дает возможность более полного его изучения. При этом следует отличать наше понимание объекта, возникшее в результате применения определенного подхода, от самого объекта. Речь не идет о кантовском противопоставлении «вещи в себе» и

«вещи для нас», но о многообразии реальности. Применяя тот или иной подход, мы получаем познание ее фрагмента либо аспекта. Однако достижение определенного уровня знания указывает на новые возможности.

Продуктивность применения трансдисциплинарного подхода в религиоведении обусловлена объектом исследования, а именно, религией. Мы рассматриваем ее как продукт человеческой деятельности. Ее можно сопоставить с научной деятельностью по изучению религии и рассмотреть их отличия. Таким образом рассматривается сочетание различных видов деятельности в контексте определенной культуры.

Одной из специфических характеристик социально-гуманитарных дисциплин является то, что исследователь должен, в большей степени, нежели в иных науках, обладать предварительным интуитивным знанием об объекте изучения, которое является отправной точкой в исследовании. «Поскольку плодотворность научного метода определяется тем, насколько он соответствует характеру объекта, постольку исследователь должен иметь предварительное знание об объекте, на основе которого он будет выработать приемы исследования и их систему» [1, с. 15].

Под религией мы понимаем тип мировоззрения и мировосприятия, а также соответствующее им поведение, основанные на вере в сверхъестественное. Давая определение, мы тем самым обозначаем определенную трактовку религии. В данном случае ее специфику мы видим в принятии сверхъестественного как основы реальности.

Религия представляет собой сложную систему. В ее структуре обычно выделяют религиозную веру, религиозное сознание, религиозный культ, религиозную мораль и религиозную организацию. Характер взаимодействия между этими компонентами в конкретной религии определяет ее специфику. Например, в протестантстве особое внимание уделяется вере. Но есть религии, в которых акцент делается на деятельности. Весьма интересными примерами в плане осознания разнородности религиозной сферы являются национальные религии. Как правило, они сводятся к совокупности обрядов и норм поведения.

Сопоставления поведения приверженцев различных религий имеет в условиях религиозной ситуации в современной Беларуси практический характер. Как показывают социологические исследования, религиозность большинства населения страны имеет декларативный характер: участники опроса заявляют о своей принадлежности к религии (как правило, к православию), но это никак не влияет на их поведение. Так, по результатам исследования, проведенного в 2016 г. Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь, был сделан вывод о том, что «анализ полученных данных свидетельствует о преобладании номинального религиозного сознания у большинства респондентов, отнесших себя к какой-либо религии. Так среди этой группы активно ведут себя в религиозном плане только 8% опрошенных, в том числе постоянно принимают участие в богослужениях 5%, отправлении всех обрядов и таинств – 3%» [2, с. 105].

Однако социология выделяет лишь определенный аспект религиозной ситуации. В условиях современной Беларуси продуктивно применение культурологического подхода, в рамках которого возможно объяснить специфику религиозности большинства населения страны. Сопоставление подходов, применяемых при изучении религии в философии, истории, социологии, культурологи и других дисциплинах дает возможность обозначить пространство диалога между ними. Однако следует подчеркнуть, что это пространство не заполняется всей совокупностью научных дисциплин, изучающих религию. Каждая из них предлагает свою точку зрения на религию, обуславливающую ее трактовку. Сочетание этих точек зрения ведет к мультидисциплинарности. Тогда религия рассматривается как системный объект, описываемый при помощи различных подходов.

При применении мультидисциплинарного подхода при помощи методов различных дисциплин происходит конструирование религии как многомерного объекта. Трансдисциплинарный подход позволяет выйти за рамки конструкта.

Религия является тем объектом познания, который не вписывается в рамки концептуализации. Речь идет не об ограниченности человеческих познавательных способностей, приводящих к иррационализму, но о специфике самого объекта, имеющего сверхъестественный характер.

Таким образом, мы можем рассмотреть знания о религии, разработанные в рамках различных дисциплин как сложную, многомерную и саморазвивающуюся систему. Однако система всегда предполагает свою среду, то, что выходит за границы системы и создает условия для ее развития.

Применение трансдисциплинарного подхода в религиоведении дает возможность не только наладить диалог между различными дисциплинами, но и проблематизировать их претензии на полное описание религии.

При этом, во-первых, следует осознать наличие множества разнородных религий. Одним из критериев сопоставления может быть то, как они сами трактуют себя. В этом случае продуктивным является применение герменевтического подхода, когда исследователь стремится понять вероучение той или иной религии (при его наличии), а также взгляды и поведение ее приверженцев. Особенно продуктивным это будет при изучении такого феномена современной культуры как стихийная религиозность, возникающая из повседневной жизни людей.

Во-вторых, необходимо рассмотреть тот культурный контекст, в рамках которого существует конкретная религия. Под культурой мы понимаем «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [3, с. 292]. Когда мы определяем религию через понятие «сверхъестественное», то следует учитывать, что само соотношение естественного и сверхъестественного также культурно обусловлено. Их четкое разделение

произошло в европейской культуре Нового времени с развитием естествознания, которое и определяет, что такое «естественное». В язычестве, как традиционном, так и современном, такого противопоставления нет.

В-третьих, продуктивным является изучение религии через анализ ее объекта в его конкретности. Например, христианский Бог и мусульманский Аллах обладают различными характеристиками, и это обуславливает разницу в поведении христиан и мусульман. Если же рассмотрим такого бога как Кришна, то он обладает ярко выраженными чертами, связанными со спецификой индийской культуры. Религию продуктивно рассматривать как ответ на сверхъестественное. При этом не обязательно признавать его наличие, акцент следует делать на стремлении понять взгляды и поведение приверженцев той или иной религии.

Литература и источники

1. Степин, В. С. Методы научного познания / В. С. Степин, А. Н. Елсуков. – Минск: Вышэйшая школа, 1974.
2. Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. материалов социол. исслед. за 2016 г. / А. В. Папуша [и др.]; Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск: Белорус. Дом печати. – 2017.
3. Арнольдов, А. И. Культура / А. И. Арнольдов, М. А. Батунский, В. М. Межуев // Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 292–295.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ КРЕАТИВНОГО РЕСУРСА И КАПИТАЛА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ РИСКОВАННОГО ОБЩЕСТВА: НЕОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Р. И. Олексенко

Особенности формирования мировоззренческих ценностей креативного ресурса и капитала предпринимателей в условиях глобальных вызовов и трендов развития современного мира предполагает интеграцию различных философских, социологических, культурологических концепций [2, с. 98–100]. Это информационный, коммуникационный и инновационный менеджмент, креативная экономика, управление интеллектуальной собственностью, коммуникативное право, современные формы организации и практическая философия, которые формируют культуру управления знаниями и ресурсами, подготовкой высококвалифицированных специалистов.

Теоретический дискурс особенностей формирования мировоззренческих ценностей креативного ресурса и капитала предпринимателей в условиях парадигмы сложности рискованного общества и глобальных вызовов и трендов развития современного мира сформировался

благодаря усилиям таких ученых как: И. Августин, В. Андрущенко, В. Акопян, В. Базилевич, Д. Беккер, Н. Бердяев, И. Бех, В. Воронкова, В. Геец, Г. Захарчин, С. Иванов, В. Ильин, И. Кант, М. Князева, К. Макконнелл, Дж. С. Милль, А. Мищенко, М. Пирен, А. Романенко, Н. Левицкая, В. Лосский, Н. Савицкая, В. Светличная, В. Соловьев, И. Ушной, К. Ушинский, А. Филиппенко, Т. Фурман, Й. Шумпетер, Н. Яремчук и другие.

Сейчас по Индексу глобальной креативности Украина занимает 45 рейтинговую позицию из 139, что является достаточно высоким показателем.

Ядром формирования мировоззренческих ценностей креативных предпринимателей в условиях глобальных вызовов и трендов развития современного мира является креативная личность, воплощающая в себе высшее проявление человеческой деятельности – творчество, которое стимулирует производство инновационных материальных и духовных благ. Это требует создания благоприятной бизнес-среды с должной оценкой креативности и легкостью начала нового бизнеса; развитие культуры креативной экономики и подготовка глобальных творческих талантов и укрепления компетенции в создании инноваций как основы креативной экономики, исходя из того, что четвертая промышленная революция характеризуется развитием цифровых технологий, глобализацией и изменением взаимодействий между личностью и обществом [1, с. 11–12].

Поэтому формирование мировоззренческих ценностей креативного ресурса и капитала предпринимателей в условиях парадигмы сложности рискогенного общества идентифицируется нами как создание жизненного общественного пространства как индивида, так и страны и определяется нами как цивилизационное развитие, а его результаты как культурное достояние нации, обогащает мировое культурное достояние.

Стремление создать общее теоретическое поле для анализа процесса формирования ресурса и капитала мировоззренческих ценностей креативных предпринимателей должно быть связано с попыткой определить структуру любого жизнеспособного дискурса, в нашем случае – мировоззренческих ценностей креативных предпринимателей в условиях глобальных вызовов и трендов развития современного мира. Поэтому современное образование [5] должно быть готово отвечать на вызовы глобализации, модернизации, интеллектуализации общества, что требует креативного предпринимателя, готового работать в условиях рыночной экономики, определять потребности в будущих специалистов и формировать требования к их компетенции в соответствии с потребностями и динамикой рынка труда. Регулятор рынка образовательных услуг должно стимулировать развитие учебных программ по подготовке специалистов, которые осуществляются в тесном сотрудничестве «образование-наука-работодатель» [6]

С переходом от постиндустриального к информационному, а потом к «обществу знаний» жизненный мир человека значительно изменился: происходит формирование постматериальных ценностей, виртуализация и автономизация. Задача науки, образования, культуры в условиях глобальных

вызовов и трендов развития современного мира – сбалансированный баланс между прогрессом и гуманизмом. Так, в сфере труда это может быть внедрения новых технологий мотивации – геймификация и креативизация, которые позволяют человеку получить удовольствие от работы, самореализоваться и развиваться [3, с. 90].

Заметим, что техногенный тип развития современной цивилизации принес человечеству большое количество достижений, однако породил и множество кризисов, представляющих угрозу человеческой цивилизации, – экологический, антропологический, требующие формирования новой матрицы ценностей, отвечающих идеалу сохранения биосферы и человечества. В связи с этим, философия играет особую роль в формировании мировоззренческих ценностей и ориентиров цивилизационного развития. Выступая самосознанием культуры, философия осуществляет рефлексию над ее фундаментальными мировоззренческими универсалиями и формирует новые смыслы, адресованные будущему развитию цивилизации. Философия, представляя мир ценностей и оценок, предлагает высшие смыслы человеческого бытия и выступает в качестве центрального объекта неоксидологического анализа [4].

Именно через призму неоксидологии нам представляется возможным выявить ценностную значимость различных сфер культуры и их адекватную оценку в творчестве человека. Поэтому мы пытались доказать, что философия выступает главной доминантой и ключевым фактором формирования мировоззренческих ценностей конкурентоспособных специалистов, а новые условия требуют эволюции от «*homoeconomicus*» к «*homocreativus*» [4]. Мы культивируем идею, что сегодня философия должна развиваться как практическая философия, определяется как междисциплинарное направление исследований, которая изучает ценностные основы действий человека в условиях текущего жизненного мира.

Литература и источники

1. Андриякайтене, Р. Smart-философия как теоретическая и практическая основа реализации задач четвертой промышленной революции / Р. Андриякайтене, В. Воронкова, О. Кивлюк, В. Никитенко, И. Рыжова // Міжнародна науково-практична конференція «Теоретичні і практичні засади еволюції від інформаційного суспільства до "суспільства знань" і до smart-суспільства: виклики і можливості четвертої промислової революції» 23–24 квітня, Запоріжжя, 2018. – С. 11–12.
2. Воронкова, В. Формирование человеческого потенциала как фактор развития креативного предпринимательства в условиях информационного общества / В. Воронкова, Р. Олексенко // Міжнародна науково-практична конференція «Теоретичні і практичні засади еволюції від інформаційного суспільства до "суспільства знань" і до smart-суспільства: виклики і можливості четвертої промислової революції», 23–24 квітня, Запоріжжя, 2018. – С. 98–100.
3. Воронкова, В. Развитие креативного предпринимательства Украины в условиях информационного общества / В. Воронкова, Р. Олексенко // Tarptautinė mokslinė-

praktinė konferencija «Mokslasir praktika: aktualijos ir perspektyvos», 10–11, Marijampolė, 2018.

4. Oleksenko, R. Homo Economicus as the Basis of «Asgardia» Nation State in Space: Perspective of Educational Technologies / R. Oleksenko, L. Fedorova // Future Human Image. – 2017. – Volume 7.

5. Oleksenko, R. Neoliberalism in Higher Education as a Challenge for Future Civilization / R. Oleksenko, V. Molodychenko, N. Shcherbakova // Philosophy and Cosmology. – 2018. – Volume 20.

6. Oleksenko, R. Homo Economicus in Futures Studies / R. Oleksenko // Philosophy and Cosmology. – 2017. – Volume 19.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

А. И. Осипов

Философия, являясь формой рационально-критического мировоззрения, рефлексией над всей человеческой культурой, обобщает разнообразный опыт познания и преобразования мира человеком. Предельно широкий «эмпирический» базис философии позволяет ей разрабатывать свой категориальный аппарат, который может выходить за рамки наличного опыта освоения мира. Именно отсюда вытекает способность философии предлагать продуктивные эвристические идеи, потребность в которых особенно возрастает в кризисные периоды развития науки и человечества в целом.

Критически анализируя наличное бытие человека в мире, философия выявляет предельные основания этого бытия, разрабатывает варианты возможных человеческих миров, осуществляя их аксиологическую экспертизу с позиций желаемого и должного. Иными словами, философия в рациональной, когнитивно-ценностной форме разрабатывает и обосновывает жизненные стратегии человека и в личностном, и в родовом плане. Значимость такой мировоззренческой работы трудно переоценить, особенно теперь, когда техногенная цивилизация переживает глубокий системный кризис.

Современная эпоха общественного развития – сложная, противоречивая и динамичная – выдвигает перед человеком и человечеством целый ряд серьезнейших проблем, требующих глубокого философского осмысления. Достижения современной цивилизации, прежде всего в научно-технической области, открывают перед человечеством большие возможности, но и потенциально угрожают не менее серьезными опасностями. Усложнение современной техники, все большая зависимость человека от созданных им технических устройств делают его весьма уязвимым перед лицом освобожденных им природных сил и сконструированной реальности. Речь идет не только о проблеме надежности в техническом смысле, но и об опасности утраты человеком контроля над созданными им сложнейшими техническими системами, которые приобрели

глобальный характер.

Формализация межличностных отношений, замещение многомерной человеческой бытийности технологической и виртуальной событийностью создают угрозу утраты человеком своей сути. Человек может превратиться в существо с деформированной шкалой ценностей, в некоего мутанта, утратившего духовно-нравственные ориентиры и глубинные смысловые основы бытия как в личностном, так и в родовом аспектах.

Главными проявлениями духовно-нравственного кризиса общества потребления на современном этапе являются *либертаризм, гедонизм и консьюмеризм*. Либертаризм – требование неограниченной свободы, легко игнорирующее нравственные нормы. Культ вседозволенности самых низменных человеческих страстей и пороков становится модным на Западе. Главный враг демократии, – замечает В. Г. Федотова, – раковая опухоль западных обществ – требование неограниченной свободы, которое разрушает общественную солидарность и нормы [5, с. 18].

Дух безудержного потребительства (консьюмеризм) и гедонизма (жажда наслаждений) – свидетельство глубочайшего духовного кризиса Запада на фоне материального комфорта и благополучия. Дело даже не в том, отмечает М. Блюменкранц, что гедонистские устремления современного общества запускают технологическую машину уничтожения природы, среды обитания, а в том, что гедонизм, как об этом свидетельствует история прошлых цивилизаций, – тупиковый путь развития культуры. Растекаясь в ширину в поисках все новых и новых наслаждений, человеческая жизнь теряет измерение глубины, без которого она становится все более бессмысленной.

В современную эпоху под угрозой оказывается само существование личности, поскольку личность – это духовная характеристика человека. «И дело здесь не только в секуляризации христианской культуры, а в разрушении сакральных основ самого бытия человека, не востребованности духовного измерения человеческого существования. Идеалом жизненного успеха в общественном сознании представляется карьера звезды шоу-бизнеса, спортивной знаменитости, высокооплачиваемого актера или преуспевающего бизнесмена. Но нельзя безнаказанно ампутировать духовное. "Свято место пусто не бывает", рано или поздно его заселяют бесы» [1, с. 176–177].

Жизнь человека все более редуцируется к суетливой событийности, поверхностному скольжению в мире безрадостных удовольствий, где виртуальная реальность занимает все большее место. Можно вслед за М. Блюменкранцем поставить вопрос о том, не является ли неизбежной платой за невиданный научно-технический прогресс общества и несомненные достижения современной западной демократии катастрофическое уничтожение ресурсов человеческого в человеке, вырождение его духовной природы, деградация присущей ему воли к творчеству? [2, с. 51].

Поверхностное скольжение человека в информационно-коммуникативном пространстве и в целом по своей жизни, отмечает М. Блюменкранц, до поры до времени является патентованным важным средством защиты от ее подспудного трагизма. Но рано или поздно защита рушится, подступают неизбежные болезни и смерть – час неотвратимой расплаты по приватным счетам, не обеспеченным высшим смыслом жизни. Человек застывает над бездной и с глубокой отчетливостью осознает, что опереться ему не на что ни в самом себе, ни в мире, который вдруг стал чужим, равнодушным и враждебным. Все очарование тешивших сердце миражей блекнет, радости гедонизма безнадежно тускнеют, и человек остается один на один с вопиющей бессмыслицей собственных страданий [2, с. 53].

Постиндустриальное общество потребления оказалось той почвой, на которой в последней четверти XX в. возник постмодернизм – направление в искусстве и философии, ставшее очень популярным к концу столетия. Для постмодернизма характерно разочарование в разуме и прогрессе, неверие в будущее. Постмодернистское общество теряет интерес к целям, для него характерны разочарование в идеалах и ценностях. Отсюда – цинизм и релятивизм нравственных ценностей, принимающий форму гедонизма, культа чувственных и физических наслаждений, удовольствий, развлечений.

Постмодернистский человек – это в полном смысле массовый человек, которого сравнивают с магнитофоном, подключенным к телевизору, без которого он теряет жизнеспособность. Это конформист, готовый поступиться любыми принципами, ради достижения успеха. Его мировоззрение лишено прочной опоры, оно размыто и неопределенно [4, с. 283–284].

Все это говорит о духовном бессилии человека постиндустриального общества. «Насколько безгранична его возможность иметь, настолько бессильна его способность быть» [2, с. 60].

Не пора ли гуманистически ориентированной мысли, как отмечает известный российский философ П. С. Гуревич, поставить преграды безответственным постмодернистским играм, направленным на полное уничтожение человека как антропологической данности? Не является ли философской обязанностью каждого ответственного мыслителя остановить параноидальные суицидальные устремления зарвавшихсялюбомудров? [3, с. 23]

Постмодернистские восторги по поводу возможностей постиндустриального общества, якобы освобождающего и раскрепощающего человека, вызывают только горькие сожаления. Освобождение и раскрепощение человека, о котором любят многие говорить, на деле есть разгул человеческих страстей и инстинктов, освобождение от нравственных норм, что ведет к духовно-нравственному релятивизму, граничащему с цинизмом. Это яркое свидетельство бездуховности, глубочайшего духовно-нравственного кризиса современного общества потребления, для которого права и свободы стали своеобразным идолом.

Для преодоления современного глубокого экзистенциально-духовного

кризиса человечеству необходимо осознать глубину этого кризиса и мобилизовать все интеллектуальные и духовные творческие ресурсы, чтобы разработать и осуществить оптимальную жизненную стратегию человечества, адекватную высокому предназначению человека. Большую роль в этом может и должна сыграть философия. Но философия мобилизующая, а не расслабляющая человека, выполняющая конструктивно-ориентирующую, а не деструктивно-дезориентирующую роль, помогающая человеку жить, творить и оставаться человеком. Вряд ли философия постмодернизма способна на это. Сама философия, творческий потенциал которой далеко не исчерпан, должна найти в себе силы для выполнения своей высокой миссии служения благу человечества.

Литература и источники

1. Блюменкранц, М. Общество мертвых велосипедистов / М. Блюменкранц // Вопросы философии. – 2004. – № 1.
2. Блюменкранц, М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта / М. Блюменкранц // Вопросы философии. – 2007. – № 1.
3. Гуревич, П. С. Феномен деантропологизации человека / П. С. Гуревич // Вопросы философии. – 2009. – № 3.
4. Современная западная философия. – Минск: Выш. шк., 2000.
5. Федотова, В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2005. – № 11.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ЭКО-ЭТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В РЕГУЛИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ МЕДИАСФЕРЫ

О. С. Павлова

Основываясь на многолетнем педагогическом опыте работы в белорусских и украинских вузах, можно с определенной достоверностью утверждать, что феномен информационной перегруженности, информационной усталости, медианеграмотности наблюдается в студенческой среде все чаще. И проявляется он, в первую очередь, в снижении познавательного интереса у обучающихся, а так же в поверхностном, нетворческом, безинициативном восприятии учебного материала. Не хотелось бы говорить обо всех студентах, это не так! Но огонек интереса в глазах первокурсника увидишь все реже и реже. Многие ребята утверждают, что не в силах справиться с валом информационной загрузки. Таким образом, цель данной работы ориентирована на практическую составляющую: проанализировать эффективность возможного трансдисциплинарного эко-этического подхода для регулирования информационных потоков медиасферы.

Большинство исследователей медиапространства отмечают, что в настоящее время регистрируется сложная расширяющаяся динамика

медиафферы с лавинообразным нарастанием информационных потоков, усилением тенденций интерактивности и мультиканальности передачи информации, в особенности усложнение медийного Интернет-сегмента. Следствием является усиление угрозы стабильности медиафферы, использование ее в манипулятивных целях заинтересованными сторонами, вплоть до ведения информационных войн, расширение информационного медиа-неравенства в обществе и т. д.

Экологический подход в трактовке медиафферы представляется нам наиболее перспективным и действенным инструментарием для работы со сложным феноменом современных медиа. В рамках данного подхода медиаффера рассматривается как со-сложение социо-коммуникативной и эко-коммуникативной среды, в которой фокусом сосредоточения сил выступает биогенетическая и психоэмоциональная составляющие человека и социальных групп. Знаковость экологической доминанты проблем медиафферы усиливается в связи с тем, что именно медиаффера является одной из главных площадок выражения и разрешения социально значимых тенденций современного общества. Таким образом, сфера медиа – это именно та современная «реторта», в которой «возносятся» и оформляются социально-значимые проблемы, им придается аксиологическая окрашенность, вырабатывается целостное отношение социума к ним.

К началу 70-х годов XX столетия можно говорить о сформировавшемся усилии Г. Инниса, Л. Мамфорда, Ж. Эллюля, Э. Хейвлока, М. Маклюэна, У. Онга, Н. Постмана и других – устойчивым понимании медиа как о «не простом расширении человека» (термин М. Маклюэна) и дополнении его действий, как всякое орудие труда, а как о «расширении» его ума, нервной системы, новых возможностей коммуникации. Следовательно, медиа несут в себе не только новые возможности, но и новые глубинные экологические угрозы, к примеру, об информационном перегрузе предупреждал Н. Постман еще в 80-х годах XX столетия в книге «Мы доразвлекаемся до смерти» [1].

К середине 70-х – 80-м гг. XX ст. оформляется европейское сообщество исследователей медиаэкологии, его лидером, несомненно, можно признать Р. Дебре, чья жизнь и творчество достойны самостоятельного приключенческого романа [2]. Идеи экологии информационного пространства можно встретить в работах Ж. Бодрийера, Н. Лумана, П. Бурдьё, М. Хоркхаймера, Т. Адорно и других. Творческими усилиями таких авторов как: М. Кастельс, Р. Фитц (автор термина медиаффилофия), А. Манагетти, Н. Больц, М. В. Льюса, Ж. Липовецки и других, создаются концептуальные обобщения медиаффилофии, выявляются новые характеристики и параметры медиареальности.

Таким образом, суммируя оценки понятия «медиа» можно выявить два наиболее четких подхода в его трактовках: дискрипция медиа как сферы понимания и коммуникации людей, в таком случае эоинструментами могут выступать – печатное слово, речь, язык в целом. А так же медиа – как сфера бытия современного человека, и в данной версии эоинструменты – это

символы и знаки современного пространственно-временного континуума социума, технологии, дизайнерская среда, урбоцикл существования человека и т. д.

Проблемы медиаэкологии находят свое разрешение и в прикладном плане. Интересен в данном аспекте факт – компания Google в последние годы ввела должность специалиста по этике дизайна (Design Ethicist), контролирующего создание этикоориентированного дизайна, защищающего миллиарды людских умов от неправомерного вмешательства. Три года проработавший на этой должности Тристан Харрис делится накопленным опытом в своем блоге [3]. В настоящее время он организовал собственный Центр гуманных технологий и сетевое движение «Time Well Spent» за разумность в подходах к безопасному использованию информационно-коммуникационного универсума, разработку этических канонов и моральной ответственности технологических компаний перед обществом за распространяемую продукцию. Журнал Rolling Stone назвал Тристана Харриса в 2017 году одним из «25 людей, формирующих мир», т. к. он активно сотрудничает с образовательными платформами TED, HBO, RealTime и другими по проблемам этических ограничений информационных потоков в сети, продолжая традиции экономики внимания Г. А. Саймона, который сформулировал данную концепцию еще в 1971 году [4]. Ключевым выводом экономики внимания является мысль о том, что в медиасфере будет с необходимостью возрастать борьба за внимание людей, а следовательно, ее экобаланса – соотношения между структурными элементами расширяющегося медиaprостранства, потребительской широтой охвата медиапродуктов и ограниченным объемом внимания потребителей – будет достигнуто еще сложнее. Таким образом, гражданскому сообществу нужно разворачивать активную защиту против масштабного и агрессивного влияния на внимание людей. Каким образом этого можно достичь?

По-нашему мнению, необходимо сохранять ориентир на широкий спектр трансдисциплинарных медиаэкологических исследований, перспективной целью которых должна быть выработка моделей сбалансированного медиапотребления. Подобные трансдисциплинарные модели должны суммировать и отражать, по сути, экоориентированный коммуникативный опыт, как совокупность представлений об успешных и неуспешных стратегиях в личностном, межличностном и мультидиалоговом режимах. Наивысшим уровнем рассматриваются мультидиалоговые коммуникации функционально-созидающего типа по принципу экокультурных коммуникаций в медиасфере.

Литература и источники

1. Postman N. Informing Ourselves to Death [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.wheelersburg.net/Downloads/PostmanInforming.pdf> – Date of access: 19.06.2018
2. Дебрэ, Р. Введение в медиологию / Р. Дебрэ; пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М.: Практик.

3. Харис, Т. Авторский блог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tristanharris.com/>. – Дата доступа: 27.04.2018

4. Herbert, A. Simon [Electronic resource]. – Mode of access: <https://scholar.google.com/citations?user=tk2qT34AAAAJ&hl=en>. – Date of access: 26.05.2018.

ЧТО ТАКОЕ КВАЛИА: ПРОБЛЕМЫ, СПОРЫ И АРГУМЕНТЫ

А. В. Парфеня

Вопрос и проблема квалиа находится в прямой связи с проблемой сознания. Последняя заключается в вопросе о сознании: существует ли таковое? Сознание понимается как нечто супервентное мозгу, однако не тождественное ему – нечто независимое и нефизическое. Квалиа же является свойством сознания. Как и сознание, квалиа является чем-то нефизическим и нематериальным, хотя и соотносится или зависит от физического. Те представители аналитической философии, которые утверждают, что сознание существует, относятся к общему лагерю антифизикалистов. Те представители аналитической философии, которые утверждают, что сознание не существует, относятся к общему лагерю физикалистов. Антифизикалисты пытаются доказать существование сознания, а, следовательно, и квалиа через аргументы: аргумент «летучей мыши» (как иллюстрация проблемы и примерное понимание сущности квалиа), аргумент знания, аргумент мыслимости, аргумент разрыва в объяснении, аргумент об инвертированном спектре и другие.

Т. Нагель предлагает аргумент «летучей мыши», который призван показать несостоятельность или ограниченность научных исследований в области сознания. Для этой цели он прибегает к мысленному эксперименту: представим себе летучую мышь. Всякая летучая мышь пользуется эхолокацией – как люди зрением. У летучей мыши, несомненно, существует некий опыт, человек не может понять, что значит – использовать эхолокацию, как летучие мыши не могут понять, что значит – быть человеком; следовательно, у летучей мыши есть некий внутренний, субъективный опыт, знание – «каково это – быть летучей мышью»; с помощью науки, от третьего лица, невозможно изучить или узнать именно эту, качественную, сторону опыта. Примерно таков аргумент «летучей мыши» Т. Нагеля. Однако как его аргумент относится к квалиа? Хотя прямого отношения к квалиа данный аргумент и не имеет, однако он иллюстрирует и выражает одну особенность: квалиа означает именно «каково это – быть летучей мышью, человеком, видеть красный цвет и т. п.». В общем-то, в примерно таком смысле понимают квалиа представители аналитической философии [1].

Аргумент знания был предложен Ф. Джексоном. Целью данного аргумента является опровержение физикализма и попытка доказать существование квалиа. Аргумент знания Ф. Джексона звучит следующим образом. Мэри заключена в черно-белой комнате. Она получает образование

с помощью черно-белых книг и черно-белого телевизора. Так она узнает все, что можно знать о физической природе мира. Она знает все физические факты о нас и о нашей окружающей среде в широком смысле слова «физический», который включает всю завершённую физику, химию и нейрофизиологию и все вытекающие отсюда знания о каузальных и реляционных фактах, в том числе, конечно, функциональные роли. Если физикализм является истинным, она знает все, что можно знать. Полагать обратное – значит полагать, что можно знать больше, чем все физические факты, а это как раз то, что отрицает физикализм. Представляется, что Мэри не знает всего, что можно знать, поскольку, когда ей позволят выйти из черно-белой комнаты или дадут цветной телевизор, она узнает, каково это – видеть, скажем, красный цвет. Следовательно, физикализм ложен.

Можно выразить данный аргумент через посылки:

1. До своего освобождения Мэри знает все физические факты о других людях.

2. До своего освобождения Мэри знает о других людях не все, потому что она узнает нечто новое о них после своего освобождения.

3. Физикализм требует признать, что если Мэри знает все физические факты, то она знает все факты.

4. Следовательно, физикализм ложен [2].

Следует кратко изложить некоторые версии критики в адрес аргумента знания Ф. Джексона. Наиболее удачный контраргумент, на мой взгляд, был предложен Д. Льюисом. Он замечает, что Ф. Джексон использует в своем аргументе знания само слово «знать / знание» в разных смыслах, происходит смешение разных видов знания. Д. Льюис говорит о том, что существует «знание, что...» и «знание, как...». Первый вид «знания» представляет собой фактическое, дескриптивное знание. Второй вид «знания» представляет собой субъективный характер опыта и переживания. Когда Мэри выходит из своей комнаты и видит красный цвет, она узнает «каково это – видеть красный цвет», это – «знание, как...», но это не «знание, что...», т. е. фактическое знание. Таким образом, Д. Льюис отвечает на поставленный вопрос аргумента знания Ф. Джексона: нет, Мэри ничего нового не узнает, т. к. она обладает знанием всех физических фактов («знание, что...»), но она приобретает новую способность, новый опыт («знание, как...»). Иногда этот контраргумент называют гипотезой способностей. В первой посылке «знать» отсылает к «знанию что», во второй посылке «знать» означает «знание как». При таких посылках ни о каком выводе из посылок говорить нельзя. Однако данный контраргумент не опровергает существование квалиа, он лишь отвечает на поставленный вопрос отрицательно, потому что Мэри приобретает способность или «знание, как...», знание «каково это – видеть красный цвет», а это, безусловно, означает, что квалиа существует как нефизическое свойство [2].

Аргумент мыслимости был представлен Д. Чалмерсом. Как и предыдущие аргументы, данный аргумент представляет собой критику материализма и редуктивного физикализма. Аргумент Д. Чалмерса является

попыткой доказать существование сознания и качественных состояний или квалиа. Аргумент мыслимости звучит следующим образом:

1. Мыслимо, что существуют зомби.
2. Если мыслимо, что существуют зомби, то метафизически возможно, что существуют зомби.
3. Если метафизически возможно, что существуют зомби, то материализм ложен.
4. Материализм ложен [3].

Также, данный аргумент можно выразить формально:

1. Мыслимо, что $P \& \sim Q$.
2. Если мыслимо, что $P \& \sim Q$, то $P \& \sim Q$ метафизически возможно.
3. Если $P \& \sim Q$ метафизически возможно, то материализм ложен.
4. Материализм ложен [4].

Выше была представлен аргумент мыслимости Д. Чалмерса. Однако его аргумент сложен тем, что он применяет двумерную семантику и крипкеанскую модель в своем аргументе. Чтобы понять аргумент мыслимости надо понять, каким путем конкретно идет философ. Двумерная семантика связана с пространством возможных миров. Пространство возможных миров является единым, однако в них присутствуют два вида значения: первичный интенционал и вторичный интенционал. Первичный интенционал – «это функция от миров к экстенционалам, отражающая способ фиксации референции в актуальном мире. Она выделяет в мире тот референт понятия, который имелся бы при актуальности этого мира» [5]. Таким образом, первичный интенционал понятия зависит от способности субъекта определять его референт путем априорной выводимости. Вторичный интенционал понятия не зависит от способности субъекта определять его референт; он определяется сугубо апостериори и зависит от актуального положения дел. Знаменитый пример С. Крипке для понимания двумерной семантики приводится с понятием «вода»: вторичный интенционал понятия «воды» связан с актуальным положением дел апостериори и обозначается как « H_2O », т. е., по вторичному интенционалу, «вода есть H_2O »; первичный интенционал связан с априори, где «вода» не является « H_2O », «вода» здесь представляет собой некую «водянистую материю, пригодную для питья» во всех возможных мирах, или «XYZ», таким образом, в первичном интенционале, априори, устанавливается значение «воды», где «вода есть XYZ или водянистая материя, пригодная для питья», т. к. априори мы не можем знать, что «вода есть H_2O », это значение можно вывести лишь апостериори [5].

Таким образом, существование и понимание квалиа как некоего нефизического в аналитической философии доказывают мысленные эксперименты: аргумент «летучей мыши» Т. Нагеля, аргумент знания Ф. Джексона, аргумент мыслимости Д. Чалмерса и их краткая критика другими аналитическими философами.

Литература и источники

1. Нагель, Т. Каково быть летучей мышью? // Электронная библиотека Гумер [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/nag_kak.php. – Дата доступа: 10.05.2018.
2. Нагуманова, С. Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии / С. Ф. Нагуманова. – Казань, 2011.
3. Чалмерс, Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. – М., 2013.
4. Горбатов, В. В. «Аргумент зомби» и проблема априорной выводимости / В. В. Горбатов. – Екатеринбург, 2015.
5. Крипке, С. Тождество и необходимость. Новое в зарубежной лингвистике / С. Крипке. – 1982.

ПОЛИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР МЕНТАЛЬНОГО ПОДХОДА: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Д. В. Полежаев

Современное пространство социально-гуманитарного знания, рассматриваемое как открытый феномен, необходимо нуждается в наполнении его новыми методологическими инструментами, способствующими открытию и развертыванию сущностных оснований различных явлений и процессов, наполняющих социальную ткань современного общества.

Вместе с тем, новые подходы к изучению особенностей взаимодействия общества и человека, признающиеся актуальными в контексте реализации принципа полидисциплинарности, не могут быть «пустыми» по своему содержанию. Они должны достаточно выпукло проявлять те или иные особенности конкретного явления социальной жизни или индивидуально-личностных проявлений человека для всестороннего и углубленного их осмысления.

Это в полной мере относится и к относительно новому направлению в современной науке об обществе и человеке, которое подпадает под определение «ментальные исследования». Взгляд на самые различные проблемные узлы современного мира через призму ментального подхода, в основе которого лежит понимание менталитета как феномена, функционирующего во времени большой длительности и мало изменчивого под влиянием факторов конъюнктурного плана – политических, экономических, идеологических, природных и т. п. – помогает нам по-новому увидеть различные сферы культуры в их развитии, движении, исторической динамике.

Поиск сущностных оснований ментального подхода, подтверждающих необходимость его актуализации, подводит нас к общим проблемам методологического обоснования научных исследований, которые всегда

занимали значительное место на различных этапах развития науки. Мы исходим из того понимания, что развитие любой науки может осуществляться лишь в том случае, если она пополняется новыми фактами, накопление и интерпретация которых обеспечивается применением научно обоснованных методов исследования в единстве и взаимодействии научных теорий, концепций, подходов.

В современном социально-гуманитарном знании метод определяется как «путь, способ исследования; способ сбора, обработки и анализа данных; способ применения старого знания для получения нового знания; упорядоченная работа с фактами и концепциями; совокупность относительно однородных приемов, операций практического или теоретического освоения действительности, подчиненных решению конкретной задачи». Это психологическое определение метода видится убедительным и для других наук об обществе и человеке, в том числе и социальной философии, в обобщенном виде «измеряющей» особенности взаимодействия общества и человека, как в современности, так и в историческом протяжении. Понятие «метод исследования» может трактоваться как способ достижения какой-либо цели или решения конкретной задачи для достижения этой общей цели, а также как совокупность приемов, операций практического или теоретического освоения действительности. Это видится методологически важным в плане обоснования ментального подхода.

Составляя основу исследования, методология ментальных исследований определяет способы изучения и преобразования действительности, пути достижения поставленной цели, реализация которых предполагает применение определенных процедур, приемов (конкретных и частных методик исследования). Взаимосвязь понятий «методология», «метод», «методика», определяется нами как соотношение «целого» и «части» – в философских категориях «общего», «особенного» и «единичного».

Такое понимание необходимости ментального подхода к изучению особенностей взаимодействия общества и человека предполагает авторское обозначение того, что мы понимаем под менталитетом / ментальностью, поскольку именно данные научные категории (и соответствующие им феномены) положены нами в его основу.

Мы традиционно говорим о менталитете народа, общества; однако представляется также вполне возможным вычленять ментальные особенности социально-группового, профессионального и др. планов. Налицо углубленное исследование ментальных феноменов учеными различных направлений наук об обществе и человеке; заметный интерес к ним со стороны социологических и политологических лабораторий и центров, некоторая терминологическая «какофония» на уровне обыденного, межличностного общения – все это только подтверждает актуальность и практическую значимость данного глубинно-психологического механизма передачи и воспроизведения социально и исторически необходимой (востребованной) информации.

В чем же его значимость? Нам она представляется по меньшей мере в нижеследующем. *Во-первых*, это передача исторически существенной информации на «социально-генетическом» уровне. *Во-вторых*, это коррекция передающейся информации в соответствии с изменяющимися социальными, политическими, военными, природными и т. п. условиями. К этому же уровню исторической значимости мы относим процесс вычленения неизменных (особенно важных в этнопсихологическом плане?) основ. *И, в-третьих*, функциональная значимость феномена менталитета социума проявляется также «наращивании» и поддержании социальных автоматизмов, связанных с психологическими особенностями социальной установки. Это способность представителей данного общества на внесознательном (т. е. не активирующем в полной мере социальное сознание) уровне а) воспринимать окружающие события, явления и факты, б) оценивать их определенным (характерным для данного конкретного общества) образом и в) действовать в соответствии с устойчивыми во «времени большой длительности» глубинными социально-психологическими установками.

Проблема менталитета актуальна не только для отечественных наук об обществе и человеке, но и для западного социально-гуманитарного знания. Актуальность его, думается, обеспечивается, прежде всего, практической значимостью исследования ментальных феноменов, особенно в плане мировоззренческой самоидентификации (как личностной, так и коллективной).

Формирование менталитета как системы особых глубинно-психологических установок (социального и личностного плана – они в определенном смысле взаимозаменяемы, «взаимопереходимы») происходит, повторим, за исторически длительный период. Отличия одной нации от другой (памятуя, согласно теории индоевропейского расселения народов, о единых корнях европейцев по меньшей мере) социальными исследователями традиционно увязывается с конкретно-историческими условиями формирования собственного национального организма и – уже – конкретными данными природными условиями, которые не могут не накладываться на народ своего отпечатка.

Известно, что менталитет – феномен, не относящийся к сфере материального, это – феномен психический, становящийся и осуществляющийся в историческом протяжении. Поэтому видится важным сопоставление материального и духовного в индивидуальном и массовом сознании. Коротко можно обозначить это взаимопроникновение материального и духовного, используя диалектический подход: накопление количественных (материальных) характеристик приводит через определенное историческое время к качественным изменениям.

Установки социального и индивидуального сознания (и внесознательной сферы), формирующиеся в конкретно-исторических условиях (в том числе и пространственных, природно-географических), через определенное время, после «проверки» собственной устойчивости, начинают

формировать особенное (характерное, например, для данной культуры) восприятие и оценивание индивида и общества (на основе соответствующей ориентировки или «предориентации»). Видится справедливым утверждение, что последние феномены являются в чистом виде социально-психическими.

Социальное воздействие (наиболее распространенным и показательным примером является идеология) коснулось, прежде всего, внешних проявлений ментальности, которые на сторонний взгляд представляют собой деструктурированную целостность, содержащую в себе опредмеченные феномены культуры, социальных отношений и их материальных носителей. Это артефакты «конъюнктурных ритмов». Ментальность личности сохраняет внутреннее, сущностное основание в виде некоего генетического кода самоактуализации. Ментальность представляет собой целостную информационную базу, подвергающуюся исключительно слабым изменениям во времени большой длительности.

Понятно, что методологические основания ментального подхода к различным социально-индивидуальным феноменам нуждаются в дополнительном предметном развертывании. Но общий абрис ментального подхода видится нам в предварительном плане прописанным, а значимость феномена менталитета в изучении событий и явлений прошлого и настоящего вполне убедительной.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ НРАВСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ МЫСЛИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Д. А. Пулатова

XXI век – начало третьего тысячелетия, оказался не простым для всего человечества. Он принес немало прогрессивных изменений, связанных с бурным развитием науки, техники, появлением новых высокоразвитых технологий. Но, в то же время, именно этот этап человеческого общества столкнулся с достаточно трудноразрешимыми глобальными проблемами, вызванными, прежде всего, «оторванностью культуры от ее нравственных оснований», «излишней материальной озабоченностью», утилитаристско-прагматическим пониманием смысла жизни человека. В результате этого с новой силой зазвучали вопросы о правильности выбора путей развития, принятых в западной (техногенной) цивилизации, и, как следствие, об адекватности ее мировоззренческих ориентаций и идеалов, возрождения духовных ценностей, являющихся основой формирования нравственного совершенствования личности.

В истории развития общественной мысли народов Центральной Азии нравственное восприятие окружающего мира наиболее ярко проявилось в нравственном законе зороастризма – единстве доброго помысла, доброго слова и доброго поступка. В дальнейшем эти идеи были развиты в трудах

наших великих соотечественников Фараби, Ибн-Сины, Бируни, Алишера Навои, других мыслителей. Цель нравственной жизни они усматривали в непрерывной борьбе добродетели с пороком, добра со злом. Нравственные идеалы человечества – «добро», «достоинство», «любовь», «справедливость» и так далее, отражающие ценности высшего порядка нашли отражение в их концепции нравственного совершенствования личности.

Слово «камал» или «камалун» в переводе с арабского языка означает «совершенство», «полноценный»; «ал-инсан ал-камил» – имеет значение «нравственно совершенный человек», «добродетельный человек». Фараби, Ибн Сина проводили идею «камалун» как основной принцип построения добродетельного города. Согласно учению Фараби, зло есть плод неразумности, и единственный путь приобрести здравомыслие – просвещение. Добро – это ценность, во имя которой совершаются самые благородные поступки и деяния.

В чем заключается сущность добра и его значение для человека и общества, было рассмотрено нашими великими предшественниками в их учении «ал-инсан ал-камил». Фараби проблему «камал» связывает именно с приобретением мудрости, знания. Высшая мудрость для Фараби – это быть добродетельным, поэтому совершенный человек по Фараби, – это добродетельный человек. Он понимает добро как единство знания и деятельности, поэтому знание добра не может оставаться в форме созерцания, оно должно реализоваться в нравственном поступке. Вместе с тем, совершенствование – это вечный процесс развития человека, полюбившего мудрость. Вопрос о совершенстве начинается с приобретения мудрости и завершается пониманием нравственного совершенствования как смысла своей жизни. В своем «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» Фараби писал о том, что человек достигший совершенства должен обладать пронизательным умом, а также «любить правду и ее поборников, ненавидеть ложь и тех, кто прибегает к ней; обладать гордой душой и дорожить честью, его душа должна быть выше низких дел и от природы стремиться к деяниям возвышенным; презирать дирхемы, динары и прочие атрибуты мирской жизни, любить от природы справедливость и ее поборников, ненавидеть несправедливость и тиранию и тех, от кого они исходят; быть справедливым, но и не упрямым, не проявлять своенравности и не упорствовать перед лицом справедливости» [1, с. 221].

Будучи учеными-энциклопедистами, наши великие соотечественники выдвигали идею «целостности мира», гармонии человека и общества. Всеобщая гармония, по их мнению, достигается не только мудростью, глубоким проникновением в суть вещей, осознанием смысла существования человека, но и его добрыми поступками, делами: «Счастье души заключается в совершенствовании ее субстанции, а последнее достигается знанием и благодетельством» [2, с. 332]. Исходя из идеи социального детерминизма, взаимосвязи и взаимообусловленности жизни людей в обществе, наши великие соотечественники неоднократно высказывали мысль о том, что благо отдельного человека связано с благом других, что интересы людей в целом

совпадают независимо от их вероисповедания, сословной и национальной принадлежности. Именно это имел в виду Алишер Навои, когда писал в своей «Пятерике»: «Если ты сделал своим знаменем приносить пользу людям, то эта польза будет и твоей».

Выдающийся ученый Беруни считал, что «...желание достигается приложением труда, а получение добра – затратой чего-либо дорогого» [3, с. 9]. Развивая эту идею, он писал: «Доброта, заключается в желании добра всем людям вообще, и сородичам в особенности, при бессилии – добрым пожеланием, а при возможности – делом... Что же касается облика души в (смысле) нравственности и образа жизни, то человек, властный над своими страстями, в силах изменить его, превратив отрицательные стороны в похвальные по мере того, как он убедит воспитывать свою душу, лечить ее духовным врачеванием и постепенно удалять ее недуги способами, указанными в книгах о нравственности» [3, с. 21].

Концептуальные идеи гуманизма и нравственности нашли свое выражение в трудах Ибн Сины. Так, мудрость, по Ибн Сине, – это основа и источник не только получения человеческого знания, но и нравственных отношений между людьми. Ибо человек наделен такой силой, посредством которой он способен отделить добро от зла, совершенство от низости, интеллектуальную зрелость от заблуждения и лжи [4, с. 45]. Человек как разумное существо занимает особое место в природе. Благодаря разуму он становится личностью, свободной от довлеющего влияния случайных и стихийных сил природы и подчиняющей свою деятельность требованиям «весов мудрости».

Взаимоотношения между людьми строятся на началах добродетели, благородства. Ибн Сина писал: «Желая принести пользу другому человеку, мы желаем приобрести доброе имя или надеемся на воздаяние, или же мы поступаем так, как следует, чтобы проявить добрую волю и исполнить свой долг, так как исполнение долга для нас является нравственным достоинством, заслугой и добродетелью. Если же мы так не поступим, то не приобретем ни этих похвальных качеств, ни добродетели, ни благородства» [2, с. 141]. Он отмечал: разум «видит то, из чего проистекают доброта, порядок и счастье». Когда человек полностью освобождается от своих нравственных пороков и вредных привычек, унижающих его как личность, он «без лишних трудностей и тягостей осуществляет обучение, становится полезным и приятным другим» [4, с. 47].

Своеобразную концепцию нравственного совершенствования человека («ал-инсан ал-камил») разработал Алишер Навои. В основе его концепции лежит идея непрерывной борьбы человека с порочными наклонностями, в преодолении страстей души. Эти идеи нашли свое отражение и в учении тасаввуф, возникшего в Центральной Азии в XI–XII вв. и оказавшего большое влияние на творчество многих выдающихся поэтов и мыслителей, таких как Саади Шерази, Алишера Навои.

Таким образом, мыслители Центральной Азии выдвигали идею о всеобщем равенстве всех людей и гармонии общества с природой.

Справедливость, по их мнению, восторжествует только тогда, когда люди, отказавшись от слепой веры обратятся к разуму как к единственному судье, способному разрешить существующие споры и противоречия в обществе.

В ходе развития социально-философской мысли в Центральной Азии последовательно оформлялись такие фундаментальные для гражданского общества идеи, как ценность человеческой личности, равенство всех членов общества перед законом, ценность знаний и просвещения, демократическая система управления. Они в последующем нашли свое отражение в идее Национальной независимости Узбекистана.

Литература и источники

1. Аль-Фараби. Избранные трактаты / Аль-Фараби. – Алматы, 1994.
2. Ибн Сина. Избранные философские произведения / Ибн Сина. – М., 1980.
3. Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Т. V. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Абу Райхан Беруни. – М., 1963.
4. Насыров, Р. К проблеме единства знания и нравственности по произведению Ибн Сины «Тадбири манзил» / Р. Насыров // Общественные науки в Узбекистане. – 1991. – № 8.

ДИРЕКТИВЫ ЛЕЙБНИЦА: ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДИЛЕТАНТИЗМА В НАУКЕ

Ю. И. Решетко

Едва ли не лучшим примером синергии различного вида знаний является в учение Г. В. Лейбница (1646–1716). Его личность чаще других упоминается в связи с идеей построения универсального знания и синтеза естественных наук, философии и религии. Деятельность Лейбница оказала непосредственное влияние на формирование европейской науки Нового времени и опосредовано – на мировую науку последующих столетий. Тенденции к преодолению частностей и крайностей были как нельзя близки его системе. Опыт знакомства с данной философией, а также ее самостоятельного развития имел место также в Российской империи и *implicite* присутствует вплоть до наших дней [1, с. 329–342]. Ученые всего мира небезосновательно вновь и вновь обращаются к философии Лейбница, видя в ней предпосылки и верные интенции к построению цельного знания.

Проблемы современной науки не новы, их аналоги имманентны науке в принципе, поэтому имеет смысл обращаться за опытом решения подобных проблем к прошлому. Будучи философом и популяризатором науки *par excellence*, Лейбниц ратовал не только за построения «республики ученых» [2, с. 425–434; 3, с. 39–40], но и за усовершенствование, а также за очищение науки от варваризмов [4, с. 349–358]. Философ хорошо представлял себе препятствия на пути к всеобщему просвещению: одни из них свойственны человеку по естественной ограниченности, – и это лишь дело времени, – другие же связаны с осознанной и добровольной порочностью нравов. В

трактатах Лейбница неоднократно упоминаются варваризмы с их причинами, низводящие общий уровень науки до уровня профанов.

Вот далеко не полный список подобных проблем: хаотичность научных устремлений, недостаток солидарности соискателей, жажда реализации личных амбиций, а не продвижения науки. «Вместо того чтобы, взявшись за руки, вести друг друга, не сбиваясь с дороги, – читаем мы у Лейбница, – мы спешим наугад куда попало, наталкиваемся друг на друга, а отнюдь не помогаем себе и не поддерживаем один другого. В результате мы несколько не двигаемся вперед и даже не знаем, где мы находимся» [5, с. 461]. «Осознавая масштаб эвристической обремененности и тяготы синтеза знаний, ученым свойственно поддаваться искушению более легкого пути, устремляясь к тому, что было сделано ранее другими, повторяя друг друга и пытаясь обосновать свою репутацию на обломках чужой. Такие дилетанты в науке ищут славу, а не ищут истину, стараясь не столько просветить себя, сколько ослепить других», – говорит наш философ [5, с. 462, 465]. С другой стороны, пред нами стоит фантом Харибды, призывающий нас пренебречь опытом былого заманчивым возгласом *de omnibus dubitandum* (лат. «подвергать все сомнению»). Таким образом, «не нужно изощряться в сомнениях, а нужно заняться исследованиями в духе самообучения и непоколебимого самоутверждения в добрых мнениях» [5, с. 468], тогда как «не знать, что у тебя есть, и не уметь пользоваться этим по мере надобности – это все равно что прозябать в нищете...», – говорит Лейбниц [5, с. 463].

С появлением и распространением печати, а в наш век – цифровой информации, пред научным миром возникли новые вызовы, а именно захламленность знаний. Бесконечная масса книг, преимущественно поверхностного характера, создает путаницу, тем самым лишая людей доступа к целевой информации. Обоснованные опасения Лейбница не были восприняты должным образом последующими поколениями, что отразилось на общем фоне просвещения [5, с. 464–465]. На опыте предыдущего столетия мы почувствовали на себе еще один бич, о котором говорил философ, а именно произвол враждебного науке и инакомыслию «государя» [5, с. 466; 6, с. 121–136]. Таковы суть основные причины синдрома варварства в науке, свойственные также и нашей эпохе.

Каков же антидот Лейбница против подобного злоупотребления в науке? Прежде всего и более всего философ призывает не быть легковверными и требовать от себя самого доказательств того, что утверждаешь, без претензий на оригинальность и новизну, следовать точности доказательных доводов. Вместе с тем Лейбниц предостерегает о возможности попадания в крайность и злоупотребления изначально благородными принципами [5, с. 468–469]. Идеалом ученого мужа Лейбниц считает следование двум максимам: «в словах и других мысленных знаках должно искать ясности, а в делах – пользы, из которых первая... служит основой всякого суждения, а вторая – всякого открытия» [7, с. 410]. Воистину трудным является начало этого пути, но пусть нас поддерживает мысль, что фундаменты этого начала уже заложены Великими и мы можем

видеть далее наших предшественников, поскольку стоим на плечах гигантов.

Традиционно считается, что философия Лейбница носит примиряющий характер [8, с. 474]. Но это правда лишь отчасти [9, с. 315–316]. В его многостороннем учении не только интегрально переплетаются разные области знания и опыт, но также прослеживается собственная демаркационная линия. Пример сочетания передовых знаний естественных наук того времени с философией и теологией сделали его систему сложной, глубокой, и потому выдающейся, ибо данная система предполагает возможность развития [10, с. 103]. Отыскивая следы истины у древних или, говоря в более общем смысле, у предшественников, Лейбниц как бы извлекает крупинцы золота из грязи, добывает алмаз из руды и освобождает свет от потемок, получая тем самым по-настоящему своего рода *вечную философию* (*philosophia perennis*) [11, с. 542].

Образец комплексного подхода в синтезе знания, предложенного Лейбницем, был отчасти реализован его учениками и последователями, оказавшими прямое влияние на положение просвещения в Российской империи посредством деятельности Петра Великого. Один факт того, что благодаря усилиям Лейбница в России были организованы ученые общества, академии и школы [12, с. 1329], свидетельствует о великом потенциале синтеза знания этой философской системы философии, прошедшей испытание временем, плоды которой мы пожинаем до сих пор.

Литература и источники

1. Obolevich, T. Car i filozof. G. W. Leibniz w Rosji XVII–XVIII wieku / Przegląd filozoficzny / T. Obolevich. – Nowa Seria. – R. 25. – Nr. 4 (100). – Warszawa, 2016. – S. 329–342.
2. Лейбниц, Г. В. О литературной республике / Г. В. Лейбниц // Сочинения в 4-х томах / Ред. и сост. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин, пер. Г. Г. Майоров. – М.: Мысль, 1984. – Т. 3.
3. Майоров, Г. Г. Лейбниц как философ науки / Г. В. Лейбниц // Сочинения в 4-х томах / Ред. и сост. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин. – М.: Мысль, 1984. – Т. 3.
4. Лейбниц, Г. В. Против варварства в физике за реальную философию и против попыток возобновления схоластических качеств и химерических интеллигенций // Г. В. Лейбниц // Сочинения в 4-х томах / Ред. и сост. В. В. Соколов; пер. Я. М. Боровский. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1.
5. Лейбниц, Г. В. Некоторые соображения о развитии наук и искусстве открытия // Г. В. Лейбниц // Сочинения в 4-х томах / Ред. и сост. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин. – М.: Мысль, 1984. – Т. 3.
6. Карпачев, М. Д. Коренная реорганизация университетов в СССР в 1929–1933 гг (по материалам Воронежского государственного университета) / Новое прошлое. – 2016. – № 2. – С. 121–136.
7. Лейбниц, Г. В. Историческое введение к опытам Пачидия // Г. В. Лейбниц // Сочинения в 4-х томах / Ред. и сост. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин. – М.: Мысль, 1984. – Т. 3.

8. Виндельбанд, В. История Новой философии в связи с общей культурой и отдельными науками. От Возрождения до Просвещения / В. Виндельбанд. – М., 2000. – Т. 1.
9. Фишер, К. История новой философии. Лейбниц, его жизнь, сочинения и учение / Пер. Н. Н. Полилов / К. Фишер. – СПб, 1905. – Т. 3.
10. Фейербах, Л. Изложение, развитие и критика философии Лейбница. / Л. Фейербах // История философии. Собрание произведений в 3-х томах. – М., 1967. – Т. 2.
11. Письмо Лейбница к Н. Ремону (26.08.1714 г.) // Г. В. Лейбниц. Сочинения в 4-х томах / Ред. и сост. В. В. Соколов; пер. Я. М. Боровский и др. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1.
12. Анри, В. А. Роль Лейбница в создании научных школ в России / В. А. Анри // Успехи физических наук. – 1999. – Т. 169, № 12. – С. 1329–1331.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК АКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

З. Г. Рудёнок

Анализ современных тенденций развития современного общества выявляет неоспоримый факт интенсивного наращивания научного знания, а также активной информатизации общества. Информация становится доступнее и, в то же время, необходимо затратить определенные усилия для поиска актуальной и достоверной информации. Таким образом, новая парадигма образования, предусматривающая формирование грамотности в отношении будущего посредством трансдисциплинарного подхода, использования инновационных форм в образовании должна учитывать процессы, происходящие в обществе, имея в виду, что основной его целью является становление гармоничного человека. В данном контексте представляется важным обозначить, какое место и какую роль занимает или может занять культура в образовании? На наш взгляд, этот вопрос является актуальным, поскольку на современном этапе создание благоприятных условий для освоения культуры в системе образования приобретает все большее значение.

Если миссией учреждений образования является погружение учащегося в культуру посредством учебных образовательных программ в области науки, литературы, искусства, что, несомненно, является важным аспектом, однако в таком контексте открытым остается вопрос о латентном влиянии образовательной среды на формирование культурной компетентности личности. Освоение культуры является неотъемлемой частью и условием социализации личности, а процесс передачи культурных паттернов значений идет не только в организованной педагогом деятельности, а также и в неформальном взаимодействии, в нерегламентированной учебной программой деятельности.

Развитие человека как личности представляет собой процесс освоения того, что накоплено в духовной и материальной культуре и людях как ее носителях. Как отмечает В. А. Янчук: «Метаоснованием обретения, материализации и трансляции культуры является язык, обладание которым позволяет, во-первых, присваивать внешне транслируемое, понимать его и интернализировать; во-вторых, коммуницировать свое внутреннее другим представителям общей культуры и быть понятым; и, в-третьих, самое важное, формировать ту самую символическую природу, позволяющую переносить внешнее во внутренний план и отрываться от происходящего здесь и сейчас и за счет комбинирования знаков моделировать и прогнозировать будущее» [1, с. 8].

Следует признать, что язык и культура связаны между собой. L. Porcher считает [2, р. 416], что язык и культура неотделимы друг от друга. Для G.-P. Narcy-Kombes [3, р. 9] они поддерживают взаимовлияющие (transductive) отношения. Как цитирует Granguillaume Benrabah: «Язык – место, где личность получает выражение и глубокое индивидуальное и коллективное. Это связь между личностью и обществом. Это один из законов, который формирует личность» [4, р. 177].

Так как культура, выражаясь посредством языка, является универсальной, в учебной деятельности необходимо уделить особое внимание аспектам формирования культурной компетентности. Эта ситуация приводит нас к рассмотрению следующих вопросов:

- определение понятия культуры;
- какого уровня культурной компетентности должны достичь обучающиеся в процессе обучения и культурного взаимодействия.

Л. С. Колмогорова исходит из понимания культуры как системы специфических видов деятельности, совокупности духовных ценностей и процесса самореализации творческой сущности человека [5, с. 7]. Элементом общей культуры личности является экономическая культура, которая возникает и развивается на протяжении всей жизни человека. В процессе социализации личность приобретает определенные свойства и качества, которые формируются в процессе деятельности. Грамотное позиционирование в условиях высокого динамизма и возросшей скорости трансформации содержания образовательного процесса определяет направления и структуру деятельности, позволяющую успешно адаптироваться в условиях неопределенности современного меняющегося мира. В связи с этим четко обозначенные критерии и показатели формирования экономической культуры позволяют решить проблему воспроизводимости результата. Экономическая культура предполагает определенный образ мышления и деятельности, который обусловлен как социоэкономическими условиями общества, так и индивидуальными особенностями личности. Предпосылками для формирования культурной компетентности, а в дальнейшем экономической культуры через образовательную среду являются: трансдисциплинарность, акцент в образовании на системное интегральное мышление, ценностный характер

образования, а также плюрализм содержательного компонента. Немаловажным аспектом в современном образовании является также использование достижений научно-технического прогресса. Данное условие может быть реализовано посредством использования современных образовательных технологий, позволяющих эффективно организовать и реализовать трансдисциплинарный подход, эффективно использовать большой массив накопленных научных знаний в образовательном процессе. Инновационная и экспериментальная деятельность учреждений образования позволяет верифицировать и адаптировать возникающие педагогические новшества к условиям современного образовательного пространства.

Логично оценивать культуру на решающем этапе обучения посредством формирования у них необходимых компетенций. Но тогда становится важным содержательный анализ программ, который поможет определить, есть ли и в каком объеме в содержании и подходах реализации учебных программ и насколько активно и значительно идет внедрение культурного компонента.

В. А. Янчук рассматривает развивающуюся диалогическую среду как среду людей, имплицитно заинтересованных в развитии культуры, образования, общества в целом и осознающих личную ответственность за происходящее и мотивированных на активное участие в этом процессе. Такая среда толерантных людей готова к открытому диалогу, способна к совместной деятельности, обладает способностью признавать право на существование противоречивых мнений.

Эко-культурная образовательная среда выражается, прежде всего, в создании оптимальных условий для формирования сообщества людей, способного к гармоничному взаимодействию с окружающим социальным и природным миром. Поэтому надо использовать интерактивные диалогические образовательные технологии, способствующие формированию понимания сути предлагаемого содержания, его функциональной значимости, представленности реальной жизни, способности применять знания на практике не только в утилитарном приложении, но и в постижении окружающей действительности, обоснованном принятии решений в отношении поставляемых жизнью проблемных ситуаций [6, с. 71].

Осуществляя теоретический анализ, можно постулировать важную роль культурной компетентности и экономической культуры личности в образовательном пространстве. Данный акцент остается актуальным, поскольку культурное измерение является фундаментальным.

Литература и источники

1. Янчук В. А. Размышления о школьной реформе и ее перспективах. Часть 1 / В. А. Янчук // Кіраванне у адукацыі. – 2008. – № 2. – С. 6–15.
2. Porcher, L. *Malgré les apparences*, Hachette (nouvelles sous le pseudonyme de Dorothée Gardien) / L. Porcher. – Paris, L' Harmattan, 2003.

3. Narcy-Combes, J.-P. La didactique de L2 à la croisée des chemins / J.-P. Narcy-Combes // Les Cahiers de l'Acedle. – Paris, Sorbonne Nouvelle. – 2006. – №2. – P. 9–10.
4. Benraban, M. Langue et pouvoir en Algérie / M. Benraban. – Paris, Seguiet, 1999.
5. Колмогорова, Л. С. Возрастные возможности и особенности становления психологической культуры учащихся: автореф. дис.... д-ра психол. наук: 19.00.07 / Л. С. Колмогорова. – М, 2001.
6. Янчук, В. А. Экокультурная образовательная среда: формирование и развитие. Часть 1. Образование. Наука и инновации / В. А. Янчук // Адукацыя і выхаванне. – 2013. – №1. – С. 69–76.

ИННОВАЦИИ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СОПОСТАВИМОСТИ

И. К. Русанду

Инновация в широком смысле – это то, что появляется в процессе развития и способствует дальнейшему прогрессу общества и обеспечению его безопасности. Инновация, с синергетической точки зрения, – получаемый в процессе организации либо самоорганизации низкоконтрольный продукт, генерируемый в процессе творческо-созидательной деятельности (как теоретической, так и практической), который включается в прогрессивные изменения социальной (в самом широком смысле слова) и социоприродной эволюции. Деятельность человека, направленная на генерацию и реализацию инновацией, может быть названа инновационной деятельностью.

Инновация так или иначе сопровождает всю историю человечества, однако в значительной степени она характеризует цивилизационный период этой истории и в более отчетливом виде прослеживается в западноевропейской цивилизации. Инновационная деятельность с течением времени ускоряется, и со второй половины XX в. основное приращение совокупного продукта происходит за счет инноваций, а общество во все большей степени становится инновационным, и это связано главным образом с появлением новых информационных технологий и основанной на них научно-технологической, а теперь уже и научно-образовательной революциями. Благодаря информатизации как стремительному глобализационному процессу, ускоряется поток инноваций информационного характера (хотя существуют инновации вещественно-энергетического типа), и они начинают превалировать над инновациями в иных сферах деятельности, что отчетливо видно по процессу глобализации. Причем одними из самых важных и нацеленных на будущее информационных инноваций являются виртуальные феномены, т. е. процесс виртуализации выступает как принципиально инновационный процесс, создающий иную реальность (виртуальную реальность). Это порождается имитацией и симуляцией их информационных образов и переносом деятельности с реальных практик в виртуально-информационную сферу. Инновационный принцип выражает неизбежность появления нового в

эволюционирующей системе, увеличение информационного содержания системы, усложнение заключенного в ней разнообразия. В системе появляется нечто новое, и это нововведение усложняет систему, делает ее более организованной, если появляются связи между старыми и новыми элементами и частями. Появление нового в эволюционирующей системе ведет к росту разнообразия, и согласно закону необходимого разнообразия У. Р. Эшби (сформулированному им для кибернетических систем), к увеличению устойчивости такой более сложной системы. Рост устойчивости в этом случае происходит за счет увеличения сложности, уровня организации или, если следовать информационному вектору эволюции, за счет роста информационного содержания системы.

Не все инновации способствуют прогрессивному развитию и тем более – обеспечению безопасности. Наряду с инновациями, которые способствуют росту эффективности, ведут к прогрессу, имеют место и так называемые «инновационные патологии», или псевдоинновации, или даже «антиинновации», которые, по своей сути, хуже уже существующего (вариофикация, засилье мелочных изменений и т. д.). Поэтому считается, что новизна в деятельности человека – это целесообразная новизна, улучшающая производительные или потребительские свойства продукции. Это, конечно, экономизированное понимание инноваций, в то время как переход к устойчивому развитию требует более системного их видения, где решается, по меньшей мере, триединая задача – повышение экономической эффективности, социальной справедливости и экологической безопасности.

Представление об устойчивом развитии как о безопасной форме развития выделяет из всех форм и видов развития все нерегрессивные формы. К ним относятся прогрессивные и нейтральные (одноплоскостные) формы развития, в ходе которых сохраняется эволюционирующая система и, прежде всего, ее качество и генетическая идентичность. Такое широкое понимание устойчивого развития означает, что к этому типу развития может быть отнесено не только экологически ориентированное развитие, но и все другие виды развития, в ходе которых не уменьшается уровень сложности и организации системы.

Разумеется, среди нерегрессивных форм развития наиболее ценным и с точки зрения эволюционирующей системы представляется прогрессивное развитие, в процессе которого происходит увеличение сложности и уровня организации системы. С позиций синергетики такое увеличение одновременно ведет и к росту «запаса устойчивости» системы, поскольку в прогрессивно развивающихся системах происходит как развитие через усложнение, так и одновременное обеспечение безопасности. Однако при таком типе развития существует определенное оптимальное соотношение (мера) между прогрессом (как изменением) и обеспечением безопасности (как сохранением) системы. Слишком быстрое усложнение системы не оставляет возможностей (энергии) для обеспечения безопасности, а отвлечение усилий (средств, энергии и т. д.) на обеспечение безопасности замедляет прогрессивное развитие.

Оптимальное соотношение между обеспечением безопасности и прогрессом определяется для каждой отдельной эволюционирующей системы с учетом ее специфики и условий.

Сочетание эволюционного консерватизма и инновационного усложнения в процессе прогрессивного развития создает возможность перманентной восходящей эволюции и повышения степени устойчивости системы, причем наибольшая эффективность достигается за счет оптимального соотношения (меры) между упомянутыми принципами (характеристиками) универсальной эволюции, которые одновременно выступают и глубинными принципами устойчивого развития.

АРХЕТИПЫ КАК МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ

И. В. Сабирзянова

Любое социально-политическое, государственное объединение в исторической ретроспективе консолидируется вокруг некой центральной идеи, идеала, «собирающего» воедино экономическую, политическую, социальную организацию бытия, форму культуры, менталитет, религиозные предпочтения, в конце концов, философскую систему, и может быть определена как национальная идентичность. Понятие идентичности имеет междисциплинарный статус, становясь предметом научного поиска исследователей области философии, психологии, политологии, этнологии и других сфер гуманитарного знания в процессе его диалектического развития – как реакция на усложнение структуры социальных отношений.

Глобальная перспектива формирования полицентрического миропорядка актуализирует проблему поиска стратегий межкультурного диалога отдельных народов и этнических общностей, проблему поиска способов сохранения собственной идентичности и сосуществования в едином мировом пространстве в условиях процесса взаимопроникновения и взаимного обогащения культур с одной стороны, а с другой – постоянного состязания культур, в пространстве которого мы наблюдаем межнациональные, религиозные конфликты культурно-исторических общностей как на межгосударственном уровне, так и внутри полиэтнических государств.

Как оказалось, сфера культуры наиболее неоднозначно отреагировала на вызовы глобализации: будучи вовлеченной в общемировую практику утраты национальными государствами своих позиций как субъектов мирового исторического процесса; сделав их границы «прозрачными» для реализации стратегий транснациональных корпораций и объединений. Тем не менее, именно здесь актуализировались идеи сохранения, аккумуляции и развития самобытности, национальной идентификации, поиска глубинных архетипических оснований своего собственного существования.

Если в классической философии смысловая нагрузка понятия «идентичность» более тяготеет к личностному уровню институализации: как поиск оснований самоидентификации у Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, в философии марксизма; то в исследовательском поле современной философии данное понятие перемещается в социальный контекст (как выявление и изучение социально-культурных оснований, условий, предпосылок и механизмов самоидентификации и коллективной идентификации), становится аналогом коллективного.

Исследовательская литература, повлиявшая на формирование общей идеи статьи представлена работами С. Б. Крымского, В. С. Малахова (философские основания концептуального анализа национальной идентичности); З. Фрейда, А. Адлера, Е. Эриксона, К. Г. Юнга (психоаналитическая теория идентичности, исследование архетипов); К. Леви-Стросса, Б. Малиновского, М. Мид (исследование феномена идентичности в антропологической традиции); Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, А. Тойнби, Г. Гарфинкеля, П. Бурдьё, О. Шпенглера (исторические, социально-антропологические и этнометодологические концепции идентичности), А. Щюца, Т. Лукмана, П. Бергера (социально-феноменологическая концепция). Существующие теории в целом отражают тенденцию поэтапного погружения и постепенного перевода исследуемого феномена из поля биологического в социальное – от исходного априорного стремления к самоопределению как самоидентификации, детерминируемой сугубо личностными факторами, к жесткой социальной детерминации, осуществляемой посредством внешних интеракций личности, приобретая, таким образом, модус «быть аналогом чему-либо».

Безусловно, в повседневной практике человек формирует ряд идентичностей на основании соответствующей национальной парадигмы, под влиянием национально-исторических, политических, социально-психологических, социокультурных факторов: особенности национальной культуры, этнические характеристики, мифы, верования, обычаи, основания морали и моральности – всем тем, что определено С. Крымским как «национальный характер». В свою очередь, в структуре национальной идентичности можно выделить динамично изменяющиеся составляющие – историческую, социокультурную, пространственно-географическую, этнонациональную, конфессиональную, традиционную, мифологическую. Так, формирование этнической идентичности невозможно без исторической идентификации, основанной на феномене человеческой памяти о событиях пережитого, о прошлом коллективном опыте, ибо «Я есть мое прошлое» (Ж.-П. Сартр), а потеря связи с прошлым своего народа усложняет понимание собственной с ним идентификации.

Каждая историческая эпоха презентует себя посредством фундаментальных ценностей, тематически закрепленных в культуре. Эти «архетипические элементы» (К. Г. Юнг) возможно идентифицировать как культурные универсалии, выполняющие функцию «абсолютных скреп» бытия, так как они суть феномены, имеющие определенное смысловое

воплощение в те или иные исторические эпохи. Тем самым они очерчивают перспективы развития культуры и общества и поэтому определяются как ценности, которые не только предшествуют нынешним состояниям того или иного общественного процесса, а и определяют будущее (С. Крымский).

Исследование К. Г. Юнга поясняет, что так называемое «коллективное бессознательное» – это определенные способности нашего мозга по продуцированию неких психологических доминант, определяющих уровень и границу интеллекта человека, его эмоций, фантазий. Эти доминанты в социальном опыте присутствуют как некие принципы или существующие до опыта (априорные у И. Канта) неосознаваемые (бессознательные) идеи, которые К. Г. Юнг и обозначил термином «архетипы». Архетипы, таким образом, выражают общие особенности мозга, а с другой стороны – резюмируют опыт доисторического бытия человека, определяя его историческое бытие. Именно в пространстве истории и культуры осуществляется осмысление, артикуляция и придание архетипу историко-культурной формы выявления [1; 2]. В составе мировоззрения как единства миропонимания и мироощущения человеческих общностей можно выделить некоторые исходные, психологические по форме и ценностные по своему содержанию, структуры, детерминирующие как коллективное поведение, так и индивидуальный способ жизнедеятельности личности. Эти структуры проявляют себя в качестве трансисторических априори – архетипов, скрепляющих и генерирующих ценностно-смысловую реальность (аксиосферу), имеют форму культурных универсалий, где априорное (архетипическое) и сущностное соединяются воедино на ранних этапах социогенеза в виде мифологических и религиозных феноменов (К. Г. Юнг), позже – в виде сложных философских конструкций.

Заметим, что основные трудности в разрешении аксиологических проблем в том и заключаются, что в соответствии со способами своего бытия ценности имеют сложный, многоуровневый характер проявления. Однако, следует отметить, что они существуют реально и функционируют объективно в виде идей и вещей в практике общественных отношений и субъективно осознаются в качестве их значимости и личного смысла для индивида. Поэтому, опираясь на существующие в современной философской традиции определения ценности как значимого или надлежащего быть (нормы, идеалы), как объекта интереса, оценки, мы под ценностями будем понимать любой объект бытия, способный объективно удовлетворять потребности субъекта – индивида или общества в целом – и связанный с индивидом и обществом посредством определенной смысловой связи.

Таким образом, смысловая наполненность термина «архетип» – коллективное, общечеловеческое, а, следовательно, трансисторическое и кросскультурное, филогенетически запрограммированное бессознательное; сфера принципов, априорных идей, эмоционально-интеллектуальных образований, опредмеченных в мифологических и религиозных образах. Н. Тимофеев-Ресовский утверждал, что архетипы являются продуктами коллективного бессознательного, а инстинкты закрепляются в популяции, а

не на уровне индивида, хотя и проявляются как совокупность действий индивидуального организма, направленных на достижение определенной цели, значимость которой настолько важна для сохранения жизни, что фиксируется естественным отбором на уровне генетики. В свою очередь культурные универсалии в поле аксиологической проблематики получают статус общечеловеческих ценностей, имеющих мировоззренческий характер (то есть, ценностей безусловных, вечных, исторически не локализуемых). Они тем или иным образом представлены во всех субкультурах, хотя не во всех актуализированы в полной мере, однако всегда имеют внеутилитарное смысловое наполнение и являются общественными и личностными идеалами.

Литература и источники

1. Юнг, К. Г. Проблемы души человека нашего времени / К. Г. Юнг. – СПб.: Питер, 2002.
2. Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – М.: АСТ «Университетская книга», 1996.

SECURITY: THE SOCIO-POLITICAL APPROACH

Kanstanstin Savitski

In the present interconnected world, security issues are an actual field for scientific research of various kinds.

In the modern social and humanitarian knowledge, security issues are traditionally viewed through the prism of the processes that are taking place at the international, regional and national levels. Furthermore, the main emphasis is on the issues of ensuring national security as the main condition for the progressive development of society and the state.

The object of this research is the theory of security; the subject is the theoretical conceptualization of security.

The purpose of research is to identify and characterize the specifics of security formation as a theoretical and methodological construct in social and political sciences.

Within the framework of political sciences, the following approaches were examined: the constructivist theory of the “Copenhagen school”, the liberal approach, the concept of R. Paris.

A constructive theory of the Copenhagen school takes a special place among the approaches to studying and interpreting security in political science. The term “Copenhagen school” itself appeared in the scientific discourse in 1994, when it was first proposed by Bill Maxwin at the meeting of the Copenhagen group of security researchers.

In the late 90-s of the XX century, representatives of the Copenhagen school presented the expanded concept of security in the research “Security: a New Framework for Analysis”, in which, there were identified five main security areas

and five main threats corresponding to them: military security (threats related to the military sphere and coercive methods of force), political security (risks associated with the functioning of the government and administrative apparatus), economic security (threats related to trade, production and financial sphere), social security (threats of a common identity), and environmental security (threats associated with changes in the biosphere because of human activities) [1].

There are three basic approaches to understanding security in liberal science: trade liberalism, social liberalism and institutional liberalism. Representatives of trade liberalism consider that trade is a guarantee of security, because they develop the power of the state without involving the military sphere, as well as a secure environment is quite favorable for trade partners [4]. Followers of social liberalism adhere to the position, which says that social contacts between people across the borders of states contribute to mutual understanding of society. This makes it difficult to create the image of a potential enemy and thus helps to limit armed conflicts. Within the framework of institutional liberalism, international institutions, international openness and cooperation, as well as the exchange of information between countries, they are understood as the basis of security.

The views of Roland Paris are relevant, reflected in the research “Human Security. Paradigm Shift or Hot Air?” [3]. In this basic research, a Canadian scientist is studying four main areas of security studies. If, in the framework of security studies, it is assumed that the main subject of security is the state, in this case the study can be based on the “Cold War” paradigm (realism), provided that there is considered exclusively military nature of the threats or the paradigm of the Copenhagen School, which takes into account a wide range of threats.

The most relevant ideas about security in social sciences are presented in the works of A. Giddens, U. Beck, K. Popper and N. Smelser. Each of them should be considered in detail.

Anthony Giddens is one of the key theorists in modern sociology. The British sociologist considers that the examination of security issues should begin in the context of actual changes in the modern world. The modernity itself is regarded by A. Giddens as a crushing force, which has an ambivalent impact on society, because together with the positive aspects of modernity, it also contains “... new and dangerous risks that always threaten our confidence and threaten to lead to a comprehensive ontological insecurity” [7, p. 489–490].

Considering in the study “Modernity and Self-Identity” in a separate chapter (“Fate, Risk and Security”), Giddens notes the existing culture of risk, as well as the growing uncertainty in the society that risk can be transformed into reliability and stability [2]. Risk as an integral part of modernity is often bordered by the consequences that threaten security.

Modern society, through the prism of risks, is also considered by Ulrich Beck in his research “Risk Society. Towards a New Modernity” [5]. The German sociologist introduces the term “risk society”, thinking that it can be considered as a new type of industrial society, because most of the risks are actualized in the process of industrial development. U. Beck considers that modernity is the transition from the classical industrial society to risk society. In connection with

the transformation of society, its central question also changes. If earlier it was wealth and how it should be fairly divided, then today it is the risk and ways of minimizing it.

Within the framework of sociological understanding of security, it is worth to mention the ideas of Karl Raimund Popper presented in his work “The Open Society and Its Enemies” (1945) [6]. The Austrian sociologist notes that in the interests of security of democracy it is important to preserve social institutions that can be used by citizens to control and criticize the authorities, and, if necessary, allow them to be replaced by others without bloodshed. However, K. Popper justifies such insecure strategy as tyrannicide and revolution for restoration of democracy. The Austrian sociologist admits such strategies in conditions of tyranny, i.e. during the absence of functioning social institutions that enable the minority to pursue peaceful health reforms in the society. He also emphasizes that the violent change frequently revived anti-democratic tendencies.

Neil Smelser studies the national security issues in his sociology course, considering that one of its key threats is the reduction of the autonomy of states and their sovereignty [8]. These aspects that affect the security of states in the modern world are the subject to economic threats. Such threats as the global economic crisis, fluctuations of exchange rates, international terrorism cannot be prevented by states, which entails the increase of the influence of international and intergovernmental organizations in the field of security.

Because of the fact that security is a complex social phenomenon, and it is changing along with the transformational processes in society, it should be noted that analysis of security in socio-political researches is possible using the interdisciplinary approach, which includes various socio-philosophical, socio-political, socio-cultural and socio-psychological concepts that allow to obtain a multidimensional investigation of the object of research.

The following security issues are significant for social and political researches: identification of factors that affect its stabilization and threats, including the functioning of social institutions.

Thereby, security is the fundamental purpose of social development, the achievement of which determines the quality and effectiveness of functioning of social institutions in society. Accordingly, the security problem in various aspects (economic, technological, military-technical, political, demographic and etc.) is an urgent area for researchers and managers.

References

1. Buzan, B. Security: a New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Waever, J. Wilde. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1997.
2. Giddens, A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 1991.
3. Paris, R. Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? / R. Paris // International Security. – 2001. – Vol. 26, № 2. – P. 87–102.
4. Rosecrance, R. The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World / R. Rosecrance. – New York: Basic Books, 1986.

5. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
6. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Р. Поппер. – М.: Феникс, 1992. – Т. 2.
7. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – СПб.: Питер, 2002.
8. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М.: Феникс, 1994.

АНАЛІЗ ТВОРЧАГА ШЛЯХУ М. К. СУДЗІЛОЎСКАГА-РУСЕЛЯ

Я. П. Сакоўскі

Канец XIX – пачатак XX стагоддзя з’яўляецца перыядам, вельмі багатым на змены ва ўсіх сферах чалавечага жыцця. Яшчэ больш багаты ён на розныя трактоўкі гэтых змен, што давала магчымасць кожнаму інтэлектуалу стварыць сваю непаўторную аксіяматыку. Менавіта ў гэты адрэзак часу з’яўляецца філасофія вядомага беларуса Мікалая Канстанцінавіча Судзілоўскага.

Пасля сябе доктар Русель пакінуў дастаткова вялікую колькасць пісьмовых крыніц. У пераважнасці, гэта былі працы грамадска-палітычнага і філасофскага кірункаў. Творчасць рэвалюцыянера ўмоўна можна падзяліць на некалькі этапаў, адпаведна характару яго работ і жыццёвых устаноў:

1. Нігілістычны;
2. Пераходны;
3. Утапічна-сацыялістычны;
4. Народніцка-пракламацыйны;
5. Дэмакратычна-сацыялістычны;
6. Аптымістычны;
7. Песімістычны;
8. Тэарытычна-філасофскі;
9. Асцярожна-аптымістычны.

Першым значным этапам на шляху ідэйнага станаўлення Мікалая Судзілоўскага стала Магілёўская мужчынская гімназія. У гэты перыяд адбыўся шэраг біяграфічных падзей. Сярод іх трэба адзначыць знаёмства з філасофскімі творамі М. Г. Чарнышэўскага, М. А. Дабралюбава, А. І. Герцэна, а таксама з іншымі творамі аўтараў пакалення «шасцідзясятнікаў» [1, с. 1]. Акрамя таго, ёсць верагоднасць, што на працягу вучобы ў гімназіі адбылося знаёмства з С. Ф. Кавалікам. Ужо на першым, «магілёўскім», этапе яскрава заўважаецца зацікаўленасць маладога філосафа ў публікацыях сацыялістычнага кірунку і ў камунікацыях з аднадумцамі. «Н. Г. Чарнышэўскі, а таксама Н. А. Дабралюбаў, Д. І. Пісараў, па прызнанні самога Мікалая Канстанцінавіча, былі тымі людзьмі, якія дапамаглі яму яшчэ ў юнацтве звязаць разам думкі і пачуцці, выкліканыя перажытым і ўбачаным. Іх дзейнасць, іх прыклад пераконвалі яго ў першую чаргу ў тым, што “пад каманду можна маршыраваць, працаваць, але не думаць”» [2, с. 12–13].

Зыходзячы з тых жа самых архіўных звестак, М. І. Іоська піша, што свой студэнцкі светапогляд доктар Русель у канцы жыцця ацэньваў як «нігілістычны» [2, с. 14].

У 1868 годзе М. Судзілоўскі паспяхова паступае на юрыдычны факультэт Санкт-Пецярбургскага Імператарскага ўніверсітэта. На працягу сваёй вучобы ён актыўна цікавіцца рэвалюцыйнай літаратурай. Асабліва глыбокі ўплыў на маладога рэвалюцыянера аказаў раман М. Чарнышэўскага «Што рабіць?». Погляды маладога студэнта ў гэты перыяд праходзілі сваю асаблівую эвалюцыю. Яго ўжо нельга назваць нігілістам, але і нельга назваць народнікам. Ён падпадае пад уплыў самых розных жыццёвых абставін, аналіз якіх падахвочваў яго пераглядаць сваё светаўспрыманне з асаблівай імклінасцю. У канчатковым выніку, значны час вывучэння сацыялізму пераўзышоў астатнія палітычныя ідэі. Акрамя асабістых прычын, на гэта не ў меншай ступені паўплывала кола зносін маладога студэнта. Сацыялізм паступова становіўся ідэалагічнай прасторай для аналізу падзей у свеце, але таксама нараджаў мноства сумненняў.

Не скончыўшы вучобу ў Пецярбургу, Судзілоўскі пераходзіць у Кіеўскі ўніверсітэт, дзе распачынае актыўную асветніцкую і прапагандысцкую дзейнасць. У той перыяд філасофія М. Руселя гэта, перш за ўсё, бесперапынны пошук. Нельга казаць аб тым, што малады філосаф успрымаў на веру нігілістычныя ці сацыялістычныя прынцыпы. Для яго шлях ажыццяўлення гэтых прынцыпаў – усвядомлены выбар, які неабходны для іх верыфікацыі. У тых жа ідэях, якія ў вачах Руселя не прайшлі верыфікацыю, не было больш неабходнасці. Такі, падобны да навуковага, падыход да апрацоўкі інфармацыі можна абумовіць асаблівасцямі характару, скептыцызмам і пэўнай доляй альтруізму. Скептыцызм нараджаў некаторае адчуванне незадаволенасці, што рухала працэс пазнання ў глыбіню і ў шырыню. Альтруізм жа, акрамя таго, што накіроўваў практычную дзейнасць на верыфікацыю ўпадабаных ідэі, з'яўляўся карэнным стрыжнем вострага пачуцця адмаўлення несправядлівасці, якое ўвогуле было штуршком да пачатку рэвалюцыйнай дзейнасці.

Падчас «хаджэння ў народ» беларус набыў сотні новых знаёмстваў. Гэтыя людзі ў пераважнасці таксама былі народнікамі. Сумесная практычная рэвалюцыйная дзейнасць разам з тысячамі аднадумцаў, безумоўна, адлюстравалася на філасофскай пазіцыі М. Судзілоўскага. Улічваючы тое, што народніцкі рух сам па сабе быў ідэалагічна вельмі разнастайным, лёгка бачыць адлюстраванне гэтай разнастайнасці ў яго поглядах. Пльмень інфармацыі была настолькі вялікай, што прыналежнасць да пэўнага палітыка-філасофскага кірунку нельга вызначыць з дакладнасцю. Адсюль вынікае прынцыповая немагчымасць разглядаць дадзеныя ідэі і канцэпцыі ў якасці статычных. У часопісе «Летапісы марксізму» прыведзены словы самога Судзілоўскага, які назваў свае погляды ў перыяд «хаджэння ў народ» злучэннем лаўрызму і бакунізму разам з тэарэтычным інтарэсам да марксізму.

Пасля паразы «хаджэння ў народ» узнікае неабходнасць пакінуць

Расію. Пераехаўшы ў Еўропу, ён працягваў актыўную рэвалюцыйную дзейнасць. Ужо пазней у СССР будуць лічыць, што «Русель і М. П. Зубку-Кадрану былі першымі папулярызатарамі марксізму ў Румыніі» [3, с. 54]. Падчас працы ў Еўропе ў яго асабістай філасофіі з’явіліся некалькі адметных рыс. Адна з іх – скрыжаванне народніцка-пракламацыйнага і дэмакратычна-сацыялістычнага этапаў творчасці. Прыхільнасць да амерыканскага стылю жыцця спалучаецца з песімізмам да расійскай і ў некаторай ступені еўрапейскай рэчасінасці. Пасля забойства Аляксандра II і звязанымі з гэтым рэпрэсіямі Мікалай Канстанцінавіч паступова страчвае перакананасць у поспеху рэвалюцыі ў Расіі. Спробы стварыць рэвалюцыйны сацыялістычны рух у Румыніі і Балгарыі ў кароткатэрміновай перспектыве не даюць жаданых вынікаў. Расчараванне ў Еўропе скіроўвае ўскладаць усё большую надзею на амерыканскі мацярык.

У Амерыцы настойліва працягваецца прапагандысцкая праца. Неўзабаве М. К. Судзілоўскі быў абраны віцэ-прэзідэнтам Грэка-руска-славянскага дабрачыннага таварыства [4, с. 151]. У межах дзейнасці таварыства віцэ-прэзідэнт арганізоўваў розныя лекцыі і выступы. Вядомы літаратар З. Л. Дзічараў прыводзіць прыклад падобнага мерапрыемства: «Грамадства выказала жаданне паслухаць аўтара кнігі “Сібір і ссылка” Джона Кенана; сам ён выступаў з лекцыямі па гісторыі сацыялістычных вучэнняў, праблемах медыцыны і філасофскага матэрыялізму» [5, с. 184–185].

На працягу жыцця ў ЗША асабістыя ідэалы ўваходзілі ва ўсё большы дысананс з амерыканскай рэчаіснасцю. У выніку ён стаў паслядоўным крытыкам амерыканскага стылю жыцця і ўвогуле ўсяго сусветнага капіталізму. З-за ідэалагічных канфрантацый на гэтай глебе прымаецца рашэнне аб пераездзе на Гавайскія астравы. У 1892 годзе сям’я Судзілоўскіх пасялілася ў Ганалулу. Па дадзеных Р. Хаяшыды і Д. Кітэлсана, М. К. Русель набыў 200 акраў зямлі і вырошчваў там больш за 100 розных культур [6, р. 114]. Там ён пачынае афіцыйную палітычную дзейнасць у якасці абаронцы правоў карэннага насельніцтва. І ў выніку займае высокую пасаду. У бытнасць прэзідэнтам Сената Гавайскіх Астравоў у 1901–1902 годзе быў шанец палітычнымі метадамі рэалізаваць сваё бачанне ролі дзяржавы ў жыцці грамадства. Былі праведзены рэформы, якія паступова абавязаны былі палепшыць існаванне людзей. Падрабязней аб сваім плане рэформ ён піша Я. Я. Лазараву [7, с. 43–44]. У ім было 6 пунктаў, напісаных у духу сучасных дэмакратычных традыцый. Па іншых дадзеных, у план уваходзіў яшчэ адзін пункт аб неабходнасці ўсталявання народнага кантролю за дзейнасцю купцоў і прадпрыемнікаў, уключаючы буйных землеўладальнікаў [8, с. 174]. Аднак ажыццявіць гэтую праграму не ўдалося, і М. К. Судзілоўскі вымушаны быў пераехаць у Японію. Там ён займаецца тэарэтычнай дзейнасцю і піша мноства філасофскіх прац, такіх, як «На палітычныя тэмы», «Думкі ўслых», «Паслядоўная дэмакратыя». У Японіі, Кітае і на Філіпіпах праходзілі апошнія гады жыцця, дзе ён сустрэў буйныя падзеі пачатку ХХ стагоддзя.

У жніўні 1918 выйшаў вялікі артыкул «Адкрытыя словы», дзе падвяргаліся крытыцы амаль усе палітычныя сілы ў Расіі. Аднак з цягам часу і ў выніку перапіскі са шматлікімі знаёмымі з савецкай Расіі пазіцыя беларуса да ўлады саветаў змянілася на асцярожна-аптымістычную. У канцы жыцця было прынята рашэнне ехаць у СССР. Прыгатаванні вяліся некалькі гадоў, але гэтаму не наканавана было ажыццявіцца. Пасля яго смерці засталася вялікая ідэйная спадчына, даследаваць якую будучь яшчэ многія пакаленні даследчыкаў.

Літаратура і крыніцы

1. Руссель, Н. К. На новый 1925 год (К 75-летию моей жизни) / Н. К. Руссель. – Тяньцзинь, 1925.
2. Иосько, М. И. Николай Судзиловский-Руссель (Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение.) / М. И. Иосько. – Минск, Изд-во БГУ, 1976.
3. Болога, В. Г. Прогрессивное наследие румынской медицины XIX–XX веков / В. Г. Болога // Советское здравоохранение. – 1958. – № 6. – С. 54.
4. Грицкевич, В. П. Путешествия наших земляков / В. П. Грицкевич. – Минск: Наука і тэхніка, 1968.
5. Дичаров, З. Л. Николай Руссель в Сан-Франциско / З. Л. Дичаров // Неман. – 1966. – № 12. – С. 184–185.
6. Hayashida, R. Odyssey of Nicholas Russell / R. Hayashida, D. Kittelson // Hawaiian Journal of History. – 1977. – № 11. – p. 114.
7. Лазарев, Е. Е. Гавайский сенатор / Е. Е. Лазарев // Былое. – 1907. – № 6. – С. 43–44.
8. Попов, И. И. Н. К. Руссель-Судзиловский / И. И. Попов // Каторга и ссылка. – 1930. – № 6.

ФИЛОСОФИЯ – МЕДИАТОР ПОНИМАНИЯ МИРА

В. А. Салеев

Философия, порожденная в древнегреческую эпоху, до сих пор остается неоднозначным, загадочным и, в чем – то, таинственным понятием. Уже с самого своего появления «любовь к истине» (буквальный перевод с древнегреческого) трактовалась различным образом. У Гераклита философия – наука о природе вещей. У Сократа – это навигатор для поиска истины, который лежит через искусство проявлять скрытое в человеке, и, в конечном итоге, приводит к пониманию совершенства в нем (калокагатия). У Платона философия – конгломерат сверхчувственных идей; у Аристотеля – это, прежде всего, наука о мышлении, сложная категориальная система, которая наглядно выявляется в логике и метафизике. Последняя включает в себя, по сути, все философские учения: о бытии (совр. Онтология), о человеке (антропология), о познании (гносеология, эпистемология), о Боге (теософия).

Однако, по мере развития частных наук, философия все менее стала трактоваться как «царица наук». Первоначально, она перенесла значительное

снижение своего статуса в эпоху Средневековья, когда теология, трактуемая как божественная мудрость, теснит мудрость светскую (то есть собственно философию), как порождение простого человеческого разума. В эпоху просвещения, когда наука становится полноправным «полпредом» культуры, выясняется, что частные науки достигают определенного прогресса, вырабатывая определенные признаваемые обществом знания; философия же с точки зрения прагматики такими осязаемыми знаниями не обладала, поскольку ее универсальные категории, зачастую считались далекими от реальности абстракциями. Классическая европейская философия (XVIII в. – середина XIX в.), продемонстрировала достаточную гармоничность философского видения мира; здесь присутствовала (на новом уровне осмысления) традиционная метафизическая проблематика, непротиворечивая система категорий, логически выверенная система философского дискурса, целостность философского подхода в системном представлении картины мира, уверенность в разумном устройстве мира и человеческого бытия.

При этом, исходные позиции мыслителей естественным образом могли кардинально различаться: У Г. В. Ф. Гегеля его грандиозная система, которая как бы завершала философию эпохи Просвещения, строилась на объективистской основе – понятие Абсолюта (хотя специфические элементы человеческой субъективности, связанные с христианской трактовкой абсолюта, в «снятом виде» присутствуют в гегельянской доктрине).

Философское учение И. Канта, напротив строилось на агностицизме и акценте на субъекте – при таком подходе естественными выглядят его сомнения в отношении науки и обращение к метафизической «Критике» (напомним, что все три выдающихся творения мыслителя имеют такое наименование – «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790). При этом кантовская система критицизма подчиняется законам логики, обладает непротиворечивостью и целостностью.

Неклассическая философия, условная дата возникновения которой колеблется от последней четверти XIX в до первой четверти XX века, изначально была направлена на опровержение сложившейся веками философской традиции. Разрыв с ней обнаруживается уже в работах А. Шопенгауэра и, особенно, Ф. Ницше. В основе афористической философии Ницше – отрицание неизменности человеческого бытия – философ предпочитает вести речь о «вечном круговороте», об идеале нового человека, «сверхчеловека». С. Киркегор и К. Ясперс, стоящие у истоков экзистенциализма, отвергают классическую философскую традицию (особенно Гегеля), настаивают на существовании реального и трансцендентального (в себе) бытия человека. Уже в XX веке М. Хайдеггер, крупнейший критик классической философии вводит в противовес ей собственные универсальные категории бытия и сознания, по-новому освещающие существование человека. В деятельности представителей таких современных направлений философии как постмодернизм и постструктурализм о системном философствовании не может идти речь,

поскольку они с порога отрицают смысложизненные проблемы, решением которых веками занималась философия; принципиально игнорируют объектные параметры бытия, неадекватно интерпретируют его субъектную составляющую.

Вместе с тем, XXI столетие, благодаря глобализации и информационным технологиям, ставит в порядок дня новое осмысление «вечных проблем», которые и поныне находятся в центре внимания философии. Тем более, что Интернет придал проблеме философствования безграничную массовость; правда, последняя реализуется, главным образом на уровне обыденного, в крайнем случае, социально-психологического сознания.

В то же время, осложненное существование человека в современном мире смещает понятие философии даже в профессиональной среде. Ныне не только близкие к этой среде гуманитарные, но и профессиональные философы колеблются в отношении определения статуса философии.

Наряду с наиболее простым (и практически-классическим) определением философии – «наука о наиболее общих законах развития природы, человека, общества и мышления» существуют и иные взгляды на сущность этого своеобразного проявления человеческой «самости».

Наиболее часто встречаемые формулировки:

а) философия – мировоззренческая система взглядов на состояние мира и человека;

б) философия – наука, исследующая познавательное, ценностное, этическое и эстетическое отношение человека к миру, природе и обществу;

в) философия – всеобщая методология человеческого бытия и действия в универсальном категориальном выражении;

г) философия – не наука, но рефлексивное (мыслительное) реагирование человека на проявления бытия.

Каждая из этих дефиниций несет с собой массу нюансов, позволяющих давать новые интерпретации философии и философствованию.

Мы же выделим новое функциональное проявление такой своеобразной формы культуры, которой является философия. Информационный мир, в котором живет человечество с конца XX века, предполагает следование своим правилам и нормам. Но при все возрастающих потоках информации, все большей необходимостью выступает обобщение сути информации. И здесь на первый план не может не выступать философия в качестве медиатора понимания мира. И замены ей в этом качестве – нет.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЭФФЕКТОВ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ

В. В. Самсонов

Очередной этап муниципального реформирования в России таит в себе целый ряд потенциально проблемных ситуаций, поскольку в ходе него происходит изменение системы отношений между властями различных уровней, изменение законодательства (в том числе выборного), меняется роль и значение местной власти в жизни муниципальных сообществ, что ведет к трансформации самой сущности и институционально-организационного устройства самоуправления в России.

Нами было проведено исследование особенностей реализации реформы в муниципальных образованиях сельской России, конкретных проблем, возникающих в ходе ее реализации, и ее «институциональных эффектов» в контексте современных процессов самоорганизации российского социума. Один из наиболее важных полученных результатов исследования заключается в обосновании необходимости повышенного внимания органов управления к проблемам сельского развития, поскольку результаты исследования показывают, что практически все ключевые элементы сельского социума (потенциала устойчивого развития локальных сообществ) находятся в состоянии кризиса или трансформации, результаты которой сложно предсказать в связи с общей неустойчивостью сельского социума в целом и ключевых элементов его жизнедеятельности.

Уязвимость экономики сельской России и типологических институциональных форм сельской экономики проявляется в том, что социально-экономические структуры, сформировавшиеся на предыдущем этапе развития, в современных условиях в ходе адаптации села к рыночным реформам, будучи практически лишены государственной поддержки, демонстрируют свою неэффективность. Это приводит к тому, что организации, образовавшиеся в процессе преобразования совхозов и колхозов в хозяйства, функционирующие как рыночные структуры, как и хозяйства населения, находящиеся с ними в социально-экономическом симбиозе, испытывают заметный статистический спад – например, по доле производимого продовольствия сегмент лично-подсобных хозяйств (ЛПХ) сократился до дореформенных показателей (с 58% производимого скота и птицы в 2000 г. до 26% в 2014 г.), а большинство акционерных обществ, образованных в 1990-е гг., или уже признаны банкротами и расформированы, или находятся в состоянии, близком к банкротству.

Сегмент агрохолдингов, замещающий позиции «крупхозов» и ЛПХ, с самого начала своего бурного роста в 2000-х гг. играл неоднозначную роль в системе адаптационного потенциала локальных сообществ, определяющего их социальную и экономическую устойчивость. Представляя собой качественно новый инновационно-капиталистический уклад, агрохолдинги

отказываются от выполнения функций по неформальной поддержке сельского социума в рамках сложившейся в 1990-х гг. симбиотической модели, выступая в этом плане антиподом «крупхоза», тесно связанного с локальным сообществом (например, прекращается поставка кормов по льготным ценам, что напрямую влияет на эффективность и объемы производства в ЛПХ). При этом наиболее ожидаемым вариантом социально-экономической динамики является прогрессирующее снижение роли и стабилизирующего потенциала традиционного уклада, представленного сектором хозяйств населения (ЛПХ) и последующая пауперизация значительной части трудоспособного населения, samozанятого в подсобном хозяйстве. Разрыв сложившейся системы устойчивых социально-экономических связей, обеспечивающих воспроизводство ресурсов, социального и человеческого капитала села, приводит к разрушению стихийно сформированных механизмов адаптации сельского населения. А формирование психологии наемного работника у жителей села, занятых в агрохолдингах, ведет к дальнейшему упадку трудового этоса крестьянства.

При этом, хотя объемы государственной поддержки агрохолдингов растут (они получают большую часть ресурсов, направляемых на поддержку села), в последние годы общий рост в этом сегменте сельской экономики с каждым годом сбавляет свои темпы. В случае «ухода» агрохолдингов целые поселения оказываются лишенными ресурсов, позволяющих выживать за счет samozанятости, возникают беспрецедентные по масштабу и остроте социальные риски.

Помимо сокращения социальной и культурной инфраструктуры села происходит кризис самого сельского образа жизни, проявляющийся в том, что сельская неаграрная экономика и занятость сельских жителей (отходничество, в первую очередь) за пределами села начинают преобладать над традиционной сельскохозяйственной ориентацией по своему значению как для бюджета отдельной сельской семьи, так и в плане устойчивости сельских сообществ.

Эти экономические и социальные процессы ведут к тому, что сельское самоуправление, как один из ключевых элементов социальной жизни российского села, переживает очередной этап трансформации своей роли и места в системе властных и социальных отношений. Если ранее местная власть выступала в качестве субъекта локальной социальной политики, действовала как в формальной, так и в неформальной сферах (образуя в 1990-е гг. социально-политический симбиоз с «крупхозами»), то современная динамика развития сельского самоуправления ведет ко все большей формализации этого института.

При этом, в условиях, когда местные предприятия оказываются экономически слабыми и переживают кризис, «рейтинг доверия» к ним со стороны местных жителей понижается и, как следствие, растет «рейтинг доверия» к местной власти. Уменьшение значимости «крупхозов» в представлении жителей села, наряду с одновременным возрастанием авторитета местной власти фиксируется исследованиями последних лет

(см. Таблицу 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «С кем Вы связываете надежды на решение проблем Вашего села?», Новосибирская область (%)

Ответ	2007	2011	2017
Затрудняюсь ответить	55	14	27
С местными властями	11	64	62
С местными предприятиями	34	22	10

Положительным аспектом данной тенденции является возрастание значения формальных институтов самоуправления, что может быть интерпретировано как показатель успешности муниципальной реформы, в ходе которой местное самоуправление получило не только более четкую организационную структуру, но и определенные гарантии своей публичной власти. В то же время исключение предприятий из сферы локальной политики, связанное с сознательным стремлением к минимизации социальных издержек, свертыванием социальных программ и функционированием только как субъектов экономических отношений, приводит к разрушению сложившихся механизмов социальной адаптации населения, что представляет потенциальную угрозу стабильного развития территорий и определенному ослаблению социальных ресурсов сельского развития. Процесс сокращения адаптационного потенциала сельского социума (его неформально-адаптационных элементов) в немалой степени обусловлен именно снижением потребности в пассивной адаптации в условиях возникновения тенденций, очагов инновационного развития села, стабилизации институциональной и социально-экономических сфер общества.

Проведенное исследование показало, что следствием последней реформы местного самоуправления стало повышение эффективности и простоты управления подчиненными территориями, связанное с возросшей административной поддержкой назначенных глав муниципалитетов со стороны региональных властей. В то же время исследование зафиксировало ряд проблемных ситуаций, связанных с тем, что само изменение принципов формирования органов местного самоуправления (отказ от выборов) вызвало на определенном этапе неприятие общественности и в том числе представителей муниципальных служащих, депутатского корпуса.

Сопоставление результатов исследований трех лет (2015–2018 гг.) показало, что во всех типах муниципальных образований и для всех групп экспертов характерны неприятие отдельных аспектов реформы, таких как отмена выборности и изменение компетенций (доля тех, кто одобряет эти пункты реформы составила от 20% до 60% в зависимости от типа образования). В среднем лишь 40% самоуправленцев отмечают, что в результате нововведений решение вопросов местного значения для них облегчилось. Проблематичным является то, что негативные оценки высказываются людьми, непосредственно вовлеченными в процесс

управления. Исследование позволило сделать вывод о том, что на данном этапе проблема эффективности местного самоуправления решается путем его включения во властную вертикаль, а последние нововведения лишь усиливают дрейф института местного самоуправления от сферы гражданского общества в указанном направлении.

ПЕШКОМ ПО ГОРОДУ. ФИЛОСОФИЯ И РИТОРИКА ПРОГУЛКИ

А. Я. Сарна

Современный город представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных мест, а также событий и практик, реализуемых в данных местах. Для понимания его организации недостаточно воссоздать комплекс архитектурных сооружений и проводимых городскими властями мероприятий, но требуется осознание сложности и многомерности городского пространства как среды, насыщенной повседневными действиями местных жителей. Такой подход предполагает фиксацию, описание и анализ регулярно осуществляемых горожанами практик – например, пешеходных прогулок, ходьбы как способа перемещения в городском пространстве посредством приложения гораздо меньших усилий по сравнению с бегом, но больших, нежели использование транспорта.

Феномен прогулки и ходьбы привлек внимание исследователей городской жизни, описывавших практики фланирования еще в конце XIX века, когда «улицы начали наполняться “праздношатающимися”, гуляющими без определенной цели людьми, которые занимались тем, что просто наблюдали – за городом, за незнакомыми людьми на проспектах; именно они видели, как менялись города, появлялись новые технические изобретения, внедрялись и исчезали модные поветрия» [1]. В отличие от вечно спешащих по своим делам горожан, фланер никуда не торопится, траектория его пути изначально не задана, а движет им случайная прихоть. Городское пространство – карта его желаний, непрерывная знаковая поверхность, топографическая проекция его потока сознания. Он читает карту своим телом, размечая пунктиром шаги свои произвольные маршруты. Но, несмотря на это, ему удастся непроизвольным образом фокусировать свое внимание на мелочах и деталях, не приметных для окружающих. Эту особенность – наблюдательность фланера, близкую к рефлексии творческой личности, – отмечает В. Беньямин, описывая лирического героя Бодлера в книге «Париж, столица XIX века» [2].

В середине XX века это явление заинтересовало представителей «левой критики», когда появился неомарксистский проект психогеографии Г. Дебора и движения ситуационистов, осуществивших эстетически и политически значимые интервенции в городскую среду. Такие тактики затем активно стали применяться в многочисленных направлениях стрит-арта. Наиболее значимой из них считается «дрейф» – практика обнаружения

своеобразия конкретных городских ситуаций и соответствующих атмосфер, прокладки новых маршрутов по воле чувств и желаний дрейфующих, а также фиксации этих маршрутов в новой картографии. Дрейф представляет собой один из главных ситуационистских методов, который можно определить как технику прохождения через различные «слои» социальной реальности (как физические, так и символические), неравномерно распределенные в городской среде.

«Тот или те, кто пускается в дрейф, на более или менее продолжительное время порывают с общепринятыми мотивами к перемещению и действию, а также со своими обычными контактами, с трудом и досугом, чтобы повиноваться импульсам территории и случающихся на ней встреч» [3, с. 20]. Спонтанные и достаточно непредсказуемые блуждания по городу – форма применения психогеографии, которая помогает осознать, как городское пространство влияет на сознание человека. Для этого нужно отказаться от обычных утилитарных мотивов перемещения по городу, чтобы добиться изменения его восприятия: главными становятся особенности местности, неожиданные детали и встречи, которые могут случиться.

В дальнейшем эти идеи применительно к коммуникации в городском пространстве развил социолог и философ М. де Серто в своей концепции повседневности, где много внимания уделяется разработанной им «риторике ходьбы». «Эпос ходьбы манипулирует пространственной организацией, сколь бы паноптической она ни была: он не является чуждым для нее (а существует только внутри нее), но и не совпадает с ней (не она определяет его сущность). Он создает внутри этой организации тени и двусмысленности. Он вводит в нее множество отсылок и цитат (социальные модели, культурные обычаи, личные факторы). Он сам является результатом последовательных встреч и случаев, которые постоянно меняют его, превращая его в знаки, оставленные другими; иначе говоря, он похож на уличного разносчика, предлагающего маршруты, которые вызывают удивление, поражают и притягивают по сравнению с обычными путями. Эти различные отклонения учреждают своеобразную риторику. И даже ее определяют» [4, с. 198].

По мнению де Серто, практика освоения пространства посредством данной риторики как «искусства повседневного самовыражения» пешеходов основана преимущественно на двух фигурах – синекдохе и асиндетоне. Первая предполагает использование каждого осуществляемого на прогулке шага-действия в значении, являющемся частью другого значения того же шага («шаг навстречу»). Вторая строится на отборе и фрагментации преодолеваемого пространства, пропуская те сегменты и участки, которые она минует («шаг вперед»). «С этой точки зрения любая прогулка постоянно прыгает и скачет, как ребенок, “на одной ножке”. Она осуществляет эллипсис связывающих мест» [4, с. 199].

Таким образом, де Серто выявляет специфику ходьбы в повседневных пешеходных прогулках горожан как дискурсивных практиках. Но можно

пойти еще дальше и попытаться обосновать возможность определенной «риторической топологии» города на основе таких понятий, как «место», «след», «присутствие», «русло», «поток» и пр. Место может быть описано и понято как след присутствия чего-либо и кого-либо (горожан, событий, практик и пр.), оставшийся в виде мусора, тропинки на газоне, пятен масла на асфальте и т. п. В различных местах города, где расположены зеленые зоны – такие, как парки, скверы или просто газоны, – мы обнаруживаем следы присутствия и активного передвижения горожан на некоторых транзитных участках пространства. Здесь жителям мегаполиса важнее сэкономить свое время и силы, миновать препятствие и побыстрее достичь намеченной цели, нежели следовать установленным правилам – например, двигаться по специальным дорожкам из плитки или тротуарам. Они сходят с твердой поверхности и направляются по газону, оставляя примятой траву и, – в случае регулярного повторения таких действий – постепенно вытаптывая ее. Эти рутинные повседневные практики ходьбы делают бессмысленной работу коммунальных служб, пытающихся навести порядок на данном участке и проложить дорожки без учета траектории постоянных передвижений пешеходов, направлений людских потоков.

«Поток» – метафорический образ, построенный на аналогии и уподоблении множества людей, передвигающихся из одного места в другое, течению реки, прокладывающей свой путь в зависимости от рельефа местности. Здесь напрашивается и другой образ – «русла» как следа течения воды, предоставляющего возможность распознать направление движения потока и его присутствия даже в прошлом, когда река высохла. Тропа как «след присутствия» и перемещения людей тогда может быть обозначена не только как отпечаток их движения, результат суммарных усилий по пересечению городской среды, но и как своеобразное русло человекопотока. И если тропа – «русло потока», то дорожка / тротуар – это «канал», т. е. специально созданный трек для движения.

В таком случае основной проблемой для урбаниста, исследующего городскую среду в полевых условиях, становится вопрос: как сделать так, чтобы «русла» и «каналы» совпали, а движение осуществлялось не по тропинке и тем более по траве, а строго по дорожкам. Исследователю нужно фиксировать и сравнивать участки в пространстве города, где тропинки обходят («обтекают») плиточные дорожки и тротуары, формируя «русла» новых пешеходных потоков. При этом тропа может рассматриваться не только как результат повседневных практик прохожих, оставивших свои следы на этом месте. Тропа выступает и как троп – риторическая фигура или образ, служащий средством манифестации намерений и замыслов горожан, визуализации их действий.

Литература и источники

1. Желнина, А. Фланер / Urban Sociology [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2008/06/blog-post.html>. – Дата доступа: 19.09.2018.

2. Симбирцева, Н. А. Фланер как интерпретатор текста культуры / Н. А. Симбирцева // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6959>. – Дата доступа: 19.09.2018.
3. Дебор, Г.-Э. Психогеография / Г.-Э. Дебор. – М., 2017.
4. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто. – СПб., 2013.

ЦЕЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Н. Г. Севостьянова

Самобытное течение русской мысли периода духовного возрождения конца XIX – начала XX столетий, философия Серебряного века наследует религиозные интенции русской философии и получает наиболее яркое воплощение в *метафизике всеединства*, в которой совмещены различные дискурсы исследования мировоззренческих феноменов, содержится опыт постижения *инорационального цельного знания духовности*. Интегральное по сути, цельное знание является гносеологическим коррелятом всеединства, объединяет религию, философию, науку, искусство с метафизикой, антропологией и историософией; связывает сущее, сущность, существование; суммирует абсолютное и живое знание; разум, опыт и мистику; ценности любви, добра, красоты, истины, веры.

Цельное знание как «всеединство множественности» бытия в учении основателя и вдохновителя метафизики всеединства В. С. Соловьева раскрывается в русской философии Серебряного века как непостижимое (С. Л. Франк), православно-мистическое (С. Н. Булгаков), конкретно-метафизическое (П. А. Флоренский), антиномичное сущее (Е. Н. Трубецкой), иерархический персонализм (Н. О. Лосский).

Онтология цельного знания показана В. С. Соловьевым в учении об Абсолюте, который, с одной стороны, означает всеединство, с другой стороны – показывает мир как всеединство в состоянии становления. Мыслитель подчеркивает универсальность онтологической триады «сущее – сущность – существование». К примеру, жизнь человека («Я есмь») складывается из того, кто есть (сущее: дух, душа, ум как логос), как есть (существование: воля, представление, чувство), в отношении к чему есть (сущность: благо, истина, красота, вера).

Цельное знание как непостижимое (С. Л. Франк) обнаруживается в трех измерениях бытия: во «внешнем», предметном бытии, непостижимом-для-нас; во «внутреннем», непосредственном самобытии; в объединяющей их первореальности как непостижимом-самом-по-себе. Выясняется, что «человек и мир, как они даны в эмпирической реальности, – не таковы, каковы они суть в их основе, в их подлинном существе». Условием перехода от предметного бытия к первореальности являются личностная уверенность в

бытию Бога и вера в него. «Безусловное бытие выходит за пределы всего постижимого и логически-определенного не только в том смысле, что оно металогично, трансдефинитно и трансфинитно, но и в том смысле, что оно трансрационально в смысле непостижимости» (С. Л. Франк).

Гносеология цельного знания показывает единосущие Бога и мира, дополненное антропологическим и аксиологическим дуализмом (В. С. Соловьев), трансрациональность (С. Л. Франк), софиологический монодуализм (С. Н. Булгаков), исихастское всеединство (П. А. Флоренский), христианский монодуализм (Е. Н. Трубецкой), пантеистическое единство множественности (Л. П. Карсавин), аксиологию (Н. О. Лосский). Основными *методами построения цельного знания* выступают положительная диалектика (В. С. Соловьев), антиномистический монодуализм (С. Л. Франк), трансцендентно-имманентный метод (С. Н. Булгаков), интуитивная дискуссия (П. А. Флоренский), апологетика (Е. Н. Трубецкой), самоподобие (Л. П. Карсавин), интуитивизм (Н. О. Лосский).

В. С. Соловьев изучает цельное знание с помощью метода положительной диалектики, которая составляет оппозицию рационалистической диалектике. Система положительных, а не отвлеченных начал бытия раскрывается ученым в живой и конкретной целостности, в единстве нравственно-религиозного опыта. Здесь противоположности совпадают и примиряются, сохраняются и принимаются, преодолеваются. Антиномии цельного знания показывают наличие в разуме сверхразумного начала; показывают теоретическую модель, в которой возможна действительность идеального и наоборот.

Непостижимое трансрационально и «просвечивает» сквозь рациональное, является «чистым даром»; не доказывается, а показывается и переживается в живом опыте бытия. «Непостижимое постигается через постижение его непостижимости» (С. Л. Франк). Самореферентное знание о духовности отличается содержательной полнотой и формальной неполнотой. Оно «включает в себя свои пределы», все в себе имеет: целое воспроизводится в каждом из его компонентов и наоборот. Проблематичность самоподобного знания раскрывается С. Л. Франком с помощью «умудренного неведения». Это и незнание, осознавшее само себя, и знание, познающее через незнание. В таком неведении исчезают антиномии мышления и появляется интеллектуальное смирение без критических интенций. Умудренное неведение является живым знанием, направленным на само бытие человека, а не просто на серию его поступков, и поэтому оказывается наилучшим ведением.

В проективной логике непостижимого доказательства излишни, поскольку демонстрируют логическую необходимость, а не жизненную правду; и невозможны, потому что нет способов дедуктивно умозаключать от первооснования (оно искомо), и нет вариантов индуктивного обобщения того, что инаково к миру. Определения соответствуют духовному опыту, как «изрядно сколоченный крест – живому телу, которое на нем распинается» (С. Л. Франк).

Антропология цельного знания исходит из представлений о дуализме человека (В. С. Соловьев), его духовности (С. Л. Франк), мистике спасения (С. Н. Булгаков), антроподиее (П. А. Флоренский), крестном пути человека (Е. Н. Трубецкой), его тварности (Л. П. Карсавин), действительном субстанциальном деятеле (Н. О. Лосский).

Индивидуализация всеединства, человек, на взгляд В. С. Соловьева, есть безусловная форма для добра, в выборе которого детерминирован. Но свобода невозможна без права на выбор зла, которое атрибутивно в человеческой природе, и все определяется выбором между добром и злом, а человеческое совпадает с совестью. Три природы человека – материальная, социальная и божественная – образуют его суть, а «основные чувства стыда, жалости и благоговения исчерпывают область возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его» (В. С. Соловьев). Эти воплощения природного, разумного и абсолютного добра коррелируют с силами любви: восходящей, равноценной и нисходящей.

Человек духовный в учении С. Л. Франка показан через уровни самораскрытия. В жизни осуществляется реализация индивидуальности на общих началах соборности, служения, солидарности и свободы, на принципах иерархизма и равенства, традиций и творчества, наследственности и заслуг, планомерности (государство) и спонтанности (общество). Трансцендирование во-вне означает активное самосовершенствование, причастность к непостижимому в форме «я» и «мы», которая обнаруживается в служении, солидарности и свободе. Трансцендирование во-внутри раскрывает отношение «я» и «ты» показывает «единство тайны страха и вражды с тайной любви». Но «делами жизнь не переделаешь», и только заданный каждому смысл жизни («путь, истина и жизнь») утверждают человека в вечности.

Аксиология цельного знания показывает совершенное добро как любовь (В. С. Соловьев), смысложизненную первореальность (С. Л. Франк), единство веры и разума (С. Н. Булгаков), интуитивную веру (П. А. Флоренский), идеал обожения (Е. Н. Трубецкой), свободу и любовь (Л. П. Карсавин), ответственность (Н. О. Лосский).

Концепт совершенного добра в учении В. С. Соловьева базируется на замысле оправдания добра и его отождествления с любовью, верой и смыслом жизни в духовном опыте человека. Смысл жизни «заключается в ее добре» как «триединой и нераздельной» любви, означает разумную и свободную веру человека в абсолютное добро как любовь. При этом важны и «твердыни жизни»: семья, отечество, Церковь. Совершенное добро складывается из природного, разумного и абсолютного добра, соответствующих материальной, социальной и божественной природам человека.

Концепт добра в учении С. Л. Франка содержит три противоположности добра: зло физическое (время), зло моральное, зло метафизическое (смерть). Они проясняются через онтологическую

безданность и логическую немнслимость зла; с помощью его описания как порчи бытия; посредством указания мнимых всеобщности и всемогущества зла (добро не может быть побеждено); через характеристику самоуничтожаемости зла; рассуждения об ответственности, страдании и раскаянии. «Зло несет свою имманентную кару в самом себе», для него характерны «самопожирание» и «самосжигание» как для всякой эмпирической реальности. Человек не может быть признан источником зла, но может быть назван исполнителем воли духовного зла. Кроме того, соучастие индивида во зле рождает в нем чувство вины, что само по себе значимо. *Концепт веры* в цельном знании непостижимого показывает, что вера-доверие (вера-послушание) опирается на веру-знание и веру-достоверность (моральную по смыслу). В этом свете различие между верой и неверием есть всего лишь различие между широким и узким кругозором, поскольку верующий просто присоединяет к опыту неверия еще и иной опыт духовного измерения бытия.

Таким образом, современные стратегии изучения различных типов рациональности, духовного мира человека в интегрирующемся обществе обогащаются опытом построения инорационального цельного знания мировоззренческих феноменов.

НАСИЛИЕ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

И. Н. Сидоренко

Трансформации, происходящие в обществе XXI в., неизменно влекут за собой изменения в мире в целом и, как правило, приводят к эскалации насилия. Процесс становления нового миропорядка имеет тенденцию как к интеграции, так и к дезинтеграции, к формированию новых и жестких разделительных линий. Если раньше основными элементами геоструктуры выступали национальные государства, то в наше время главную роль начинают играть региональные центры развития и силы, а также транснациональные корпорации. Поэтому логично предположить, что формирующийся миропорядок будет базироваться не на одной, а на нескольких дополняющих и соперничающих ценностных системах. Насилие, порожденное таким разделением и конкуренцией между центрами силы не только по вопросу власти, но и по отстаиванию своего образа жизни, во многом иррационально и разрушительно.

В эпоху глобализации жизнедеятельность общества осложняется возрастанием агрессии и конфликтности, их специфическим преломлением, соответствующим социально-экономической и культурной ситуации региональных пространств и временных характеристик социума. На фоне явлений кризиса и нестабильности насилие оказывается неизбежным атрибутом общественного бытия.

Всплеск жестокости и варваризация социальных практик в XX – начале

XXI вв. показали ограниченность классовой трактовки насилия и необходимость обращения к более глубинным его причинам, связанным с человеческой природой и с особенностями современного социального бытия. Вместе с тем чрезвычайно актуально внесение терминологических уточнений в категориальный аппарат философии, включая такие понятия, как насилие и основные модусы его проявления (онтологический, экзистенциально-антропологический, социальный), деструкция, безопасность и суверенитет, информационные и кибервойны, сетевое общество и сетевая война, нетрадиционные войны и др. Эти понятия выступают продуктом социального конструирования, кодирования в культуре, в частности в информационном пространстве, и приобретают собственную семантику за счет взаимодействия разнообразных культурных дискурсов.

Безопасность общества и государства в глобализирующемся мире зависит от формирования современного, так называемого «ноосферного», мировоззрения, системы новых гуманистических знаний и ценностей, благодаря которым открывается возможность формулировать продуктивные ответы на вызовы и риски глобализации и трансформации насилия и войны. Исходя из вышесказанного, представляется необходимым обобщение теоретического и фактического материала, накопленного в истории философии по проблеме эскалации насилия, и осуществление его концептуального анализа.

Сегодня в научный оборот гуманитаристики постепенно вводится проблема насилия и войны; в социально-философских исследованиях активно обсуждаются вопросы природы и сущности насилия, а также происхождения войны, причин и следствий ее трансформации на современном этапе (У. Бек, С. Жижек, З. Бжезинский, Ю. Хабермас, М. Хардт, А. Негри, М. Калдор, А. Бенуа, Ж. Бодрийяр, С. Жижек, Р. Жирар, М. ван Кревельд, И. Панарин, В. Иноземцев, А. Дугин, В. Серебряников и др.).

Установление проблемного поля и концептуальное выстраивание «философии насилия» отсылает к целому ряду теорий и идей, определяющих культуру и социум как репрессивный механизм, и показывающих, каким образом насилие может быть «культурной метафорой» и объектом философской рефлексии. Его «метафоризация» предполагает, что оно, во-первых, один из наиболее архаических культурных архетипов, который перенасыщен значениями; во-вторых, имеет символическую природу; в-третьих, может быть понято гораздо шире, нежели традиционная дефиниция «принуждение посредством силы». Правомерным считаем предложить обоснование насилия как проявления различных форм деструкции: расколотости бытия, раздвоенности человеческой природы, отчужденности человека, репрессивности социума, нивелирования границ между войной и миром. Соответствующую идею считаем целесообразным раскрыть следующим образом: от онтологии насилия как расколотости бытия и утраты им целостности к антропологии насилия как раздвоенности человеческой природы на социальное и биологическое, затем к экзистенциальному

пониманию отчужденности подлинного существования; далее через социальный модус насилия как деструктивности тоталитаризма и репрессивности социума к проблематике современных войн, задача которых, несмотря на их тяготение к тотальности и всеобщности, заключается в восстановлении раздробленности мира и поиске нового основания единства.

Обращение к анализу природы насилия связано с проблематикой «онтологического нигилизма» как торжества «воли к ничто» и гипертрофии своеволия человека, обернувшихся бунтом против бытия и проявившихся в двух мировых войнах. Однако, как свидетельствуют события после Второй мировой войны и эскалации насилия в начале XXI в., жажда «воли к ничто» до сих пор не удовлетворена, а утопическое сознание, порожденное «онтологическим нигилизмом», переходит от острого переживания зла, царящего в мире, в ненависть к этому миру и подменяет творчество радостью разрушения.

Современный нигилизм, как справедливо отметил Мераб Мамардашвили, не допускает осуществления поступка «лицом к лицу», а, наоборот, порождает неподлинные формы взаимодействия массовидных индивидов-марионеток. Поэтому человек с нигилистическим утопическим сознанием может хотеть только одного – «взорвать себя, т. е. покончить с собой и одновременно со всем миром», так как он в принципе «не может жить в мире, который ему непонятен», однако если он «достигает степени самоуважения посредством упрощенных схем, то он скорее убьет того, кто покусится разрушить эти схемы, чем расстанется с ними» [1, с. 89].

Бунт против бытия как такового, соответственно, коренится в утопическом нигилистическом сознании, которое стремится, во-первых, найти цель и все обосновать, а во-вторых, все свести в единое и систематизировать посредством упрощения. Это приводит к тому, что острое переживание зла, царящего в мире, переходит в ненависть к этому миру. Таким образом, утопическое сознание, порожденное онтологическим нигилизмом, подменяет творчество радостью разрушения.

В XXI веке доминирующей продолжает оставаться установка на радикальное преобразование действительности: мир должен быть организован сообразно истинным идеям. Уверенность в истинности своих воззрений и верований повышает риск насильственного навязывания собственного видения и проекта действительности: если не получается организовать мир так, как «надо», значит необходимо насильственно «тянуть» в свою истину. Вместе с тем, сужается пространство для социального действия, подкрепленного личной ответственностью, что приводит к невозможности локализовать субъекта, т. е. определить: кто думает, кто говорит, кто действует, а значит, и кто несет ответственность. Получается, что насилие является результатом действия «Никто». Поэтому сложившуюся ситуацию правомерно определить как бунт «полого» человека против бытия, как торжество онтологического нигилизма.

Расцвет идеологии нигилизма пришелся на XX столетие и в начале XXI в. находит возможность для проявления в радикальных формах

национализма и фундаментализма.

Таким образом, считаем правомерным утверждать, что историко-философский анализ концептуальных подходов к раскрытию сущности насилия и исследование деструктивного потенциала современной цивилизации открывают возможность не только выявить механизмы насилия, порождаемые логикой техногенной культуры, но и определить закономерность эволюции насилия в жизни общества, обозначить контуры философско-политической стратегии общественного бытия в XXI в.

Литература и источники

1. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию. Доклады, статьи, философские заметки / М. Мамардашвили. – М., 1992.

АКСИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК (ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИА)

В. А. Сидоров

Сегодня взаимодействие гуманитарного знания с интересами и нуждами социума проходит под знаком возвышающейся требовательности к прагматике этого знания. Однако, углубляясь в цифровизацию мира, люди жаждут оценить его на ценностной шкале культуры. Обращение к духовным ценностям, хотя бы на словах, отмечается на всех уровнях современного общества, потому что «констатация положения о том, что общество потеряло или теряет ценности, что сегодня явно превалирует способ жизни по принципу каждый за себя, определяет особую актуальность изучения ценностного состояния человека и общества» [1, с. 15].

Действительность дискретна и дробится на многочисленные фракции – *социальные практики*, включающие в себя как сферу деятельности человека, так и находящиеся в динамике его статус и роль в обществе, идеалы, ценности, нормы взаимодействия с обществом, профессионализм и нравственность.

Журналистика – тоже социальная практика. *Ценностный* знаменатель для нее, как и для других практик социума, год от года нового столетия, становится все более актуальным, хотя понимается не сразу. Дж. Кин сформулировал: «мы живем в революционную эпоху коммуникационного изобилия» [2, с. 8, 55, 63]. Коммуникационное изобилие меняет медиа в целом. В эпоху мегатиражей, «какой бы оригинал ни появился, он способен многократно умножаться, порождая неведомую свободу выбора и разрушая идеологический монополизм, иногда и усугубляя его» [3, с. 15]; возникает фигура «самоконтролируемого гражданина, который является основой представительной демократии, а не продуктом обобществления» [4, с. 279]; вместе с тем, наблюдается «глубинная двусмысленность» коммуникационного изобилия – «общества, насыщенные медиа, склонны к спорам и разногласиям» [2, с. 16]; «иллюзия свободы и разнообразия может

быть одним из способов производства идеологической гегемонии» [5, с. 30]. Коммуникационное изобилие повернулось к нам не самой приятной стороной – внезапно человек ощутил себя тонущим в медийном море, пропала прежде надежные силы и опоры.

Миновали времена, когда для просвещенного человека день начинался с прессы. «Чтение утренней газеты, – писал Г. В. Ф. Гегель, – это утренняя молитва реалиста. В ней мы ориентируем себя по отношению ко всему миру в целом». Трудно что-либо добавить к столь высокой оценке труда газетчиков. Теперь же, по результатам опроса 500 российских журналистов, фиксируется слабая ориентация прессы на гражданское и социальное участие [6, с. 3] – тревожный сигнал утраты в журналистском корпусе основополагающих для профессии ценностных начал, побуждающих журналиста быть гражданином, встающим на сторону добра и справедливости.

«Мы живем в мире, где возросло количество информации и связанной с ней деятельности, которая составляет существенную часть организации быта и труда» [7, с. 80]. Цивилизационные изменения носят качественный характер и повлияли на журналистику. Медиа до неузнаваемости трансформируют среду обитания. Происходит диверсификация СМИ: отныне часть прессы перестала быть носителем журналистских произведений; возникла неопределенность социальной и ценностной идентичности изданий. В связи с чем утверждается актуальность изучения идеалов и ценностей, которые завтра, возможно, определяют облик мира. Потому что мыслящая часть общества, несущая на себе нравственную ответственность за состояние его духовной жизни, все более убеждается в своевременности становления ценностных констант в социальных практиках и противодействия социальным деструкциям в духовной сфере. С учетом «коммуникационного изобилия» растут требования к осмыслению журналистики как социальной практики. П. Ганчев напомнил о глубоких деформациях эпохи, когда «главными принципами являются не свобода, долг и гуманизм, а нажива, прибыль, удовольствие», так что пришло время «восстановить фундаментальные ценности, которые вывели человечество из первобытности на путь культурного, цивилизационного развития» [8, с. 5, 7, 21, 27]. И этот императив непосредственно касается журналистики – в ней всегда отражаются социально-политические проблемы и концепции развития обществ.

Журналистика впитала в себя новейшие способы передачи информации и трансляции культурных ценностей, стала заметным феноменом культуры, отвечающим на социально-исторический запрос эпохи. «Этот феномен в высшей степени сложен и мозаичен, потому что в его производстве принимают участие наука, культура, эстетика, этика. Область его отображения – вся наша действительность. И сегодня уже судьбы мира – культурные, экономические, политические, социальные – неотделимы от СМИ, поскольку они обеспечивают приобщение личности к экономическим, культурным, политическим, социальным ценностям» [9]. Естественно, не

могло не измениться отношение к массмедиа со стороны общества, которое круглосуточно погружено в активную / агрессивную информационную среду, а поведение человека, его ценностные установки детерминированы СМИ, и воздействие на человека со стороны медиа интенсифицируется. Но при этом есть «искушение истолковать новую динамику коммуникационного изобилия в терминах, унаследованных от наших предков. Этому желанию надо сопротивляться... Нужны смелые новые заходы, свежие взгляды» [2, с. 32]. Новые подходы должны быть органичными по отношению к процессам в медийной среде. Не случайно «современные научные представления о средствах массовой коммуникации дают возможность рассматривать информационное послание как передачу некой ценности» [10, с. 14], а ценностное измерение журналистики становится важным показателем ее соответствия коммуникативным интересам и запросам общества. Такова предпосылка новой научной дисциплины – *аксиологии журналистики*.

Журналистика функционирует в динамичном социальном пространстве, когда техногенный фактор новой среды встал в один ряд с экономическим, политическим и культурным. При этом новая среда оказывает свое воздействие на породившие ее институты. Воспринимая прежние ценностные представления, подвергает их переработке при активном участии журналистики. Будучи частью духовной жизни общества, в которой рождаются новые идеи, смыслы, понимания, образы, научные истины и пр., она генерирует и распространяет определенные ценности, которые могут быть созвучны времени их создания, опережать / отставать от него. Журналистика в качестве социальной практики сама является социальной ценностью. Итак, аксиология журналистики – это научная дисциплина, изучающая журналистику как источник и ретранслятор ценностей общества во всем их предметно-смысловом многообразии, а также собственно журналистику как социальную ценность, исследующая принципы и способы освоения журналистами социокультурных ценностей, эффективность и методы их репрезентации в аудитории СМИ.

Мы рассматриваем аксиологию журналистики в качестве одного из определяющих разделов знания о журналистике, основанного на философской теории ценностей. Главным своим содержанием новая дисциплина обращена к вопросам ценностного освоения мира человеком и ценностного взаимодействия людей в публичной сфере, что позволяет рассматривать аксиологическое изучение медиа как соответствующее реалиям нового столетия.

Литература и источники

1. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов / отв. ред. Л. Г. Видулова. – М., 2011.
2. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа / Дж. Кин; пер. с англ. – М., 2015.
3. Назарчук, А. В. Теория коммуникации в современной философии / А. В. Назарчук. – М., 2009.

4. Прайс, М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность / М. Прайс; пер. с англ. – М., 2000.
5. Дейк, Т. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. ван Дейк; пер. с англ. – М., 2013.
6. Аникина, М. Е. Ресурс общественного диалога в российских массмедиа: взгляд журналистов / М. Е. Аникина // Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога. Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конференции. – М., 2015.
7. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; пер. с англ. – М., 2004.
8. Ганчев, П. Глобализация, глобальный кризис и необходимость новых принципов, институтов и новых ценностей современного человечества / П. Ганчев // Ценностные миры современного человечества: Дни философии в Петербурге-2011: сб. ст. – СПб., 2012.
9. Поликарпова, Е. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе / Е. Поликарпова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Polikarp/01.php. – Дата доступа: 27.08.2018.
10. Хочунская, Л. В. Медийные «лидеры мнений» как выражение ценностей аудитории / Л. В. Хочунская // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации / сб. материалов Междунар. науч.-практ. конференции. – М., 2012.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА ЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Л. С. Сироткина

В культуре имеются объекты, которые, играя существенную роль в ее процессах и даже входя в систему ценностных ориентаций, оказываются недостаточно отрефлексированными этой культурой. К таким объектам следует отнести феномен логической культуры (ЛК). В философских, в том числе логических, психологических, педагогических, трудах термин «ЛК» фигурирует не один десяток лет [1, с. 186], но содержание соответствующего понятия сохраняет неопределенность. В образовании реализуются разнообразные практики по развитию ЛК, но они основаны на весьма вольных интерпретациях феномена логического. В системе оценок индивидуальных достижений логическое занимает устойчивое место как в массовом сознании, так и в профессиональном мышлении, но критерии оценки отсутствуют. Несмотря на теоретическую и практическую значимость, категория ЛК до сих пор не приобрела статус внутродисциплинарного научного объекта [3, с. 116].

Причина связана, с одной стороны, с ограничением множества значений термина «ЛК» соотносительностью только с процессом мышления [2, с. 427] (ЛК мышления, культура ума, культура умственного труда: Бочаров, Войшвилло, Д. А. Гусев, Ю. В. Ивлев, И. Я. Лернер, М. И. Махмутов, Г. В. Сорина, А. В. Хуторской, др.). С другой стороны, ни современная

антипсихологически ориентированная логика, ни психология, в рамках которой интеллект «подвергнут своего рода остракизму» (М. А. Холодная), ни педагогика, не обладающая достаточными научными средствами для анализа логического, не могут включить ЛК во внутридисциплинарные проблемные поля.

Проблема институализации исследований ЛК связана, однако, с принципиальной невозможностью внутридисциплинарной интерпретации данного объекта как целого, включающего характеристики двух различных типов: «логический» – обладающий признаками логического или относящийся (имеющий отношение) к логическому; «являющийся культурой» – относящийся к культуре как феномену общественной жизни или выступающий в качестве ценностно-нормативного свойства объекта.

ЛК как феномен культуры определима как исторически сложившаяся национально / конфессионально / территориально / др. специфичная, закрепившаяся в массово воспроизводимых в обществе культурных кодах, институционально оформленная совокупность всех достижений общества в области логического. Бытие логического выражается, в частности, в месте и роли логической науки в науке и образовании; в развитии логического образования; возможно, в типе логики (по Э. Фромму), лежащем в основании ментальности народа, в бытующих в общественном сознании представлениях о логическом и др. Все эти и иные объекты образуют неотъемлемую интегральную характеристику культуры в широком смысле. В соответствии с принятым в науке выделением уровней культуры составляющие ЛК классифицируются на:

1. Относящиеся к специализированному кумулятивному уровню:

– логическая наука как социальный институт;

– нелогическая наука (психология, нейронаука, когнитивистика, пр.), исследующая те или иные аспекты логического, например, соответствие когнитивных и логических структур (Ж. Пиаже), особенности развития логического мышления на разных этапах онтогенеза (Н. А. Подгорецкая);

– средства перехода с кумулятивного на трансляционный уровень: прикладные психологические и педагогические теории (в частности, методика преподавания логики, методики развития логического мышления и т. п.).

2. Соотнесенные со специализированным трансляционным уровнем:

– не – или формальное не – или институализированное логическое образование;

– логические компоненты нелогического (в частности, общего математического) образования;

– логическая культура мышления преподавателей.

3. Характеризующие обыденный уровень культуры:

– устоявшиеся в культуре способы горизонтальной и вертикальной (межпоколенной) трансляции логических структур, норм, в т. ч. исторически сложившиеся языковые коды, фиксирующие логические объекты и отношения, представленность логического в письменных ненаучных

источниках, место логического в публичном дискурсе, других интеллектуальных практиках;

– сложившийся в общественном сознании образ логического – представления о логике, логическом образовании, логических характеристиках разнообразных объектов;

– уровень и особенности развития логической культуры как признака общественного сознания;

– субъективный интерес к логическим аспектам объектов культуры, деятельности; ценностное отношение к логике, логичности, их типизированные оценки, место в иерархии образовательных ценностей;

– тип самооценки логических аспектов интеллектуальной деятельности, доминирующий в общественных группах или обществе в целом;

– социальный запрос на логическое образование.

ЛК как феномен культуры состоит из множества относительно самостоятельных объектов самой разной природы (включает в себя, среди прочего, ЛК обыденного и квалифицированного мышления), системообразующим фактором для которых может быть признана ценность логического. Только для характеристик ЛК, соотнесенных с кумулятивным уровнем культуры, характерна высокая качественная унифицированность. Совокупность структурных элементов ЛК, соответствующих обыденному уровню, крайне неоднородна. Существуют многообразные связи между, с одной стороны, различными компонентами ЛК, и с другой, – между этими компонентами и иными составляющими культуры.

Очевидно, что для отдельных структурных элементов ЛК и связей между ними выбор методологии исследования должен определяться их особенностями. В частности, сложившийся в общественном сознании образ логического должен исследоваться средствами интеграции достижений современной философии логики и статистических методов психологии или социологии; общественный запрос на логическое образование – на основании интеграции теоретических положений и методов философии образования, методики преподавания логики, педагогики и социологии; доминирующий в отдельных общественных группах или обществе в целом тип самооценки логических аспектов интеллектуальной деятельности – средствами логики, психологии мышления и психологии личности, социологии; ЛК мышления и речи должны анализироваться средствами объединения возможностей логических-философской, психологической и лингвистической методологий. В целом, исследование каждого компонента ЛК как феномена культуры – так же, как и самой ЛК как целостного, системного объекта – предполагает интегрирование возможностей различных областей научного знания и, следовательно, реализацию меж – и / или трансдисциплинарных подходов, эксплицитно зафиксированную основу которых должна составлять логическая теория. Попытка ограничить исследовательскую парадигму интрадисциплинарными рамками ведет не только к нарушению принципа системности, но, в силу особенностей феномена ЛК, – и фундаментальных

требований научности.

Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 17-03-00707а «Логическая культура в России: прошлое и современность».

Литература и источники

1. Павлюкевич, В. И. Эпистемологическая ценность логической культуры мышления / В. И. Павлюкевич // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса. – Минск, 2017. – С. 186–188.
2. Пушкарский, А. Г. Об образе логики в современном российском обществе / А. Г. Пушкарский // Русский логос: горизонты осмысления. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2-х т. Т.2. – СПб., 2017. – С. 423–429.
3. Свинцов, В. И. Логическая культура личности и общество / В. И. Свинцов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 4. – С. 114–124.

ФЕМИНИСТСКИЙ ДИСКУРС В ИССЛЕДОВАНИИ НАУКИ

Э. Ф. КЕЛЛЕР

А. П. Соловей

Различные аспекты положения женщин в науке стали предметом изучения зарубежных исследователей начиная со второй волны движения «за освобождение женщин» в Америке (середина 1960-х гг.), которое было ориентировано на изменение сексистских стереотипов в культуре, воспроизводящих представление о женщине как более слабой, пассивной, зависимой, эмоциональной и менее рациональной по сравнению с мужчиной. Важными следствиями данного движения стали рост социально-политической активности женщин и развитие социальных исследований, посвященных анализу роли и положения женщин в различных сферах общества, в том числе и науке. Именно феминистские исследования 1970-х гг. позволили интегрировать в социальные науки «женскую тему». Наиболее существенный вклад в развитие теоретико-методологической базы исследования науки в ракурсе феминистского дискурса внесли представители феминистского подхода.

Сторонники феминистского подхода рассматривают науку как маскулинизированную сферу, где доминирует «мужская» система ценностей, «мужские» установки и идеалы, где долгое время способности, мнения и ценностные ориентации женщин игнорировались. Как отмечают американские исследователи Р. Маркуссен и С. Бодкер, которые разделяют мнение Э. Ф. Келлер: наука «считалась областью преимущественно рациональной, обезличенной и предназначенной для мужчин» [6, с. 275]. В феминистских исследованиях науки важное место занимает критика, которая направлена на ликвидацию попыток придать научный статус некоторым

идеям, носящим дискриминационный характер. К примеру, идея социобиологической обусловленности несостоятельности женщин в некоторых сферах общественного разделения труда и в научном труде, в частности. Рассматривая различные критические замечания, сделанные феминистами в разное время, в первую очередь необходимо уделить внимание либеральной критике. Центральное замечание данной критики – это обвинение в несправедливости условий занятости, которое основывается на том факте, что почти все ученые – мужчины. Как отмечает, Э. Ф. Келлер: «на науку как таковую большее или меньшее число женщин ученых или даже их отсутствие никак не влияет» [1, с. 590]. В рамках либерального феминизма внимание фокусируется на проблеме совмещения женщинами различных социальных ролей – матери, жены, профессионала (в данном случае ученого). Тем самым данная критика не противоречит традиционным концепциям науки.

Противоположного мнения придерживаются представители радикальной критики науки. По их мнению, тот факт, что мужчины составляют в научной сфере подавляющее большинство, привел к предвзятости в выборе и определении проблем научных исследований, а также к неравноправию в организации экспериментов и интерпретации их результатов. Тем самым задача данной критики – обнаружить андроцентрическую предвзятость не только в организации науки, но более того, в самой идеологии науки, подвергая сомнению базовые понятия объективности и рациональности, которые лежат в основе научной деятельности [1, с. 590–591]. Подобного рода радикальные шаги необходимы по двум причинам. Во-первых, восстановив позиции женщин как действующих и познающих субъектов, необходимо изучить проявления патриархатной предвзятости на глубинных уровнях социальной структуры, которые зачастую ограничивают научную деятельность женщин. Во-вторых, феминистская критика смогла затронуть основания научного мышления. До этого считалось, что развитие научной мысли детерминировано исключительно ее же собственной логикой и эмпирикой. В такой системе знания нет места для авторства, будь то мужчина или женщина. Идея о различиях миропонимания мужчин и женщин рассматривалась как дополнительный повод исключения женщин из науки [1, с. 592–593].

Значительный вклад в развитие феминистских исследований науки внесла физик, доктор философии, Эвелин Фокс Келлер, исследования которой сфокусированы на истории и философии современной биологии, гендере и науке. Причину различных представлений о роли мужчины и женщины в науке Э. Ф. Келлер видит в процессе формирования гендерной идентичности и создания представлений о маскулинности и феминности. По мнению автора: «отношения между гендером и наукой это сложный вопрос, не только потому, что женщины исторически были исключены из науки, но из-за глубокого взаимопроникновения между нашим культурным конструированием гендера и нашим пониманием науки» [2, с. 279]. С формированием идентичности в семье усваивается комплекс социальных

ценностей и норм. И так как, по мнению Э. Келлер, современное общество и семья транслируют социальный порядок, в котором объективность и рациональность отождествляются с маскулинностью, а субъективность и эмоциональность – с феминностью, то воспроизводство этих ассоциативных связей гарантируется в различных сферах, в частности, и в науке. Наглядным подтверждением явного дискриминационного гендерного различия в науке служит пример выдающегося американского генетика высших растений Барбары Макклиток, которая получила нобелевскую премию в 1983 г. за открытие подвижных элементов в молекуле ДНК, хотя само открытие ею было сделано на тридцать лет раньше. Открытие не получило своевременного признания из-за того, что логика исследований противоречила конвенциональному подходу. Недооценку важности открытия Б. Макклиток можно объяснить влиянием гендерных различий на способы научного познания. Следовательно, показав на биографическом примере то, что наука, которую делают женщины, отличается от мужской науки, Э. Ф. Келлер утверждает значимость гендерного измерения в социальных исследованиях науки. Изменение данной ситуации автор видит через изменение ценностей, которые отражают комплекс представлений о науке и гендере в обществе. Однако изменить ценности, которые традиционно укоренились в сознании, трудно, и данный процесс требует длительного времени [5].

Как отмечает Э. Ф. Келлер, существуют культурные и институциональные препятствия, с которыми женщины в науке исторически должны были бороться и преодолевать. Гендерные стереотипы, в частности, традиционное определение науки как маскулинной, способствовали исключению женщин из науки. В своей книге «Размышления о гендере и науке» автор подчеркивает два факта. Во-первых, отцы-основатели современной науки – мужчины. Во-вторых, они концептуализировали науку как специфически маскулинный вид деятельности. Концепция науки как маскулинной предложена не современными феминистками, а заложена основоположниками науки – мужчинами. Внимание в данной работе фокусируется не на культурных препятствиях, с которыми сталкиваются женщины в науке, а скорее на роли, которую сыграли гендерные стереотипы в развитии науки. Исключение ценностей, которые культурно отнесены к женской сфере, привело к массовой маскулинизации науки. В свою очередь, маскулинизация науки рассматривается как непреднамеренный союз научных ценностей и идеалов маскулинности, который вреден не только для женщин-ученых, но и для всех ученых и для самой науки в целом [4].

В первых трех частях своей работы Э. Ф. Келлер исследовала отношения между научным и чувственным знанием, между маскулинностью и объективностью в культуре. Такие концепты, как отношения между объектом и субъектом, эмоциональной зрелостью и автономией, властью и господством рассмотрены в связи с научной деятельностью. Автор делает вывод о том, что в одинаковой степени для мужчин и женщин их ранний опыт способствует ассоциированию эмоционального и когнитивного

подходов объективаций с маскулинностью. В то время как, все процессы, которые включают размытие границы между субъектом и объектом, обычно ассоциируются с феминностью [3, с. 284–285]. В девятой главе автор задается вопросом: «Возможно ли заменить сильно маскулинный образ ученого на гендерно нейтральный?» [3, с. 286]. Также автор анализирует научную деятельность Б. Макклиток и на основании этого доказывает, что существует разумная причина убедить ученых и общество в целом, что образ ученого должен нести гендерно нейтральные черты.

Таким образом, научное познание, опираясь на феминистскую эпистемологическую позицию, в том числе на методологические идеи Э. Ф. Келлер, выходит на принципиально новую позицию в изучении науки, проблематизируя гендерные отношения, гендерные различия в подходах к знанию, которые влияют на положение женщины-ученого.

Литература и источники

1. Keller, E. F. Feminism and science / E. F. Keller // *Journal of Women in Culture and Society* – 1982. – № 7 (3). – Pp. 589–602.
2. Keller, E. F. On the need to count past two in our thinking about gender and science / E. F. Keller // *New ideas in psychology*. – Elmosford. – 1987. – Vol. 5, №2. – Pp. 275–287.
3. Keller, E. F. Reflection on gender and science / E. F. Keller, G. Scharff –Goldhaber // *American Journal of Physics*. – 1987. – Vol. 55, № 3. – Pp. 284–286.
4. Keller, E. F. Women in Science / E. F. Keller // *American Association for the Advancement of Science*. – 1987. – Vol. 236, № 4801. – P. 507.
5. Keller, E. F. Women in Science: A Social Analysis / E. F. Keller // *Harvard Magazine*. – 1974. – № 2. – Pp. 14–19.
6. Markussen, R. Gender, culture and technology / R. Markussen, S. Bodker // *AI & SOCIETY*. – 1993. – Volume 7, Issue 4. – Pp. 275–279.

РЕЛИГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В. В. Старостенко

Развитие суверенной Беларуси естественно обусловило постановку вопроса о государственной идеологии, формулировании интересов белорусского государства в основополагающих сферах общественной жизни. Идеология успешна, если аккумулирует опыт исторического развития народа, синтезирует значимые ценности социально-экономического, общественно-политического, духовно-культурного бытия. Среди факторов, воздействующих на формирование государственной идеологии, особую роль играет религия, выступавшая существенным компонентом становления национальной культуры белорусского народа, социальной практики. Религиозный фактор выявляет себя в двух ипостасях: общественной и личной, поскольку связан с обеспечением прав и свобод граждан в отношении религии.

Современный белорусский социум поликонфессионален, испытал влияние как секуляризма, так и вероисповедного плюрализма рубежа XX–XXI вв. При этом в общественном сознании определенное распространение получили представления об исторической и культурной неоднозначности существующих в республике конфессий, а также об определяющем значении религии в социокультурной истории Беларуси. В этой связи важно обратить внимание на крайне спорный характер характерного для части современной публицистики стремления отождествлять духовность и религиозность, нравственность и религиозную этику, что в последние годы активно внедряется в общественное сознание посредством не только конфессиональных средств массовой информации. Бытуют явно завышенные ожидания от реализации идеи духовно-нравственного оздоровления общества на основе религиозных ценностей, не учитывающие ни печального опыта царской России, ни того обстоятельства, что нравственные ценности религиозной идеологии вовсе не ограничиваются идеями и образами гуманистического содержания. Существуют ложные стереотипы о высокой религиозности населения, абсолютном доминировании определенных конфессий и т. п.

Имеют место попытки клерикальных кругов свести историю духовной культуры Беларуси главным образом к истории религиозной мысли и деятельности. При этом игнорируется традиция отечественного свободомыслия, имеющая свои истоки уже в общественном сознании Киевской Руси. Свободомыслие как альтернатива религиозного сознания на протяжении столетий формирует противостоящий догматизму критический стиль мышления, выступает одним из определяющих факторов социокультурного прогресса, детерминирует процесс секуляризации социума, становление национальных светских форм духовности, рационализацию и гуманизацию социальной практики. Возникновение и развитие свободомыслия является закономерным аспектом развития общества в целом и его духовной культуры. Оно выступает естественным следствием и одновременно фактором развития науки, образования, просвещения, связано с процессом неуклонного освоения мира человеком, ростом активности людей в ходе исторического развития, обогащением и усложнением духовной культуры человечества.

Важно не переоценивать и роль религии в консолидации общества. Признавая ее определенные интеграционные способности, нельзя игнорировать то обстоятельство, что природа религии потенциально содержит в себе и возможность противоположного свойства – быть источником дезинтеграционных проявлений. Особенно это актуально для конфессионально многоплановых стран. Мировой опыт свидетельствует, что история религий – это и история межконфессиональных конфликтов, нарушающих гражданский мир и согласие в стране. Известны также примеры, когда межконфессиональные конфликты внутри государства могут инспирироваться либо поощряться другими странами, и служить фоном и поводом конфликтов межгосударственных. Отсюда вытекает актуальная

необходимость постоянного мониторинга состояния и динамики конфессиональной ситуации, межконфессиональных отношений в Беларуси.

Религиозная и мировоззренческая неоднородность современного общества обуславливают особое место в системе национальной государственной идеологии свободы совести. Свобода совести включает в свое содержание право граждан на свободу религиозного и атеистического самоопределения, равенство в гражданских правах независимо от отношения к религии и конфессиональной принадлежности, свободу распространения религиозных и атеистических убеждений, отсутствие принуждения, преимуществ либо ограничений в отношении исповедания религии, равенство религиозных организаций перед законом, и др. Свобода совести – естественное развитие европейского и мирового процесса секуляризации – обмирщения общественного сознания и социальных институтов, освобождения от религиозно-церковного контроля в мирских делах. Главными характеристиками мирового процесса секуляризации являются снижение реальной религиозности населения и влияния религиозных организаций. Постсоветское пространство, особенно начала 1990-х гг., продемонстрировало иную ситуацию – «религиозно-церковного ренессанса», вызванного сложными процессами идейной трансформацией общества. Это обуславливает значимость анализа как отечественного, так и зарубежного опыта в области правового закрепления прав граждан на свободу совести. В целом необходимо исходить из реального сосуществования в мировой и отечественной культуре традиций религии и свободомыслия как альтернатив мировоззренческого выбора личности, а также непреходящей значимости свободы совести в системе прав и свобод гражданина, и, следовательно – в современной парадигме государственной идеологии Республики Беларусь.

Важно учитывать, что среди современных тенденций общественного сознания присутствует стремление к клерикализации культурной жизни, воспитания, системы государственного образования, социальных и политических институтов. Но клерикализация представляет значительную социальную опасность, так как способствует росту противоречий между верующими и неверующими, ведет к усилению межконфессиональной напряженности, создает питательную среду для экстремизма, возникновения локальных очагов межконфессиональной розни, мировоззренческой нетерпимости. Негативную роль играет ангажированность ряда СМИ при освещении конфессиональных процессов. При этом клерикальной идеологии и практике противостоят устойчивые представления о секулярном обществе и государстве как наиболее оптимальной и плодотворной форме функционирования социума.

Многие актуальные аспекты защиты интересов личности, общества и государства, в том числе применительно к сфере религии, получили отражение в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Среди основных национальных интересов в политической и социальной сферах документ выделяет, в частности, «соблюдение конституционных прав и свобод человека», «устойчивое развитие демократического, правового,

социально ответственного государства», «обеспечение гармоничного развития межнациональных и межконфессиональных отношений». Основными угрозами национальной безопасности рассматриваются, в частности, проявления религиозного экстремизма, распространение идеологии религиозной нетерпимости. Совершенствование государственной политики в области межнациональных и межконфессиональных отношений видится в «обеспечении условий для укрепления единой общности "белорусский народ", воспитании уважения к другим национальностям, религиям и культурам, пресечении любых попыток разжигания национальной и религиозной розни».

Особого внимания в контексте национальной идеологии и обеспечения национальной безопасности требует и такая особенность конфессиональной жизни Беларуси, как нахождение управляющих центров ее наиболее влиятельных религиозных объединений, претендующих на особые отношения с государством, за границей. Данные центры могут быть интегрированы с политическими структурами зарубежных стран и ретранслировать соответствующую идеологию, в результате чего деятельность контролируемых ими религиозных объединений может вступать в противоречие с государственными интересами Республики Беларусь, создавать угрозы для национального суверенитета.

Научно ориентированная государственная идеология и политика в конфессиональной сфере не может не учитывать многообразие культурного наследия Беларуси, в том числе существующие религиозные традиции, но основываться должна не на конфессиональных интересах тех или иных общественных групп, а на конституционном принципе свободы совести в интересах всего народа Беларуси, всех граждан независимо от их отношения к религии. Поступательное устойчивое развитие Беларуси подразумевает культивирование общегражданской идентичности и патриотического самосознания. Применительно к религиозной сфере жизнедеятельности общества в основе такой идентичности не могут лежать ценности конфессиональные, которые по природе своей имеют в поликонфессиональной среде дезинтеграционный потенциал. Объединяющую роль играют надконфессиональные интересы, в том числе выражаемые в идее и практике последовательной реализации свободы совести.

ДИАЛОГ НАУКИ И ОБЩЕСТВА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

В. О. Стаиш

Характеризуя современное общество, исследователи все чаще употребляют концепт *культура участия* (participatory culture). Одним из первых это явление концептуализировал Г. Дженкинс, подразумевая под ним культуру с низким порогом вхождения, необходимым для художественного

самовыражения и гражданской активности, но сильной поддержкой, и постоянным неформальным обменом опыта. В условиях культуры, основанной на участии, каждый чувствует важность собственного вклада, как минимум, беспокоясь о мнении приобретенного окружения [1]. Поддержка и ощущение значимости являются условиями, мотивирующими вчерашнего потребителя к поиску возможной самореализации.

Это дает нам возможность говорить о переходе от консюмеризма (общества потребления, главного объекта критики философии XX века) к просьюмеризму (обществу «производителей-потребителей»). Такой поворот становится очевиден, если обратить внимание на поколение, находящееся в центре процесса формирования новой культуры. Так, среди представителей молодежи, в США, еще в 2005-ом году отмечалась следующая тенденция: «Половина всех подростков создает медиа-продукт, и приблизительно треть использует Интернет для распространения созданного продукта» [1]. Новый способ коммуникации позволяет вести глобальный непрерывный диалог, а значит – осуществлять новые формы социализации.

К вышесказанному стоит добавить практикоориентированный характер современной цивилизации. И тогда не вызывает удивления, что перечисленная совокупность культурных свойств и мгновенная доступность информации обеспечили популярность неформальных способов образования (воркшопов, образовательных курсов, et cetera). Но помимо своих очевидных достоинств (возможность узнать о методах работы в конкретной сфере здесь и сейчас), такой автономный подход к трансляции знания не пытается решить одну из главных, для современной науки в том числе, задач – сведение знаний к единой целостной системе, их концептуализацию. Эта задача на протяжении последних столетий была прерогативой философии, которая выступала систематизатором научного знания и выстраивала общенаучную картину мира. И сейчас знакомство с философией может помочь личности, обеспечив ее необходимым методологическим инструментарием для ориентации в поле актуального научного знания. Знакомство с историей человеческой мысли также помогает в преследовании цели, которая сегодня остается столь же актуальной, как и в момент своего первого начертания на фронтоне дельфийского храма: «Познай самого себя».

Трансдисциплинарная методология исследования подразумевает взгляд, оптика которого опосредована целой совокупностью различных дисциплин, но при этом каждая из этих дисциплин находится в равноподчиненном положении по отношению к системе в целом. Практика подобного типа мышления характеризует философию еще со времен античности. Так Аристотель, предлагая определения «сущности» через понятие «целого», писал, что таковым она является, «потому что это не то, что высказывается о субстрате; напротив, о прочем говорится как о принадлежащем этому» [2, с. 177].

Язык философии по своему характеру направлен на осмысление наиболее общих категорий и культурных универсалий. Задействование его для диалога между научным сообществом и обществом в целом означает

возможность указать человеку извне на онтологическую связь между разными научными дисциплинами, но на этом диалоговая функция философского языка не исчерпывается. Так, описывая состояние современной науки как «пост-нормальное» (post-normal science) исследователи отмечают, что теперь при выборе парадигмы учитывается весь контекст, включая природные системы и человеческие ценности. И здесь важен постоянный диалог и взаимоуважение [3, р. 653]. Одним из пассивно-включенных участников науки традиционно является широкая общественность, за счет налоговых отчислений, а порой и частных инициатив, которой осуществляется дотация научных исследований. Включенность общественности в контекст научных разработок могла бы повысить не только интерес, но и поддержку соответствующих научных институтов, как и подразумевает концепция *культуры участия*.

Современный научный ландшафт меняется, открывая возможности для участия непрофессионалам. Так, именно астроному-любителю удалось задокументировать редчайшее астрономическое явление – рождение сверхновой [4, р. 497]. Это дает нам право говорить о том, что, помимо классической борьбы с предрассудками и повышения культурного уровня, работа, направленная на знакомство человека извне с принципами научного метода, сулит дивиденды самой науке. И именно философия как мета-дисциплина позволяет пробудить интерес к научному познанию. Благодаря своему плюралистичному характеру философия дает возможность использовать как популярный, так и индивидуализированный подходы в пробуждении интереса к научному познанию. Уместно вспомнить, что среди философских дисциплин, занятых разработкой актуальных научных задач, наибольшую популярность завоевала «философия сознания», чьи концепции «слабого» и «сильного» искусственного интеллекта активно апроприирует массовая культура (фильм «Ex machine», сериалы «Black Mirror» и «Westworld»). Это значит, что человеческое воображение по-прежнему будоражат научные проблемы и возможные пути к их решению. А раз на артикуляции первого специализируется философия, а на поиске второго – наука, то осталось лишь «науке наук» взять на себя роль медиатора и позволить общественности взглянуть на всю картину актуальных научных задач непосредственно, своими глазами.

Философия способна помочь в достижении такой задачи благодаря богатству и многообразию своего языка. Очевидно, что, используя философию как инструмент привлечения внимания к актуальной науке, акцент стоит делать на соотношении современных задач и вечных проблем. Известный с античности метод «философской метафоры» способен пробудить активный интерес к строгим научным формам познания, если перцепция опосредована личным опытом. Однако и объяснять широкой общественности фундаментальную важность научного метода целесообразнее на метауровне с использованием языка философии, позволяющего выйти за строгие рамки дисциплинарных ограничений и получить обратную связь от аудитории.

Специфика диалога заключается в равноправном положении его участников. Вместо классической дидактики, вопреки которой формируются новые формы образовательного процесса, эта форма общения позволяет избежать пассивной роли «реципиента». Философская беседа позволяет производить действенный обмен мнениями, а не навязывать догматические учения. Так, когда М. Бубера попросили сформулировать суть его работ в одном кратком тезисе, он ответил: «У меня нет доктрины, но есть диалог» [5, р. 6]. Неслучайно один из сборников, посвященных «диалогической философии» этого мыслителя, получил название «Dialogue as a Trans-disciplinary Concept». Открытость в восприятии большого числа точек зрения может помочь в схватывании макрообъектов и понимании макрозадач каждым участником дискуссии в отдельности.

«Самая серьезная потребность есть потребность познания истины» [6, с. 14], – сказал Г. В. Ф. Гегель в своей знаменитой речи от 22 октября 1818 г. И если что-то и способно систематизировать процесс познания, то это философия. Опираясь на методологию системного анализа, философия в силах раскрыть концепцию различных научных дисциплин, задействовав собственный понятийный аппарат. И в то время, как научно-популярная журналистика старается донести до общественности представление о новых научных концепциях и открытиях, именно философия способна предоставить необходимый базис, для того, чтобы знание, перешло в понимание.

Литература и источники

1. Jenkins, H Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.macfound.org/media/article_pdfs/JENKINS_WHITE_PAPER.PDF. – Date of access: 18.09.2018.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
3. Ravetz, I. R. What is post-normal science / I. R. Ravetz // Futures – the Journal of Forecasting Planning and Policy. – 1999. – V. 31, № 7. – P. 647–653.
4. Bersten, M. C. A surge of light at the birth of a supernova / M. C. Bersten // Nature. – 2018. – V. 554. – №7693. – P. 497–499.
5. Mendes-Flohr, P. Introduction: Dialogue as a Trans-Disciplinary Concept / P. Mendes-Flohr // Dialogue as a Trans-disciplinary Concept: Martin Buber's Philosophy of Dialogue and its Contemporary Reception. – 2015. – V. 83. – P. 1–6.
6. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Логика / Г. В. Ф. Гегель; пер. Б. Г. Столпнера, ред., предисл. А. Деборина, под ред. Н. Карева. – М.; Л.: Госиздат, 1929.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. К. Степанюк

В условиях трансформации окружающей среды, которая становится все

более искусственной и технизированной, обостряются проблемы, влияющие на судьбу человека и будущее нашей цивилизации. Они вызваны развитием современных конвергентных технологий. Эти технологии, с одной стороны, открывают новые перспективы для развития человечества, но с другой, способны изменить природу человека и его жизнедеятельность.

По мнению Д. И. Дубровского, «конвергентное развитие НБИК технологий создает чрезвычайно мощные небывалые средства для преобразования человека и социума, но вместе с тем и столь же масштабные риски и угрозы будущему человечества. Кумулятивный эффект, создаваемый конвергенцией этих технологий, определяется быстрым развитием соответствующих им областей знания. Мы являемся свидетелями небывало высокого темпа инноваций. Некоторые из них затрагивают фундаментальные основы жизни и чреватые непредсказуемыми последствиями» [1, с. 4].

Технологии становятся главным действующим фактором современной цивилизации. Они опережают и направляют науку, создавая проблемы с осознанием последствий своего развития. В связи с этим многими учеными будущее развитие человечества представляется неопределенным, многовариантным и нелинейным.

С. Ф. Сергеев обращает внимание на то, что основными источниками угроз, носящих глобальный характер, являются достижения в сфере высоких технологий. К ним он относит генную инженерию, нанотехнологии, робототехнику, искусственный интеллект, технологии сборки и разрушения социальных субъектов. «Человек погружается в создаваемую технологиями искусственную среду, меняется сам, становится активным элементом и катализатором усложнения и интеллектуализации среды, которая в свою очередь становится его частью. Возникает новое системное единство, объединяющееся с человеком пока на информационно-коммуникационном и интерфейсном уровнях. Однако в будущем планируется не только физическая и информационная интеграция человека со средой, но и имплантация фрагментов искусственной субъективной реальности в естественную субъективную реальность человека, направленное изменение ее и, в перспективе – перенос субъекта на иные, нежели биологические, субстраты» [2, с. 158].

В современном обществе человек становится все более беспомощным. Актуальной проблемой является использование компьютерных технологий, где может потеряться человеческое «я», и малейший сбой в системе делает человека полностью зависимым от случайных обстоятельств. Развитие молекулярной биологии и генной инженерии может быть использовано во вред человеку. Экологические проблемы также требуют разработки современных технологий безопасности. Весьма опасным общественным явлением является манипуляция общественным сознанием. Отдельные виды манипулятивного воздействия способны нарушить нормальное функционирование и жизнедеятельность социальных институтов, государственных структур, различных объединений граждан и отдельных лиц. Следствием этого могут быть глубокие деструктивные трансформации

индивидуального и общественного сознания.

В. С. Степин отмечает: «Сегодня новые технологии программирования массового сознания инициируют разнообразные практики информационного насилия, которые камуфлируются и внешне выглядят как добровольный выбор личности в демократическом обществе. Тем самым проблематизируется кардинальная идея прав человека» [3, с. 32].

Бурный прогресс конвергентных технологий выдвигает на первый план целый ряд методологических, социальных, когнитивных вопросов, решение которых требует философского осмысления. Необходимо включение в систему НБИК-технологий социогуманитарной составляющей, то есть превращение НБИК-технологий в НБИКС-технологии. Компонентами социогуманитарных технологий являются техники и практики, основанные на гуманитарном знании и воздействующие на сознание и поведение человека. Например, на психологических исследованиях базируются различные психотехники: суггестивная психотерапия, психоанализ, аутогенная тренировка и др. В рамках педагогики разработано большое количество технологий воспитания и развития личности. В образовательном процессе герменевтика как философско-педагогическая методология обучает критическому подходу в работе с текстами. Практические достижения герменевтики актуализируют ее применение в педагогическом процессе в качестве интерпретационного метода получения знания. Как искусство понимания герменевтика способна на обновление и гуманизацию содержания образования. В работе СМИ или при ведении информационно-психологических войн могут применяться результаты риторики.

А. А. Аргамасова утверждает: «Феномен информационных войн и информационная безопасность, а также вопросы, касающиеся концептуальной власти и мягкой силы в обществе, заставляют по-новому взглянуть на науки, изучающие человека и способы влияния на его поведение, и высоко оценить их практический потенциал в обеспечении национальной безопасности, развитии политической системы и институтов гражданского общества» [4, с. 95].

Социогуманитарные технологии могут создаваться с привлечением данных разных наук, в том числе негуманитарного цикла. Например, технологии ведения информационно-психологических войн основываются на организации информационно-психологического воздействия с учетом данных психологии, социологии, философии, культурологии, военной стратегии и т. д. Анализируя процессы, происходившие в Тунисе, Египте, Сирии, Украине и других странах начиная с 2010 г., необходимо отметить решающую роль, которую сыграли в них использование информационных технологий и систем коммуникации – прежде всего Интернета и социальных сетей – фактически сознательную целенаправленную деятельность по разрушению социальных общностей, государственных систем и изменению социально-политического строя, основанных на теории «управляемого хаоса».

Социогуманитарные технологии востребованы в инженерно-

технологических областях. Внедрение технических инноваций требует эффективного менеджмента, социальной экспертизы и создания соответствующих социальных сред. В число социогуманитарных технологий должны войти и философские технологии. Спектр их возможностей широк – от логических технологий, применяемых для решения узкоспециализированных задач, до технологий мировоззренческих. Философия должна стать базовой областью знания для социогуманитарных технологий. Она призвана сыграть важную роль в осмыслении созданного наукой и техникой нового мира и в ценностной ориентации в нем.

Литература и источники

1. Дубровский, Д. И. Конвергенция биологических, информационных, нано-и когнитивных технологий: вызов философии. Материалы круглого стола / Д. И. Дубровский // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 3–24.
2. Сергеев, С. Ф. Наука и технология 21 века. Коммуникации и НБИКС-конвергенция / С. Ф. Сергеев // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. Д. И. Дубровского. – М.: ООО «Издательство МБА», 2013. – С. 158–168.
3. Степин, В. С. Философия в эпоху перемен / В. С. Степин // Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия. – 2006. – № 4. – С. 18–34.
4. Аргамакова, А. А. Насколько гуманитаристика может быть социально полезной? / А. А. Аргамакова // Философские науки. – 2016. – № 8. – С. 91–99.

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА: ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ РОДИТЕЛЯ И ВЫРОСШЕГО РЕБЕНКА

А. И. Столетов, Р. Х. Лукманова

Современное общество, чье существование тесным образом связано с наукой и техникой, актуализирует вопрос о необходимости философии для человека этой эпохи. Прогресс и жизненный комфорт в значительной степени зависят от теорий, предлагаемых учеными, инноваций, создаваемых инженерами, изобретателями, предпринимателями. И если в прошлом необходимость философии была обусловлена «детским» и «подростковым» состоянием научного знания, зависевшего от философского базиса, как ребенок часто зависит от своих родителей, то сегодня наука «выросла» и ощутила свою самостоятельность.

Долгое время за проблемой отношений научного знания с религиозным, то конфронтационных, то взаимного осторожного интереса, оставались в тени отношения знаний философских и научных, несмотря на множество общих черт и взаимосвязи. Процесс подросткового самоосознания науки в эпоху Декарта и Ньютона заставил философию «тянуться» за научным прогрессом, превращая ее в этакую «домохозяйку» при выходящем во взрослую жизнь ребенке. За философией начал закрепляться статус науки всех наук. В XIX веке это даже привело к

своеобразной философской шизофрении, когда возник, наряду с гордостью за дитя и стремлением удержать его при себе, бунтарский порыв иррационализма и антисциентизма. Родитель попытался «отпустить» выросшего отпрыска, понимая, что нельзя все время подлаживаться под его мечты. В ответ вставшая на собственные ноги наука усилиями позитивизма попробовала закрепить за философией статус домохозяйки при работающем отпрыске. А позже и вообще сдать в дом престарелых. Развитый научный инструментарий, система знаний позволяют современным ученым ставить такие вопросы, которые ранее считались прерогативой философского мышления: происхождение, развитие и фундаментальные основания Вселенной, природа реальности, эволюция человека. Стивен Хокинг писал: «Традиционно на такие вопросы отвечала философия, но сейчас она мертва. Она не поспевает за современным развитием науки, особенно физики. Теперь исследователи, а не философы держат в своих руках факел, освещающий наш путь к познанию» [1, с. 9].

Можно в некоторой степени согласиться с этим утверждением известного физика. Философская мысль, и правда, порой отстает от научного знания, развивающегося с невероятной скоростью. Но необходимо сделать и пару оговорок, как минимум. Одна из них состоит в том, что это отставание касается освоения материального мира. Действительно, в наши дни философия часто черпает информацию для осмысления физической стороны реальности из деятельности своего стремительно выросшего чада.

Другой момент заключается в необходимости трансформации философского знания в ответ на изменения в окружающем мире. В ходе кризиса классической рациональности философия стала понемногу осознавать эту необходимость, почувствовав (в том числе и через поведение своего растущего «ребенка»), что произошел сдвиг, а философия осталась на месте. Это осознание породило постмодернистскую революцию, приведшую к пониманию того, что «не основания, а пределы возможного интересуют нас сегодня. То, что есть, на пределе перестает быть тем, что оно есть. В пространстве предела мышление носит не понятийный характер, а парадоксальный» [2, с. 7]. И поэтому философия теперь направлена на постижение запредельного. От этого зависит ее выживание и человеческие перспективы. Тем более, что переживаемый человечеством мировоззренческий кризис, напоминающий «осевое время» зарождения философского сознания, показывает неспособность философии, науки и религии по отдельности разрешить проблемы, возникающие перед трансформирующимся обществом. Поэтому основной посыл идеи С. Хокинга о смерти философии звучит чересчур сильно. Чему свидетельство – зарождение и распространение трансдисциплинарности, разным аспектам которой посвящена эта конференция.

С возникновением синергетической, системной, холистической парадигм появляются междисциплинарные методологии, позволяющие объединять усилия разных научных сфер в исследовании сложных объектов. Но необходимо, на наш взгляд, отличать, несмотря на их схожесть,

междисциплинарность и трансдисциплинарность. Если междисциплинарность предполагает взаимопроникновение научных дисциплин и появление интегральных полей исследований, то трансдисциплинарность имеет метанаучный характер, позволяющий выйти за рамки научной парадигмы (что затруднительно для самой науки) и сформировать новый тип знания, усиливающий сильные и нивелирующий слабые стороны науки. Так происходит с выросшими, обретшими самостоятельность детьми, возвращающимися к родителям за советом и помощью в кризисные периоды своей жизни, желая обрести ощущение былого единства и защищенности. В этом смысле, можно даже говорить о некоем мифоподобном, характере этого трансдисциплинарного синтеза, необходимости мифологичности будущей парадигмы знания, о чем сказано в наших прошлых работах [3; 4]. Невозможно развивать коэволюционную и ноосферную концепции, образ жизни, придерживаясь прежних представлений о структуре знаний. Новое знание должно приобрести синкретизм, который был свойственен мифологическому знанию, но с учетом пути, пройденного за два с половиной тысячелетия. Определенные тенденции такого характера, на наш взгляд, уже намечаются в современной философской и научной парадигме [5].

При этом возникает вопрос о том, какое место в новой системе знаний займет философия, если ей удастся преодолеть очередной кризис. Представляется, что в новой, трансдисциплинарной, парадигме философия освободится от ложной рациональности уходящего типа, и, в силу своей специфической коммуникативной природы, будет играть роль трансдисциплинарной коммуникативной основы, как это бывает с родителем, когда выросшие потомки собираются в период большого объединения семьи и координируют свою жизнь с тем, кто им дал ее, но уже осознанно, без присущего подростковому периоду максимализма и конкурентности. Ей предстоит вырабатывать то, что внутри научного знания сделать нелегко. Так, рассуждая о научном и техническом творчестве или, как сейчас модно говорить, инновационности, М. К. Мамардашвили заметил: «Техника "питается" живым очагом человеческого творчества, свободой. Ты не можешь быть в гражданской жизни рабом и при этом быть свободным в изобретательстве. Изобретательство требует интеллектуального мужества, определенной раскрепощенности. А сознание едино. И нельзя иметь раскрепощенность в одной точке и не иметь ее в другой. Тот, кто раб перед начальством, раб и перед техническими проблемами. Он не может проявить чудес изобретательности» [6, с. 81]. Выработка единства сознания, устранение разрыва во взаимодействии с окружающим миром, проистекающего из до сих пор существующей разорванности научного восприятия, будут одной из ключевых задач.

Но невозможно представить решение этой задачи – формирования единого, органично свободного сознания – без другой стороны. Философскому основанию трансдисциплинарности необходимо выяснять пределы возможного, определять ответственность, создавать нравственную

ткань постнеклассической парадигмы, предотвращающую критические, деструктивные последствия существования человечества как составной части Вселенной. Нам представляется, что этому может способствовать широкая гуманитаризация естественнонаучных и технических дисциплин, которая уравнивает информатизацию и технизацию гуманитарной сферы.

Литература и источники

1. Хокинг, С. Высший замысел / С. Хокинг, Л. Млодинов; пер. с англ. М. Кононова, под ред. Г. Бурбы. – СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2013.
2. Гиренок, Ф. Удовольствие мыслить иначе / Ф. Гиренок. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010.
3. Столетов, А. И. Онтология художественного творчества: дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / А. И. Столетов. – Уфа, 2009.
4. Stoletov, A. I. Metaphor as a Symbol of Contemporary Man / A. I. Stoletov, R. Kh. Lukmanova // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEN 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sgemsocial.org /sngemlib /spip.php?article3168&lang=en>. – Дата доступа: 03.10.2018.
5. Капра, Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра; пер. с англ., под ред. В. Г. Трилиса. – К.: «София»; М.: ИД «София», 2003.
6. Мамардашвили, М. К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть / М. К. Мамардашвили // Как я понимаю философию / 2-е изд., измененное и дополненное; сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – М.: Прогресс, Кальтугра, 1992. – С. 72–85.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ РОЛЬ В ОПРЕДЕЛЕННЫХ СФЕРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д. В. Столяров

Явление стереотипизации на протяжении многих лет является неотъемлемой характеристикой всякого общества. Стереотип, как образ мышления, свойственен людям разных культур на самых разных уровнях социальной стратификации. Естественно, и культурная среда, и стратификационный уровень порождают самые разные стереотипные формы, порой противоположные или даже противоречащие друг другу по смыслам и значениям.

На протяжении всего исторического процесса стереотипы оказывали серьезное влияние на развитие самых разных общественных институтов, что неизбежно отражалось на направлениях развития того или иного общества в целом. Гендерные стереотипы не исключение. Физиологическое разделение людей по полу изначально провоцировало их на создание самых разных стереотипных мнений на данной основе. В связи с этим естественно возникали и возникают самые разные проблемы, связанные с перекосами в сфере прав и возможностей как в сторону мужского, так и в сторону

женского населения. Ситуация такого рода, разумеется, провоцировала и соответствующие изменения в плане статуса и качества функционирования социальных институтов.

Термин «гендер» в социально-психологическом контексте обозначает социокультурные представления о личности мужчин и женщин и индивидуальные когнитивные схемы в отношении личности людей разного пола и разных сексуальных предпочтений [1, с. 9].

Пол относится к биологическому строению человека, мужскому или женскому, – хромосомной, химической, анатомической организации. Гендер относится к значениям, которые данная культура придает половым различиям между мужчиной и женщиной. Пол означает биологическую половую принадлежность. Гендер же означает мужественность и женственность, или что такое – быть мужчиной или женщиной. Биологические половые вариации очень незначительны, но гендерные вариации могут быть огромны [3, с. 14].

Несмотря на то, что биологические факторы могут создавать определенные предпосылки и ограничения для развития способностей человека, важной детерминантой развития являются также социокультурные факторы. Культура оказывает глубокое влияние на поведение, определяя, как происходит социализация детей, как одевают детей, какое поведение считается разумным, чему обучают детей, какие функции берут на себя взрослые мужчины и женщины. Возможности и формирование поведения ребенка определяются культурой, даже если это поведение рассматривается как детерминированное биологическими факторами. Культурные универсалии в различиях полов часто объясняют сходством в практиках социализации, в то время как культурные различия относят за счет различий процесса социализации [5, с. 147].

Культурное развитие общества есть непрерывный динамический процесс. В рамки культурного пространства тем или иным образом вписываются самые разные сферы человеческой деятельности. Так можно выделять экономическую, юридическую, политическую и др. формы культуры. Посредством культуры образуются взаимосвязи между социальными институтами. Именно в условиях конкретной культуры и под ее влиянием задаются определенные методологические понятия, формирующие и характеризующие определенные направления деятельности. Непрерывное изменение вследствие взаимодействия с другими социальными институтами и определенное взаимовлияние и взаимоизменение всех сторон позволяет говорить о культуре не как о статичной системе, а как об изменяющемся процессе, осуществляющем трансляцию и модификацию определенных образцов и установок.

Рассматривая гендерную стереотипизацию с точки зрения исторической динамики, следует учитывать изменяющиеся обстоятельства развития человечества. Стереотипы есть, прежде всего, порождение культурных, экономических, политических и др. норм. Однако и здесь нельзя воспринимать перечисленные сферы обособленно, поскольку существует

политическая, экономическая и др. культуры, посему, обращая внимание на развитие стереотипа, нельзя культурную составляющую отделять от иных. В частности, рассматривая культурные или политические составляющие, следует всегда обращать внимание на особенности развития экономической составляющей, на способ производства, что является весьма важным подспорьем для развития и функционирования культурной сферы. Собственно, это и есть некая часть культуры как организации человеческой деятельности.

Как живут мужчины и женщины, как они работают, какой получают доход, какие социальные роли выполняют и в какие отношения вступают – все это определяется социальными нормами и традициями, и определяется для мужчин и для женщин по-разному. Потому что мы живем в мире, где гендер имеет очень большое значение. Он пронизывает наши нормы, традиции и общественные идеи, выражаясь более конкретно в законах, социальных институтах, социально-экономических структурах, таких, например, как семья и рынок труда. Однако сферы ответственности мужчин и женщин и получаемые ими блага распределяются не только по-разному, но часто несправедливо. Для преодоления таких проблем необходимо сформировать четкое осознание специфики влияния гендерных различий на функционирование других социальных сфер и институтов [2, с. 2].

Именно экономическая сфера изначально формирует у нас отношение к гендеру, поскольку ценность мужчины и женщины обусловлена именно их уровнем полезности и возможностями реализации во внешней среде. От грамотного расставления акцентов на данном уровне зависит материальное и духовное благополучие общества, посему человек должен рассматриваться, прежде всего собственно, как человек, как совокупность физического и духовного, а не как мужчина или женщина. Деятельность человека должна быть обусловлена уровнем его духовного и физического развития, психологическими особенностями личности, а не принадлежностью к тому или иному полу.

Тем не менее, не стоит рассматривать стереотип исключительно с негативной стороны. Данное явление, как и все в нашей жизни, не может включать в себя только плохое. Стереотипы – неотъемлемый элемент обыденного сознания. Ни один человек не в состоянии самостоятельно творчески реагировать на все встречающиеся ему в жизни ситуации. Стереотип, аккумулирующий некий стандартизованный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение. Стереотип может быть истинным и ложным. Он может вызывать и положительные эмоции, и отрицательные. Его суть в том, что он выражает отношение, установку данной социальной группы к определенному явлению [4, с. 3].

Таким образом, можно сказать о двойственной роли гендерного стереотипа. Несомненно, оказывая влияние на социальные процессы, он может, как усложнить, так и облегчить деятельность человека. Ввиду этого

важно выработать критичное восприятие стереотипных практик, позволяющее оптимизировать и рационализировать их применение в общественной жизни.

Литература и источники

1. Воронцов, Д. В. Гендерная психология общения / Д. В. Воронцов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008.
2. Грэйг, А. Мужчины, типы маскулинности: Расширяя возможности гендерного равенства / А. Грэйг, М. Киммел, Д. Ланг; пер. с англ. А. Скребнева. – М. 2006.
3. Киммел, М. Гендерное общество / М. Киммел; пер. с англ. О. А. Оберемко, И. Н. Тартаковской. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.
4. Кон, И. Психология предрассудка / И. Кон // Новый мир: научно-теоретический журнал. – 1966. – № 9. – С. 1–16.
5. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003.

ФЕНОМЕН АНТИУТОПИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И. В. Сумченко

Современный этап развития социума и культуры тесно связан с коллективными представлениями о будущем, поиском эффективных моделей общества и решением комплекса глобальных проблем. Развитие общества зависит как от объективных (в том числе природных, материальных) факторов, так и вследствие конструирования социальной реальности, которое осуществляется в процессе человеческой деятельности. При этом люди руководствуются релятивными знаниями и интенциями своих «жизненных миров» и одновременно уверенностью в том, их восприятие реальности является истинным и подобным, схожим с другими людьми. Таким образом, обыденные знания, которые фактически выступают предметом договоренности, рассматриваются индивидами как часть объективной реальности, сконструированный же ими мир воспринимается «доминирующей и определяющей реальностью», оказывающей «на природу обратное влияние» [1].

Вместе с тем в современном индустриальном обществе «растет общее осознание релятивности всех миров, включая и свой собственный, который теперь осознается, скорее, как один из миров, а не как Мир. Вследствие этого собственное институциональное поведение понимается как "роль", от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно "разыгрывать" под манипулятивным контролем. Например, аристократ теперь уже не просто является аристократом, но играет в аристократа и т. д.» [1].

Неопределенность и релятивность идентичности, механицизм и техницизм современной цивилизации приводит к пересмотру

аксиологической системы, кризису культуры, деонтологизации человека, нарастанию чувства и тревоги и страха перед будущим, к появлению антиутопии.

Возникновение антиутопии как литературного жанра чаще всего связывают с сатирическими произведениями античных авторов, однако именно «Левиафан» английского философа Т. Гоббса принято считать одним из первых произведений этого направления. Кроме того, «развитие жанра антиутопии связано с исторической эволюцией утопии не только как философской и литературно-художественной формы, но и как способа мышления человека в его социокультурной практике» [2, с. 24].

Современная антиутопия не просто фиксирует негативные черты или тенденции развития современного социума, в частности, в ней получают освещение «результаты научно-технического развития идей и их применения в улучшенном будущем, не ставшим, однако, таковым из-за природного несовершенства человека, допущенного к воплощению научных разработок своих предшественников или современников в реальность» [2, с. 27]. Она обладает свойством прогнозировать и конструировать будущие события и особенности социального развития.

В качестве примера можно привести написанный в 2008 году роман Г. Боброва под названием «Эпоха мертворожденных», в которой автор детально описывает современные драматические события, происходящие в украинском государстве. По мнению И. Извековой, в этом «романе читатель отчетливо наблюдает, как антиутопия трансформируется вследствие изменения отношений между изображаемым в произведениях миром будущего и сегодняшней реальностью. Антиутопия из литературы фантастической превращается в литературу реалистическую» [3, с. 560].

Таким образом, антиутопию можно рассматривать в качестве части важного социального конструкта. Антиутопия, критически оценивая определенные черты современного общества и моделируя нежелательное его развитие, призывает легитимизировать партикулярность и креативность индивидуальности, вернуть ей утраченное чувство уверенности и защищенности. Иными словами, единственным возможным основанием общества будущего должен быть подлинный, а не формальный или мнимый гуманизм, в противном случае антиутопия может стать реальностью.

Литература и источники

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socioline.ru/node/342>. – Дата доступа: 19.09.2018.
2. Шишкина, С. Г. К вопросу об особенностях литературных жанров социальной прогностики: утопия – антиутопия – научная фантастика. Век XXI / С. Г. Шишкина // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. – 2012. – Вып. 5. – С. 23–30.
3. Извекова, И. Ю. Антиутопия: перспективы развития и трансформации жанра в современной литературе / И. Ю. Извекова // Славистика: сб. науч. тр. – Белград: Белградский ун-т, 2016. – Выпуск XX. – С. 557–662.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПАРАДИГМА ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

А. С. Тимощук

В индустриальном обществе повествовательность служит границей, отделяющей естественные науки от гуманитарных. Чем больше в поле зрения физических наук попадает сложных объектов, тем больше наука принимает нарративный характер. Появляется целая плеяда ученых, прибегающих помимо уравнений к нарративу при изложении физических моделей (Максвелл, Больцман, Бор, Лоренц, Дарвин, Эйнштейн, Капра и др.). В постиндустриальная культура возвращает нарратив как средство передачи космологии, синергетики, теории множественности вселенных, антропного принципа и др. междисциплинарных моделей. Все больше говорят о математизации и информатизации гуманитарного познания и нарративизации естествознания.

Естественные науки являются классическим идеалом познания в силу их общезначимости и непротиворечивости. В начале XX в. исследование природы микрообъектов заставило нарушить закон непротиворечия, довлеющий над наукой со времен Аристотеля. Электрон (и другие субатомные частицы) ведут себя крайне противоречиво. С одной стороны, это субстанции, микрочастицы, к которым может быть применена пространственно-временная система координат. С другой стороны, локализация микрообъектов крайне затруднена, т. к. это волны, «размазанные» по атому. Об этом говорит нам энергетически-импульсная картина мира. Произошло столкновение двух исследовательских программ, а также двух идеализаций. Э. Резерфорд, создатель учения о радиоактивности, осуществивший первую искусственную ядерную реакцию, предсказавший открытие нейтрона, предлагал планетарное (дискретное) строение атома. Планетарная модель подразумевала, что тело действует там, где его нет (принцип дальнего действия). Классическая ньютоновская программа вступала в противоречие с хорошо подкрепленной теорией электромагнетизма Максвелла – Лоренца, определяющей поведение микрообъектов как движение тока и взаимодействие полей, действующих с конечной скоростью и только в месте напряжения. Н. Бор посчитал, что это противоречие является слабым по сравнению с объективными закономерностями природы и предложил изящное физическое согласование двух исследовательских программ. Это породило квантовую физику, в которой микрообъекты рассматриваются как порции энергии, корпускулярные и волновые свойства которых дополняют друг друга.

Принцип дополнительности Н. Бора входит в общую научную картину мира на правах универсального принципа объяснения и описания. Гуманитарии, полагающие, что между основными концептуальными установками естествознания и парадигмами гуманитарных наук существуют параллели, рассматривают открытый Н. Бором принцип в корреляции с

принципом культурного плюрализма и толерантности в современной культурологии. Для гуманитарного познания принцип дополнительности можно сформулировать следующим образом: множество форм познания объекта не исключают друг друга, но дополняют наше понимание реальности. Выводы из этого следующие: 1) наука не является монополистом истины, 2) другие формы мировоззрения (миф, религия, искусство) являются не менее истинными, 3) истинность познания внеученных форм мировоззрения не проверяется по научным стандартам.

Однако комплементарность познания в социогуманитарных науках должна быть дополнена требованием контент-менеджмента или управления исследовательскими традициями. Н. Бор дополнил принцип комплементарности принципом соответствия – старая теория интегрируется как предельный случай по отношению к новой. Для социогуманитарного познания следует предложить принцип несоответствия. В силу сложности человека и общества множество форм познания работают только в контекстах тех или иных малых традиций. Это подобно другой интерпретации принципа дополнительности – свойства объекта зависимы от измерительного прибора. Измерительным прибором в социогуманитарном познании выступает наблюдатель-участник малой традиции, осуществляющий калибровку разнородных контекстов.

В случае, если субъект познания не способен управлять новыми контекстами, то разные типы рациональности будут сохранять конфликтный характер. В этом смысле общество будущего будет успешным настолько, насколько оно будет чувствительно к контекст медиации. Толерантность в этом смысле предстает как социальная практика принципа дополнительности (в известной мере, если это не перерастает в угрозу родовой сущности человека).

Антрополог К. Леви-Строс в своих работах продемонстрировал максимальную открытость, непротиворечивость, экоморность мифа. Логика тотемической связи построена на системе нескольких отсылок. В сознании носителя культуры эти отсылки активизируют особый тип нелинейной рефлексивности, поэтому носителям этой культуры естественно относить к тотемам разнородные объекты: животных (существующие и идеальные), растения, воду, болезни. Так Леви-Строс приходит к выводу о значении ассоциативности для объяснения первобытного мышления. Ассоциативность очерчивает контуры реальности. Это логика не сколько оппозиций, сколько отсылок и корреляций. Форма в такой логике не является внутренним аспектом, а овнешненным, дистрибутивно-референтной. Каждый пласт социальной реальности не противопоставлен другому, а выступает необходимым дополнением, переживанием сопричастия (Л. Леви-Брюль). К. Леви-Строс ввел в научный инструментарий категорию «арматура», объясняющая некие устойчивые тематические линии мифа.

Ассоциативно-кластерный характер памятования свойствен также рефлексивным традициям, где социальное памятование осуществляется через коллективные, эстетические практики (зикр, литургия, киртан, ритуальные

танцы). Микротрадиции осуществляют нелинейную маршрутизацию корпоративных потоков социальной памяти, поддерживая тем самым свою мнемоническую устойчивость.

Выдающийся христианский мыслитель А. Мень считал, что принцип дополнительности полностью подходит и догматике православия и даже был употреблен в догматах Церкви задолго до Нильса Бора и других, кто этот принцип выдвигал в науке: «...значительные и фундаментальные явления действительности могут быть описаны только в противоречивых терминах. Так и так. Интегрального описания, соединяющего два противоречивых, в принципе найти невозможно, не существует. Отец Павел Флоренский, один из выдающихся христианских мыслителей 20-го века, говорил, что "целокупная Истина, падая с неба, как бы разбивается на отдельные части, и мы видим ее в таком расколотом состоянии". Однако по отношению к другим традициями ни одна из авраамических религий не может применить комплементарность, поэтому основную роль в медиации общественных процессов в будущем смогут сыграть секуляризм, буддизм и индуизм, обладающие наибольшим инклузивизмом.

При всем пафосе дополнительности познания, нельзя упускать из виду, что эта программа подвергнута критике в науке за ее снижение стандарта противоречивости. И. Лакатош пишет: "пресловутый "принцип дополнительности" Бора возвел (слабое) противоречие в статус фундаментальной и фактуально достоверной характеристики природы и свел субъективистский позитивизм с аналогичной диалектикой и даже философией повседневного языка в единый порочный альянс. Начиная с 1925 г. Бор и его единомышленники пошли на новое и беспрецедентное снижение критических стандартов для научных теорий. Разум в современной физике отступил и воцарился "анархистский культ невообразимого хаоса" (Лакатос). С позиции традиционного подхода, исследовательские программы, парадигмы, научные школы являются типичными формами традиционной активности. Поэтому противоречия, допускаемые в исследовательские программы не обязательно ведут к дестабилизации самой эвристики, поскольку каждая исследовательская традиция имеет свои стандарты доказывания и правила фильтрации противоречий.

Рассматриваемая критика комплементарности познания сама является устойчивой философской традицией Аристотель – У. Оккам – Д. Юм – О. Конт – Л. Витгенштейн – Б. Рассел и др. Опуская критику этого основания (почему комплементарная рациональность не может быть рациональной) отметим, что обе традиции – закрытой и открытой рациональности (термин В. С. Швырева), – имели положительный социальный эффект: служили формами социальной консолидации, позитивной занятости, т. е. с точки зрения социального эффекта традиция комплементарности и ее традиция ее критики являются истинными. В данном случае мы вынуждены предложить новую трактовку истинности. Истинность в социальном смысле есть позитивная традиционность, способность к положительному вовлечению индивида в социальные эстафеты.

Таким образом, принцип дополнительности и междисциплинарности в социогуманитарном познании выполняет несколько важных функций: 1) коммуникация целостности, 2) калибровка / согласование / медиация разнородных контекстов.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ УЗБЕКИСТАНА ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Г. Ж. Туленова, М. Л. Курбанова

После обретения независимости Узбекистан выбрал единственно правильную стратегию своего развития – строительство открытого, интегрированного в мировое сообщество, демократического правового государства с рыночной экономикой, формирование сильного гражданского общества, достижение высокого уровня и качества жизни народа, обеспечение благополучия и достойной жизни для каждого человека независимо от его пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения и убеждений. Этот выбор полностью соответствовал интересам и ожиданиям народа Узбекистана и открыл большие возможности и перспективы его поступательного развития.

Для Узбекистана достижение указанной цели, а также реализация проводимых в стране преобразований, жизненно важны, так же, как и обеспечение безопасности страны, сохранение мира, стабильности, межнационального и гражданского согласия в обществе. В решении этой задачи особая роль и значение придается внешнеполитической деятельности.

В основу внешней политики Республики Узбекистан заложены общепринятые принципы: приоритет национально-государственных интересов и норм международного права, равноправие и невмешательство во внутренние дела других государств, решение всех спорных вопросов мирным путем и ведением переговоров. Данные принципы закреплены в Законе «Об основных принципах внешнеполитической деятельности», согласно которому Республика Узбекистан:

– строит со всеми государствами равноправные и взаимовыгодные отношения, исключаяющую всякую возможность вмешательства во внутренние дела, ущемление независимости, суверенитета и идеологизацию межгосударственных отношений;

– придает приоритетное значение межгосударственным образованиям, в том числе экономическим, которые позволяют обеспечить стабильность, устойчивое развитие и национальную безопасность страны, содействуют информационному, технологическому и коммуникационному вхождению Республики Узбекистан в мировые хозяйственные связи;

– не принимает участие в военно-политических блоках и оставляет за собой право выхода из любого межгосударственного образования в случае

его трансформации в военно-политический блок;

– принимает активное участие в деятельности межправительственных и неправительственных образований с целью предотвращения и разрешения конфликтов в регионе и за его пределами.

При этом важнейшими задачами внешней политики Узбекистана являются:

– сохранение мира и стабильности, обеспечение безопасности в мире и Центральной Азии; укрепление взаимопонимания, координация и объединение усилий, потенциала и возможностей стран региона по недопущению и нейтрализации внешних, внутренних угроз миру, стабильности и безопасности народов, живущих в Центральной Азии;

– активное участие в работе ООН, ОБСЕ и других международных организаций, углубление сотрудничества с этими и другими политическими, экономическими, финансовыми и гуманитарными организациями, интеграция в мировое сообщество, в европейские, азиатские и мировые структуры безопасности, укрепление тесных связей с развитыми странами мира;

– реализация, в соответствии с основополагающим принципом неделимости безопасности, инициатив Узбекистана по активизации роли международных структур в предотвращении и нейтрализации угроз стабильности и миру в Центральной Азии, в том числе, по созданию в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия;

– создание открытой и прогнозируемой среды для международной торговли и инвестиций, расширение масштабов экономического сотрудничества в Центральном-азиатском регионе, формирование общего рынка на территории стран Центральной Азии;

– объединение усилий в инициировании и реализации конкретных экономических проектов, в первую очередь, в области использования богатых природных ресурсов региона, энергетики и водопользования, транспортных коммуникаций, строительства газо – и нефтепроводов, решения экологических проблем, что способствовало бы социально-экономическому подъему и обеспечению безопасности, стабильности и устойчивого развития всего региона, укреплению многовековых духовных и культурных связей проживающих здесь народов.

Внешняя политика Республики Узбекистан выступает в качестве логического продолжения общей политики страны на международной арене. Преследуя цель реализации национальных интересов, Узбекистан в международных отношениях последовательно переходит к более открытой и предсказуемой политике.

Масштабная работа, проведенная на начальном этапе независимости по формированию внешнеполитического курса страны, позволила Узбекистану за сравнительно небольшой период времени занять достойное место в мировом сообществе.

Важным достижением внешней политики Республики Узбекистан стало то, что как полноправный субъект мирового сообщества она на

сегодняшний день является членом крупных международных организаций. К ним относятся: Организация Объединенных Наций (ООН) и такие ее специализированные учреждения, как Международная Организация Труда (МОТ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), а также Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Движение неприсоединения, Шанхайская организация сотрудничества и др.

Наряду с этим, Узбекистан является участником ряда ведущих международных экономических и финансовых объединений – Организации экономического сотрудничества, Экономической и социальной комиссии ООН для стран Азиатско-тихоокеанского региона (ЭСКАТО), Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Международного валютного фонда (МВФ), Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатского банка развития (АБР) и других. При этом авторитет Узбекистана в мире обуславливается, прежде всего, признанием международным сообществом тех позитивных изменений, которые происходят в стране в связи с осуществлением демократических и рыночных реформ, реализации хорошо известных в мире инициатив нашего государства по стабилизации и укреплению безопасности в регионе. Нынешний авторитет нашего государства на международной арене – это результат глубоко продуманного, всесторонне взвешенного внешнеполитического курса, главная цель, суть и содержание которого сводятся к защите жизненно важных национальных интересов Узбекистана и обеспечению безопасности нашей страны.

Исходя из этих целей, Узбекистан готов активно сотрудничать со всеми странами, с которыми наши национальные интересы совпадают. В то же время хотим поддерживать открытые отношения для диалога и с теми странами, с которыми у нас имеются расхождения по тем или иным принципиальным вопросам международной жизни, поскольку Республика Узбекистан всегда выступала категорически против любых попыток идеологизировать международные отношения.

В данном контексте, хотелось бы остановиться на отдельных целевых приоритетах, инициативах и достижениях нашей внешнеполитической стратегии. Одним из главных приоритетов внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан является сохранение мира и стабильности в Центрально-азиатском регионе и превращение этого региона в устойчивую зону безопасности. При этом, особое значение придается развитию интеграционных процессов и рыночных преобразований, формированию в Центрально-азиатском регионе общего рынка. Только такой рынок, не разделенный на замкнутые национальные рамки, способен привлечь значительные потоки иностранных инвестиций, обеспечить устойчивое развитие и процветание стран региона. Между Узбекистаном и всеми соседними государствами Центральной Азии подписаны Договоры о вечной дружбе. На уровне министерств и ведомств между Узбекистаном и

остальными странами региона также заключены соответствующие договоренности, касающиеся координации совместных действий и углубления сотрудничества по всем направлениям, представляющим взаимный интерес.

МАССА КАК ПРЕДМЕТ КРИТИКИ ЖАНА БОДРИЙЯРА

Э. А. Усовская

Феномен омассовления личности и культуры стал предметом беспокойства представителей целого ряда школ и направлений социальной мысли уже достаточно давно. В XX в. процесс омассовления культуры и сознания вызвал подлинную тревогу у целого ряда философов, став предметом научного осмысления. Х. Ортега-и-Гассет, О. Шпенглер, Н. Бердяев, К. Ясперс, К. Мангейм, представители Франкфуртской школы, другие ученые сосредоточили внимание на проблемах унификации и стандартизации личности и ее потребностей, ментальности толпы, товарности культуры и искусства, сохраняющих актуальность и в настоящее время. Корпус современных исследований расширился. В настоящее время массовая культура и ее формы рассматриваются в контексте масс-медийного пространства, технологических инноваций, воздействия социальных сетей, интернета на личность, в частности, ребенка и т.д. (К. Стейнс, Д. Уиллок, Л. Гриндстафф, Л. Саффхил, А. В. Костина, М. А. Можейко).

Не остался в стороне от анализа проблем омассовления и массовой культуры и дискурс постмодернизма. Наиболее яркой в отношении их критики выглядит концепция Бодрийяра.

Анализ массовой культуры и сознания осуществляется французским ученым в разрезе одного из самых важных концептов – симулякра и симуляции. Суть симулякра состоит не столько в иллюзорности так называемой гиперреальности (в данном случае знаково-семиотического пространства, создаваемого медиа), сколько в признании того факта, что за ней ничего нет – истина, скрывающаяся, что ее нет. Как пишет Д. Уиллок, «симулякр создает собственную реальность из фрагментов; при этом сконструированная истина больше, чем сумма создающих ее частей» [1, с. 28]. Сущность симулякра постсовременности определяется, согласно Бодрийяру, во многом средствами массовой информации, которые вначале отражают реальность, затем маскируют ее и извращают, наконец, производят симулякр реального [2, с. 19].

Французский философ обращается к характеристике массы как явления, утрачивающего чисто политическое звучание и смысл и, более того, перестающего быть социальной реальностью, поскольку ей больше ничего не соответствует. Масса – это даже не знак, так как он ни к чему не отсылает; масса оказывается симулякром. Референтом массы уже не являются и социальные общности, и категории – «рабочий класс», «народ», «социально-

экономические условия», поскольку масса превращается в так называемое молчаливое большинство. Одной из его характеристик становится размытость, неопределенность ни в содержании, ни в границах. Масса, как нам представляется, напоминает вездесущую власть Мишеля Фуко, приносящую всюду и не соответствующую никакому конкретному институту. Тем самым массовая культура охватывает практически всех и все, но нигде не институционализируется.

Референциальность молчаливого большинства также оказывается призрачной, мнимой, поскольку не имеет репрезентации: «Массы не являются референтом. Поскольку уже не принадлежат порядку представления. Они не выражают себя – их зондируют. Они не рефлектируют – их подвергают тестированию... Однако зондирования, тесты, средства массовой информации выступают в качестве механизмов, которые действуют уже в плане симуляции, а не репрезентации» [3, с. 198].

Потеря массой статуса субъекта, референциальности превращает ее в пассивное большинство, которым, казалось бы, легко управлять. Однако власть сталкивается с проблемой эффективного ею управления – «молчаливое большинство» пассивно, эволюция заменяется инволюцией и инертностью. Главной целью и смыслом жизни массы оказывается потребление, но не участие в выборе, выборах, руководстве, принятии решений, ответственности. Масса ничего этого не желает, она желает удовлетворять изобретаемые желания. Бодрийяр достаточно жестко комментирует эту форму ее существования. Неизменным атрибутом массы становится «ее рабская зависимость от процесса тупого каждодневного потребления»; ... «полусомой силы оказываются уже не историческое и политическое с их абстрактной событийностью, а как раз обыденная, текущая жизнь, все то, что заклеили как мелкобуржуазное, отвратительное и аполитичное» [3, с. 211].

Потребление в потребительском обществе относится не только к еде и вещам. Оно распространяется на все сферы жизни человека-массы, в том числе на смыслы. Производство смыслов становится чрезвычайно важным для существования массы, но еще более жизненно необходимым оказывается производство спроса на смыслы. Процесс производства спроса на смыслы, как и существования всей социальной системы, оказывается под угрозой, так как молчаливое большинство впитывает всю социальную энергию, ничего не давая взамен.

Бодрийяр предупреждает об опасности человеческого существования как существования массы. Отсутствие границ между означающим и означаемым, размытость бытия массы («ни субъект, ни объект») ставит вопрос и о ценностном, значимом, подлинном, этических критериях правильному и неправильному и т. д.

Литература и источники

1. Уиллок, Д. Реальность как предмет переговоров: хаотические аттракторы нашего понимания / Д. Уиллок // Массовая культура: современные западные исследования. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. – С. 21–42.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996.
3. Бодрийяр, Ж. Тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийяр // Призрак толпы. – М.: Алгоритм.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

В. Н. Усокый

Экономический человек – это автономный субъект деятельности, стремящийся к достижению утилитарной выгоды посредством рационального поведения в секуляризованном обществе. Экономический человек является позитивистом, который исходит из интуиции, что реальны только вещи, данные в эмпирическом опыте. Вещь сведена к кантовской вещи для нас (явлению) при отрицании возможности познания ее сущности (вещь в себе). В практических целях вещь как фактическое (эмпирически реальное) бытие подвергается количественным измерениям. Оставшиеся признаки реальной вещи представляются человеку вторичными и субъективными. Цели жизни позитивист видит в извлечении утилитарной выгоды здесь и сейчас.

Экономический человек генетически прорастал в среде городской культуры Запада в XII–XVI вв. и был рожден эпохой Нового времени (XVII–XVIII). Он воплотил свое предназначение в период индустриальной революции XIX–XX вв. Сущность экономического человека – это антипод солидаристскому человеку христианской эпохи (V–XVI). Христианский идеал к началу XVI в. был утрачен, о чем возвестил протестантизм эпохи Реформации, заложивший основы мировоззрения новоевропейского человека. Земной мир для христианина – это совокупность бранных человеческих страстей, совращавших его в земном времени его существования, которое означало небытие. В представлении протестанта земной мир уже не представлял собой бренность человеческих страстей, совращавших его. Протестантизм принес в светскую философию Нового времени идею построения Царства Божия на земле. Это позволило ему сформулировать позитивный земной идеал, ставший самодостаточным для автономного разума секуляризованного человека как антипод христианскому трансцендентному идеалу.

Американские социологи Л. Туроу, Э. Тоффлер и Д. Белл в 60–70-е гг. XX века ввели в поле научных дискуссий понятие «постиндустриальное общество», которое выражает тенденцию к расширению третичного сектора услуг за счет сужения первичного и вторичного секторов. К первичному

сектору относятся сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство. Вторичный сектор представлен промышленностью и строительством. Концепция постиндустриального общества связана с современной тенденцией развития цифровой экономики, отражающей результат прогресса в отраслях электронной промышленности и компьютерной техники, которые стали генератором распространения информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Индустриальный человек создал искусственный мир техногенной структуры, сформированный как проектный (футуристический) идеал, задающий позитивистский тип менеджерского мышления. Созданный футуристический идеал базировался на техногенных представлениях о прогрессе, когда поиск идеала осуществляется не в прошлом, как это делали язычники античной цивилизации и христиане средневековой цивилизации. Христианский идеал заключается в трансцендентном Боге-Троице, воплотившемся в плоти земного человека, в сакральной природе Христа как Бога и земного человека одновременно. Экономический человек Нового времени разорвал связь со священным трансцендентным Бытием, выдвинув как альтернативу концепцию естественного человека. В классической политической экономии она представлена одиноким охотником и рыболовом.

Техногенная структура, созданная автономным секуляризованным человеком, была ориентирована на линейное понимание прогресса, независимое от этики. В ее основе лежит своеобразное представление о титанической самодостаточной личности, создающей некие абсолютные блага (наука, техника, технологии, экономика, прогресс), обладающие статусом совершенного бытия, и используемые в качестве средств достижения проектных (футуристических) целей. Представляется, что природа и сам человек являются несовершенными механизмами, которые нуждаются в механистической переделке с помощью абсолютных благ, обладающих по существу мифическими свойствами, обособленно существующими вне судящей совести человека. Концепция прогресса – это миф светского человека индустриальной эпохи, который определял генотип уклада жизни экономического человека, вошедшего в эпоху цифровой революции, создавшей цифрового человека (*digital man*). Техногенная цивилизация господствует в крупных городах, формируя образ жизни населения мегаполисов, посредством действия мощного механизма, генерирующего техногенные волны распространения ИКТ. Данная тенденция задает генотип трансформации природы человека. Этот генотип неутешителен, так как анонимные (вещные) силы рынка через господствующее рыночное мировоззрение людей осуществляют тотальную экспансию на природу, общество и человека. За последние два века произошли значительные изменения природы человека.

Уклады традиционной экономики, которые сформировались в индустриальном и постиндустриальном обществе, взаимодействуют с формирующимся укладом цифровой экономики. Человек индустриальной экономики представляет информацию о чувственно ощущаемой физической

реальности в определенных абстрактных моделях, к интеллектуальной работе с которыми он привык. Однако сущность реальности, трактуемой с позиции позитивизма, с которой работает цифровой человек, радикально изменилась в сторону ее виртуализации. Это означает то, что позитивистское мышление не может воспринимать виртуальную реальность. Информация о цифровой реальности также представляется человеку в специфических моделях неклассического мышления, однако в их основе лежит фундаментальное различие между физической (позитивистской) и виртуальной (мнимой) реальностью. Между позитивистской моделью и цифровой реальностью существует существенная разница. Позитивистская реальность выражает относительно самостоятельно существующую форму вещи, которая внутренне присуща физическому существованию самой вещи. Виртуальная реальность скользит в сторону небытия (мнимости), так как она оторвана от Бытия и существует в знаковой (цифровой форме) в сознании человека, представляя собой симулякр, т. е. некую копию отсутствующего оригинала вещи. Симулякр – это семиотический знак, введенный Жоржем Батаем, не имеет обозначаемого этим знаком объекта в реальной позитивной действительности. Симулякр – это копия некоей вещи, лишенной существования. Смысл симулякра мним, так как он не укоренен в Бытии. Например, игры, использующие технологию дополненной реальности. Человек играет в виртуальную войну, которая является игрой в жизнь. У людей возникает естественная проблема боязни перепутать реальность с виртуальностью. Псевдореальность симулякров является следствием существования виртуальной реальности, которая влияет на формирование мировоззрения цифрового человека, на складывающуюся в его представлении картину мира.

Цифровая экономика с помощью коммуникаций, создаваемых интернетом, сотовой связью и ИКТ осуществляет выпрямление связей между производственными и торговыми фирмами, банками, людьми. The Boston Consulting Group (BCG) отмечает: «Успех платформ-агрегаторов, таких как Uber и AirBnB, строится как раз на принципах "экономики совместного пользования" – устранении посредников и максимальной загрузки актива, сокращении времени между возникновением и удовлетворением потребности, широких возможностях для обратной связи» [1, с. 11]. Использование ИКТ приводит к настоятельной потребности создания системы строгого санкционированного правового доступа к идентификационным данным клиентов фирм и банков при обеспечении автономных прав их клиентов. Цифровая экономика ведет к укреплению тенденции к манипулированию потребителем со стороны производителя цифровых продуктов. Как указывает Т. Аитов, «кроме привычных агрегаторов платежей и телекомов, в цепочку услуг экосистем встроены поставщики "умных" расчетных узлов, умеющие в режиме онлайн создавать скидочные предложения на основе анализа потребительской корзины. Присутствуют и сайты-купонаторы. ...Это и инновационные рекламные сервисы, рассылающие информационные сообщения, контекстно

привязанные к местонахождению покупателя в торгово-сервисном предприятии, и другие провайдеры. Все сообщество экосистемы "обволакивает" потребителя услугами, и потребитель до конца не понимает, откуда на экране его смартфона постоянно возникают все новые и новые возможности и предложения. Он только платит» [2, с. 15]. ТНК активно используют инструменты манипулирования цифровым человеком, природа которого влечет его к страстным желаниям удовлетворения сиюминутных потребностей. Сбытовая и маркетинговая политика ТНК оказывается эффективной, так как цифровой человек с упоением погружается в поток своих не всегда осмысленных страстей. Он попадает в пространство действия законов информационной асимметрии, где человек чаще всего не готов адекватно реагировать на события, происходящие на непрозрачных асимметричных рынках.

Литература и источники

1. Россия онлайн? Догнать нельзя отстать. The Boston Consulting Group (2016). – Бостон: The Boston Consulting Group, 2016.
2. Генкин, А. С. Блокчейн. Как работает и что ждет нас завтра / А. С. Генкин, А. А. Михеев. – М.: ООО «Альпина Паблицер», 2018.

ВОЛЯ К ВЛАСТИ И ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПОЭЗИИ (ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В ПЕРСПЕКТИВЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ)

В. Т. Фаритов

В художественной прозе вечное возвращение представлено преимущественно в качестве темы, идеи, высказываемой персонажем или автором-повествователем. В поэзии вечное возвращение охватывает не только идейно-содержательный пласт, но распространяется на ритмический и фонический уровень организации поэтического текста. Более того: вечное возвращение составляет самый нерв поэтического. Представления о вечном возвращении первоначально возникают не в философских учениях, но в мифах. А лирическая поэзия, как отмечает Ю. М. Лотман, является «наиболее “мифологичным” из жанров современного словесного искусства» [1, с. 230]. Поэтому наряду с мифом поэзия является одним из источников философской рефлексии идеи вечного возвращения. Перед философией поэзия имеет то преимущество, что она не ориентирована на дискурсивное мышление, не направлена на высказывание суждений, отвечающих критериям логики. Хотя Ницше и в своих философских текстах преодолевает ограничения формальной логики, тем не менее, одновременное утверждение двух и более противоположных позиций неизбежно воспринимается как противоречие, как антиномия. Поэзия освобождена от проблемы истинности и непротиворечивости суждений. Она порождает синтетические, многомерные и подвижные образы, в которых коннотация преобладает над

денотативным пластом высказывания.

Фридрих Юнгер, мыслитель и поэт, на которого ницшевская идея вечного возвращения оказала неизгладимое влияние, пишет: «Всякая периодичность, всякий ритм, всякий метр предполагают возвращение» [2, с. 174]. Он же указывает на закономерность и неизбежность возникновения идеи возвращения в философии Ницше: «Если утверждать волю без оговорок, ограничений и скидок, если она становится единственно действенным мировым процессом, то учение о вечном возвращении оказывается высшей формой утверждения, которую только можно придать становлению» [2, с. 175]. Утверждение становления, стремление придать становлению характер бытия, характер вечности – вот что составляет корень ницшевского учения. И этот же мотив составляет главную тайну поэзии. В духовном становлении человечества поэзия выступает в качестве среднего термина по отношению к мифическому сознанию и философской рефлексии. Она есть ступень в переходе от одного к другому, и она есть синкретическая форма, в которой оба феномена – миф и философия – еще не расчленены, еще не противопоставлены друг другу, но пребывают в единстве.

Осознание идеи вечного возвращения вызывает у Ницше всплеск поэтического творчества. Появляется «Так говорил Заратустра», книга, в которой поэзия и философия вновь оказываются в неразрывном единстве. Появляется веночек из стихотворений, обрамляющих «Веселую науку».

В качестве философского учения идея вечного возвращения является одной из самых сложных. М. Хайдеггер и Ж. Делез приложили все усилия, чтобы сделать ее еще сложнее. Однако в качестве поэтического мотива эта идея проста – в том смысле, в каком простота является свойством хорошей поэзии.

Идея вечного возвращения не просто получает свое воплощение в поэтическом творчестве Ницше. Как мы уже отмечали выше, она составляет ключевой момент *структурного уровня* поэтических текстов как таковых. Многочисленные указания на этот счет даны в фундаментальных трудах Ю. М. Лотмана. Так, принцип возвращения является организующим моментом такого феномена, как рифма: «Механизм воздействия рифмы можно разложить на следующие процессы. Во-первых, рифма – повтор. Как уже неоднократно отмечалось в науке, рифма возвращает читателя к предшествующему тексту. Причем надо подчеркнуть, что подобное "возвращение" оживляет в сознании не только созвучие, но и значение первого из рифмуемых слов. Происходит нечто глубоко отличное от обычного языкового процесса передачи значений: вместо последовательной во времени цепочки сигналов, служащих цели определенной информации, – сложно построенный сигнал, имеющий пространственную природу – возвращение к уже воспринятому» [3, с. 161]. Лотман не просто показывает, что возвращение составляет базисный принцип рифмы в поэтическом тексте. Он выявляет и еще более значимый момент, а именно, что возвращение в поэзии утверждает не только повтор и тождество, но и различие: «При этом оказывается, что уже раз воспринятые по общим законам языковых значений

ряды словесных сигналов и отдельные слова (в данном случае – рифмы) при втором (не линейно-речевом, а структурно-художественном восприятии) получают новый смысл» [3, с. 161]. Это принципиально важный момент. Возвращение как структурный принцип поэтического текста не есть монотонное повторение того же самого, но способ генерации новых смыслов. Каким бы парадоксальным ни выглядело это утверждение на первый взгляд, но, согласно Лотману, повтор в поэзии актуализирует не тождество, но различие: «Одинаковые (то есть “повторяющиеся”) элементы функционально не одинаковы, если занимают различные в структурном отношении позиции. Более того: поскольку именно одинаковые элементы обнажают структурное различие частей поэтического текста, делают его более явным, постольку бесспорно, что увеличение повторов приводит к увеличению семантического разнообразия, а не однообразия текста. Чем больше сходства, тем больше и разница. Повторение одинаковых частей обнажает структуру» [3, с. 171].

Функцию артикуляции различия через повторение в поэзии выполняет не только рифма, но и ритм. «Ритмичность стиха – цикличное повторение разных элементов в одинаковых позициях, с тем чтобы приравнять неравное и раскрыть сходство в различном, или повторение одинакового, с тем чтобы раскрыть мнимый характер этой одинаковости, установить отличие в сходном» [3, с. 431].

Эти и другие положения позволяют Лотману сделать вывод, имеющий особую значимость для нашего исследования: «Универсальным структурным принципом поэтического произведения является принцип возвращения» [3, с. 422].

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-411-73000/18.

Литература и источники

1. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука, 2014.
2. Юнгер, Ф. Ницше / Ф. Юнгер. – М.: Праксис, 2001.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука, 2016.

ВНЕШНИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АНТРОПНОГО ВРЕМЕНИ И ИСТОРИИ: ЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В. Б. Ханжи, Ю. В. Шевченко

В предлагаемой работе мы реализуем следующий этап этического наполнения концепции антропного времени и исторического процесса [1]. На первом этапе [2] мы осуществили профилизацию лежащей в основании антропного времени свободы воли (его внутреннего двигателя) векторами позитивной и негативной интенций человеческого бытия. Однако ключевой пресуппозицией наших исследований является идея, согласно которой

течение антропного времени и истории предмечивается на стыке взаимодействия *внутренних и внешних начал*. Таким образом, в данной работе мы рассмотрим *внешние* начала этой процессуальности (которые также будут представлены как этические антагонисты) – аттракторы блага и зла. Дополнительно нами ставится задача выявить варианты соотношения внутренних (свобода воли) и внешних (аттракторы блага и зла) взаимодействующих детерминант антропо-темпоральной действительности.

В монографии одного из авторов [1, с. 243] был аргументирован тезис о том, что история человечества есть овременение свободы его воли. Здесь мы проясним эту сентенцию с учетом того обстоятельства, что овременение свободы позиционируется как осуществляющееся в бинарном режиме – в противоположностях добра и зла. В связи с этим естественную необходимость, как нам видится, выявляет постановка следующего вопроса: насколько эти векторы являются самостоятельными или корректнее утверждать их обусловленность и координируемость извне?

В антропо-темпоральном становлении добра и зла и, соответственно, исторического процесса (как и в становлении любой сложной самоорганизующейся системы) наблюдаются так называемые фазы упорядочивания и хаотизации. Под упорядочиванием антропного времени мы понимаем периоды, когда развитие этой системы детерминировано (в аспектах длительности, интенсивности и, что наиболее важно, смыслового опредмечивания) внешними началами (аттракторами), которые направляют это развитие к самим себе как целям. Однако действенность аттракторов неограничена. Если по той или иной причине степень внешнего воздействия на систему антропного времени снижается (что обычно когерентно нарастанию влиятельности имманентных ей волевых устремлений), то система переходит в фазу хаотизации, т. е. тот период, когда главную роль в ее становлении играют уже, во-первых, внутренний двигатель человеческой темпоральности – свобода воли, во-вторых, фактор случайности. Синтезирование воздействия внешних и внутренних детерминант выкристаллизовывает действительное развертывание человеческой истории.

Отметим, что аттрактор не является целью-программой, удерживающей систему в русле своего влияния и детерминирующей ее развитие постоянно. Корректнее утверждать определенный радиус его действия во временном отношении. В развитии системы, попавшей в описываемую сферу внешней детерминации (это хорошо показано в синергетической литературе), «гасятся» возможные случайные флуктуации. Эта сфера у С. П. Курдюмова и Е. Н. Князевой обозначена понятием «конус притяжения аттрактора» [3], у В. Г. Буданова – «бассейн аттрактора» [4]. Сущностно иная фаза становления сложных самоорганизующихся систем (в том числе системы антропного времени) – фаза хаотизации – характеризуется тем обстоятельством, что детерминанта-аттрактор, влияние которой остается во все более отдаляющемся прошлом системы, отдала пальму первенства и доминирования случайным флуктуациям.

Если объединить общесинергетические представления с этической

основой, мы можем высказать гипотезу о том, что реальный исторический процесс есть результат темпорализации свободы воли в ее взаимодействии с объективными целевыми началами этического плана – аттракторами добра и зла. Этими детерминантами, как мы полагаем, упорядочивается течение антропного времени и исторического процесса, если таковые оцениваются с метауровня – целостно («длительная временная протяженность» – Ф. Бродель [5]). Притяжение аттрактора (мыслимо как детерминанта общечеловеческой истории), по сути, перманентно – вопрос лишь в том, вовлечется или покинет его конус конкретная единица человеческой темпоральности – будь-то «матрешка» личностного времени или локально-культурная ячейка.

Постоянный антагонизм аттракторов добра и зла в контексте нашей концепции предстает как конкуренция за каждую единицу антропного времени. В работе Г. Хакена эта борьба, опредмеченная в становлении «темпоральных матрешек», позиционируется как фундированная «принципом конкуренции параметров порядка» [6]. Фаза упорядочивания той или иной единицы антропного времени конституируется посредством ее захвата и последующего поддержания со стороны этически позитивного или этически негативного аттрактора. Этот феномен предполагает параллельное явление – «десвободизацию» имманентного основания соответствующей ячейки человеческой темпоральности – свободы воли: из самодостаточной она превращается в «детерминированную» свободу воли. Старт противоположной тенденции, «высвобождения свободы воли» (которая катализируется активной противоборствующей позицией в отношении данного аттрактора со стороны аттрактора-конкурента), фиксирует «начало конца» эры аттрактора и подготовку системы антропного времени к вступлению через полифуркацию в фазу хаотизации. В определенный момент нарастающие в системе «временной матрешки» флуктуации, подготовленные свободой воли, достигают критического уровня – такое крайне неравновесное состояние «вырывает» темпоральную единицу из конуса аттрактора и ввергает ее в хаос. Теперь уже ничейная «матрешка» осуществляет свое становление в автономном режиме, в котором единственным основанием этого остается имманентный двигатель.

Исходя из показанного, нам видится необходимым выявление основных способов действительного движения антропного времени и человеческой истории. Соотнося и синтезируя внешние (аттракторы блага и зла) и внутренние («свобода во благо» и «свобода во зло») детерминанты глобального темпорально-исторического становления, мы получаем следующие варианты оснований этого процесса: 1) «свобода во благо», детерминированная аттрактором блага; 2) «свобода во зло», детерминированная аттрактором зла; 3) самодостаточная «свобода во благо»; 4) самодостаточная «свобода во зло». Отдельного внимания заслуживают еще два основания: 5) «свобода во зло», подчиненная аттракторам блага и 6) «свобода во благо», подчиненная аттракторам зла. Заявленные нами шесть возможных способов становления антропного времени и человеческой

истории нуждаются в отдельном рассмотрении и прояснении. Однако в силу лимитированности объема тезисов развитие анонсированных позиций мы осуществим в последующих публикациях. Полагаем, что исследование как этически позитивных, так и этически негативных вариантов темпорально-исторической стороны человеческого становления есть необходимая предпосылка на пути дальнейшего усиления и углубления первых, а также всемерного противодействия вторым.

Список использованных источников

1. Ханжи, В. Б. Парадигмы времени: от онтологического к антропологическому пониманию : монография / В. Б. Ханжи. – Херсон : Гринь Д. С., 2014.
2. Ханжи, В. Б. Добро и зло как векторы свободы воли в структуре антропного времени / В. Б. Ханжи, Д. Н. Ляшенко // Антропологічні виміри філософських досліджень. – 2017. – Вип. 12. – С. 27–39.
3. Курдюмов, С. П. Структуры будущего: синергетика как методологическая основа футурологии / С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве: сборник / Сост. и отв. ред. В. А. Копчик. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 109–125.
4. Буданов, В. Г. Синергетика: история, принципы, современность // Сайт С. П. Курдюмова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/what/sinergetika-istoriya-principyu-sovremennost/>. – Дата доступа: 19.09.2018.
5. Бродель, Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. Ю. Н. Афанасьева. – М.: Весь мир, 2006.
6. Хакен, Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? // Сайт С. П. Курдюмова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/what/primenyat-sinergetiku-v-naukah-o-cheloveke-german-haken/>. – Дата доступа: 19.09.2018.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОСВОЕНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩАЮЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

И. А. Червинская

Нормативные документы, определяющие механизмы реализации политики импортозамещения в Республике Беларусь, совершенствуются по мере накопления практического опыта. Вместе с тем, обоснование подходов к определению перспективных направлений импортозамещения остается актуальным и требует дальнейшего научного и методологического сопровождения.

Разработка прикладной методики интегральной оценки целесообразности освоения импортозамещающей продукции позволяет сформировать единые основания к выбору направлений импортозамещения. Практически процедура анализа предполагает несколько итераций, выделенных в зависимости от этапа освоения продукции и наличия необходимой информации.

1. *Статистический анализ.* Первоначальный выбор объектов импортозамещения производится на основе имеющихся статистических данных по объемам импорта и производства продукции.

2. *Экономико-технологический анализ.* Для товаров, которые на предыдущем этапе были признаны целесообразными для освоения, либо расширения выпуска, осуществляется детализированное исследование технологической возможности производства, его экономической целесообразности, потенциальной конкурентоспособности отечественной продукции.

3. *Инвестиционный анализ.* Для объектов импортозамещения, выбранных на предыдущем этапе, готовится инвестиционный проект по освоению или расширению производства. Осуществляется оценка данного инвестиционного проекта исходя из финансовой возможности его реализации, срока окупаемости, качества бизнес-плана, проводится сравнение с другими инвестиционными проектами для отбора наиболее перспективных.

Поскольку данные показатели являются комплексными и для своего раскрытия требуют анализа многих факторов. Свести их выполнение к нормативным количественным показателям, выраженным, например, в денежном эквиваленте или относительной размерности, представляется проблематичным. Для решения данной проблемы, а также для обеспечения сопоставимости показателей может быть предложен подход, основанный на экспертной балльной оценке, выставляемой исходя из соответствия конкретного импортозамещающего товара следующим критериям:

– *Объем спроса на внутреннем рынке.* Он отражает требование, чтобы величина спроса на импортозамещающую продукцию была достаточной для обеспечения стабильности и объемов продаж отечественного субститута. Без выполнения данного условия невозможно обеспечить рентабельность работы предприятий, выпускающих соответствующую продукцию, и возвратность средств, потраченных на импортозамещающие проекты. Кроме того, выбор товаров для импортозамещения исходя из максимальной величины спроса, будет способствовать концентрации усилий на направлениях наиболее чувствительных для белорусской экономики с точки зрения расходования валютных средств.

– *Потенциальная конкурентоспособность импортозамещающей продукции по качеству в сравнении с передовыми импортными аналогами.* Это требование направлено на отбор товаров для освоения, которые будут способны конкурировать с импортными аналогами по качественным характеристикам. Невыполнение его значительно снизит конкурентоспособность отечественной продукции, осложнит задачу вытеснения зарубежных субститутов с внутреннего рынка и создаст угрозу убыточности импортозамещающих производств. Поэтому необходимо провести анализ соответствия предлагаемой к освоению продукции передовым импортным аналогам.

– *Потенциальное ценовое преимущество импортозамещающей*

продукции. Данный критерий связан с необходимостью обеспечения спроса на отечественную импортозамещающую продукцию. В этом отношении наличие ценовых преимуществ является одной из возможных стратегий успешной конкуренции с импортными товарами. Фактор цены особенно актуален в случае производства типовой продукции, аналогичной выпускаемой крупными международными компаниями и имеющей широкую представленность на мировых рынках. Поэтому при выборе направлений импортозамещения следует ориентироваться на те виды товаров, где отечественная продукция будет конкурентоспособна по цене.

– *Специфические факторы потенциальной конкурентоспособности.* Оценка импортозамещающего товара по данному критерию, базируется на наличии у него конкурентных преимуществ отличных от качественно-ценовых, либо его отставании от импортных аналогов. Соответствие ценовых и качественных характеристик импортозамещающих товаров иностранным субститутам не обязательно является достаточным основанием для обеспечения конкурентоспособности отечественной продукции и вытеснения иностранной, поскольку существует целый ряд характеристик, таких как, сбытовые, сервисные, имиджевые по которым национальный производитель во многих случаях уступает.

– *Импортоемкость продукции.* Одним из основных направлений политики импортозамещения в Беларуси является уменьшение зависимости республики от иностранных товаров, путем снижения импортоемкости отечественной продукции. Исходя из этого, при выборе объектов для освоения в производстве следует ориентироваться в первую очередь на те, выпуск которых возможен на основе белорусского сырья и которые обладают наименьшей материало- и энергоемкостью.

Для оценки уровня импортоемкости продукции может быть использован среднегодовой уровень локализации производства в целом или отдельного вновь осваиваемого изделия.

– *Степень инновационности технологий производства и/или импортозамещающей продукции.* Следует отдавать приоритеты импортозамещающим проектам, предполагающим использование технологий и / или освоение выпуска продукции V–VI технологических укладов.

– *Экспортный потенциал импортозамещающей продукции.* Политика импортозамещения не является обособленным процессом, а проводится в координации с экспортноориентированным развитием республики. Экспортный потенциал импортозамещающей продукции является важным фактором, влияющим на привлекательность ее промышленного освоения. При его оценке следует учитывать ряд аспектов, которые существенны и для других критериев, в том числе характеризующих потенциальную конкурентоспособность импортозамещающей продукции. Самостоятельное освоение и выпуск уже получившей распространение в мире сложнотехнической продукции промышленного и потребительского спроса будут целесообразны только при наличии в стране необходимой научно-технической и производственно-технологической базы, способной

обеспечить ее дальнейшее совершенствование на конкурентоспособном уровне. Одним из ключевых факторов при принятии решения об импортозамещении потребительских товаров, аналоги которых широко распространены, является возможность выхода с ними на внешние рынки с целью обеспечения снижения издержек за счет масштабов производства и рентабельности производства при конкурентном уровне цен.

Ввиду того, что производственные, научные, финансовые и прочие ресурсы транснациональных компаний значительно превосходят те, которыми располагают белорусские предприятия, крайне проблематичным будет вытеснение соответствующей импортной продукции с внутреннего рынка товарами, производящимися на основе отечественных мощностей и технологий. Поэтому важнейшим аспектом политики импортозамещения выступает активное привлечение прямых иностранных инвестиций и проектов с участием иностранного капитала, обеспечивающих создание новых или перепрофилирование существующих производств, предполагающих применение передовых технологий.

Приоритетность должны иметь проекты, в которых предполагается освоение импортозамещающих товаров на базе местных ресурсов, прежде всего древесины и изделий из нее, сельскохозяйственной и пищевой продукции, изделий из кожи, строительных материалов и изделий из стекла, продукции легкой промышленности.

Описанная методика будет востребована в процедуре обоснования и выбора объектов оказания селективной поддержки белорусским предприятиям.

ДИАЛЕКТИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИСТОЛКОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В. И. Чуешов

В наши дни белорусская национально-государственная идентичность в науке рассматривается в трех ракурсах. Во-первых, в рамках некоторой парадигмы определенного конкретно-научного дискурса. Во-вторых, в границах предметной области определенной конкретно-научной дисциплины в целом. В-третьих, через призму определенной философско-мировоззренческой программы исследований.

Данные проекции, безусловно, способствуют более глубокому пониманию природы белорусской национально-государственной идентичности. Вместе с тем преувеличение и (или) абсолютизация их значения по отдельности, а также отрыв и противопоставление друг другу явно не способствует ее глубокому пониманию. Оно, во-первых, не усиливает, а подрывает значение определенных конкретно-научных исследований, которые в отрыве от междисциплинарных истолкований и

ответственного использования определенных философско-мировоззренческих оснований напоминают пресловутые поиски «черной кошки в темной комнате». Равно и наоборот. Междисциплинарные, а также философско-мировоззренческие истолкования природы белорусской национально-государственной идентичности, которые не опираются на совокупные данные всех конкретных наук, столь же действенны, как и поиски черной кошки.

Мировоззренческое и методологическое значение сложившегося положения дел переоценить трудно. Как в первом, так и во втором случае сложившаяся практика познания оказывается питательной почвой не только для формирования различных познавательных заблуждений и предрассудков о белорусской национально-государственной идентичности. Она также способствует, например, формированию разнообразных и далеко отстоящих от науки и жизни идейных ориентаций белорусской национально-государственной идентичности, понимания ее роли и значения в прошлом, настоящем и будущем белорусского народа.

Оставляя здесь в стороне философско-мировоззренческую, равно как идеологическую и управленческую проекции белорусской национально-государственной идентичности, далее сконцентрируем внимание не столько на результатах новейших конкретно-научных исследований белорусской национально-государственной идентичности, сколько на диалектических (в гегелевско-марксовом смысле этого слова) особенностях взаимосвязи различных конкретно-научных ракурсов белорусской национально-государственной идентичности.

Парадигмально оформленные конкретно-научные ракурсы белорусской национально-государственной идентичности сегодня активно артикулируются прежде всего в работах отечественных и зарубежных историков и социальных психологов, экономистов и политологов, культурологов, правоведов, социологов, ученых, изучающих геном белорусского народа и др.

В их работах используются сформированные в определенной предметной области парадигмы, категории, методы анализа. Не редкостью также является использование и несоизмеримых между собой парадигм, научно-исследовательских программ изучения белорусской национально-государственной идентичности в одной предметной области.

Сложившееся положение дел способствует формированию далеких от науки и жизни идейных ориентаций белорусской национально-государственной идентичности в популярной литературе и журналистике. Оно через них проникает и в массовое сознание, в котором фрагменты некоторых конкретно-научных концепций белорусской идентичности обычно с помощью разнообразных идейных доктрин почвенничества и (или) интеграции (дезинтеграции), а также глобализма (глобализма, глокализма, фрагментации и др.) оказывают медвежью услугу белорусскому государственному строительству и управлению.

Несмотря на то, что такое положение дел, в конечном итоге, оказывается

следствием сознательного использования определенных философско-мировоззренческих принципов: диалектики и ее отрицания, познавательного оптимизма и скептицизма, агностицизма, эмпиризма и рационализма и пр., оно в значительно степени складывается в результате недооценки и (или) игнорирования необходимости целостного, комплексного меж – и трансдисциплинарного изучения белорусской национально-государственной идентичности. Иначе говоря, такого истолкования особенностей белорусской национально-государственной идентичности, в ходе которого результаты, полученные историками не поверяются данными, полученными социологами, культурологические трактовки особенностей белорусской национально-государственной идентичности строятся только на данных геномики, а политологические и другие исследования белорусской национально-государственной идентичности реконструируются в отрыве от исторических, социологических, культурологических фактов и их интерпретаций.

Важно подчеркнуть, что дисциплинарно и парадигмально организованный конкретно-научный дискурс белорусской национально-государственной идентичности призван выявлять не только новые факты, но и связи между ними и уже известными фактами, полученными в рамках других конкретно-научных дисциплин. Последнее, однако, затруднительно и невозможно без соответствующих философско-мировоззренческих обобщений и учета в исследовании диалектики междисциплинарных оснований белорусской национально-государственной идентичности. Движение от эмпирии конкретно-научного дискурса к его теории, а от нее к практике предполагает учет диалектики междисциплинарных оснований. Именно на ее основе возможно адекватное и глубокое понимание взаимосвязи исторической и социологической, социально-психологической и политологической, геномической и исторической и т. д. и т. п. конкретно-научной рефлексии над основаниями белорусской национально-государственной идентичности.

Следовательно, если результаты определенной дисциплинарно-парадигмально оформленной конкретно-научной рефлексии в лучшем случае выявляют по преимуществу предпосылки белорусской национально-государственной идентичности, то ее основания реконструируются лишь на основе междисциплинарной и философско-мировоззренческой рефлексии. Только они и позволяют определенным научным образам белорусской национально-государственной идентичности пройти критическую проверку наукой и жизнью.

Следовательно, первой ступенькой такой проверки является выявление междисциплинарных оснований белорусской национально-государственной идентичности на основе переоценки ценности ее различных предпосылок. Второй ступенькой проверки оснований белорусской национально-государственной идентичности является их философско-мировоззренческая экспертиза. На этой ступеньке диалектика белорусской национально-государственной идентичности реконструируется уже во всей ее

диалектической полноте. Не только как знание исторических закономерностей движения белорусского народа к идее собственной государственности и суверенитета, но и как диалектика белорусской национально-государственной идентичности в условиях современной интеграции и глобализации.

В заключение ограничимся одной иллюстрацией значения междисциплинарной диалектики на примере используемой в современной литературе о белорусской идентичности терминологии. Об этой идентичности современные ученые часто рассуждают, исследуя белорусский национальный характер и менталитет, идеологию и иерархии массового сознания, традиции и инновации, а также этническую и политическую, гражданскую и государственную, генонимическую и демографическую и другие идентичности белорусов. Поверяя перечисленную выше терминологию диалектикой ее междисциплинарных оснований, как представляется, можно лучше и глубже осознать принципиальную необходимость дополнения исторических сведений о белорусском характере, менталитете, государственности, политологическими интерпретациями современного унитарного характера белорусского государства, данными демографов о результатах последних переписей населения Республики Беларусь, беря на вооружение именно понятие «белорусская национально-государственная идентичность», поскольку оно позволяет терминологически более строго рассуждать о результатах поиска современными учеными ответов на вопросы о том, кем же является белорусский народ и какова роль государства в его настоящем и будущем.

SCIENCE ART: ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК НАУКИ И ИСКУССТВА

Л. А. Шаикова

Использование компьютерных технологий открывает новые возможности и перспективы для интеграции искусства и науки, которые представлены многочисленными новыми направлениями, одним из которых является научное искусство – Science Art. Представители данного направления используют новейшие технологии и научные средства для создания художественных образов. Научное искусство – это высокотехнологичное искусство, основанное на актуальных научных идеях и использовании современного технологического инструментария. Поскольку однозначности в его определении не достигнуто, то также используется множество терминов: «компьютерное искусство» («computer art»), «цифровое искусство» («digital art»), «кибернетическое искусство» («cybernetic art»), «технологическое искусство» («technological art»), «информационное искусство» («information art»), «гибридное искусство» («hybrid art»), «виртуальное искусство» («virtual art») и т. д. При этом терминологические

различия между ними не четкие.

Исходя из этого, научное искусство в широком смысле определяется как многообразие художественных экспериментов, на которые художников вдохновляют научные знания. А в более конкретном смысле к научному искусству (science art) относят оригинальные художественные практики, которые одновременно выступают и как элементы научного процесса – от постановки гипотезы и эксперимента к социализации научного знания и его рекламы. В целом научное искусство представляет воплощение тенденции культурной гибридизации.

Осознание влияния новых социально-культурных и художественных практик на перспективы развития науки актуализирует анализ коммуникативного, трансдисциплинарного измерений науки и искусства. Научное искусство – Science Art – это новая сфера трансдисциплинарных исследований, именно на пересечении науки и искусства возникают новации и большинство исследователей склонны рассматривать научное искусство как феномен их современного синтеза. Научное искусство рассматривается как трансдисциплинарная платформа для воплощения экспериментальных проектов, которые возникают при рассмотрении сложных явлений в процессе становления на грани компетенций естественнонаучного и социально-гуманитарного знания.

Возможно, причины формирования нового направления Science Art нужно искать в изменениях окружающего человека пространства, когда последнее вызывает соответствующее изменение и в мышлении, и в формах его освоения. Распространение информации и информационных технологий привело к так называемому «сжатию» пространства. В мыслительных концептах информация находится в «заархивированном» виде и Science Art есть не что иное, как новый синтетический «архиватор», причиной появления которого является рост объема информации, методов ее генерирования и новых способов хранения.

Научное искусство нельзя назвать ни искусством, ни наукой. Научное искусство позволяет увидеть большинство проблем современности в новом, совершенно неожиданном ракурсе, осуществить невозможные ранее открытия в различных сферах научного знания. Особенностью Science Art является новое более широкое понимание искусства и науки, которое связано с трудностями в современном выделении научного исследования и художественного проекта [1]. Термин «научное искусство», с одной стороны, указывает на оригинальную актуальную эстетику и художественные практики, а с другой, на включение его как элемента в научный процесс. Но, не смотря на это, имеет жесткие требования к основным принципам создания объектов: произведения, относящиеся к научному искусству, должны основываться только на научно достоверных идеях, и созданы в равноценном соавторстве художников и ученых.

Процесс интеграции науки и искусства предполагает адаптацию методов науки для создания научно обоснованного искусства, а методов искусства – для формирования новых научных теорий. Если компьютерные

технологии изначально не имели отношения к миру искусства, то научное искусство формируется на пересечении художественного творчества и технологических средств, а технологии служат мостиками между наукой и искусством. Художники могут выступать в роли инноваторов в различных исследовательских областях, создавать или совершенствовать новые технологии и способы реализации новейших научных достижений.

Компьютерное искусство основано на цифровых технологиях и предусматривает такую форму художественного творчества, которая невозможна без компьютера [2]. Развитие гибридного искусства тесно связано с теорией и методологией искусственной жизни. Например, Bio Art – это художественные практики, где работают с живыми тканями, бактериями, живыми организмами, процессами жизни. В его рамках активно используются биотехнологии [3, с. 127–147]. Причем большинство проектов Bio Art на первый план выдвигают проблему отношений между человеком и животными, использование продуктов животного происхождения в научных процессах (Известный пример «Живых рисунков» с биолуминесцентными бактериями). Эволюционное искусство – еще один инновационный вид Science Art: это интервенции в процессы роста и структурные модификации биоматериала, а также компьютерные симуляции эволюционных процессов. Проект искусственной жизни является компьютерной программой создания виртуальных организмов с качествами живых, которые способны взаимодействовать с людьми. Искусство позволяет моделировать окружающий мир по нашему желанию и представлениям, при этом на основе использования научных знаний и теорий. А художники могут выйти за пределы научно-технического описания мира и предложить новые стратегии исследования и новую оптику для зрителя, позволяет по-новому взглянуть на творческие возможности человека.

Примером трансдисциплинарности научного искусства являются Art-(social) science проекты. Это проекты, выставки и другие формы презентаций, которые объединяют разные типы знаний: материал разных научных дисциплин и знания из сферы искусства. Это новая форма презентации результатов научных исследований с использованием художественных средств, с участием в проектах профессиональных художников и дизайнеров.

Художественная форма позволяет глубже раскрыть некоторые аспекты социальной реальности, а использование техники и методов, выработанных в сфере искусства, дает возможность ученым эффективнее представлять свои идеи массовой аудитории. Ученые и инженеры постепенно превращаются в художников, они записывают и слушают ультразвуковой пение животных, проектируют «дышащие» дома и пытаются реализовать творческие потенции с помощью научных знаний и лабораторного оборудования. Примерами хорошо известных научных арт-объектов является проект «Оазис», инсталляция «Дождевая комната», биопанк-модификация уха Стеларка и многие другие.

Художники ищут вдохновения в новейших открытиях науки и технологиях, а ученые усматривают в своих исследованиях художественный

потенциал. Таким образом, научное искусство позволяет по-новому взглянуть как одним, так и другим на свое творчество и определить территорию свободы. Проекты научного искусства привлекают ученых в открытые, свободные от конкретных целей исследования и эксперименты, предлагают с помощью игровой формы взглянуть на грани науки извне. Таким инновационным способом научное и художественное познание постоянно взаимодействуют, дополняют и осовременивают свой опыт сосуществования. Научно-технические исследования следует рассматривать не просто как проведение очередных специализированных экспериментов, а как творчество с элементами искусства. А художники, которые выступают в роли технологов, пытаются найти практическое применение научного знания и уже исходя из перспектив, формулируют новые художественные цели.

Хотя техноаспект действительно является важной частью научного искусства, но более ценным для философского анализа является синтез интуитивного суждения и дискурсивного мышления, представленный формами научного искусства, в рамках которого реализовано стремление адаптировать методы естественных наук для создания научно обоснованного искусства, а методы искусства – для формирования новых научных теорий. Science Art, как новое направление, представляет укрепляющуюся тенденцию аккумуляции общего институционального опыта науки и искусства, что способствует реинтерпретации принципа дополнительности научного и художественного способов познания.

Литература и источники

1. Popper, F. From Technological to Virtual Art / F. Popper. – London: MIT Press (Leonardo), Cambridge, 2007.
2. Ерохин, С. В. Цифровое компьютерное искусство / С. В. Ерохин. – СПб.: Алетейя, 2011.
3. Гессерт, Д. История искусства с привлечением ДНК / Д. Гессерт // Логос. – 2006. – № 4 (55).

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

В. Г. Шендрик

Социально-экономический статус характеризует занимаемое личностью место в экономической системе общества. Экономические факторы оказывают воздействие на все аспекты жизнедеятельности личности, определяют тип потребления и образ жизни людей, способствуют либо препятствуют занятию бизнесом, определяют реальный уровень доходов человека. В свою очередь уже находящиеся в распоряжении экономические ресурсы позволяют человеку, используя их, подниматься по социальной лестнице, заводя необходимые для этого связи, получая достойное образование, реализуя себя в иных аспектах жизнедеятельности.

Социально-экономический статус определяется двумя основополагающими характеристиками: уровнем и качеством жизни. Данные характеристики необходимо рассматривать во взаимосвязи, так как уровень жизни – это в большей мере статистический, количественно выраженный параметр, а качество является более широким понятием, представляющим собой субъективную оценку человеком условий жизни.

Характеризуя уровень жизни, исследователи обращаются к таким показателям, как ВВП на душу населения, уровень прожиточного минимума, средний размер заработной платы, уровень личных доходов и потребления, владение капиталом, производящим доход. При анализе качества жизни используется большое количество элементов, выступающих основными конструктами человеческого бытия. К ним относятся степень сопряжения доходов с затратами, условия труда, доступ к информации, степень социальной защищенности, количество свободного времени, организация досуга, экологическое состояние среды, комфортность условий жизнедеятельности.

Таким образом, социально-экономический статус личности необходимо рассматривать как совокупность его экономических и неэкономических составляющих. К экономическим характеристикам относятся ресурсное обеспечение жизнедеятельности и благосостояние человека, а к неэкономическим причисляются существующие возможности и умение преобразовывать имеющиеся в наличии ресурсы с целью повышения качества жизни.

Уровень жизни в сознании людей – это количество находящихся в распоряжении человека предметов потребления и услуг. При сравнении уровня жизни окружающих людей, человек зачастую сопоставляет совокупность принадлежащих ему благ с суммами благ, находящихся в распоряжении других людей. Причем для ориентировочной сравнительной оценки ему хватает минимальных сведений об их обеспеченности (уровень дохода, наличие собственного жилья, марка автомобиля и другие атрибутивные характеристики) [1, с. 74]. При статусной дифференциации общества и оценке своего места в нем индивид использует механизм измерения благ согласно их рыночной стоимости.

Однако здесь встает вопрос: насколько адекватно концепция «уровень жизни как обеспеченность человека потребительскими благами» отражает высоту человеческого бытия, т. е. уровень человеческой жизни [1, с. 76]. Взаимозависимость между уровнем жизни и уровнем материального благополучия существует. Однако прямой корреляции между уровнем обеспеченности, удовлетворенностью собственной жизнью, понятием счастья, престижа и уважения в обществе не наблюдается. Человек накапливает материальные блага не ради факта накопления, а для дальнейшего направления получаемых ресурсов на саморазвитие, выстраивание благоприятных отношений с окружающими его людьми.

Согласно концепции субъективного благополучия рост таких экономических показателей, как ВВП на душу населения, средний размер

заработной платы не влекут за собой увеличение внутреннего ощущения благополучия у человека. По мнению американского экономиста Ричарда Истерлина причина неувеличения степени счастья с ростом экономики страны может быть связана с ростом амбиций граждан, которые не позволяют им наслаждаться жизнью. Положительное влияние увеличения зарплаты на уровень удовлетворения своим социально-экономическим положением (равно как и негативное влияние от ее уменьшения) проявляется только в краткосрочные периоды, тогда как в долгосрочной перспективе улучшение благосостояния неизменно компенсируется увеличением ожидания будущего роста [2, с. 237].

Согласно неэкономической концепции индийского экономиста Амартия Сена при определении уровня жизни человека, необходимо отделять фактический уровень жизни от потенциально возможного. В первом случае уровень жизни понимается как реально существующая в настоящий период времени совокупность элементов бытия человека. К таким элементам относятся трудовая деятельность, хобби, духовные ценности, уровень образования, круг общения, т. е. все духовные и материальные аспекты жизнедеятельности человека. Во втором случае уровень жизни – это совокупность потенциально допустимых и реально осуществимых стилей, образа жизни, которые доступны для реализации в жизни в настоящий период времени, из которых человек выбирает лишь одну линию дальнейшего развития его судьбы, которая затем становится его фактическим стилем жизни. Таким образом, концепция располагаемых возможностей понимает уровень жизни как индивидуальную свободу выбора в распоряжении существующими материальными и интеллектуальными благами при выборе стиля жизни [1, с. 80–85].

Американским философом Мартой Нассбаум был разработан экспертный подход к определению уровня жизни людей. В своей научной работе Нассбаум поставила задачу определения границ многомерного пространства бытия человека и выделения основополагающих разноплановых элементов бытия, на основании которых можно было бы ранжировать людей по уровню жизни. Предлагаемый М. Нассбаум перечень не включает ни одной экономической характеристики, он основан на общечеловеческих потребностях и тех аспектах жизни, реализация которых позволяет ощущать человеку себя полноценным членом общества. В перечень ключевых элементов бытия человека входят: жизнь со всей ее ценностью и привлекательностью, наличие физического здоровья и телесной целостности, возможность свободно активно использовать свои чувства, воображение, мышление, испытывать позитивные эмоции, быть в состоянии сформировать представления о благе и размышлять о планировании своей жизни, аффилиация (быть способным жить среди людей и для людей), быть в состоянии жить с чувством заботы по отношению к животным, растениям и миру природы, быть в состоянии смеяться, радоваться развлечениям, возможность иметь контроль над окружающей средой: политической, материальной [3, с. 78–80].

Базовые возможности личности, приведенные в перечне, комбинируются, формируя тем самым вектор человеческого развития, определенный образ жизни. Сравнение данных векторов дает возможность оценки того, как живет тот или иной человек.

При исследовании социального статуса личности, особый интерес вызывает теория базовых потребностей Эрика Алларда. По его мнению, для ощущения полной удовлетворенностью жизнью человеку необходимо реализовать себя в трех аспектах, условно обозначенных, как «иметь», «любить», «быть». Иметь – это значит удовлетворять потребности, относящиеся к материальным условиям, необходимым для выживания и избегания нищеты. К категории «иметь» Э. Аллард отнес экономические ресурсы, такие, как минимальный доход на душу населения, условия проживания, труда, а также к данной категории были отнесены здоровье и образование. Под категорией «любовь» понимается потребность в общении с другими людьми, чувство сопричастности к коллективу, дружеские отношения. Потребность в «бытии» подразумевает собой интеграцию в общество, принятие и соблюдение правил человеческого общежития, жизнь в гармонии с природой, наличие политической активности [4, с. 138–139].

Социально-экономический статус личности – это достаточно сложная интегральная характеристика, обобщающая как материальные, так и нематериальные блага, находящиеся в распоряжении человека. Цель, которую ставит перед собой человек – это достичь благополучия, имеющееся у него благосостояние расценивается, как существующие материальные средства, служащие подспорьем для дальнейшего развития. Для гармоничного здорового развития личности требуется удовлетворение всех ключевых аспектов бытия. Если человек пересекает установленный порог хотя бы одной из основополагающих срезов бытия и его базовые потребности в данной области не удовлетворяются, то качество жизни существенно снижается, а социальная политика, проводимая государством, считается неудовлетворительной.

Литература и источники

1. Подузов, А. А. Концепция уровня жизни: очерк современных представлений / А. А. Подузов // Научные труды: Институт народного прогнозирования РАН. – 2008. – № 6.
2. Ларина, Т. Н. Эволюция концепций качества жизни населения в контексте развития макроэкономических теорий / Т. Н. Ларина // Журнал экономической теории. – 2016. – № 3.
3. Nussbaum, M. C. Women and Human Development. The Capabilities Approach / M. C. Nussbaum. – UK: Cambridge university press, 2000.
4. Бажутина, Т. О. Критерии качества: философский и экономический аспекты / Т. О. Бажутина, Е. А. Бодрякова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2008.

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Н. А. Шермухамедова

Система образования в целом и гуманитарное образование в частности для любого общества является базой культурного и духовного воспроизводства самого себя. Ибо социализация личности, ее нравственное воспитание, формирование ценностной ориентации зависит от уровня гуманитарного образования. Именно через образование закладывается путь в будущее. Еще Пифагор говорил о значимости образования и воспитания. Он утверждал, что «для того чтобы человек претворил свою цель в жизнь, ему нужны глубокие знания. Для освоения этого знания необходимо специальное образование и воспитание» [1, с. 119]. Поэтому образование по своей воспитательной сути обращено к формированию мировоззренческого начала у молодого поколения. Следовательно, философское мышление человека в целом невозможно без гуманитарного образования.

Задача гуманитарного образования состоит в воспитании свободно мыслящей индивидуальности, способной различать по содержанию и значению смысл письменного текста. Цель гуманитарного образования – «духовно образовать человека, придать ему индивидуальный образ, имеющий в себе смыслы и значения, содержащиеся в человеческой культуре, подготовить к самостоятельному мышлению и творчеству в различных областях деятельности» [2, с. 87]. Для достижения этой цели необходимо освоение письменной культуры, которая отражена в различных литературных, научных, исторических и философских текстах. Также нужно отметить и то, что гуманитарное образование формирует творческое мышление у личности, позволяющее решать встающие перед ней новые проблемы. Гуманитарий, являясь представителем интеллектуальной элиты, предстает новатором, предлагающим принципиально парадоксальные пути и способы мышления для решения проблем. Ибо наше «знание о культурах прошлого, наше чтение, например, Платона или Данте бессмысленно и бесплодно, если оно не способствует появлению форм мышления, лежащих вне структур наших повседневных миров» [3, с. 81].

К сожалению, в последние годы в системе высшего образования роль гуманитарного образования, в частности философского, принижена, во многих случаях отдается предпочтение техническому, естественно-научному обучению, что приводит к кризису формирования гуманитарного мышления. А это способствует упадку духовной культуры в обществе. В ходе получения специализированного технического образования человек становится объектом внешней манипуляции и управления различных обучающих структур, превращается в носителя и распространителя информации, но не самостоятельной мысли. Это приводит к исчезновению самостоятельно мыслящих людей, ибо они становятся только связующим звеном между двух субъектов. К сожалению, и гуманитарные и естественные науки

подвергаются строгой регламентации, что свидетельствует об упадке гуманитарного образования.

Поэтому сегодня важно объединить усилия для повышения качества гуманитарного образования. Ибо в глобальном социальном пространстве именно гуманитарное образование позволяет людям вступать в общение друг с другом. Современное гуманитарное образование не должно навязывать студентам однотипные стандартные идеи, оно призвано способствовать развитию их межличностной коммуникации, когда каждый может высказать собственное мнение, может быть услышанным и уметь слушать других. Формирование у людей способности понимать друг друга, вступать в диалог возможно посредством гуманитарного образования, и никакие современные информационные коммуникационные технологии без соответствующего гуманитарного образования не могут заменить радость межличностного общения и прямого понимания смысла явлений.

Мы живем в постоянно меняющемся мире, где знания быстро устаревают. Процесс образования становится непрерывным, заставляя человека постоянно совершенствоваться, если он хочет чего-то добиться в жизни. Раньше образование сводилось к чтению учебников и запоминанию разнообразных текстов, сегодня актуальны не только бумажные, но и электронные носители знания. И единственным способом противостоять влиянию чуждых идей является гуманитарное образование, способное вооружить человека не просто знанием, но и способностью к самостоятельному мышлению, умению отбирать нужную информацию.

Таким образом, можно утверждать, что «развитие человеческой цивилизации по своей природе предполагает многообразие образовательных систем на основе разнообразия ментальных основ образования» [4. с. 594]. Причем, интеграция в мировую образовательную систему не должна быть простым копированием чужих моделей образования. Входить в нее нудно только с собственной моделью, отвечающей международным стандартам, однако учитывающей собственные идеи, выработанные многими поколениями. Отрадно отметить и то, что сегодня страны постсоветского пространства идут по пути интеграции образовательных систем, что позволит восстановить дружеские отношения как между странами, так и между народами.

Литература и источники

1. Трубецкой, С. Н. Курс истории древней философии / С. Н. Трубецкой. – М., 1997.
2. Межуев, В. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования / В. Межуев. – СПб.: СПбГУП, 2011.
3. Гумбрехт, Х. У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» / Х. У. Гумбрехт // НЛЮ. – 2006. – № 81.

4. Шермухамедова, Н. А. Педагогическая деятельность в формировании поликультурного мировоззрения / Н. А. Шермухамедова // Диалог культур: Социальные, политические и ценностные аспекты. – М.: Канон, 2015.

KRYNKI – THE TOWN OF SAKRAT YANOVICH – TODAY AND YESTERDAY

Agnieszka Sztajer

A renowned Belarusian writer, one of the literary creators of post-USSR Belarusian identity, Sakrat Yanovich, was born in Krynki. He lived and died there. His works often focus on the history of his hometown and his sentiment to it. He developed a specific hate-love relationship to this place, and this peculiar feeling repeatedly strikes the reader's attention on the pages of his books. In this paper, I would like to check how Belarusian identity is connected with this very special place in the world, tiny town of Krynki, located between Poland and Belarus, with the cultural background so blended that it seems to belong neither here nor there.

“No one returns to Krynki. No one understood why I had returned after fifty years in Bialystok. There is no money in Krynki. There is no way of making it. There are greater opportunities in Bialystok. Bialystok sucks the people from places like Krynki. From Bialystok, in turn, they make their escape to the other side of Vistula river. Because there are yet greater opportunities of making money. In Krynki and Bialystok, there is a worship of money. People talk mostly about it. How to make it, how to trick, how to cheat to get it. A car became an icon; a god worshipped and adored. It's not God, because God is feared, people tremble with fear when in front of God” – said Sakrat Yanovich himself in the interview that he gave in a local magazine, *Kurier Poranny* (“Morning Express”) [1]. This seems to be quite a bitter opinion, especially the hints of materialism of Yanovich's compatriots. In this short passage, he does not seem to feel at home among the people of his place.

However, when contrasted with other writings of Krynki, the passage can be perceived as incidental moment of bitterness, not a serious slap on the wrist for the locals. While writing about his hometown in certain other paper, Yanovich becomes tender and sentimental: “Our tiny town deep down in the valley, as if sited at the peninsula of pre-biblical lake – from the hills of Fox Mountains (...) or the plateau of Parfitka seems to be a huge coral reef, weeds being birch and poplar trees. Fragrant apples and their falling in the nighttime remind the prose of Bunin (...). Hanging around carelessly along Banna, Nadrzeczna and Azioryszczzy Street, we came by to the park as if from Turgenev's prose, the remains of the de Virion's mansion” [2].

How can this ambivalence be explained? Duality of the approach towards Krynki and people of Krynki has personal engagement of Yanovich. His tenderness and profound love to the place where he was born and where he died is rooted in his multi-layered identity. In his writings, he presents himself as a writer in the first place, then as a Belarusian, but also the citizen of Poland. There is one

more level of Yanovich's identity, the characteristic of the majority of Belarusians: deep down he identifies himself as a "local", the person "who lives here", a label that is innocent to any national issue. This is the way many Belarusians feel until this day [3, p. 406]. Yanovich's locality was expressed in his hiding from the world in the little town, speaking a regional language that was a blend of Polish and Ruthenian, feeling "awkward" in this place, but still returning there [3, p. 406]. It was expressed in remaining a stranger when in USSR and at times, a stranger in Poland [1].

That paradox in the heart of Belarusian identity – that being a Belarusian practically means locality without narrow nation – centered orientation was very vibrant in Yanovich's writings. The same paradox was noticed by him in the interview with Jerzy Chmielewski, where Yanovich said that these will be Belarusian peasants, who will kill Belarusian language as they will be trying to overcome hardship, aspiring for better lives.

It can be said that Yanovich is being torn apart by ambivalent feelings and sentiments, by opposite cultural heritage sets. One more example of the paradox is when the writer talks about his identity as being defined by Polish people from the city of Bialystok – their Polish language and different manner of life let him understand that there is a difference between a Belarusian peasant and a Polish city inhabitant, which gave him an idea that there exists such a thing as being a Belarusian, and it has certain characteristics [6]. At the same time, he seems to be aware that this state of being internally conflicting and seemingly incoherent is something that may constitute being a Belarusian. That would mean that being a Belarusian is mystical, esoteric state – it is gaining equilibrium by chaos, self – by contradiction, paradox.

Sakrat Yanovich died in 2013, and today a tiny town of Krynki is a town without Yanovich. However, during his lifetime, it went through a tremendous metamorphosis. In his young years, Krynki was a place, where everyone spoke a regional language; Polish and other languages were considered artificial, created by gentry. 'Jazyk paprostu', a simple speech of a local peasant, was considered the only natural language of the working class. With passing years, after the wars, the process of migrating to bigger cities started and dying out the language came along. The year Yanovich died, 'jazyk poprostu' or 'swojska gadka' was used by a narrow group of elderly people only when they were talking to each other. Today they use standard Polish when talking to their children and grandchildren and only sometimes let themselves use regional language in the moments of excitement or while talking to the peer neighbors.

Nevertheless, there is a trend to discover 'jazyk paprostu' again. Still not mainstream, but more and more popular one is examining past customs and the cultural heritage. Town of Krynki is still a place, from where people migrate rather than come to settle, but it is growing more and more popular as a tourist destination, of which I am the best example. Although in the streets of Krynki one may hear the Polish language, still it has specific characteristics that do not constitute regional language, but they remind that it is a little bit different Polish than the standard one is supposed to be.

Undoubtedly Yanovich's heritage is not forgotten. In his house at Sokólska Street, the writers and artists gather to discuss the challenges of cross-border cultural exchange. His papers are still published and read and, what is the most important, young people from Krynki know exactly who their great compatriot was. So hopefully (and that is something that I dream of) the paradoxical Belarusian identity will not die out. It will find its way again among the chaos, and will finally flourish being supported by Polish cultural heritage. Why not make the background of flourishing painfully beautiful town of Krynki? The depths of identity know no border. So this is not an actual obstacle that Krynki happened to be at the Polish side of the border.

References

1. Werpachowska, J. Sokrat Janowicz: Do Krynek nikt nie wraca / J. Werpachowska // Poranny.pl [Electronic resource]. – Mode of access: <https://poranny.pl/sokrat-janowicz-do-krynek-nikt-nie-wraca/ar/5353440>. – Date of access: 10.09.2018.
2. Janowicz, S. Białoruś, Białoruś / S. Janowicz. – Białystok, 1987.
3. Sokrat Janowicz. Pisarz transgraniczny. ed. G. Charytoniuk-Michej, E. Dąbrowicz, K. Sawicka. – Mierzyńska, B. Zawadzka. Białystok, 2014.
4. Rąkowski, G. Polska egzotyczna / G. Rąkowski. – Pruszków, 2005.
5. Notacje historyczne Sokrat Janowicz. Język ludzi poczciwych [Electronic resource]. – Mode of access: <https://vod.tvp.pl/video/notacje-historyczne,sokrat-janowicz-jezyk-ludzi-poczciwych,12059602>. – Date of access: 10.09.2018.
6. Sokrat Janowicz – dobry nacjonalista? Michnik i Moczulski na Trialogu Białoruskim // [Electronic resource]. – Mode of access: http://wyborcza.pl/1,75410,14563778,Sokrat_Janowicz___dobry_nacjonalista__Michnik_i_Moczulski.html. – Date of access: 10.09.2018.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА ХРИСТИАНСТВА: ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАЛОГА ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

Н. С. Щёкин

Глобальные трансформации современного общества способствовали актуализации проблемы исторического самоопределения восточнославянских народов. Мы являемся свидетелями протекания неоднозначных процессов взаимодействия двух цивилизаций – западноевропейской и восточнославянской. На наших глазах меняются постиндустриальная парадигма и стратегия инновационного развития современного глобального мира. Такая цивилизационная парадигма монополизировала ценностные критерии развития любого общества. Наметился конфликт ценностей и приоритетов, характерных, с одной стороны, для традиционного и новоевропейского, а с другой стороны, для формирующегося в условиях глобализации постсовременного общества. Такая ситуация порождает у значительной части населения стран, которые выпадают из «золотого миллиарда», чувство экзистенциальной

опустошенности и дезориентацию в определении жизненных перспектив. Применительно к цивилизационному процессу такая ситуация предполагает артикуляцию и использование тех форм духовной культуры, которые в процессе общественно-исторического развития проявили свою надежность и практическую значимость в качестве опорных для развития человечества систем ценностей.

Христианский мир предстает как особое цивилизационное образование со специфическим цивилизационно-религиозным типом исторического процесса. В контексте цивилизационной динамики христианства на основе средневековой древнерусской цивилизации (Киевская Русь) проходило формирование восточнославянской цивилизации, мировоззренческую основу которой составляли идеалы и ценности православного христианства. Поэтому естественно, что в становлении и развитии восточнославянской цивилизации определяющее значение отводится деятельности Русской православной церкви (РПЦ) как социальному институту. В данном контексте православное белорусское сообщество предстает как автономное социокультурное, религиозное и поликонфессиональное (учитывая существование на ее территории многих конфессий) образование. Необходимо отметить, что современное состояние восточнославянской цивилизации продиктовано значимой ролью РПЦ, действующей на основе социальной доктрины, направленной на сохранение и консолидацию восточнославянских народов, входящих в состав этой цивилизации. Ее влияние проявляется также в ее деятельности, способствующей сохранению и культивированию национально-культурной и цивилизационной идентичности этих народов, в частности белорусского.

Но, невзирая на глубокие культурные и ценностные противоречия цивилизаций христианского Востока и Запада, можно утверждать, что восточнохристианская традиция, потенциал которой весьма велик, равноценна западноевропейской традиции. Еще несколько десятилетий назад можно было говорить об антагонизме Востока и Запада по признаку традиционности – западнохристианский мир отличался динамизмом развития, а католичество, не говоря уже о протестантизме, стремилось соответствовать «духу времени». Сегодня в странах, относящихся к православному миру, все отчетливее осознается потребность в обновлении общества и использования для этого потенциала православной церкви. Это предполагает актуализацию тех ее духовных ресурсов, которые, с одной стороны, инициировали бы социально-экономическую активность людей, но, с другой стороны, соответствовали бы нормам христианской морали и были бы благоприятными для их духовного развития.

Конечно, исторически развитие христианства шло разными путями, и если в динамике западной традиции христианства можно выделить определенную внутреннюю логику, ведущую к секуляризации общества – Средневековье, Ренессанс, Реформация, Контрреформация, Просвещение, то восточной традиции была уготована иная судьба, связанная не только и не столько с имманентными ей закономерностями, но прежде всего с внешними

деструктивными факторами – сложным «выбором веры» князем Владимиром, гибелью Византии как идейной опоры древнерусского православия, татаро-монгольским нашествием, что, несомненно, повлияло на замедление процесса секуляризации. Но, что знаменательно, это «замедление» обусловило актуальность для возникавшей светской культуры религиозной проблематики, прежде всего это проявилось в литературе, искусстве и философии.

Историческая судьба любого народа – следствие взаимодействия многообразных объективных и субъективных факторов общественного развития, сложной диалектики объективных закономерностей и основанных на интересах, воле, целях людей их социальных действий.

Обратим внимание, что в современном общественном сознании существует приобретенное популярность мнение, что XXI век станет свидетелем «столкновения цивилизаций» как проявления объективной исторической закономерности и что будущее демократических и толерантных государств Запада находится под угрозой со стороны государств незападного мира, исповедующих «авторитарные», западные ценности. Есть все основания скептически относиться к таким взглядам, поскольку в них преувеличиваются различия между «группами цивилизаций» и игнорируется сходство между ними. На наш взгляд, не существует четкого исторического раздела между «толерантным и демократическим» Западом и «авторитарным» Востоком.

Так, говоря о современном белорусском государстве, необходимо отметить, что одной из актуальных задач остается выстраивание такой модели взаимоотношений с религиозными организациями, которая бы отвечала национальным традициям и менталитету народа. Современное развитие социальных отношений, характеризующееся резким увеличением числа верующих и неизбежным усилением их влияния на процессы, происходящие в белорусском обществе, побуждает обществоведов к более внимательному изучению проблемы влияния религиозного фактора на политику государства, в том числе и на взаимодействие церкви и государства. Диалог церкви и государства свидетельствует, что реформы и модернизация не приведут к положительному результату, если не будут учитываться духовные и культурно-исторические традиции народа и его религиозные особенности. В современных условиях все более актуальна проблема укрепления национальных ценностей, в основе которых заложена возможность человеческого развития.

Беларусь является составной частью восточнославянской цивилизации, которая не отрицает достижения Запада, но синтезирует их, сохраняя при этом субстанциональные принципы восточнославянской истории и образа жизни. Именно при этом понимании природы ценностей белорусской культуры диалог церкви и государства будет продуцировать позитивный результат, а республика сможет сохранить свою идентичность в мировой истории.

Единство в многообразии – это исключительная черта, присущая

Беларуси. Мы приблизились к пониманию уникальной исторической роли нашей страны, которая ярко демонстрирует неизбежность таких общечеловеческих ценностей, как жизнь, любовь к Родине, патриотизм. Культурное богатство Беларуси, открытость и терпимость были бы невозможны без многовекового опыта совместного бытия христиан, мусульман и иудеев. В настоящее время наша задача состоит в том, чтобы остаться верными традициям и не подражать современному бутафорским, ироничным отношениям. Необходима достаточная глубина, связующая людей между собой, высота отношения к ценностям и традициям и ширина восприятия мира. Человек, понимаемый как автономное существо, нуждается в помощи, милосердном отношении, подлинных чувствах – уважении человеческого достоинства, справедливости, совестливости. Важно понимать: любой шаг человека отзывается на всем человечестве. Церковь совершенствует душу человека, а человек меняет мир и свое отношение к жизни в соответствии со своим миропониманием и мироощущением.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА

А. В. Щукин

Последние тенденции развития философско-правовой мысли Беларуси связаны с критическим осмыслением цивилизационного выбора, а именно, поиском основ национальной идентичности, особенностей белорусской культуры, оказывающих влияние на формирование правовой системы. Эти вопросы вызвали бурные споры в XIX – начале XX столетия между сторонниками приобщения к западным ценностям и славянофилами.

Одним из наиболее ярких выразителей идей последних был наш земляк М. О. Коялович, занимавшийся вопросами истории и культуры запада России, под которым понималась территория нынешней Беларуси. В своих работах он задавался следующим вопросом: «В бесконечном споре между так называемыми у нас западниками, или поборниками правового порядка, с одной стороны, и народниками, самобытниками – с другой постоянно поднимается вопрос: что самобытно-культурного выработало наше русское прошлое, каковы самобытные идеалы России?». Отвечая на него М. О. Коялович отмечал такие особенности славян как любовь к земледелию, вечевая форма общественной своей жизни, любовь и способность к промышленности, торговле, терпимость и уважение к другим культурам [1, с. 25].

С другой стороны, американский ученый С. Хантингтон также усматривает отличия западной цивилизации и православной, евразийской. Отличительные характеристики западной цивилизации, отмечал он – «католическая религия, латинские корни языков, отделение церкви от государства, принцип господства права, социальный плюрализм, традиции

представительных органов власти, индивидуализм – практически полностью отсутствуют в историческом опыте России. Пожалуй, единственным исключением стало античное наследие, которое, однако, пришло в Россию из Византии и поэтому значительно отличалось от того, что пришло на Запад непосредственно из Рима. Российская цивилизация – это продукт самобытных корней Киевской Руси и Москвы, существенного византийского влияния и длительного монгольского правления. Эти факторы и определили общество и культуру, которые мало схожи с теми, что развились в Западной Европе под влиянием совершенно иных сил» [2, с. 85].

Данные взгляды актуальны в настоящее время и вполне подтверждаются современными условиями жизни. Преобладание коллектива, общества над отдельной личностью рассматривается как наиболее существенная особенность в нашем обществе, что отличает его от западных ценностей, где преобладает индивидуальное начало.

Начиная с 2000-х годов, все больше становится востребованной идея воплощения самобытности или цивилизационно-культурной уникальности нашего государства при совершенствовании правовой системы. В отличие от предыдущих этапов ее становления роль западных ценностей в формировании белорусской правовой системы, как практически любого правопорядка не отрицается. Вместе с тем делается попытка выработки методологии критического переосмысления их роли в современных условиях. Отмечается, что необходимо видеть различия западной правовой традиции и собственной цивилизационно-культурной. Необходимость разграничения обуславливается самобытностью развития нашего государства и общества, поскольку в ином случае национальная правовая система оказывается в зависимости от иных цивилизационно-культурных основ [3, с. 84]. В этом отношении, например, приводится западноевропейский опыт отношения к однополым бракам. Отмечается, что попытка имплементации данного положения в белорусское право, несомненно, вызовет ценностный конфликт, хотя в формально-правовом отношении Конституции Республики Беларусь не различает культурно-цивилизационное измерение. Каждое локальное цивилизационно-культурное образование формируется исторически под воздействием всей совокупности присущих ему экономических, политических, культурных, религиозных и иных характеристик [3, с. 85].

В рамках такого подхода были разработаны Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь, одобренные Решением ученого совета Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь 23.04.2013 № 5, где впервые на нормативном уровне были раскрыты концептуальные вопросы формирования национальной правовой системы.

В главе 4, касающейся идеологических аспектов правовой политики Республики Беларусь, обращается внимание на современные угрозы и вызовы, связанные с процессами глобализации в результате которых формально независимые государства утрачивают качество суверенитета,

попадая в зависимость от других государств, межгосударственных объединений, транснациональных корпораций.

Кроме этого отмечается феномен глобальных ценностных конфликтов выражающихся в противостоянии ценностей, сложившихся в условиях западной цивилизации, и традиционных ценностей, которые имеют достаточно определенные установки по многим вопросам социального общежития (брак, семья, любовь к родине, религия и т. д.).

Несмотря на очевидный прогресс в выработке подходов к восприятию западных ценностей белорусской правовой системой, необходима дальнейшая работа в их совершенствовании. В основном критическое отношение к ним не идет дальше лозунгов о необходимости учета национальных традиций, менталитета, условий социально-экономического развития и т. д. Подобные утверждения, сопровождаемые единичными примерами, зачастую не имеют решающего значения. В то же время современное правовое регулирование в Беларуси строится с учетом стандартов, принятых в передовой международной практике. К ним относятся принципы демократии, законности, приоритета общепризнанных принципов международного права, гуманизма, защиты прав и свобод, а также законных интересов граждан, юридических лиц, государства и социальной справедливости. Нельзя говорить о том, что наше общество не воспринимает или неспособно принять их.

С другой стороны, остается актуальным вопрос, что есть западное сообщество, которое в решении социальных, экономических и иных вопросов однородным назвать нельзя. Каждая страна отличается строением органов государственной власти, особенностями предоставления гражданских, политических прав, гарантиями в области социальных, экономических, культурных прав. Они также обусловлены достигнутым уровнем экономического развития, историей, культурой разных стран.

Этим вопросом давно занимались видные ученые, такие, например, как Н. Бердяев, считавший, что «Запад» (слово «западный» мыслитель берет в кавычки) это всего лишь выдумка. В этом отношении следует согласиться с Б. Лепешко, который отмечает, что «постоянная апелляция к мысли о постоянном колебании между Востоком и Западом затемняет, затушевывает суть вопроса. Для стран, создавших свой интеллектуальный ресурс, эта проблема не актуальна и Беларуси следует добиваться самодостаточности в развитии национальной культуры и образовательного процесса. Важно говорить и утверждать не только собственные национальные достижения, но и обращаться к той традиции, вне которой понять и осознать их невозможно» [4, с. 70–73].

Ответ на вопрос, могут ли правовые ценности, традиции знания, рожденные в недрах западной цивилизации, служить базой для консолидации белорусского общества, может быть положительным кроме случаев, если они не связаны с вмешательством во внутренние дела и не разрушают основные устои строения нашего общества и государства, обусловленные особенностями, исторического, социально-культурного, экономического

развития. Однако поиск подходов для определения условий и оснований приобщения к иностранным традициям и культуре в правовой сфере остается трудной, амбициозной задачей, требующих усилий специалистов различного профиля, в том числе в области философии права.

Как представляется, негативные тенденции развития сотрудничества стран Запада и Востока в правовой сфере являются зачастую искусственными и связаны с позициями отдельных политиков, позиции которых становятся несостоятельными в современном мире. Сотрудничество разных стран не только возможно, но и не имеет другой альтернативы. Противостояние различных сил в мировом масштабе во многом создается искусственно. Снятие противоречий разных стран в социально-экономической, политической, в том числе, в правовой сфере зависит от усилий ученых, политиков, экономистов разных стран. Это мнение основано на том, что современные противоречия лежат не в сфере прогрессивных идей, а отдельных недалевидных представлений, заблуждений и предрассудков.

Литература и источники

1. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – М., Институт русской цивилизации, 2011.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003.
3. Калинин, С. А. Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и стратегия развития / С. А. Калинин, В. И. Павлов, С. М. Сивец // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 2014. – № 2. – С. 83–87.
4. Лепешко, Б. Национальное самосознание: что изменилось? / Б. Лепешко // Беларуская думка. – 2016. – № 6. – С. 69–73.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ФЕНОМЕН СЧАСТЬЯ

Н. А. Эшонкулова

Поиск счастья в социальных отношениях, прежде всего, в семье – самое устойчивое чувство и желание в человеке. Семья – это не случайный союз людей, к ней неприменимы определенные требования, указания и призывы. Как сказано в Коране, Аллах создал семью для того, чтобы люди приобрели покой, чтобы среди членов семьи была любовь и милосердие [1, с. 368]. В суре ан-Намль сказано: «Аллах создал от вас самих ваших пар, и от ваших пар создал детей и внуков, и накормил вас опрятными вещами» [1, с. 238]. Если исходить от этих утверждений, семья дарует человеку спокойную жизнь, учит жить в любви и милосердии, учит выбирать себе спутника, родить детей и внуков, радоваться жизнью. «Семья считается начальной ячейкой каждого общества. Если семья прочная, мирная и опрятная, то общество тоже будет мирным, стабильным и благополучным. Напротив, если в семьях царит хаос и смута, то это общество разрушится, спокойствие исчезнет и, в конце концов, она будет впадать в глубокую

деградацию» [2, с. 4].

Социальные отношения состоят из разнообразных связей между человеком и обществом, государством и негосударственными институтами. Счастливая жизнь среди этих отношений или позиционирование себя как счастливого субъекта – связаны с разными аспектами. Самое важное чувство человека – нужности данной среде, способности своей деятельностью изменить или усовершенствовать что-либо. Объективные условия бытия не всегда создают необходимую среду для социальной активности человека. В социальных отношениях есть противоречивые мечты и желания человека, поэтому различные разногласия в этих отношениях могут привести к естественным конфликтам. Но, по сути, именно интересы и желания людей двигают социальные отношения. Социальные отношения сами по себе не будут меняться в позитивную сторону – им во многом свойственен консерватизм и устойчивость. Поэтому личность, его социальная активность совершенствуется и двигает социальные отношения вперед. В традиционных обществах это может привести к противоречиям. В некоторых случаях именно эти конфликты служат толчком человеку для нахождения своего идеала, помогают в достижении цели приобретения счастья. Может сложиться впечатление, что социум является субъектом счастья и благополучия. Но это чувство порождено противоречиями.

Социальные отношения как позитивная реальность призваны способствовать феномену счастья. Это можно истолковать следующим образом. Во-первых, общество не создает счастье, но создает условия для того, чтобы человек стал счастливым. Без этих возможностей человек не осознает свои потребности и стремления. Во-вторых, общество дает гарантию человеку в его формировании как мыслящего и творческого субъекта. Именно человек, применяя свой творческий потенциал, чувствует себя счастливым и пытается полностью использовать те возможности, которые дает ему общество. В-третьих, человек как социальное существо (Аристотель) формирует общественные отношения, разнообразные связи, житейские манеры, повседневные отношения. Этот факт, который именуется социальным бытием настолько проник в сознание человека, что только под его воздействиями и оценками он осознает свое счастье или несчастье. Для феномена счастья важны внешние воздействия, согласование с общественными традициями, то есть макросредой.

В-четвертых, социальные отношения, семья, круг близких людей, трудовой коллектив, соседи, родственники, то есть вся микросреда, которая формирует повседневные отношения, считаются объектами, воздействующими на понятие о счастье. В свое время об их воздействиях писал А. Шопенгауэр. В-пятых, как бы на социум не воздействовало общество, счастье это – феномен с индивидуальным свойством. Об этом В. Алимасов пишет так: «размышляя, достиг того, что нет более личной вещи чем счастье; то, что видится вам счастьем, для меня мимолетно, а то что видится мне счастьем, для другого не имеет ценности. Кому-то счастье то, что накопил, для кого то, что раздал; кому-то влюблять в себя – это счастье,

кому-то – огорчать; кто-то говорит, что "мое счастье в моем народе", кто-то говорит: "оно во мне". Все хотят быть одинаково счастливыми, но все счастливы по-своему» [3, с. 3]. Такой персональный подход заметен и в воззрениях других исследователей. Но «нигде и никогда свобода, справедливость и счастье не приобретено без борьбы» [3, с. 6].

Значит, хотя человек и размышляет о счастье в одиночестве, хотя и рассматривает счастье как феномен, касающийся только его жизни, – это не означает, что счастье проявляется по его абсолютной воле и абсолютно подчиняется его желаниям. Общество не только установленными правилами, но и бережными содействованиями и традициями влияет на счастливую или несчастливую жизнь человека. Именно из-за этого общество наравне с человеком является субъектом феномена счастья.

Литература и источники

1. Коран / Пер. А. Мансура. – Ташкент, 1992.
2. Мухаммад Сдык Мухаммад Юсуф. Счастливая семья. – Ташкент, 2012.
3. Алимасов, В. Философия или искусство наслаждаться мышлением / В. Алимасов. – Ташкент, 2001.

НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА И ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Ф. З. Юсупова

Научная проблема развития интеллектуального потенциала личности, особенно молодежи, является наиболее актуальной на фоне изменяющихся мировых политических и экономических реалий. Так как молодежь получает и обрабатывает в своей повседневной деятельности огромное количество знаний и информации.

Рост новых информационных и компьютерных технологий, изменившиеся социально-экономические условия ведут к повышению требований, предъявляемых к профессиональным качествам специалистов. А это, в свою очередь, требует многопланового реформирования отечественного образования, в результате которого должны развиваться такие качества личности как: внутренняя готовность к саморазвитию и самообразованию в профессиональной сфере; самостоятельность и ответственность; инициативность и творческая активность. Без обладания данными качествами невозможно достичь полной интеграции специалиста в процесс профессионального труда на уровне социальной активности, максимального развития творческого потенциала [1, с. 44].

Для успешного инновационного развития страны необходимо отыскать механизмы выявления талантливой молодежи на всех этапах образования, начиная с максимально ранних этапов и далее, сквозь всю систему подготовки и повышения квалификации студентов и молодых ученых.

Решение этой задачи предполагает создание благоприятных условий и стимулов для прихода в науку талантливой молодежи, склонной к исследовательской работе [2, с. 2].

Актуализация задачи максимального включения молодежи в преобразовательные процессы страны инновационного характера, оптимального использования ее интеллектуального потенциала важна для определения роста экономического, политического, социального, культурного потенциала общества, что обуславливает развитие каждой отдельной страны и мира в целом.

Актуальность задачи развития интеллектуального потенциала и инновационной деятельности молодежи можно обосновать следующими факторами:

– во-первых, 60 % населения, проживающего в республике Узбекистан, составляет молодежь до 35 лет. Использование этого потенциала является гарантией социального развития;

– во-вторых, молодежь с духовно-нравственной и психофизиологической точки зрения стремится активно жить, ищет новые пути решения проблем и применения своих творческих способностей во имя развития страны. Эту активность и целеустремленность следует направить на развитие национальной демократии;

– в-третьих, внедрение в жизнь научных знаний, современного мировоззрения и научно-технических инноваций, усвоение социального опыта и духовного богатства требует от человека специальной подготовки и активности [3, с. 101];

– в-четвертых, следует развивать интеллектуальный потенциал и инновационную активность молодежи путем активного применения социопедагогических методов и новых средств педагогической технологии при подготовке их к социальной жизни;

– в-пятых, сам процесс подготовки молодежи к социальной жизни ставит особую задачу повышения интеллектуального потенциала и инновационной активности, требует применения научно доказанных технологий, обоснованных на этнопедагогическом и этнодуховном наследии;

– в-шестых, интеллектуальный потенциал и инновационная активность исходит из модернизации общества, производства, социального управления. Поэтому следует развивать интеллектуальный потенциал и инновационную активность молодежи в связи с целями и задачами модернизации.

Литература и источники

1. Юсупова, Ф. З. Теоретико-методологические аспекты интеграции образования, науки и производства / Ф. З. Юсупова // Научные исследования: ключевые проблемы III тысячелетия. Проблемы науки. – 2016. – № 5 (6).
2. Концепция инновационного развития Республики Узбекистан на 2012–2020 гг.
3. Юсупова, Ф. З. Проблемы повышения идеологического иммунитета молодежи в процессе глобализации / Ф. З. Юсупова // «European research». Проблемы науки. – 2016. – № 4 (15).

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ

С. Л. Яблочников, И. О. Яблочникова

Когда в научной литературе пишут о так называемой трансдисциплинарности, то, как правило, под этим термином понимается наличие определенной весьма важной для социума и государства цели, которая достигается (или должна быть достигнута при определенных условиях). Имеется в виду синтез некоторой новой системы знаний за счет системного анализа эвристических данных, выявления закономерностей и разработки актуальных инноваций, способных изменить существующие социально-экономические условия либо в ближайшем будущем, либо в отдаленной перспективе.

По большому счету, – это новая трактовка классического системного подхода, утратившего за время своего существования в научном сообществе элемент новизны. Это своеобразный «возврат» к традиционной исследовательской методологии, которая в современных условиях приобретает новые свойства на фоне повсеместного внедрения инноваций и средств информационно-коммуникационных технологий.

Рассматривая любой объект, процесс или явление, как сложную иерархическую систему, функционирующую для достижения соответствующей цели, исследователи, применявшие ранее на практике системный подход, исходили из того тезиса, что природа всего материального мира едина, а законы его эволюционного развития достаточно близки по своей сущности. Поэтому постепенно в научном сообществе сформировались универсальные стратегии мышления. Спираль эволюции завершила очередной виток, пройдя тернистый путь от так называемой единой науки к существенной дифференциации ее по отраслям, и теперь она вновь вернулась к тем положениям, которые в свое время высказывались Сократом, Аристотелем и другими основоположниками теории и философии.

Существенный толчок этим процессам был дан за счет бурного развития многочисленных инноваций и информационно-коммуникационных технологий. Получить информацию о любом объекте, процессе или явлении сегодня можно весьма оперативно. Также за очень малый промежуток времени имеется возможность ее обработать, выявив определенные закономерности или даже вполне адекватные зависимости. Получает распространение коллективное творчество ученых, которые, создавая в глобальной сети Интернет всевозможные форумы, дискуссионные площадки, электронные средства массовой информации и прочее, имеют возможность оперативно обмениваться мнениями, высказывать предположения, делиться с коллегами результатами научных исследований или же инициировать реализацию международного проекта. В таких проектах могут принимать участие специалисты различных отраслей науки, техники, образования, у каждого из которых существует свой взгляд относительно путей решения

обсуждаемой проблемы, свой арсенал неоднократно апробированных инструментов и средств. А вместе они успешно достигают цели с минимальными затратами ресурсов.

Это касается не только науки, но и различных технологий в производственной, социальной и даже политической сферах, в частности, – в образовании. Сегодня сфера образования в целом, и высшее образование в частности, непременно связывают свое развитие с активным применением и в учебном процессе, и в его администрировании информационно-коммуникационных технологий и ряда иных инноваций. И это вполне логично, так как образование как часть всего социально-экономического комплекса не может стоять в стороне от магистральной линии реализации научно-технического прогресса.

Качество жизни членов общества, как и качество образования, во многом определяются степенью применения инфокоммуникационных технологий. Носители естественного интеллекта часть своих функций анализа и синтеза информации, выработки управленческих решений, не говоря уже о хранении информации, добровольно передают устройствам с элементами искусственного интеллекта, тем самым впадая в состояние информационного анабиоза и благодатной лени. Ныне отпала необходимость постоянно помнить самые элементарные сведения о законах и закономерностях бытия. В любой момент о них можно либо спросить у Алисы из Яндекса или же прочитать в Википедии. Эти моменты негативно влияют на уровень образованности населения и на ход реализации образовательных процессов.

Еще 20–30 лет назад студент, который не посещал занятия в течение семестра, все же пытался перед экзаменом неимоверными усилиями наверстать упущенное. Ныне интеллектуальная лень определяет ориентацию студенчества на возможное использование для сдачи в период сессии контрольных испытаний всевозможных гаджетов, вплоть до микро и нано-наушников, последствия, от использования которых, может быть катастрофическими для их здоровья. Далее можно прогнозировать вживление чипов под кожу и постепенное добровольное превращение в киборгов.

Неприкасаемый ранее авторитет преподавателей оказывается существенно подорванным, особенно если учесть весьма солидный (более 70 лет) средний возраст большинства профессоров вузов. В некоторых очень уважаемых университетах лекции читают преподаватели в возрасте восьмидесяти пяти лет и более, которые не только априори не воспринимают современные инфокоммуникационные технологии, но и физически не в состоянии с ними продуктивно контактировать. Несомненно, большая часть из них – это кладезь профессиональных знаний и практического опыта, однако средства и технологии передачи актуальных знаний «ушли» далеко вперед не оставляя никаких шансов догнать их и обуздать таким образом технический прогресс.

Соответственно, качество образования, в первую очередь высшего,

оставляет желать лучшего. Этот факт давно уже не скрывается ни на территории постсоветских стран, ни в странах с развитыми капиталистическими отношениями. В последнее время вновь проявляется тенденция относительно формирования ограниченного числа элитных высших учебных заведений, учиться в которых будут лишь «избранные», способные системно мыслить и обладающие энциклопедическими знаниями. Они же будут управлять макроэкономикой, международными финансами, политическими процессами в масштабах планеты, а также предопределять ее судьбу и векторы развития.

И только время покажет насколько данный путь эволюции человечества в целом и образования в частности является оптимальным или же губительным. Однако существенное расслоение общества на протяжении всей его истории развития не способствовало миру, спокойствию и поступательному позитивному развитию, а, наоборот, приводило к катаклизмам, кризисам и даже войнам. Поэтому, только успешно координируя процессы в образовании с применением информационно-коммуникационных технологий, мы можем получить шанс сформировать общество, вся деятельность которого будет направлена на защиту интересов всех и каждого в отдельности, на непрерывный рост благосостояния, интеллектуального совершенствования.

ЭТНОБИОЛОГИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ

Ю. Ю. Янковский

Этнобиологию можно определить как «изучение биологического знания отдельных этнических групп – культурное знание о растениях и животных и их взаимоотношениях с людьми» [8, р. 1]. Этнобиология является хорошим примером междисциплинарного синтеза и представляет интерес для методологии науки, поскольку здесь мы имеем дело с успешным взаимодействием многих гуманитарных и естественных наук. Двумя основными «родительскими» дисциплинами для этнобиологии являются культурная антропология (этнология) и биология, однако, кроме того, здесь следует назвать когнитивную лингвистику и психологию, археологию, историю, медицину, агрономию, экологию, теорию охраны природы.

Целью данного доклада является рассмотрение междисциплинарных связей этнобиологии: с одной стороны, что было заимствовано из различных наук, какие концепции и идеи, а, с другой стороны, что важного этнобиология внесла в развитие выше упомянутых научных дисциплин.

Этнобиология имеет глубокие исторические корни, поскольку традиционные представления о растениях и животных нашли отражение еще в трудах античных авторов (Аристотель, Теофраст). В начале XX в. в США вышел ряд монографий по этноботанике и этнозоологии некоторых

коренных американских этносов, например, «Этноботаника индейцев тева» (1916) [11]. В то же время во Франции выдающиеся социологи Эмиль Дюркгейм и Марсель Мосс опубликовали работу «О некоторых первобытных формах классификации» (1903) [1], где впервые были заложены теоретические основы изучения традиционных классификаций, был сформулирован принцип социентризма. В 1935 г. была опубликована книга Эдварда Кассетера «Этнобиология индейцев папаго» [7], где был употреблен термин «*этнобиология*». Этнобиология объединила такие области исследований, как *этноботаника* и *этнозоология*, а позднее включила также *этноэкологию* (изучение представлений о том, как различные этносы описывают всю экосистему своего обитания, например, лес, побережье и т. п.). В ранний период своего развития этнобиология была ориентирована в основном на изучение практики использования биотических ресурсов различными группами, а также репрезентации растений и животных в мифах и фольклоре. Работы по этнобиологии были частью научного мейнстрима в антропологии того времени, они были выполнены в духе школы Франца Боаса, которая требовала тщательного этнографического описания на основе полевого исследования и осторожно относилась к масштабным обобщениям эволюционного характера.

В 1950–60-е годы этнобиология превратилась во влиятельную субдисциплину культурной антропологии. Исследования сдвинулись в сторону лингвистики, психологии и биологии и опирались на методологию «*этнонауки*» (*ethnoscience*). Этнонаука, которая сформировалась под влиянием структурной лингвистики с ее гипотезой об обусловленности мышления языком (гипотеза Сепира – Уорфа), ставила целью описание аутентичной «картины мира». Методология исследования предполагала, что ученый должен сначала должен максимально погрузиться в изучаемую культуру и язык, дать описание представлений о мире с позиции данной культуры (emic-подход), а затем проанализировать полученное знание методами современной науки (etic-подход).

Основной темой этнобиологии в 1950–70-е годы стало изучение традиционных классификаций (этно – или фолк-таксономий) растительного и животного мира. Исследуя языки и фольклорные тексты различных этносов, ученые стремились постичь закономерности «дикого мышления» и традиционной категоризации природного мира. В европейской науке к этому направлению относятся работы Клода Леви-Строса [2], а в американской – исследования Брента Берлина [5; 6], Сесила Брауна, Скотта Атрана [4] и других авторов. В этих работах были выявлены следующие закономерности: 1) традиционная классификация основана на внешних признаках (форма тела, способ передвижения и т. п.); 2) количество номинаций видов в определенном языке обычно достаточно велико, выходит за рамки практической полезности; 3) группы, выделяемые «наивным» мышлением, в основном парафилетические, в то время как в научной классификации правильными считаются монофилетические; 4). Б. Берлином выявлена универсальная иерархия этнобиологических рангов [6, p. 15–17]: начало

(unique beginner), жизненная форма (life-form), родо-вид (generic species), спецификация (specific), сорт (varietal); 5) ядро этнобиологических классификаций составляет ранг родо-видов, и т. д.

Результаты изучения этнобиологических классификаций представляют большой интерес для ряда наук. Так, для когнитивной лингвистики и психологии эти исследования дали богатый материал для построения общих теорий категоризации в языке и мышлении. Для биологов этнобиология интересна не только с точки зрения истории систематики [3], но и как источник для уточнения современной научной классификации, которым не следует пренебрегать (в фолк-классификациях можно найти номинации для поиска новых видов, также в них иногда различаются или объединяются в один такие виды, которые ранее не различались или не объединялись в научной классификации, и это находит подтверждение на молекулярном уровне). Вместе с тем, исследования в области фолк-классификаций заслужили немало критики, как за трудность их верификации, так и за чрезмерную формализацию традиционной картины мира, хотя исходная методологическая установка требовала иного. Результатом этого стал определенный спад интереса к методологии этнонауки в этнобиологии и обращение к иным методологиям (например, интерпретативная антропология К. Гирца) или поиск взаимосвязей с другими науками.

В современной фазе своего развития, начиная с 1980-х, этнобиология становится признанной во всем мире научной дисциплиной (в 1988 г. основано Международное Общество Этнобиологии) и смещает акценты междисциплинарного взаимодействия в сторону экологии и истории. Основным объектом исследования становятся *традиционные экологические знания (ТЭЗ)*, которые понимаются как совокупность экологического опыта, включающего все части экосистемы (биотические и абиотические). ТЭЗ важны как для описания ныне существующих этно-экосистем традиционных обществ, так и для реконструкции истории их взаимоотношений со средой обитания (историческая этноэкология и палеоэтнобиология, связанные с археологией и палеонтологией) [9; 10]. ТЭЗ, особенно в области этноботаники, обладают очевидной практической значимостью и активно используются такими науками, как агрономия или медицина. Однако ТЭЗ – это не только объект науки, но и интеллектуальная собственность коренных народов, которая требует особого этического и правового подхода, как отмечается в Декларации I Международного конгресса этнобиологии (Белен, Бразилия, 1998).

Таким образом, современная этнобиология – одна из наиболее важных антропологических субдисциплин, которая обогащает родительскую науку идеями многих наук, привнося в нее научную строгость лингвистики и биологии и в то же время придавая ей особую практическую актуальность. Для этнологии, фольклористики и этнолингвистики в Беларуси этнобиология – одно из самых перспективных направлений, которое только начинает развиваться и в котором еще предстоит создать обобщающие работы.

Литература и источники

1. Дюркгейм, Э. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений / Э. Дюркгейм, М. Мосс // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. – М.: Восточная литература, 1996.
2. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М.: Республика, 1994.
3. Любарский Г. Ю. Происхождение иерархии: история таксономического ранга / Г. Ю. Любарский. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018.
4. Atran, S. Cognitive Foundations of Natural History / S. Atran. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
5. Berlin, B. General principles of classification and nomenclature in folk biology / B. Berlin, D. E. Breedlove, P. H. Raven // American anthropologist. – 1973. – Vol. 75, No. 1.
6. Berlin, B. Ethnobiological Classification: Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies / B. Berlin. – Princeton: Princeton University Press, 1992.
7. Castetter, E. F. The Ethnobiology of the Papago Indians / E. F. Castetter. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1935.
8. Ethnobiology / Ed. by E. N. Anderson, D. Pearsall, E. Hunn, N. Turner. – Wiley Blackwell, 2011.
9. Hughes, D. J. North American Indian Ecology / D. J. Hughes. – El Paso: Texas Western Press, 1996.
10. Posey, D. A. Kayapó Ethnoecology and Culture / D. A. Posey. – London, New York: Routledge, 2002.
11. Robbins, W. W. Ethnobotany of the Tewa Indians / W. W. Robbins. – Washington: Government Printing Office, 1916.

Авторы сборника

Александров Владимир Леонидович, аспирант кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск).

Алексеева Екатерина Александровна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института подготовки научных кадров НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Антипенко Леонид Григорьевич, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук (г. Москва); кандидат философских наук.

Бадилян Марина, ведущий научный сотрудник Центра экономики промышленности и сферы услуг Румынской Академии наук (г. Бухарест); доктор экономики, доцент.

Базарова Саодат Джамаловна, декан энерго-механического факультета Навоийского государственного горного института; доктор педагогических наук, профессор.

Байчаев Фазлидин Хусенович, ассистент кафедры общей физики энерго-механического факультета Навоийского государственного горного института.

Балаклеец Наталья Александровна, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета; кандидат философских наук, доцент.

Балановский Валентин Валентинович, научный сотрудник Академии Кантианы Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград), председатель Калининградского отделения Российского философского общества; кандидат философских наук.

Балбуцкая Марина Александровна, научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси (г. Минск).

Беляева Елена Валериевна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Бобков Игорь Михайлович, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Богатова Лариса Михайловна, профессор кафедры общей философии Казанского федерального университета; доктор философских наук, доцент.

Болкунов Анатолий Валерьевич, магистрант факультета психологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

Бочарова Елена Викторовна, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института аграрных проблем РАН (г. Саратов); кандидат социологических наук.

Бурова Елена Евгениевна, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства

образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

Ватиль Виктор Николаевич, заведующий, профессор кафедры политологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы; доктор политических наук, профессор.

Волков Владислав Александрович, преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск).

Воян Катажина, профессор Гданьского университета; доктор гуманитарных наук, профессор.

Газнюк Лидия Михайловна, профессор кафедры теоретической и практической философии имени профессора Й.Б.Шада Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина; доктор философских наук, профессор.

Глазырина Лариса Дмитриевна, профессор кафедры общей и дошкольной педагогики Белорусского государственного педагогического университета имени М.Танка (г. Минск); доктор педагогических наук, профессор.

Голубев Виктор Сергеевич, старший преподаватель кафедры управления и экономики высшей школы Республиканского института высшей школы (г. Минск).

Дедолко Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск).

Денисенко Оксана Александровна, старший преподаватель кафедры философии и психологии Академии гражданской защиты Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Донецкой Народной Республики; кандидат философских наук.

Дунаев Владимир Юрьевич, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

Еськевич Константин Романович, старший преподаватель кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск).

Жукоцкая Зинаида Романовна, профессор кафедры общей теории права и гуманитарных дисциплин Могилевского филиала ЧУО «БИП – Институт правоведения»; доктор культурологии, профессор.

Зазулина Мария Рудольфовна, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск); кандидат философских наук.

Злотников Анатолий Геннадьевич, профессор кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета

потребительской кооперации (г. Гомель); кандидат экономических наук, доцент.

Игнатов Владимир Константинович, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук.

Ильюшина Лилия Леонидовна, старший преподаватель кафедры философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусства (г. Минск).

Кавецкий Святослав Тихонович, доцент кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат философских наук, доцент.

Казьмерчик Збигнев, профессор Гданьского университета; доктор гуманитарных наук, профессор.

Калмыков Владимир Николаевич, профессор кафедры философии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; доктор философских наук, профессор.

Каравкин Валерий Иосифович, доцент кафедры педагогики, психологии и частных методик Витебского областного института развития образования; кандидат философских наук, доцент.

Карпиевич Виктор Александрович, доцент кафедры гуманитарных наук Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь (г. Минск); кандидат исторических наук, доцент.

Клецюка Ирина Михайловна, старший преподаватель кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск).

Козловец Николай Адамович, профессор кафедры философии Житомирского государственного университета имени И. Франко; доктор философских наук, профессор.

Колесникова Галина Ивановна, профессор кафедры социально-педагогических технологий и педагогики девиантного поведения Института педагогики, психологии и инклюзивного образования Гуманитарно-педагогическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Ялта); доктор философских наук, профессор.

Колядко Илья Николаевич, преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск).

Колядко Светлана Владимировна, ведущий научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск); кандидат филологических наук.

Корень Елена Васильевна, доцент кафедры философии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; кандидат исторических наук, доцент.

Косиченко Анатолий Григорьевич, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

Красовская Наталья Николаевна, заведующая кафедрой социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Кривоносова Елена Эдуардовна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; кандидат педагогических наук, доцент.

Крусь Павел Павлович, заведующий кафедрой философии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат философских наук, доцент.

Крячко Владимир Борисович, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института (филиала) «Волгоградского государственного технического университета»; кандидат филологических наук.

Кудинова Анна Васильевна, заведующая кафедрой арт-бизнеса, туризма и рекламы Краснодарского государственного института культуры; кандидат исторических наук, доцент.

Кульбицкая Лариса Евгеньевна, доцент кафедры общенаучных дисциплин Института предпринимательской деятельности (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Куницкий Дмитрий Валерьевич, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Курбанова Мафтуна Лазизовна, ассистент кафедры экономики и менеджмента в сфере ИКТ Ташкентского университета информационных технологий имени Мухаммада ал-Хоразмий.

Курганская Валентина Дмитриевна, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

Курмангалиева Галия Курмангалиевна, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, доцент.

Левиц Леонид Зигфридович, директор Центра психологического здоровья и образования (г. Минск); доктор психологических наук, доцент.

Левко Анатолий Игнатьевич, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор социологических наук, профессор.

Левшун Любовь Викторовна, профессор кафедры стилистики английского языка Минского государственного лингвистического университета; доктор филологических наук.

Лёзина Людмила Евгеньевна, аспирантка Казанского государственного института культуры.

Лойко Александр Иванович, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск);

доктор философских наук, профессор.

Лопатик Татьяна Андреевна, заведующий кафедрой педагогики и менеджмента образования Академии последиplomного образования (г. Минск); доктор педагогических наук, профессор.

Лукманова Рушана Хусаиновна, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета (г. Уфа); доктор философских наук, доцент.

Ляшенко Елизавета Анатольевна, учащаяся Волковысского колледжа Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

Малиновский Артур Тимофеевич, доцент кафедры мировой литературы Одесского национального университета имени И.И. Мечникова; кандидат филологических наук, доцент.

Малмыгин Артём Сергеевич, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

Мальхина Галина Ивановна, заведующая кафедрой философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Мартьянов Виктор Сергеевич, заместитель директора Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург); кандидат политических наук, доцент.

Манглиева Журагул Хамракуловна, доцент кафедры технологии машиностроения энерго-механического факультета Навоийского государственного горного института; кандидат физико-математических наук, доцент.

Мещерякова Тамара Владимировна, доцент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск); кандидат философских наук.

Милицкий Николай Иосифович, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск); доктор исторических наук, профессор.

Миськевич Владимир Иосифович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Михайлов Виталий Дмитриевич, аспирант Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск).

Молчанов Павел Юрьевич, педагог дополнительного образования Минского государственного туристско-экологического центра детей и молодежи.

Морозова Инесса Ивановна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат филологических наук, доцент.

Москаленко Максим Русланович, доцент Филиала Удмуртского государственного университета в г. Нижняя Тура; кандидат исторических наук, доцент.

Мочкодан Мария Владимировна, методист отдела учебно-методического обеспечения деятельности учреждений образования в сфере культуры Института повышения квалификации и переподготовки кадров Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск).

Мушинский Николай Иосифович, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Мясоедов Александр Михайлович, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного ордена Дружбы Народов медицинского университета.

Наумов Дмитрий Иванович, заведующий кафедрой экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Нестерович Юрий Владимирович, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск); кандидат исторических наук.

Никонович Наталья Анатольевна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Никулина Юлия Владимировна, доцент кафедры государственного строительства и управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Новиков Владимир Тимофеевич, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Новикова Ольга Владимировна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Нурмуратов Серик Есентаевич, заместитель директора Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

Одиноченко Виктор Александрович, доцент кафедры философии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; кандидат философских наук, доцент.

Олексенко Роман Иванович, профессор кафедры маркетинга Таврического государственного агротехнологического университета (г. Мелитополь); доктор философских наук, профессор.

Осипов Алексей Иванович, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института подготовки научных кадров НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Павлова Ольга Сергеевна, доцент кафедры философии Национального университета «Одесская морская академия»; кандидат философских наук, доцент.

Парфень Алексей Владимирович, стажер младшего научного сотрудника Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Полежаев Дмитрий Владимирович, профессор, заведующий кафедрой общественных наук Волгоградской государственной академии последипломного образования; доктор философских наук, доцент.

Пулатова Дилдор Акмаловна, заведующая кафедрой Восточной философии и культуры Ташкентского государственного института востоковедения; кандидат философских наук, доцент.

Решетко Юрий Иванович, аспирант Люблинского католического университета имени Иоанна Павла II.

Рудёнок Зоя Георгиевна, старший преподаватель кафедры технологии и методики преподавания Полоцкого государственного университета, заместитель заведующего по основной деятельности Ясли-сад №23 г. Новополоцка.

Русанду Иван Константинович, ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (г. Кишинёв); доктор философии, профессор.

Сабирзянова Инна Викторовна, заведующая кафедрой философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики; кандидат философских наук, доцент.

Савицкий Константин, магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Саковский Евгений Петрович, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Салеев Вадим Алексеевич, главный научный сотрудник Белорусской государственной академии искусств; доктор философских наук, профессор.

Самсонов Всеволод Владимирович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск); кандидат философских наук.

Сарна Александр Янисович, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Севостьянова Надежда Григорьевна, доцент кафедры философии и логики Минского государственного лингвистического университета; кандидат философских наук, доцент.

Сидоренко Ирина Николаевна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Сидоров Виктор Александрович, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета; доктор философских наук, профессор.

Сироткина Людмила Сергеевна, доцент кафедры философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград); кандидат философских наук.

Соловей Аlesia Петровна, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

Солодилова Анастасия Валерьевна, преподаватель кафедры информационных технологий в образовании Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск).

Старостенко Виктор Владимирович, проректор по научной работе Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова; кандидат философских наук, доцент.

Стаиш Владислав Олегович, магистрант кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск).

Степанюк Валентина Кузьминична, заведующий кафедрой философии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; кандидат философских наук, доцент.

Столетов Анатолий Игоревич, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета (г. Уфа); доктор философских наук, доцент.

Столяров Дмитрий Владимирович, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Сумченко Ирина Вячеславовна, доцент кафедры культурологии факультета истории и философии Одесского национального университета имени И.И. Мечникова; кандидат философских наук, доцент.

Таджитдинова Феруза Рахмонкуловна, директор академического лицея № 2 при Навоийском государственном педагогическом институте.

Тимошук Алексей Станиславович, профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых; доктор философских наук, доцент.

Туленова Гульмира Жандаровна, профессор кафедры гуманитарных наук Ташкентского университета информационных технологий имени Мухаммада ал-Хоразми; доктор философских наук, профессор.

Усовская Элина Аркадьевна, заведующая кафедрой культурологии Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат культурологии, доцент.

Уоский Владимир Николаевич, профессор кафедры экономических наук Минского государственного лингвистического университета; доктор экономических наук, профессор.

Фаритов Вячеслав Тависович, профессор кафедры философии Ульяновского государственного технического университета; доктор философских наук, доцент.

Ханжи Владимир Борисович, заведующий кафедрой философии и биоэтики Одесского национального медицинского университета; доктор философских наук, профессор.

Чемчиева Аржана Петровна, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск); кандидат философских наук.

Червинская Ирина Александровна, научный сотрудник отдела мировой экономики и внешнеэкономических исследований Института экономики НАН Беларуси (г. Минск).

Чуешов Виктор Иванович, заведующий кафедрой философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Чумак Светлана Петровна, ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (г. Кишинёв); доктор экономики, доцент.

Шашкова Людмила Алексеевна, заведующая кафедрой теоретической и практической философии Киевского национального университета имени Т. Шевченко; доктор философских наук, профессор.

Шевченко Юлия Валерьевна, преподаватель Одесского областного базового медицинского училища.

Шендрик Виктория Генриховна, аспирантка Национального института образования (г. Минск).

Шермухамедова Нигинахон Арслоновна, профессор кафедры философии и логики Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека (г. Ташкент); доктор философских наук, профессор.

Штайер Агнешка, сотрудница BEST Language Center.

Щёкин Николай Сергеевич, руководитель Центра политической и экономической социологии Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Щукин Александр Валерьевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат юридических наук.

Эшонкулова Нуржахон Абдужаббаровна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Навоийского государственного горного института.

Юдин Иван Валерьевич, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «МЭИ» (г. Москва); кандидат политических наук.

Юсупова Феруза Зайировна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Навоийского государственного горного института.

Яблочникова Ирина Остаповна, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань); Кандидат педагогических наук, доцент.

Яблочников Сергей Леонтьевич, профессор кафедры математики и информационных технологий управления Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань); доктор педагогических наук, кандидат технических наук, профессор.

Янковский Юрий Юрьевич, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

Янчий Анна Ивановна, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии факультета психологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы; кандидат психологических наук, доцент.

Научное издание

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
методологический капитал философии
и контуры трансдисциплинарного
синтеза знания**

Материалы
Третьей международной научной конференции
(15–16 ноября 2018 г., г. Минск)

В трех томах
Том II

*Статьи публикуются
в авторской редакции*

Подписано в печать 01.11.2018.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,34. Уч.-изд. л. 21,04.
Тираж 87 экз. Заказ 7; : .

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: (+375 17) 331 25 42. E-mail: info@4-4.by